

**Вестник Южно-Российского
государственного технического
университета (НПИ).**

**Серия:
Социально-экономические
науки**

**Bulletin
of the South Russian
State Technical
University (NPI).
Series:
Socio-Economic Sciences**

Научный журнал

2023 год Том 16 Выпуск 4

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4

Учредитель и издатель

Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия

Главный редактор

Воденко Константин Викторович,
доктор философских наук, профессор
vodenkok@mail.ru

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ №ФС 77-37943

Издается с 2008 года
Выходит 6 раз в год

В номере:

Социология
Экономика
Философия

Журнал включён ВАК при Минобрнауки
РФ в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс в каталоге агентства
«Пресса России» — 10228

ISSN 2075-2067

Ответственный секретарь

И. И. Сальникова

Верстка и редакция

В. Г. Рыжкова

Адрес редакции и издателя

346428, Россия, Ростовская обл.,
г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
vestnik-npi@yandex.ru

Выход в свет 28.08.2023 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (главный редактор);

Абакумова Ирина Владимировна, академик РАО, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Архипова Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, Высшая школа экономики, Москва, Россия;

Ван Лэй, PhD, Чаньчуньский инженерно-технологический институт, Чанчунь, Китай;

Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Голенко-Гинзбург Дмитрий Исаакович, доктор технических наук, профессор, Университет имени Бен-Гуриона провинции Негев, Беер-Шева, Израиль;

Дергачева Елена Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор РАН, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Иванченко Ольга Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (зам. главного редактора);

Ивушкина Елена Борисовна, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Комиссарова Мария Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Мемпель-Снежик Анна, PhD, Вроцлавский экономический университет, Вроцлав, Польша;

Нижегородцев Роберт Михайлович, доктор экономических наук, доцент, Института проблем управления РАН, Москва, Россия;

Осмонова Нургул Исраиловна, доктор философских наук, профессор, Российско-Киргизский славянский университет, Бишкек, Киргизия;

Попкова Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, Институт научных коммуникаций, Волгоград, Россия; Российский экономический университет имени В. Г. Плеханова, Москва, Россия;

Почтовюк Андрей Борисович, доктор экономических наук, профессор, Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского, Кременчуг, Украина;

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия;

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия;

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Сорвилов Борис Владимирович, д. э. н., профессор, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Белоруссия;

Степан Каван, PhD, Университет Южной Богемии в Ческе-Будеевице, Ческе-Будеевице, Чехия;

Сухарев Олег Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН, Москва, Россия;

Тихоновская Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Череповицын Алексей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Щербакова Лидия Ильинична, доктор социологических наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Юлиус Раманаускас, Dr. hab., Университет имени А. Стуглинскаса, Каунас, Литва;

Сальникова Инна Ивановна, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (ответственный секретарь).

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (НПИ)
СЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

2023 год Том 16 Выпуск 4

Содержание

Contents

**Теоретическая
и прикладная социология**

**Theoretical
and Applied Sociology**

Рязанцев С. В., Иванова А. Е.
Самооценка здоровья
и самосохранительное поведение
населения трудоспособного возраста
Тюменской области.....7

Ryazantsev S. V., Ivanova A. E.
Self-Assessment of Health
and Self-Preservation Behavior
of the Population of Working Age
of the Tyumen Region.....7

Асланов Я. А.
Политическая социализация молодежи
как социокультурный феномен.....25

Aslanov Ya. A.
Political Socialization of Youth
as a Socio-Cultural Phenomenon.....25

**Воронцов А. В., Шелонаев С. И.,
Цыплакова О. Г.**
Систематизация социально-
управленческих подходов к преодолению
стагнации в процессах инноваций.....38

**Vorontsov A. V., Shelonaev S. I.,
Tsyplakova O. G.**
Systemizing Approaches of the Social
Management to Countering the Stagnation
of Innovation Process.....38

Зимовина Е. П.
Ценности в молодежной среде:
доминанты в восприятии мужчин
и женщин.....52

Zimovina E. P.
Values of the Youth: Dominants
in the Perception of Men
and Women.....52

Капанян Н. Н.
Влияние социальных сетей
на формирование образа «значимого
другого» у поколения Z.....63

Kapanyan N. N.
The Influence of Social Networks
on the Formation of the Image of
«a Significant Other» in Generation Z.....63

Мищенко Д. Н. Системная модель управления профессиональной мобильностью российской молодежи в эпоху глобальной информатизации.....71	Mishchenko D. N. System Model of Professional Mobility Management of Russian Youth in the Era of Global Informatization.....71
Рязанцев С. В., Гарибова Ф. М. Социально-экономическое положение беженцев из Афганистана в Таджикистане.....79	Ryazantsev S. V., Garibova F. M. Socio-Economic Situation of Refugees from Afghanistan in Tajikistan.....79
Хлебникова М. В., Паныччик А. В. Общественные объединения как форма социальной активности российской молодежи.....88	Khlebnikova M. V., Panychik A. V. Public Associations as a Form of Social Activity of Russian Youth.....88
Экономика и управление	Economics and Managment
Долматова Л. Г. Экономические основы территориальной организации сельскохозяйственных предприятий.....95	Dolmatova L. G. Economic Foundations of the Territorial Organizations of Agricultural Enterprises.....95
Землякова С. Н., Комиссарова М. А., Шамота Е. С. Совершенствование механизма информационно-аналитического обеспечения цифровизации предприятий агропромышленного комплекса.....103	Zemlyakova S. N., Komassarova M. A., Shamota E. S. Improving the Mechanism of Information and Analytical Support for Digitalization of Agro-Industrial Enterprises.....103
Козлова О. А., Ситковский А. М. Социально-демографические аспекты определения опорного каркаса расселения.....118	Kozlova O. A., Sitkovskiy A. M. Socio-Demographic Aspects of Determining the Supporting Frame of Settlement.....118
Куликов М. М. Потенциал развития территорий опережающего социально-экономического развития в Ростовской области.....134	Kulikov M. M. Import Substitution at Industrial Enterprises of Rostov Region as a Priority of Regional Policy.....134
Матвеева Л. Г., Каплюк Е. В., Низов Н. В. Разработка критериев типологизации инновационных сольватов в промышленности региона с разной отраслевой структурой.....143	Matveeva L. G., Kaplyuk E. V., Nizov N. V. Development of Criteria for Typologization of Innovative Solvates in Industry in the Region with Different Industry Structures.....143
Морозова П. А. Управление аутсорсинговыми	Morozova P. A. Outsourcing Relations Management

отношениями в условиях трансформации внешней и внутренней среды предприятия.....	156	in the Context of External and Internal Enterprise Environment.....	156
--	-----	---	-----

Сухонос Ф. А., Игнатьев Д. Р. Влияние нефтегазового сектора на доходную часть федерального бюджета Российской Федерации.....	167	Sukhonosov F. A., Ignatev D. R. The Impact of the Oil and Gas Sector on the Revenue Side of the Federal Budget of the Russian Federation.....	167
--	-----	---	-----

Философская инноватика

Philosophical Innovation

Волохова Е. В., Молоканов А. А. Философия трансформации тела в современной культуре.....	178	Volokhova E. V., Molokanov A. A. Philosophy of Body Transformation in Modern Culture.....	178
---	-----	--	-----

Денищенко М. Е. Межпоколенческий диалог в российском обществе как актуальная проблема социально-философской рефлексии.....	189	Denishchenko M. E. Intergenerational Dialogue in Russian Society as an Actual Problem of Socio-Philosophical Reflection.....	189
--	-----	--	-----

Касьян Э. Ф. Трудовая этика в обществе потребления: социально-философский анализ.....	196	Kasyan E. F. Work Ethics in the Consumer Society: a Socio-Philosophical Analysis.....	196
--	-----	--	-----

Козловский М. Е. Культурно-антропологические аспекты формирования горожанина в условиях модернизации социума.....	203	Kozlovsky M. E. Cultural and Anthropological Aspects of the Formation of a Citizen in the Conditions of Modernization of Society.....	203
---	-----	---	-----

Лугуценко Т. В., Пиченикова С. Г. Специфика проявлений нонконформизма в информационном обществе.....	212	Lugutsenko T. V., Pichenikova S. G. The Specificity of Manifestations of Nonconformism in the Information Society.....	212
--	-----	--	-----

Лукьяшко А. Г. Ценность здоровья в постпандемической реальности российского общества: социально-философский анализ.....	221	Lukyashko A. G. The Value of Health in the Post-Pandemic Reality of Russian Society: a Socio-Philosophical Analysis.....	221
---	-----	--	-----

Маслова Ю. В., Самыгин С. И. Обеспечение информационной безопасности личности в условиях цифровизации в современном российском обществе.....	229	Maslova Yu. V., Samygin S. I. Ensuring Personal Information Security in the Conditions of Digitalization in Modern Russian Society.....	229
---	-----	--	-----

Плотникова Т. В., Разжина В. А. Особенности и риски социальной коммуникации в условиях виртуализации современного общества.....	237	Plotnikova T. V., Razhina V. A. Features and Risks of Social Communication Under the Conditions of Virtualization of Modern Society.....	237
---	-----	--	-----

Римский А. В. Криминальная субкультура «арестантское уголовное единство»: философско- культурологический анализ.....245	Rimsky A. V. Criminal Subculture «Convict Criminal Unity»: a Philosophical and Cultural Analysis.....245
Сальникова И. И. Публикационная культура ученого: проблемы и пути их решения.....254	Salnikova I. I. Publication Culture of a Scientist: Problems and Ways to Solve Them.....254
Сыч В. В. Интеллектуализация труда в условиях цифровизации общества.....262	Sych V. V. Intellectualization of Labor in the Conditions of Digitalization of Society.....262
Хилич М. Н. Самосохранительное поведение в цифровом обществе: постановка проблемы и перспективы исследования.....270	Himich M. N. Self-Preserving Behavior in a Digital Society: Problem Statement and Research Prospects.....270
Черных И. А., Лугуценко Т. В. Духовная целостность личности как результат духовного роста человека.....278	Chernykh I. A., Lugutsenko T. V. Spiritual Integrity of a Person as a Result of Spiritual Growth of a Human.....278

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY

Научная статья

УДК 314.06

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-7-24

САМООЦЕНКА ЗДОРОВЬЯ И САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Сергей Васильевич Рязанцев¹, Алла Ефимовна Иванова²✉

^{1,2}Институт демографических исследований — обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия

¹riazan@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5306-8875, AuthorID РИНЦ: 77673,
AuthorID Scopus: 22136228700, WoS Research ID: F-7205-2014

²ivanova-home@yandex.ru✉, ORCID 0000-0002-0258-3479, Author ID РИНЦ 71275,
AuthorID Scopus: 24329092500, WoS Research ID: R-7551-2016

Аннотация. Цель исследования — определить характеристики самосохранительного поведения населения трудоспособного возраста Тюменской области в контексте потребности в долголетию и ее мотивации.

Методологическую базу исследования представляют положения концепции самосохранительного поведения, разработанной А.И. Антоновым. Исследование построено по материалам социологического опроса 1543 человек в возрасте 17–44 года Тюменской области в 2022 году. Объем выборки и ее структура по основным социально-демографическим характеристикам позволили получить репрезентативные результаты для области.

Результаты. Потребность в долголетию даже у молодых людей с наиболее высокими оценками желаемой продолжительности жизни является достаточно скромной и практически соответствует уже достигнутому в наиболее развитых странах мира фактическим уровням продолжительности жизни населения.

Наиболее значимые мотивы долголетия связаны с потребностью использовать время и средства после выхода на пенсию для саморазвития, для мужчин также заметную роль играет профессиональная карьера — желание завершить дело своей жизни. Среди семейных мотивов, которые отошли на вторую позицию, больший вес приобретает нежелание расставаться с родными и близкими, а отнюдь не тема детей и внуков.

Неуверенность респондентов в том, что удастся прожить желаемое число лет, обусловлена, по их мнению, недостатками социальной политики, тогда как роль собственных усилий недооценивается или вовсе не считается значимой для достижения долголетия. Это находит отражение в самосохранительном поведении. От четверти до трети мужчин и женщин из групп риска по питанию, гиподинамии, курению и потреблению алкоголя не считают сложившиеся привычки опасными для здоровья и не планируют никаких действий для их изменения.

Перспективы исследования заключаются в анализе социально-экономической дифференциации самосохранительного поведения для выявления групп риска.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, мотивы долголетия, факторы риска

Для цитирования: Рязанцев С.В., Иванова А.Е. Самооценка здоровья и самосохранительное поведение населения трудоспособного возраста Тюменской области // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 7–24. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-7-24>.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта №20-411-720005.

Original article

SELF-ASSESSMENT OF HEALTH AND SELF-PRESERVATION BEHAVIOR OF THE POPULATION OF WORKING AGE OF THE TYUMEN REGION

Sergei V. Ryazantsev¹, Alla E. Ivanova²

^{1,2}*Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Moscow, Russia*

¹*riazan@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5306-8875, AuthorID RSCI: 77673,*

AuthorID Scopus: 22136228700, WoS Research ID: F-7205-2014

²*ivanova-home@yandex.ru, ORCID 0000-0002-0258-3479, Author ID RSCI 71275,*

AuthorID Scopus: 24329092500, WoS Research ID: R-7551-2016

Abstract. *The purpose of the research is to determine the characteristics of self-preservation behavior of the working-age population of the Tyumen region in the context of the need for longevity and its motivation.*

The methodological basis of the research is represented by the provisions of the concept of self-preserving behavior developed by A.I. Antonov. The study was based on the materials of a sociological survey of 1543 people aged 17–44 in the Tyumen region in 2022. The sample size and its structure according to the main socio-demographic characteristics made it possible to obtain representative results for the region.

Research result. *The need for longevity, even among young people with the highest estimates of desired life expectancy, is quite modest and practically corresponds to the actual levels of life expectancy already achieved in the most developed countries of the world.*

The most significant motives for longevity are related to the need to use time and money after retirement for self-development and the need to use time and money after retirement for self-development. For men, a professional career also plays a significant role: the desire to complete their life's work. Among the family motives that moved to the second position, the reluctance to part with relatives and friends acquires more weight, and by no means the theme of children and grandchildren.

Respondents' uncertainty that they will be able to live the desired number of years is due, in their opinion, to the shortcomings of social policy, while the role of their own efforts is underestimated or not at all considered significant for achieving longevity. This is reflected in self-preservation behavior. From a quarter to a third of men and women at risk for nutrition, physical inactivity, smoking and alcohol consumption do not consider existing habits dangerous to health, and do not plan any actions to change them.

The prospects of the research are to analyze the socio-economic differentiation of self-preserving behavior to identify risk groups.

Keywords: self-preservation behavior, longevity motives, risk factors

For citation: Ryazantsev S. V., Ivanova A. E. Self-Assessment of health and self-preservation behavior of the population of working age of the Tyumen region // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 7–24. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-7-24>.

Acknowledgments: the research was funded by RFBR and Tyumen Region, project №20-411-720005.

Введение. Тот факт, что население трудоспособного возраста, особенно мужчины, является главной группой риска в России по преждевременной смертности, обуславливающей значительные потери продолжительности жизни населения, уже не вызывает ни у кого сомнения. Также очевидно, что ведущей причиной преждевременной смертности в этих возрастах являются потери от причин, ассоциированных с поведенческими факторами риска: злоупотреблением алкоголем, курением, нездоровым питанием, низкой физической активностью. С 2005 года разрабатываются и реализуются на федеральном и региональном уровнях программы, направленные на формирование здорового образа жизни (ЗОЖ), на сокращение распространенности факторов риска. Однако далеко не по всем направлениям ЗОЖ удалось добиться устойчивого успеха [2; 5; 9; 19], а в тех случаях, когда результаты достигнуты, все еще остаются значительные резервы.

Теме недостаточной эффективности мер, направленных на оздоровление образа жизни российского населения, посвящено множество исследований. Основные выводы сводятся к недостаткам теоретического осмысления феномена самосохранительного поведения населения [5; 7; 12; 16; 18] на фоне накопления большого объема эмпирических данных, с одной стороны, с другой — к противоречивости результатов отдельных исследований, зачастую полученных на малых нерепрезентативных выборках [8; 11]. Цель настоящего исследования — определить характеристики самосохранительного поведения населения трудоспособ-

ного возраста Тюменской области в контексте потребности в долголетьи и ее мотивации.

Методика. Методологическую базу исследования представляют положения концепции самосохранительного поведения, разработанной А.И. Антоновым. Исследование построено по материалам социологического опроса 1543 человек в возрасте 17–44 года Тюменской области в 2022 году. Структура опрошенных по таким социально-демографическим характеристикам, как пол, возраст, уровень образования и состояние в браке, очень близка к структуре населения Тюменской области (без автономных округов) по этим параметрам, что (учитывая и количество опрошенных) дает основания говорить о репрезентативности полученных данных социологического опроса.

Результаты

Потребность в долголетьи и ее мотивация

Основная часть респондентов оценивает состояние своего здоровья вполне позитивно (табл. 1). Несмотря на то, что с возрастом оценки ожидаемо снижаются, более половины мужчин (52,7%) и около трети женщин (33,2%) старше 35 считают свое здоровье хорошим, и только десятая часть мужчин и женщин этого возраста (10,1% и 11,4% соответственно) довольно часто чувствуют себя нездоровыми, в том числе имеют хронические заболевания.

Желаемая продолжительность жизни¹ на этом фоне выглядит довольно скромно: 80,8

¹ Ответ на вопрос «Если бы у Вас была возможность выбора, то какое число лет Вы предпочли бы прожить при самых благоприятных условиях?».

лет для мужчин и 86,4 года для женщин. Несколько более высокие показатели характерны для молодых людей до 25 лет: 82,2 и 89,6 лет соответственно. Эта особенность прослеживается и в других исследованиях [4; 8; 10].

Желаемая продолжительность жизни довольно заметно варьирует в зависимости от самооценки здоровья: от 87,7 у женщин и 81,2 лет у мужчин, оценивающих свое здоровье, как хорошее, до 82,6 и 70,9 лет у респондентов, считающих свое здоровье плохим. Из этой закономерности выбиваются крайние группы: те, кто считает свое здоровье очень хорошим (у них желаемая продолжительность жизни несколько меньше, чем среди оценивающих здоровье как хорошее), и те, кто считает свое здоровье очень плохим (у них желаемая продолжительность жизни максимальна среди мужчин и сопоставима с теми, кто оценивает здоровье как очень хорошее, — у женщин). Скорее всего, эти нарушения закономерности обусловлены малым числом респондентов в крайних группах.

Попытки анализа социальной дифференциации желаемой продолжительности жизни не выявили статистически значимых различий ни по уровню образования, ни по соци-

альному статусу, ни в зависимости от места жительства, а также самооценки жилищных условий и финансового положения (табл. 2). Исключения с наиболее высокими показателями составляют женщины с послевузовским образованием, а также — с самыми низкими показателями — мужчины и женщины только лишь с начальным образованием. По этому же признаку с наиболее высокими показателями выделяются женщины-предпринимательницы и мужчины-домохозяева. Однако, эти группы крайне малочисленны, поэтому полученные оценки могут быть статистическим артефактом.

Полученные результаты повышают интерес к мотивации потребности в долголетьи (табл. 3). Каждому мотиву респонденты присваивали определенное число баллов по 5-балльной шкале, которое соответствовало значимости для них данного мотива долголетия.

Все мотивы можно условно разделить на три группы. Первая — семейные мотивы, связанные с нежеланием оставлять близких людей, прежде всего, супруга (у) без помощи и поддержки, а также с потребностью дожидаться внуков и помогать им. Вторая группа — потребность использовать время

Таблица 1
Table 1

Распределение респондентов по полу, возрасту и самооценке здоровья, %
Distribution of respondents by gender, age and self-assessment of health, %

Вариант ответа	Женщины			Мужчины		
	до 25	25–34	35 и старше	до 25	25–34	35 и старше
Очень хорошее (никогда не болею, обычно прекрасно себя чувствую)	14,2	4,5	4,8	3,6	6,6	2,7
Хорошее (болею очень редко, обычно хорошо себя чувствую)	61	44,7	28,4	80,4	69,5	50
Удовлетворительное (иногда болею или чувствую себя нездоровым (-ой))	19,1	40,2	50,2	9,5	14,5	30,5
Плохое (довольно часто болею или чувствую себя нездоровым (-ой))	2,1	4,5	6,9	0	1,8	7
Очень плохое (есть хронические заболевания, постоянно плохо себя чувствую)	0,7	3,1	4,5	0	0,6	3,1
Затрудняюсь ответить	2,8	3,1	5,2	6,5	6,9	6,6
Итого	100	100	100	100	100	100

и средства после выхода на пенсию для саморазвития. Третья группа мотивов связана со страхом смерти.

Для женщин роль семейных мотивов довольно велика, но главным является нежелание расставаться с родными и близкими (4,3 балла), тогда как потребность помощи детям

(3,8 балла) и особенно желание увидеть внуков (правнуков) значительно существенно меньше (3,2 балла). Для мужчин семейные мотивы играют намного меньшую роль по сравнению с женщинами, причем нежелание расставаться с родными и близкими также является наиболее значимым (3,9 балла), тогда

Таблица 2
Table 2

**Оценка респондентами желаемой продолжительности жизни
в зависимости от социально-экономических характеристик, лет**
**Respondents' assessment of the desired life expectancy
depending on socio-economic characteristics, years**

	Женщины	Мужчины
Уровень образования		
Начальное общее (начальное)	80	80
Основное общее (неполное среднее)	87,3	80,8
Среднее (полное) общее	86,4	81,1
Начальное профессиональное	86,7	82,2
Среднее профессиональное	85,9	80,7
Неполное высшее	88	80,8
Высшее профессиональное	86,4	80,6
Послевузовское профессиональное	92,5	79
Социально-экономический статус		
Наемный работник	86,3	80,8
Безработный	86,4	81,2
Индивидуальный предприниматель	91,9	80,4
Школьник, студент	87,5	80,5
Домохозяин (домохозяйка)	86,2	85
Место жительства		
Сельские поселения	86,7	80,6
Прочие города	86,7	80,5
Тобольск	85,6	80,2
Тюмень	86,3	81,3
Самооценка жилищных условий		
1–3 балла (плохие)	86,1	80,8
4–6 баллов (средние)	87,2	81,2
7 и более баллов (хорошие)	85,9	80,6
Самооценка финансового положения семьи		
1–3 балла (плохое)	86,5	81,1
4–6 баллов (среднее)	86,2	80,8
7 и более баллов (хорошее)	86,5	80,7

как тема детей мало существенна в формировании потребности в долголетьи (2,7–3,3 балла), как и нежелание оставлять супругу одну без помощи и поддержки (2,7 балла).

Мотивы, связанные со страхом смерти, мало влияют на формирование потребности в долголетьи, при этом у мужчин в еще меньшей степени, чем у женщин.

На первые позиции по значимости вышли мотивы, связанные с потребностью использовать время и средства после выхода на пенсию для саморазвития. Максимальные баллы получил мотив «хочу испытать и увидеть в жизни как можно больше»: 4,4 балла у мужчин и 4,0 у женщин. «Желание пожить для себя, не работая» — следующий по важности мотив потребности жить долго (4,0 и 3,8 балла соответственно). Использование накоплений для реализации собственных интересов — также важный мотив для того, чтобы жить долго. Кроме того, для мужчин заметную роль играет профессиональная карьера — желание завершить дело своей жизни.

С учетом данных результатов рассмотрим далее оценки респондентами ожидаемой продолжительности жизни². У женщин она составила в среднем 77,6 года, у мужчин 73,3

года, т.е. на 8,8 и 7,5 лет меньше, чем желаемая продолжительность жизни. Что же мешает опрошенным прожить желаемое количество лет (табл. 4)?

Набор возможных причин разбит на три блока. В первый вошли причины, обусловленные социальной политикой государства, прежде всего, в отношении пожилых: медицинская помощь, социальная поддержка пожилых и связанная с этим бедность в старости, недостаток имеющихся возможностей для занятий физической активностью и здорового образа жизни (ЗОЖ), недостаток достоверной информации о ЗОЖ. Второй блок образовали причины, связанные с собственными обстоятельствами респондента: материальное положение, большая занятость, недостаток средств для ЗОЖ, опасение остаться одиноким в старости или стать обузой для близких. В третий блок вошли причины, связанные с мотивацией долголетия: нежелание себя ограничивать ради продления жизни, недооценка ЗОЖ как фактора долголетия.

Как и в других исследованиях, факторы, связанные с социальной политикой, рассматриваются респондентами, как серьезные помехи для того, чтобы прожить же-

Таблица 3
Table 3

Мотивы желаемой продолжительности жизни, среднее число баллов
Motives for the desired life expectancy, the average number of points

Вариант ответа	Женщины	Мужчины
Хочу испытать и увидеть в жизни как можно больше	4	4,4
Не хочу расставаться со своими родными и близкими	4,3	3,9
Хочу пожить для себя, не работая	3,8	4
Хочу подольше помогать моим детям и внукам	3,8	3,3
Хочу долго жить, чтобы увидеть внуков (правнуков)	3,2	2,7
Хочу по максимуму использовать все нажитое (в том числе, пенсионные накопления)	3,6	3,7
Не хочу оставить супруга(у) одного (одну) без помощи и поддержки	3,1	2,7
Хочу завершить дело своей жизни	3,2	3,6
Лучше жить боля, чем не жить вообще	2,6	2
Боюсь неизвестности после смерти	2,5	1,9

² Ожидаемая продолжительность жизни представляет собой ответ на вопрос «Если учесть все: Ваше здоровье, условия и образ жизни, до какого примерно возраста Вам удастся дожить?».

лаемое число лет [10; 13; 14]. Наиболее значимыми «помехами» являются, по мнению респондентов, недостаточная социальная поддержка в старости со стороны государства и, соответственно, опасение бедности в старости. Вместе с тем такие вопросы, как медицинская помощь, возможности для физической активности и информация о ЗОЖ, существенно реже оцениваются как «помехи», а это значит, что ситуация в области по этим направлениям выглядит относительно благополучно.

Среди собственных обстоятельств респондентов значимое место среди «помех», как и следовало ожидать, занимают материальные и жилищные трудности. Но в еще большей степени респондентов волнует перспектива остаться одиноким в старости (пе-

среди собственных обстоятельств респондентов значимое место среди «помех», как и следовало ожидать, занимают материальные и жилищные трудности. Но в еще большей степени респондентов волнует перспектива остаться одиноким в старости (пе-

Таблица 4
Table 4

Проблемы, мешающие респондентам прожить желаемое количество лет
Problems preventing respondents from living the desired number of years

Вариант ответа	Женщины			Мужчины		
	Может помешать	Уже мешает	Не может помешать	Может помешать	Уже мешает	Не может помешать
Материальные и жилищные трудности	42,3	38,2	19,5	41,5	39,6	18,9
Опасение в старости быть обузой своим родным и близким	55,2	1,5	43,3	24,1	2,3	73,6
Неудовлетворительная медицинская помощь	33,8	30,7	35,5	34	31,5	34,4
Недостаточная социальная поддержка стариков со стороны государства	62,2	6	31,9	51,4	13,1	35,5
Опасение остаться одиноким (пережить своих родных и близких)	50,3	15	34,8	25	6	69
Ради продления жизни не хочу себя ни в чем ограничивать	33,2	30,7	36	32,7	35,6	31,7
Опасение бедности в старости	57,4	26,1	16,5	69,4	19,7	10,9
Боюсь немощи и физических страданий в старости	53,9	8,6	37,4	39,7	11,7	48,6
Недостаток достоверной информации о поддержании здоровья	34	31,9	34,1	35,2	33,6	31,1
Недостаточно возможностей создано для людей, чтобы заниматься физкультурой, оздоровительными видами спорта, вести здоровый образ жизни	33,2	33	33,8	32,7	34,6	32,7
Большая занятость, отсутствие времени для заботы о здоровье	33,8	33,9	32,4	34,2	33,6	32,2
Недостаточно финансовых средств для ведения здорового образа жизни	43,8	49	7,2	59,1	26,2	14,7
Не считаю важным ведение здорового образа жизни для того, чтобы прожить долгую жизнь	29,4	33,6	36,9	32,7	39,9	27,4

режить своих родных и близких) или опасение стать обузой своим родным. По сути, эти тревоги означают перенесение на личностный уровень проблем социальной политики, связанных с недостаточной поддержкой и бедностью пожилых. Об этом же свидетельствует высокая значимость для респондентов такой проблемы, как опасение немощи и физических страданий в старости.

Объективные обстоятельства, несомненно, имеют большое значение с точки зрения мотивации долголетия. Но нельзя при этом недооценивать роль собственных усилий человека. Однако этим факторам респонденты придают существенно меньшее значение. Неготовность отказывать себе в чем-то ради продления жизни считают «помехой» для достижения долголетия не более трети респондентов и примерно столько же уверены, что это не может им помешать прожить желаемое число лет. И только треть опрошенных полагают, что подобный образ жизни уже мешает им достичь долголетия. Аналогичное распределение мнений получено и в отношении важности ЗОЖ для долголетия.

С учетом полученных результатов рассмотрим далее особенности самосохранительного поведения.

Образ жизни и самосохранительное поведение

Основой здорового образа жизни является правильное питание. Вместе с тем только 15,4% женщин и 4,4% мужчин придерживаются в своем рационе рекомендаций по здоровому питанию. Экономические факторы выбора рациона являются приоритетом для 14,7% и 13,4% респондентов, предпочтения членов семьи — для 15,0% и 12,7% соответственно. Как и по результатам других исследований, главным фактором при выборе рациона женщин является желание похудеть (19,2%), а мужчин — вкусовые предпочтения (44,9%) [10]. Вообще не задумываются о характере питания 11,0% женщин и 14,2% мужчин (табл. 5).

Возрастная динамика отношения к питанию характеризуется несколькими особенностями, специфичными для мужчин и женщин. С возрастом увеличивается доля женщин, планирующих рацион, исходя из желания похудеть, и при этом сокращается доля тех, кто придерживается диеты по медицинским показаниям. Последняя тенденция тем более удивительна, что доля мужчин, соблюдающих диету по данной причине, увеличивается, причем существенно. Параллельно

Таблица 5
Table 5

Распределение респондентов по возрасту и характеру питания, %
Distribution of respondents by age and type of nutrition, %

Вариант ответа	Женщины				Мужчины			
	до 25	25–34	35 и старше	Итого	до 25	25–34	35 и старше	Итого
Руководствуюсь рекомендациями о здоровом питании	15,6	17,6	12,5	15,4	1,2	5,4	5,1	4,4
Выбираю то, что вкусно	19,9	16,2	13,1	15,7	54,8	49,2	32,8	44,9
Стараюсь похудеть	9,9	20,4	22,1	19,2	3	3,6	5,5	4,1
Выбираю то, что доступно по доходам	14,9	12	18	14,7	12,5	13,6	13,7	13,4
Выбираю, исходя из предпочтений членов семьи	19,9	11,5	17	15	12,5	13,9	11,3	12,7
Придерживаюсь диеты по медицинским показаниям	11,3	8,9	8	9	1,8	3,9	12,5	6,4
Не думаю об этом	8,5	13,4	9,3	11	14,3	10,3	19,1	14,2
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

заметно снижается доля мужчин, которые выбирают то, что вкусно. Видимо, нарастающие, в том числе из-за пренебрежения вопросами питания, проблемы здоровья вынуждают мужчин переходить на более здоровое питание. У женщин доминантой остается тема похудения, что далеко не всегда означает более здоровое питание.

Нездоровое питание зачастую коррелирует с курением и потреблением алкоголя.

Три четверти женщин и более половины мужчин сообщили, что никогда не курили, кроме того, 9,0% женщин и 11,8% мужчин на момент опроса также не курили, хотя и имели эту привычку ранее (табл. 6). Таким образом, для большинства населения ситуация с курением выглядит вполне благополучно. Вместе с тем нельзя игнорировать статистически значимую группу курящих в опасных для здоровья количествах — более 10 сигарет ежедневно, в том числе — более пачки. Среди женщин доля группы риска составляет 13,2%, среди мужчин — 26,0%.

У женщин максимум нездорового поведения, связанного с курением, приходится на возраст 25–34 года, у мужчин частота курения растет с возрастом. Пик женского курения приходится на активный репродуктивный возраст, и, как показывают исследования [1], даже в семьях, планирующих рождение

ребенка, не только часть мужчин, но и женщин продолжают курить, по-видимому, не рассматривая эту привычку как серьезный риск для здоровья ребенка.

Еще один важный момент связан с ранним началом опасного для здоровья курения. Уже в возрастах до 25 лет 7,8% женщин и 24,4% мужчин ежедневно выкуривают более 10 сигарет, в том числе 11,3% мужчин — больше пачки.

Алкогольное поведение характеризуется распространенностью потребления алкоголя, в том числе в опасных для здоровья количествах.

Судя по данным опроса, 2/3 женщин и около половины мужчин не употребляют алкоголь. Эти данные надо оценивать с определенной осторожностью, поскольку такие алкогольные напитки, как пиво или коктейли, часть населения не склонна воспринимать как алкоголь [3].

С возрастом число потребителей алкоголя увеличивается: если в возрастах до 25 лет потребляют алкоголь 19,1% женщин и 29,2% мужчин, то среди тех, кто старше 35 лет, доля потребителей возрастает до 41,2% и 67,2% соответственно (табл. 7).

С точки зрения последствий для здоровья выделяется так называемый опасный тип алкогольного потребления, представляющий собой прием большого числа алкоголя в отно-

Таблица 6
 Table 6

Распределение респондентов по отношению и характеру курения, %
Distribution of respondents by attitude and nature of smoking, %

Вариант ответа	Женщины				Мужчины			
	до 25	25–34	35 и старше	Итого	до 25	25–34	35 и старше	Итого
Не курил(а) никогда и не курю в настоящее время	81,6	77,1	75,1	77,2	53,6	60,1	48,4	54,7
Раньше курил(а), потом бросил(а), в настоящее время не курю	7,1	5,3	9	7	13,7	12,4	9,8	11,8
До 5 сигарет	3,5	1,1	1	1,5	3	0,3	5,1	2,5
5–9 сигарет	0	0,8	2,1	1,1	5,4	4,2	5,9	5
10–20 сигарет	5,7	7,5	5,9	6,6	13,1	8,8	9	9,8
Больше пачки	2,1	8,1	6,9	6,6	11,3	14,2	21,9	16,2
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

сительно короткое время. Речь идет не только о крепком алкоголе, поскольку даже вино, пиво или коктейли в большом количестве оказывают крайне негативное воздействие на все системы организма.

Среди респондентов, употребляющих алкоголь, 15,2% женщин и 46,9% мужчин хотя бы раз за месяц, предшествующий опросу, употребляли алкоголь ударными дозами. Среди женщин только 5,1% сообщили об одном инциденте такого рода, 7,2% — о 2–5 событиях, 3,0% — о 6 и более, то есть 3,0% женщин употребляют алкоголь ударными дозами один раз в 5 дней и чаще. Среди мужчин таких 19,5%. Это группа очень высокого риска.

С возрастом увеличивается доля респондентов, которые не практикуют ударные дозы алкоголя за короткое время: у женщин существенно (с 5,0% до 25,3%), у мужчин незначительно (с 3,6% до 7,8%). Но одновременно возрастает удельный вес группы высокого риска: с 1,4% до 4,5% среди женщин и с 11,9% до 25,8% среди мужчин.

Помимо негативных практик поведения, оказывающих разрушительное влияние

на здоровье, рассмотрим приверженность респондентов позитивным активным действиям по его сохранению. Прежде всего, речь идет о физической активности (табл. 8).

Регулярно (ежедневно и 2–3 раза в неделю) занимаются спортом, фитнесом, включая бег и езду на велосипеде, 20,5% женщин и 16,4% мужчин. На момент опроса более половины женщин и 60% мужчин активными видами не занимались. С возрастом приверженность регулярным видам физической активности практически не изменяется у женщин (22,0% среди молодежи до 25 лет и 23,9% среди тех, кому старше 35 лет) и существенно снижается среди мужчин (с 26,8% до 11,7%).

Регулярная физическая зарядка еще менее популярна: в среднем ею занимаются 18,9% женщин и 14,6% мужчин. У женщин число приверженцев регулярной зарядки заметно сокращается в 25–34 года, а у мужчин в этот возрастной период их число даже растет. Но в возрасте старше 35 лет женщины вновь активизируют регулярные занятия утренней зарядкой, тогда как среди их ровесников популярность ее снижается до минимума.

Таблица 7
Table 7

Распределение респондентов по потреблению алкоголя, %
Distribution of respondents by alcohol consumption, %

Вариант ответа	Женщины				Мужчины			
	до 25	25–34	35 и старше	итого	до 25	25–34	35 и старше	Итого
Употребляете ли Вы алкогольные напитки?								
Да	19,1	38,3	41,2	35,9	29,2	50,5	67,2	51,4
Нет	80,9	61,7	58,8	64,1	70,8	49,5	32,8	48,6
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Сколько раз за последние 30 дней Вы выпивали в день 5 и более стандартных порций?								
Такого не было	5	23,2	25,3	20,7	3,6	2,4	7,8	4,5
1 раз	5,7	5,6	4,2	5,1	3,6	8,2	5,9	6,4
2 раза	4,3	3,6	3,8	3,8	5,4	10,9	13,7	10,6
3–5 раз	2,8	3,6	3,5	3,4	4,8	10,6	14,1	10,5
6–9 раз	1,4	2	2,8	2,2	7,1	8,5	14,5	10,2
10 раз и более	0	0,3	1,7	0,8	4,8	10	11,3	9,3
Всего	19,1	38,3	41,2	35,9	29,2	50,5	67,2	51,4
«Стандартная порция» — это бокал вина (150 мл), бутылка или банка пива (500 мл), рюмка крепкого напитка (50 мл) или алкогольный коктейль								

Таблица 8
Table 8

**Распределение респондентов по приверженности различным видам
оздоровительной физической активности, %**
**Distribution of respondents by adherence to various types
of recreational physical activity, %**

Вариант ответа	Женщины				Мужчины			
	до 25	25–34	35 и старше	Итого	до 25	25–34	35 и старше	Итого
Ходьба более 30 мин								
Ежедневно	10,6	6,7	8,3	8	8,3	5,4	8,9	7,2
2–3 раза в неделю	19,9	6,7	10,7	10,5	10,7	13,3	10,9	11,9
2–3 раза в месяц	41,8	10,3	8,7	15,4	6,5	16	10,9	12,2
Сейчас не занимаюсь	19,9	66,5	56,1	54,3	69	55,9	63,3	61,3
Никогда не занимался(ась)	7,8	9,8	16,3	11,8	5,4	9,4	6	7,4
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Фитнес, спорт, включая бег, езду на велосипеде								
Ежедневно	4,3	12,3	7,6	9,1	11,3	6,9	4,8	7,2
2–3 раза в неделю	17,7	5	16,3	11,4	15,5	7,9	6,9	9,2
2–3 раза в месяц	29,8	7,3	10,4	12,4	5,4	9,4	4,8	7
Сейчас не занимаюсь	32,6	61,7	50,2	52,3	60,1	55,9	69,8	61,4
Никогда не занимался(ась)	15,6	13,7	15,6	14,7	7,7	19,9	13,7	15,1
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Утренняя зарядка								
Ежедневно	14,9	7,3	10	9,6	7,1	10	2,4	6,8
2–3 раза в неделю	12,8	7	10,4	9,3	4,8	9,1	8,1	7,8
2–3 раза в месяц	9,2	7,3	8	7,9	12,5	8,2	3,6	7,6
Сейчас не занимаюсь	19,9	60,6	37,4	44,8	61,3	60,4	57,3	59,6
Никогда не занимался(ась)	43,3	17,9	34,3	28,4	14,3	12,4	28,6	18,2
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Много двигаюсь на работе / занимаюсь домашними делами								
Ежедневно	44,7	29,9	38,4	35,7	43,5	44,1	37,9	41,9
2–3 раза в неделю	45,4	37,4	45	41,6	26,8	29	32,3	29,6
2–3 раза в месяц	9,9	32,7	16,6	22,7	29,8	26,9	29,8	28,5
Сейчас не занимаюсь	—	—	—	—	—	—	—	—
Никогда не занимался(ась)	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Популярность ходьбы как вида физической активности более распространена в старших возрастах, тогда как среди молодежи и лиц средних возрастов специально ходьбой занимаются редко. Отвечая на вопрос о регулярной ходьбе не меньше 30 минут, респонденты, по-видимому, расценивают таким образом обычные пешеходные перемещения в течение дня. Тем не менее и такой вид физической активности важен в условиях распространения гиподинамии среди городского населения. О регулярной ходьбе более 30 минут сообщили 18,5% женщин и 19,1% мужчин. Среди женщин такой вид физической активности наиболее популярен в молодости — до 25 лет, в период от 25 до 35 лет приверженность регулярной ходьбе снижается, и вновь интерес к ней возвращается среди тех, кто старше 35 лет. У мужчин доля регулярно занимающихся ходьбой с возрастом практически не меняется.

Помимо специальных занятий физической культурой для поддержания здоровья важна любая физическая активность, в том числе связанная с выполнением профессиональных или бытовых функций. По мнению респондентов, почти 4/5 из них много двигаются на работе и/или занимаясь домашними делами, причем происходит это в ежедневном режиме или 2–3 раза в неделю. Таким образом, если полагаться на мнение опрошенных об их двигательной активности в быту, то сравнительно низкая приверженность специальным занятиям физической культурой не является угрозой гиподинамии и развитию хронических заболеваний.

В заключение рассмотрим стратегии изменения самосохранительного поведения, выделив те группы респондентов, которые из-за сформированных привычек попадают в зону риска ухудшения здоровья (табл. 9). Так, стратегии изменения питания рассматриваем среди всех респондентов, исключая тех, кто придерживается при составлении рациона питания рекомендаций о здоровом питании или диеты по медицинским показаниям. Стратегии сокращения или отказа от курения включают респондентов, курящих в настоящий момент, независимо от числа выкуриваемых сигарет. Стратегии сокращения алкогольного потребления анализируются среди респондентов, потреб-

ляющих алкоголь, в том числе ударными дозами, независимо от частоты таких событий. Стратегии повышения физической активности включают респондентов, которые в настоящее время или вообще никогда не занимались физической культурой, включая утреннюю зарядку, фитнес, бег, езду на велосипеде.

Что касается перехода на здоровое питание, то около трети женщин и более 40% мужчин из групп риска не считают эту тему для себя актуальной, что свидетельствует о низкой информированности населения о значимости факторов питания в сохранении и укреплении здоровья. Около трети респондентов пока ничего не предпринимали, но планируют в дальнейшем. Эта группа респондентов нуждается в поддержке и активизации усилий. Это тем более важно, что более трети женщин и четверти мужчин пытались в течение последних 12 месяцев перейти к более здоровому питанию, но им это не удалось. Судя по ответам респондентов, ни одному из опрошенных не удалось успешно реализовать переход к более здоровому питанию. Подобная ситуация означает, что проблема здорового питания не является приоритетной в структурах Тюменской области, отвечающих за формирование ЗОЖ.

Необходимость сокращения и полного отказа от курения не осознается среди трети курящих женщин и четверти мужчин. Может показаться, что такого мнения придерживаются мало курящие, которые считают, что выкуривание время от времени нескольких сигарет не угрожает их здоровью. Однако, как показывают исследования [6; 7], не готовы признавать зависимость и пытаться избавиться от нее лица из групп высокого риска. Примерно четверть респондентов, как мужчин, так и женщин, планируют уменьшить потребление сигарет, но пока не предпринимали никаких действий для этого, и еще столько же респондентов пытались снизить число выкуриваемых сигарет, но им это не удалось. Только 13,6% женщин и 24,4% мужчин из групп риска сообщили о достигнутых позитивных изменениях в привычке к курению.

Что касается алкоголя, то пятая часть женщин и четверть мужчин из числа потребителей не считают снижение потребления

актуальной для себя задачей. Еще примерно столько же опрошенных заявили, что планируют снизить потребление, но пока не принимали никаких усилий в этом направлении. Около трети женщин и четверти мужчин потерпели неудачу в своих попытках оздоровить алкогольное поведение, и только 28,3% женщин и 22,9% мужчин из групп риска добились позитивных изменений и снизили потребление алкоголя.

В отношении физической активности ответы респондентов распределились практи-

чески поровну между различными стратегиями и их результативностью (табл. 9).

Обсуждение. Обсуждая показатели желаемой продолжительности жизни, выявленные в настоящем исследовании, следует отметить несколько противоречий с имеющимися результатами других авторов.

Во-первых, нами отмечены значительные гендерные различия желаемой продолжительности жизни с более высокими оценками для женщин. Вместе с тем в других иссле-

Таблица 9

Table 9

**Распределение респондентов по стратегиям изменения
самосохранительного поведения в течение последних 12 месяцев, %**
**Distribution of respondents by strategies for changing
self-preservation behavior over the past 12 months, %**

Стратегии изменения поведения	Женщины	Мужчины
Перейти к практике здорового питания		
Да, пыталась(ся) и мне это удалось	—	—
Да, пыталась(ся), но мне это не удалось	37,6	26,3
Нет, не пыталась(ся) пока, но планирую	30,9	31,7
Не пыталась(ся), для меня это не актуально	31,5	41,9
Итого	100	100
Уменьшить потребление сигарет (бросить курить)		
Да, пыталась(ся) и мне это удалось	13,6	24,4
Да, пыталась(ся), но мне это не удалось	28	25,6
Нет, не пыталась(ся) пока, но планирую	28	24,8
Не пыталась(ся), для меня это не актуально	30,4	25,2
Итого	100	100
Уменьшить потребление алкоголя		
Да, пыталась(ся) и мне это удалось	28,3	22,9
Да, пыталась(ся), но мне это не удалось	31,7	25,7
Нет, не пыталась(ся) пока, но планирую	19,2	26,3
Не пыталась(ся), для меня это не актуально	20,8	25,1
Итого	100	100
Увеличить свою физическую активность		
Да, пыталась(ся) и мне это удалось	28,6	27,7
Да, пыталась(ся), но мне это не удалось	23,5	23,5
Нет, не пыталась(ся) пока, но планирую	22,7	22,4
Не пыталась(ся), для меня это не актуально	25,2	26,4
Итого	100	100

дованиях различия по полу не фиксируются или отмечаются более высокие значения у мужчин [7; 9]. Противоречия в гендерных соотношениях желаемой продолжительности жизни в сравнении с фактическими соотношениями продолжительности жизни мужчин и женщин всегда вызывали вопросы исследователей. Результаты, полученные в настоящем исследовании, представляются более логичными с позиции соответствия фактически достигнутым соотношениям продолжительности жизни.

Во-вторых, вопреки имеющимся в литературе данным [2; 4; 14], нами не выявлено статистически значимых различий желаемой продолжительности жизни ни по уровню образования, ни по социальному статусу, ни в зависимости от места жительства, а также самооценки жилищных условий и финансового положения. Можно предположить, что уровень социальной однородности населения Тюменской области является довольно высоким, что является фактором, сдерживающим дифференциацию потребности в долголетии по социальным характеристикам. Однако, как свидетельствует статистика³, по данным 2021 года, степень социального расслоения (коэффициент фондов) хоть и несколько ниже, чем в целом по стране (12,3 против 15,2), а степень концентрации доходов (коэффициент Джини) меньше (0,379 против 0,409), но показатели Тюменской области отнюдь не свидетельствуют о социальной однородности общества и оказываются заметно выше, чем в трети российских территорий⁴.

Значимые различия с результатами проведенных ранее исследований обнаружил также анализ мотивов долголетия. В большинстве исследований выяснилось, что наиболее значимыми являются семейные мотивы долголетия [1; 4; 17], причем для женщин в их структуре преобладают потребности дожить до появления внуков и помогать им,

а для мужчин — нежелание оставлять супругу одну без помощи и поддержки. В данном исследовании роль семейных мотивов также довольно велика, но приоритет оказался за потребностью использовать время и средства после выхода на пенсию для саморазвития, причем как у мужчин, так и у женщин. Возможно, подобные результаты обусловлены молодым возрастным составом респондентов, для которых значимость индивидуальных ценностей оказывается не ниже, а зачастую и выше, чем семейных.

В опросе населения Тюменской области впервые оценивались стратегии поведения респондентов по оздоровлению образа жизни в контексте осознания собственной ответственности за здоровье.

Анализ «помех» к достижению желаемой продолжительности жизни показал, что респонденты возлагают ответственность за сокращение лет жизни, прежде всего, на государство и проводимую им социальную политику, однако значительно реже осознают личную ответственность. Около трети респондентов считают, что ведение ЗОЖ не важно, для достижения долголетия и таким образом они не готовы в чем-либо ограничивать себя ради продления жизни. Эти установки полностью отражаются на самосохранительном поведении. В целом можно констатировать, что от четверти до трети мужчин и женщин из групп риска по питанию, гиподинамии, курению и потреблению алкоголя не считают сложившиеся привычки опасными для здоровья и не планируют никаких действий для их изменения.

Среди тех, кто все же планирует изменить поведение или предпринял для этого конкретные действия, успехом может похвастаться меньшинство. Худшие результаты касаются перехода к здоровому питанию и снижению числа выкуриваемых сигарет среди женщин. Несколько лучше результаты по сокращению

3 Российский статистический ежегодник. 2022 [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>.

4 Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) характеризует степень социального расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами. Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения. Величина коэффициента может варьироваться от 0 до 1, при этом чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы в обществе. Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели — 2022 [Электронный ресурс] // Статистический сборник. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf.

потребления алкоголя и повышению физической активности, но и они относятся лишь к четверти респондентов из соответствующих групп риска.

Заключение. Потребность в долголетию даже у молодых людей с наиболее высокими оценками желаемой продолжительности жизни является достаточно скромной и практически соответствует уже достигнутому в наиболее развитых странах мира фактическим уровням продолжительности жизни населения.

Наиболее значимые мотивы долголетия связаны с потребностью использовать время и средства после выхода на пенсию для саморазвития. Для мужчин также заметную роль играет профессиональная карьера — желание завершить дело своей жизни. Среди семейных мотивов, которые отошли на вторую позицию, большой вес приобретает нежелание расставаться с родными и близкими, а отнюдь не тема детей и внуков.

Неуверенность респондентов в том, что удастся прожить желаемое число лет, обусловлена, по их мнению, недостатками социальной политики, тогда как роль собственных усилий недооценивается или вовсе не считается значимой для достижения долголетия. Это находит отражение в самосохранительном поведении: от четверти до трети мужчин и женщин из групп риска по питанию, гиподинамии и вредным привычкам не считают сложившееся поведение опасным для здоровья, и не планируют ничего предпринимать для его изменения.

Список источников

1. Аполихин О.И., Иванова А.Е. Самосохранительное поведение семей, планирующих рождение ребёнка // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. №9. С. 896–906.
2. Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Фадеева Т.А. Воспроизводственный потенциал демографического развития России / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-Информ, 2022. 165 с.
3. Бабюк А.И. Медико-социальная проблема злоупотребления пивом лицами молодого возраста (обзор литературы) // Архив психиатрии. 2010. №3(62). С. 53–57.
4. Вангородская С.А. Трансформация самосохранительного поведения населения региона в обществе риска: монография. Белгород: Эпицентр, 2020. 292 с.
5. Вангородская С.А., Сабгайда Т.П., Зубко А.В. Изменение образа жизни населения и снижение смертности от хронических неинфекционных заболеваний в контексте достижения третьей цели устойчивого развития [Электронный ресурс] // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. №6 (68). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1436/30/lang, ru/> (дата обращения: 11.02.2023).
6. Восприятие здоровья и связанных с ним привычек и установок (сравнительное исследование взрослого населения в Хельсинки и Москве) / Х. Палосуо, И. Журавлева, А. Уутелла, Н. Лакомова, Л. Шилова. Отв. ред. И. Журавлева. М.: ИС РАН, 1998. 157 с.
7. Журавлева И.В. Отношение к здоровью как социокультурный феномен: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04. М., 2005. 48 с.
8. Здоровье подростков и окружающая среда: изменения за 20 лет: монография [Электронный ресурс] / И.В. Журавлева, Л.Ю. Иванова, Г.А. Ивахненко и др. Отв. ред. И.В. Журавлева. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 309 с. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9847> (дата обращения: 11.02.2023).
9. Иванова А.Е. Влияние новых мер демографической политики на смертность населения [Электронный ресурс] // Социальные аспекты здоровья населения. 2009. №4(12). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/158/30/lang, ru/> (дата обращения: 11.02.2023).
10. Иванова А.Е. Потребность населения в долголетию и степень ее реализации // Социологические исследования. 2013. №2(346). С. 120–129.
11. Козырева П.М. Распространенность практик здорового образа жизни [Электронный ресурс] / П.М. Козырева, А.И. Смирнов, С.Б. Соколова // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE). 2016. Вып. 6. С. 96–117. URL: https://www.hse.ru/data/2016/07/28/1118935935/Vestnik%20RLMS-HSE_2016.pdf (дата обращения: 21.06.2022).

12. Лебедева Н.М. Культура и отношение к здоровью: Россия, Канада, Китай / Н.М. Лебедева, В.И. Чирков, А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2007. 314 с.

13. Назарова И.Б. О здоровье населения в современной России // Социологические исследования. 1998. №11. С. 117–123.

14. Новоселова Е.Н. Основные факторы продолжительности жизни жителей мегаполиса (на примере Москвы) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. №2. С. 176–200.

15. Ростовская Т.К., Шимановская Я.В. Концептуальные подходы к изучению самосохранительного поведения мужского населения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. №2(50). С. 45–53.

16. Семья и демографические процессы в современной России: монография / Т.К. Ростовская, В.Н. Архангельский, А.Е. Иванова, О.В. Кучмаева, В.Г. Семенова / Под ред. Т.К. Ростовской. ФНИСЦ РАН. М.: Экон-Информ, 2021. 257 с.

17. Шабунова А.А., Ростовская Т.К. О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. №4. С. 38–57.

18. Alcohol Policy Impact Case Study: The effects of alcohol control measures on mortality and life expectancy in the Russian Federation [Electronic resource] // World Health Organization. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/328167/9789289054379-eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (date accessed: 11.03.2022).

References

1. Apolihin O.I., Ivanova A.E. Samosohranitel'noe povedenie semej, planirujushhih rozhdenie rebjonka [Self-preservation behavior of families planning the birth of a child]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*. 2021; 91(9): 896–906. (In Russ.).

2. Arhangel'skij V.N., Ivanova A.E., Fadeeva T.A. Vosproizvodstvennyj potencial demograficheskogo razvitija Rossii [Reproductive potential of demographic development of Rus-

sia]. Pod red. L.L. Rybakovskogo [In L.L. Rybakovsky (eds.)]. Moscow: Jekon-Inform, 2022. 165 p. (In Russ.).

3. Babjuk A.I. Mediko-social'naja problema zloupotreblenija pivom licami mladogo vozrasta (obzor literatury) [Medico-social problem of beer abuse by young people (literature review)]. *Arhiv psikiatrii [Archive of Psychiatry]*. 2010; 3(62): 53–57. (In Russ.).

4. Vangorodskaja S.A. Transformacija samosohranitel'nogo povedenija naselenija regiona v obshhestve riska: monografija [Transformation of self-preservation behavior of the population of the region in a risk society: monograph]. Belgorod: Jepicentr, 2020. 292 p. (In Russ.).

5. Vangorodskaja S.A., Sabgajda T.P., Zubko A.V. Izmenenie obraza zhizni naselenija i snizhenie smernosti ot hronicheskikh neinfekcionnyh zabolevanij v kontekste dostizhenija tret'ej celi ustojchivogo razvitija [Changing the lifestyle of the population and reducing mortality from chronic non-communicable diseases in the context of achieving the third goal of sustainable development] [Elektronnyj resurs]. *Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija [Social aspects of public health]*. 2022; 6(68). URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/1436/30/lang_ru/ (data obrashhenija: 11.02.2023). (In Russ.).

6. Vosprijatie zdorov'ja i svjazannyh s nim privyчек i ustanovok (sravnitel'noe issledovanie vzroslogo naselenija v Hel'sinki i Moskve) [Perception of health and related habits and attitudes (comparative study of the adult population in Helsinki and Moscow)]. H. Palosuo, I. Zhuravleva, A. Uutella, N. Lakomova, L. Shilova. Otv. red. I. Zhuravleva [In I. Zhuravleva (eds.)]. Moscow: IS RAN, 1998. 157 p. (In Russ.).

7. Zhuravleva I.V. Otnoshenie k zdorov'ju kak sociokul'turnyj fenomen: avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk: 22.00.04 [Attitude to health as a socio-cultural phenomenon. Dr. Sci. (Sociology) Thesis: 22.00.04]. Moscow, 2005. 48 p. (In Russ.).

8. Zdorov'e podrostkov i okruzhajushhaja sreda: izmenenija za 20 let: monografija [Adolescent health and the environment: changes over 20 years: monograph] [Elektronnyj resurs]. I.V. Zhuravleva, L. Ju. Ivanova, G.A. Ivahnenko i dr. Otv. red. I.V. Zhuravleva [In I.V. Zhuravleva (eds.)]. Moscow: FNISC RAN, 2021. 309 p. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9847> (data obrashhenija: 11.02.2023). (In Russ.).

9. Ivanova A.E. Vlijanie novyh mer demograficheskoy politiki na smertnost' naselenija [The impact of new demographic policy measures on population mortality] [Elektronnyj resurs]. *Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija* [Social aspects of population health]. 2009; 4(12). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/158/30/lang.ru/> (data obrashhenija: 11.02.2023). (In Russ.).
10. Ivanova A.E. Potrebnost' naselenija v dolgoletii i stepen' ee realizacii [The need of the population for longevity and the degree of its realization]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2013; 2(346): 120–129. (In Russ.).
11. Kozyreva P.M. Rasprostranennost' praktik zdorovogo obraza zhizni [Prevalence of healthy lifestyle practices] [Elektronnyj resurs]. P.M. Kozyreva, A.I. Smirnov, S.B. Sokolova. *Vestnik Rossijskogo monitoringa jekonomicheskogo polozhenija i zdorov'ja naselenija NIU VShJe (RLMS HSE)* [Bulletin of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Public Health of the HSE (RLMS HSE)]. 2016; (6): 96–117. URL: https://www.hse.ru/data/2016/07/28/1118935935/Vestnik%20RLMS-HSE_2016.pdf (data obrashhenija: 21.06.2022). (In Russ.).
12. Lebedeva N.M. Kul'tura i otnoshenie k zdorov'ju: Rossiya, Kanada, Kitaj [Culture and attitude to health: Russia, Canada, China]. N.M. Lebedeva, V.I. Chirkov, A.N. Tatarko. Moscow: RUDN, 2007. 314 p. (In Russ.).
13. Nazarova I.B. O zdorov'e naselenija v sovremennoj Rossii [On the health of the population in modern Russia]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 1998; (11): 117–123. (In Russ.).
14. Novoselova E.N. Osnovnye faktory prodolzhitel'nosti zhizni zhitelej megapolisa (na primere Moskvy) [The main factors of the life expectancy of the inhabitants of the metropolis (on the example of Moscow)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija* [Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2016; 22(2): 176–200. (In Russ.).
15. Rostovskaja T.K., Shimanovskaja Ja.V. Konceptual'nye podhody k izucheniju samosohranitel'nogo povedenija muzhskogo naselenija [Conceptual approaches to the study of self-preservation behavior of the male population]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences]. 2018; 2(50): 45–53. (In Russ.).
16. Sem'ja i demograficheskie processy v sovremennoj Rossii: monografiya [Family and demographic processes in modern Russia: monograph]. T.K. Rostovskaja, V.N. Arhangel'skij, A.E. Ivanova, O.V. Kuchmaeva, V.G. Semenova. Pod red. T.K. Rostovskoj [In T.K. Rostovskaya (eds.)]. FNISC RAN. Moscow: Jekon-Inform, 2021. 257 p. (In Russ.).
17. Shabunova A.A., Rostovskaja T.K. O neobходимosti razrabotki modeli optimal'nyh uslovij dlja formirovanija i realizacii demograficheskikh ustanovok [Shabunova A. A., Rostovskaya T.K. On the need to develop a model of optimal conditions for the formation and implementation of demographic attitudes]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2020; 13(4): 38–57. (In Russ.).
18. Alcohol Policy Impact Case Study: The effects of alcohol control measures on mortality and life expectancy in the Russian Federation [Electronic resource]. World Health Organization. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/328167/9789289054379-eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (date accessed: 11.03.2022).

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 14.06.2023.

The article was submitted on 28.04.2023; approved after reviewing on 18.05.2023; accepted for publication on 14.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рязанцев Сергей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института демографических исследований — обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН); председатель Научного совета «Демографические и миграционные проблемы при ООН РАН». Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Sergey V. Ryazantsev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS); Chairman of the Scientific Council «Demographic and Migration Problems of Russia» at the Department of Social Sciences RAS.

6 Fotievoy str., bld. 1, Moscow, Russia

Иванова Алла Ефимовна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Alla E. Ivanova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS).

6 Fotievoj str., bld. 1, Moscow, Russia

Вклад авторов:

Рязанцев С. В. — научное руководство; концепция исследования; итоговые выводы.

Иванова А. Е. — обработка материала; описание результатов, обсуждения.

Contribution of the authors:

Ryazantsev S. V. — scientific management; research concept; final conclusions.

Ivanova A. E. — processing of the material; description of the results, discussions.

Научная статья

УДК 316.43

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-25-37

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Яков Андреевич Асланов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
aslanov@sfedu.ru, AuthorID РИНЦ: 881683, AuthorID Scopus: 57204907442

Аннотация. Цель исследования — диагностировать проблемные аспекты политической социализации молодежи на основе анализа научных теоретических исследований и выявить пути оптимизации методов политической социализации молодежи в региональных молодежных общественных организациях на основе изучения зеркала общественного мнения молодежной когорты посредством проведения эмпирического исследования.

Методологическую базу исследования составляют общенаучные методы исследования (анализ, аналогия, дедукция и индукция), а также анализ правовых документов; опрос, проведенный методом анкетирования; анализ вторичных данных региональных политологических исследований; изучение научной литературы и научных источников.

Результаты исследования. В статье рассмотрена категория политической социализации через призму интериоризации социокультурных норм, установок и убеждений в общественном модусе. Фокус исследования направлен на рассмотрение феномена политической социализации молодежной когорты как активно функционирующего субъекта в политико-социальной среде. Проблемное поле диагностировано в виде декаданса политической культуры и кризиса идентичности в сознании молодежной социально-возрастной группы. По результатам эмпирического исследования зафиксированы следующие тенденции. Во-первых, отсутствие сильной материально-технической базы, реальных механизмов решения социально-экономических проблем молодежи постулирует политическую социализацию молодежи нетранспортным процессом для большей части данной демографической когорты. Вторая группа проблем исходит от самих молодых людей: иждивенческие настроения, нежелание участвовать в политике, заинтересованность личными проблемами, а не общественными, делает участие молодых людей в региональных молодежных общественных организациях неактуальным.

Перспективы исследования. Собранный и обобщенный материал о задачах и методах работы с молодежью в контексте ее политической социализации может быть использован в целях повышения функциональной роли молодежных общественных организаций в этом процессе. Практическая значимость исследования состоит в возможности изменения методов работы с молодежью в региональных политических организациях.

Ключевые слова: политическая социализация, интериоризация, социокультурные нормы, социокультурный модус, молодежная когорта, молодежные общественные организации, политико-социальная среда, декаданс политической культуры, сознание молодежи

Для цитирования: Асланов Я. А. Политическая социализация молодежи как социокультурный феномен // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 25–37. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-25-37>.

Original article

POLITICAL SOCIALIZATION OF YOUTH AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

Yakov A. Aslanov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

aslanov@sfnedu.ru, AuthorID RSCI: 881683, AuthorID Scopus: 57204907442

Abstract. *The aim of the research is to diagnose problematic aspects of political socialization of youth based on the analysis of scientific theoretical studies and to identify ways to optimize methods of political socialization of youth in regional youth public organizations based on the study of the public opinion mirror of the youth cohort through empirical research.*

The methodological basis of the research consists of general scientific research methods (analysis, analogy, deduction and induction), as well as the analysis of legal documents; a survey conducted by the questionnaire method; analysis of secondary data of regional political studies; the study of scientific literature and scientific sources.

The results of the study. The article considers the category of political socialization through the prism of the interiorization of socio-cultural norms, attitudes and beliefs in the social mode. The focus of the research is aimed at considering the phenomenon of political socialization of the youth cohort as an actively functioning subject in the political and social environment. The problem field is diagnosed in the form of decadence of political culture and identity crisis in the consciousness of the youth socio-age group. According to the results of an empirical study, the following trends were recorded. Firstly, the lack of a strong material and technical base, real mechanisms for solving socio-economic problems of young people postulate the political socialization of young people as a non-transportable process for most of this demographic cohort. The second group of problems comes from the young people themselves: dependent moods, unwillingness to participate in politics, interest in personal problems rather than public ones, makes the participation of young people in regional youth public organizations irrelevant.

The authors see the prospects for further research. The collected and generalized material on the tasks and methods of working with young people in the context of their political socialization can be used to enhance the functional role of youth public organizations in this process. The practical significance of the study lies in the possibility of changing the methods of working with young people in regional political organizations.

Keywords: *political socialization, interiorization, sociocultural norms, sociocultural mode, youth cohort, youth public organizations, political and social environment, decadence of political culture, youth consciousness*

For citation: *Aslanov Ya. A. Political socialization of youth as a socio-cultural phenomenon // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 25–37. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-25-37>.*

Введение. В настоящее время в политических реалиях складываются новые взаимоотношения между обществом и властью, появляются новые социальные группы, видоизменяется политическая обстановка в мире. Процессы глобализации, информа-

ционной трансформации общества влияют на политическую стабильность государства. В связи с этим политическая социализация, ее научное изучение играют важную роль для недопущения дестабилизации общества и его интеграции в целом. С учетом этого

одной из приоритетных задач государства выступает политическая социализация такой социальной группы, как молодежь. Политическая социализация молодого поколения и ее эффективная реализация является одним из главных стабилизирующих факторов политики. В первую очередь, изучение политической социализации студенчества в современной России значимо в ракурсе прогнозирования возможностей и вариантов общественного развития. В постиндустриальную эпоху экономическая, социальная и политическая сферы претерпевают кардинальные изменения во всем мире, поэтому требуется создание иного типа политической личности — гибких, мобильных, политически подкованных молодых профессионалов, которые смогут обеспечить стабильность и процветание нашей стране. В Российской Федерации важным является становление студенческой молодежи в ее гражданском статусе. В современных реалиях в Российской Федерации наблюдается рост роли неинституциональных агентов политической социализации молодежи, в особенности социальных сетей. Доступ к информации и широкой сетевой коммуникации является ключевой особенностью социальных сетей как фактора политической социализации молодежи. Наличие большого объема политической информации в социальных сетях, среди которой высока доля недостоверных, «фейковых» сообщений, нередко приводит к тому, что молодые люди выражают свою политическую позицию неинституциональными и даже противоправными способами. Это актуализирует необходимость усиления роли институциональных агентов политической социализации.

Первичные и вторичные агенты социализации молодежи. Личность индивида формируется на протяжении всей жизни человека. Есть несколько вариантов проявления социального взаимодействия, которое помогает индивиду интегрироваться с обществом: сотрудничество, партнерство, кооперация, конкуренция, социализация. Последнее как вид социального взаимодействия представляет собой процесс усвоения образцов поведения, общезначимых для тождественной ему социальной группы.

Изучению феномена социализации уделяло внимание множество ученых-социологов. Исследователи затрагивали различные аспекты, направления и стороны политической социализации. Вклад в формирование современных моделей политической социализации внесли Т. Гоббс, который разработал модель «подчинения», а также Г. Спенсер и А. Смит, сформировавшие модель «интереса». В основу своей модели «подчинения» Т. Гоббс заложил личность как объект, который подчиняется властвующей элите. Г. Спенсер и А. Смит, создавая модель «интереса», отталкивались от заинтересованности личности в политическом процессе своего государства, в элементах его политической системы, т.е. затрагивали стимуляцию активного участия граждан в политической сфере общества.

Аудитория молодого поколения гипердинамична, неустойчива и тревожна ввиду формирования жизненных установок и жизненных ориентаций. Это деструктивным способом влияет на ориентацию целей и ценностей молодого поколения. Молодежь транзитна и быстро адаптируема ко всем социокультурным процессам, происходящим в обществе. Она подвластна к склонности и переменчивости своих политических взглядов и жизненных установок [2]. Одной из основных задач политических институтов является интеграция молодежи в политическую жизнь. Интегративными факторами социализации индивидов могут быть индивидуальные, коллективные и общественные формы. Так, А.В. Мудрик, систематизируя классовую природу социализации, выделяет мегафакторы, мезофакторы и микрофакторы. Мегафакторы представляют мир как человеческое сообщество, тендерную социальную структуру, экономику, идеологию и государство в целом. Мезофакторы олицетворяют конкретный регион как часть страны, типы поселений и субкультуры. Микрофакторы, наиболее мобильные агенты первичной и вторичной социализации (микросоциум), выражены в виде семьи, соседства, государственных и частных организаций, образовательных коллективов, религиозных объединений, контркультурных союзов [2]. Однако удельный вес этих социальных сил в становлении личностного потенциала различен.

Агенты первичной и вторичной социализации (общественно-политические институты) становятся акторами, ответственными за политическую грамотность, политическое самосознание и политическое развитие молодого поколения, поскольку данная возрастная когорта является человеческим потенциалом и движущей силой будущего страны.

Политическая социализация личности должна проходить постепенно, не стихийно, с самого детства. Семья как агент первичной социализации является важным элементом в процессе политической социализации. От родителей ребёнок усваивает не только моральные и общественные принципы, но и политические традиции, ценности, нормы. Фокус влияния членов семьи на ребёнка в политической сфере обычно происходит латентно, то есть через обсуждение взрослыми в диалоговой манере личностей политиков, своих политических предпочтений и т.д. Семья призвана вовлекать своих детей в обсуждение политических новостей страны, знакомить ребёнка с политическим миром. Однако важно именно заинтересовать ребёнка политикой, не стоит сразу обрушивать на неокрепшее сознание маленьких детей все политические проблемы страны и устраивать дебаты. Необходимо проводить политические игры, знакомить ребёнка с понятием политики, поощрять за правильные ответы, безусловно, именно эти шаги способствуют тому, что вырастет человек, которому не безразлично политическое положение своей страны. Соответственно, при существовании стабильной политической системы такое воспитание граждан обеспечит государству гармоничную адаптацию и последующую передачу политических ценностей из поколения в поколение.

Не менее важным элементом в политической социализации человека являются агенты вторичной социализации — учебные учреждения: школы, университеты, армия, религиозные институты, а также политические институты и агенты. Здесь личность продолжает формировать своё правосознание, изучает новые принципы и законы государства. Образовательные организации призваны доводить до сознания индивидов новые политические аспекты, вовлекать в активную политическую деятельность, т.е. организовывать полити-

ческие мероприятия (дебаты, конкурсы), создавать избирательные участки на базе школ, университетов, тем самым привлекая личность к участию в жизни своей страны.

Отметим также, что не менее важной в российской действительности является роль в политической молодежной социализации средств массовой информации, как печатной (газеты, журналы), так и Интернет-ресурсов (социальные сети, новостные ресурсные каналы). Мы наблюдаем, что в российском информационном поле с каждым годом в связи с развитием информационных технологий Интернет-площадки играют более важную роль, чем в печатные новостные издания, где все меньший процент молодежи покупает и изучает газеты, журналы, вся новостная «пища» перемещается в Интернет-ресурсы, а также на телевизионные источники. Средства массовой информации также являются одним из инструментов для проведения политической социализации. Однако целесообразно отметить, что СМИ нередко могут целенаправленно выделять или искажать недостатки существующей политической системы, проявлять незаслуженные выпады критического содержания, направленные на дипломатов, политиков, что, несомненно, оказывает влияние на сознание граждан. В таком случае личность должна самостоятельно уметь критически анализировать предоставляемый материал через личностный туннель зрения и отделять истинную информацию от ложной. Вот почему СМИ — это средство, которым нужно пользоваться с осторожностью, фильтруя полученный контент, так как не каждый человек может избежать влияния интернет- или ТВ-источников [5].

Агенты и механизмы политической социализации, их изучение в первую очередь направлены на формирование новой политической реальности при помощи создания и обеспечения политической социализации молодежи, предотвращение ее аполитичности как социальной группы, искоренение антиправительственных и антипатриотичных настроений. Именно поэтому важно изучить практические методы политической социализации молодежи в политических молодежных организациях как одну из моделей социализации в современных политических реалиях. В то же время государствен-

ная политика призвана стать инструментом, способствующим вовлеченности молодежи в формирование гражданского общества и построение высокоэффективного государства. Государственная молодежная политика не может строиться без вовлечения и социализации самой молодежной возрастной когорты [3], только партнерское взаимодействие между ними как связующее явление будет способствовать плодотворной и эффективной работе на благо государственного развития и преобразования. В связи с этой фактурой возрастает необходимость социологического набора инструментов, которые позволили бы сформировать условия личностного роста для каждого индивида, а также объединить и сгенерировать интеллектуальные ресурсы молодежи для стабилизации общественно-политической жизни страны. Целесообразно признать тот факт, что для социокультурной социализации молодежи имеет превалирующее значение сотрудничество с негосударственными политическими организациями. Их мобильность и неформализованность каналов коммуникации является эффективным механизмом политизации молодежной среды, благодаря таким организациям у молодежной когорты появляется все больше шансов быть услышанной, найти отклик у социума и повлиять на государственную политику. Однако молодежь требует определенной финансово-организационной поддержки и координации для проведения и развития молодежной политики. Верифицируем гипотезу: наиболее активные акторы политической жизни в социокультурном онтогенезе — это общественные организации, политические партии, представительские структуры во власти, СМИ и неформальные объединения. Соответственно, эффективная социализация и интеграция молодежи возможна только при объединении усилий в использовании набора доступных ресурсов, инструментов и технологий выстраивании модели молодежной политики.

Дефиниция политизации молодежи рассматривается в отечественной социологии в контексте государственной молодежной политики. Так, Эдуард Шпрангер, немецкий философ и социолог, считал, что при социализации молодежи необходимо уделять внимание развитию правовой и политической

культуры в социокультурном созревании нации. Павел Сак делал акцент на воспитании умственного, духовного и социального созревания молодых людей для включения и участия в политическом габитусе страны.

Целесообразно отметить, что только социально-ориентированный индивид способен грамотно и результативно разбираться в политических процессах и воспринимать государственные события в ценностном сознании через призму субъективно-объективных обоснований (знаний). Так, главным предметом для гуманистического дискурса в 90-е годы XX века становится бихевиоральный подход (поведение акторов политической жизни) в период подготовки и реализации избирательных кампаний. Через призму данного подхода молодежь начала рассматриваться с позиции как объекта, так и субъекта процесса социализации, обладая весомым потенциалом спектра интеллектуальных, социальных и трудовых ресурсов, необходимых для самоактуализации своих возможностей. Структурно-функциональный подход в исторической ретроспективе детерминировал статус активного молодого члена общественной практики политического развития, формируемого исключительно через интериоризацию социальных ролей и норм [8]. Интерпретируем социализацию в политическом контексте как процесс включения личности к нормам социальной жизни человеческого общежития посредством усвоения ее ценностей, установок и образцов поведения в политической сфере. Политическая социализация позволяет новой генерации людей занять в иерархизированной системе место старшего поколения, перенять их опыт, умения и ценности, сохранить социальные связи политического института, возобновить и при необходимости посредством циркуляции произвести ротацию элит [4]. Таким образом, вербализуется несоответствие желаемого состояния с действительностью (проблемное поле) в деидеологизации ценностных политических установок молодежи. Кризис идентичности и поиск на фоне этого новых духовных ориентиров привел к разочарованию и утрате доверия в отношении политических институтов и к отдельным политическим персоналиям в частности. Именно поэтому список констант, влияющих

на политическую субъективность молодежи, многогранен. Индикаторами будут являться возрастные и психолого-эмоциональные особенности индивида, уровень материальной обеспеченности, натуралистическая среда, уровень и качество профессиональных компетенций и образования, профессиональная принадлежность, круг социальных коммуникаций индивида, а также духовно-нравственные особенности.

Совершенствование задач и методов политической социализации молодежи в молодежных общественных организациях в зеркале общественного мнения студенческой молодежи региона: результаты социологического исследования. Политическая социализация студентов в молодежных общественных организациях Ростовской области носит проблемный характер: с одной стороны, молодежь интересуется политической жизнью страны в принципе, с другой — данный интерес в целом не сопровождается активистской политической культурой. Почему так происходит? В поисках ответа на этот вопрос мы решили обратиться к мнению основной целевой аудитории таких организаций — студенческой молодежи вузов Ростова-на-Дону. С этой целью мы провели опрос в форме анкетирования на территории г. Ростова-на-Дону в апреле-мае 2022 года среди студентов вузов города (Южного федерального университета, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростовского государственного медицинского университета, Донского государственного технического университета, а также Ростовского государственного экономического университета). Анкета на тему «Молодежные общественные организации и их роль в политической социализации студентов вузов Ростовской области» содержала 26 вопросов.

Число опрошенных составило 100 респондентов, из которых 28 — юноши и 72 — девушки. На вопрос «Как Вы полагаете, какую роль играет в социальной и политической жизни Вашего региона (области, края, республики) молодежь?» более половины респондентов ответили, что молодежь активна, может влиять на изменения в социальной и политической жизни (66,3%); менее чет-

верти респондентов считают, что молодежь может оказывать влияние на решение отдельных вопросов и проблем (22,8%), и лишь 8,9% полагают, что молодежь в целом не оказывает заметного влияния. Таким образом, молодежь в основном считает себя достаточно активной. Более половины респондентов считают самым эффективным способом участие молодежи в политической жизни — именно участие в деятельности молодежных общественных организаций (65,3%); далее идет ведение блогов, написание публикаций в социальных сетях (62,4%) и участие в благотворительных акциях (55,4%). Более трети опрошенных считают, что молодежь может влиять на политическую сферу с помощью проведения митингов и акций (43,6%), а также через работу в органах государственной власти и местного самоуправления (33,7%). Наименьшее число респондентов считают, что молодежь никак не может повлиять на политические решения через участие в выборах (28,7%) и участие в деятельности политических партий (27,7%). Таким образом, молодежь считает, что наиболее эффективным механизмом влияния на политику являются элементы гражданского участия (молодежные общественные объединения, благотворительные акции).

В связи с особенностями молодежи как социальной группы большинство студентов являются активными пользователями социальных сетей, поэтому закономерно мнение респондентов о том, что молодежь может влиять на политику с помощью ведения блогов и размещения определенных публикаций: именно из них более половины студентов чаще всего берут информацию об акциях, слетах, форумах и других методах работы молодежных политических организаций (56,4%).

Из приведенных данных можно сделать вывод, что большинство студентов предпочтительной формой участия считают образовательные проекты и акции (54% и 52%), а вот самыми не интересными для донских студентов стали молодежные фестивали (26%), политические конкурсы и диктанты (22%). Однако, интересно отметить, что данные методы работы в процентном соотношении являются также и не интересными для многих студентов (19% и 39%) вместе с политическими конкурсами и диктантами (22%). Дан-

ный результат говорит об участии донской молодежи в мероприятиях молодежных общественных организаций области на нерегулярной основе. Также можно сделать вывод об участии во многих перечисленных методах работы молодежных организаций «по случаю» или же потому, что были применены командные методы работы. Лишь 42,9% респондентов участвуют в мероприятиях на постоянной основе. На вопрос «Насколько регулярно Ваше участие в данных формах работы?» респонденты ответили в следующих коннотациях: 1) участвую на постоянной основе (42,9%); 2) участвую иногда (несколько раз в полгода-год) (32,7%); 3) участвовал 1 раз (20,4%); 4) затрудняюсь ответить (4,1%). Данный показатель свидетельствует также о том, что студенчеству неинтересно участие в данных методах работы молодежных организаций, которые не отвечают на политический запрос молодого поколения, вследствие чего являются неэффективными. Респондентам было предложено назвать новые методы работы, которые, на их взгляд, способствовали бы политическому участию молодежи. Как показали результаты анализа ответов на открытый вопрос, студенты проявили характерную интенцию в методах работы молодежных политических организаций: образовательные выезды в другие регионы, проведение симпозиумов, интерактивные выставки, квесты, групповые проекты с банковскими учреждениями.

Таким образом, студенческая молодежь Ростова-на-Дону нерегулярно участвует в проводимых мероприятиях, таким образом, используемые методы работы не отвечают запросам активных молодых людей. Так, большая часть респондентов (40% и 53%) видят помощь со стороны молодежных общественных организаций в решении определенных проблем, стоящих перед молодежью, а также полагают, что молодежные общественные организации действительно помогают сделать молодежь более активным субъектом политического процесса региона. При анализе данных можно сказать, что донское студенчество видит проблему в недостаточной способности молодежных общественных организаций быстро реагировать на изменяющуюся повестку дня, новые события и тренды. Данные показатели говорят об от-

сутствии стремительных изменений в организационном и идейном планах, что снижает количество участников мероприятий данной организации. Одним из главных каналов передачи информации в современных реалиях для молодежной среды являются социальные сети, таким образом, достаточно информативная и отвечающая новым «законам» ведения социальных сетей работа молодежных общественных организаций необходима для их эффективного функционирования.

Интересен тот факт, что студенты неоднозначно рассматривают вопрос о политических молодежных организациях как способах контроля государства над молодежью. Данный результат может подтверждать выводы о недостаточности организационно-технической базы, что индуцирует необходимость государственного финансирования молодежных объединений, а это делает их в зеркале общественного мнения донской молодежи еще одним механизмом государственного регулирования. Тем не менее данный показатель может также свидетельствовать о мнении респондентов, что молодежные общественные организации осуществляют свою деятельность, лишь исходя из своих задач и направлений деятельности, как элемент гражданского общества, не подконтрольный государству.

Подводя итог, можно сделать ряд выводов. Во-первых, респонденты в целом положительно относятся к деятельности молодежных общественных политических организаций, считают, что данные элементы гражданского общества действительно функционально важны и отвечают запросам студентов в решении проблем, стоящих перед ними. Тем не менее не все методы работы молодежных организаций отвечают на запросы городского студенчества. В ходе опроса ими были предложены новые методы работы, а именно: образовательные выезды в другие регионы, проведение симпозиумов, интерактивные выставки, квесты, групповые проекты с банковскими учреждениями. Если анализировать задачи, стоящие перед молодежными общественными организациями, то с точки зрения анализа эффективности проводимых мероприятий можно оценить степень решения данных задач. Как показал анализ, многие студенты не замотивирова-

ны в участии определенных методов работы, участвуют в мероприятиях не на постоянной основе. Таким образом, задачи, стоящие перед молодежными общественными объединениями, решаются не в полном объеме, что требует определенного «ребрендинга» организаций, изменения части методов их работы. В первую очередь нужно аккумулировать и апробировать предложения студентов, а также более быстро и качественно реагировать на изменения в социально-экономической и политической жизни региона и страны в целом, стать менее зависимыми от государственного вмешательства, активно рассказывать о своей деятельности в сети Интернет, особенно в социальных сетях [9].

Резюмируя все вышесказанное, можно предложить следующие механизмы совершенствования задач и методов работы с молодежью в контексте с целью ее политической социализации: создание новых методов работы, апробацию более креативной работы по привлечению участников, мониторинг общественного мнения целевой аудитории. Исходя из полученных данных, можно сказать, что в настоящее время методы работы молодежных общественных организаций Ростовской области не удовлетворяют потребности молодежи [9]. Для более эффективной деятельности, отвечающей на запросы студентов, а также самих организаций, следует внедрить в работу новые методы, более структурированно и грамотно подойти к вопросу просветительской и ознакомительной работы, создать план своей деятельности, исходя из трендов развития современного общества: активно развивать взаимодействие в социальных сетях, находить новые, более мобильные и интересные способы рассказа о политических мероприятиях.

Проведение социально значимых проектов и проектов в области развития гражданской инициативы и политической активизации молодежи. Экстраполируя результаты проведенного социологического исследования, удалось зафиксировать общую тенденцию в том, что молодежь сталкивается с такой проблемой, как отсутствие заинтересованности в политике своего государства. Ярko выражена репрезентация политического кризиса, отраженного в углублении поли-

тических конфликтов социальной системы, в резкой усиленности политической напряженности. Проблемное поле выражается в кризисе идентичности, т.е. распаде идеалов и ценностей, которые лежали в основе доминирующей политической культуры. Для минимизации риска аномии общественного порядка необходим поиск новых форм и социокультурных идеалов для стабильности условий человеческого действия. Именно поэтому даже ранее сформированные теории и концепции подвергаются пересмотру, в ходе чего приобретают новые смысловые трактовки [11]. Устойчивая политическая система возможна только при условии взаимодействия власти и общества. Со стороны государства необходимо создать легитимные каналы взаимодействия и наладить их эффективную работу. Основными формами повышения уровня политической активности молодежи в современном российском обществе через агенты вторичной социализации отмечаем следующие:

1) электоральная активность: участие в выборах (молодежь становится сопричастной к политической жизни своего государства, отстаивая свои интересы, социальные установки и приобретая политический опыт);

2) развитие личностного потенциала в молодежных организациях, движениях и форумах (например, участие в различных тематических молодежных мероприятиях в качестве волонтера или регионального координатора позволяет набраться опыта в общении с людьми, самостоятельной организации мероприятий, что в дальнейшем может быть спроецировано на политическую деятельность) [10];

3) участие в местном самоуправлении и в органах государственной власти, которое будет способствовать оптимизации политической вовлеченности и мобилизации гражданских сил: принимая участие в молодежных правительствах, их члены становятся связующим звеном между молодым поколением и органами государственной власти);

4) введение в программу школьного образовательного процесса бесплатных курсов по политико-правовым основам политического процесса России, которые позволят расширить кругозор школьников. Основным фактором, отрицательно влияющим на по-

литическое воспитание молодежи со стороны каналов школьного образования, является, прежде всего, утрата базисных идеологических ценностей, потеря преемственности поколений. Образовательные учреждения открывают широкие возможности привлечения молодых людей в политическую, социально-экономическую и культурную жизнь страны путем воспитания и развития патриотического мировоззрения, гражданской культуры и активности юношеству [11]. Сущностные функции образовательной политики в разрезе политической социализации должны адаптироваться на гуманитарные и профессиональные смыслы человеческого существования, квинтэссенция которых состоит в формировании профессионализма у молодых людей, улучшения их физического и душевного здоровья, смысла жизни, духовности и политической нравственности, напрямую коррелирующую с гражданской ответственностью (табл. 1).

Совокупный интерес молодежи к политической деятельности колеблется в зависимости от социально-политических условий в стране, от политической обстановки, уровня социальной поддержки и качества жизни. Экономические потрясения, внутренняя и внешняя политическая нестабильность, военно-стратегические угрозы и духовно-нравственное разрушение общества отражается в политико-правовом, социальном и духовно-нравственном поведении молодого поколения как обратная проекция. Если в социуме не происходит каких-либо экономических потрясений, то молодежь становится зачастую политически инертной. Однако нестабильность политических процессов и экономические катастрофы индуцируют конструктивное деятельностное поведение и способны побудить деструктивные политические импульсы в компульсивном поведении современной молодежи, деформировав их ценностное сознание. Важно отметить, что наиболее распространенный мотив участия молодежи в политическом модусе страны напрямую взаимосвязан с улучшением собственного уровня жизни, возможностью высказывать собственные политические конструктивные инициативы и быть услышанным государственными институтами [6]. Политическая социализация взрослого чело-

века априори происходит сложнее. При всем этом краеугольной компонентой в интерактивном диалоге «власть-общество» представит эмоциональная отдача государственных акторов, их заинтересованность в потребностно-мотивационном комплексе современной молодежи. Государственным институтам необходимо продолжать осуществлять политическую социализацию личности на протяжении всей жизни человека: акцентировать важность участия населения в выборах, организовывать встречи с Президентом, налаживать обратную связь между государством и народом (развитие гражданского общества), обеспечивать рост доверия народа к действующей политической системе. Резюмируя все вышесказанное, можно предложить следующие механизмы совершенствования задач и методов работы с молодежью с целью ее политической социализации: создание новых методов работы, апробацию более креативной работы по привлечению участников, мониторинг общественного мнения целевой аудитории. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что в настоящее время методы работы молодежных общественных организаций Ростовской области не удовлетворяют потребности молодежи [12]. Для более эффективной деятельности, отвечающей на запросы студентов, а также самих организаций, следует внедрить в работу новые методы, более структурированно и грамотно подойти к вопросу просветительской и ознакомительной работы, создать план своей деятельности, исходя из трендов развития современного общества: активно развивать взаимодействие в социальных сетях, находить новые, более мобильные и интересные способы рассказа о политических мероприятиях.

Заключение. Резюмируя вышеизложенное, отметим, что от того, насколько активно проводится политическая социализация в государстве, зависит его устойчивость. Низкий уровень политической социализации приводит к абсентеизму, пассивному отношению граждан к политической сфере своей страны и полной потере доверия к действующей власти, что незамедлительно дестабилизирует систему. Для полноценного и результативного существования политической власти и системы необходимо осуществлять поли-

Таблица 1
 Table 1

Политические технологии активности молодежи
Political technologies of youth activism

Политические технологии	Целевая компонента
Культурно-массовые мероприятия	Воспитание культурно-нравственного сознания молодежи. Ориентация молодежи на формирование культурно-нравственных установок: когнитивные ориентации (знания, концепции, парадигмы, идеологии); аффективные ориентации (эмоциональные инспираторы, чувственный комплекс к политической системе и ее олицетворяющим акторам); ценностные ориентации (рациональные суждения и представления о политических объектах, базирующихся на аксиологических концептах). Повышению правовой грамотности и политической культуры должна способствовать слаженная системная работа региональных, федеральных молодежных форумов, таких как «Молодая Волна», федеральный проект «Таврида» и «Территория смыслов», проект в ЮФО «Ростов», «Россия — страна возможностей», «Дигория», где происходит встреча с политическими деятелями, предпринимателями в рамках «вопрос-ответ».
Спортивно-развлекательные мероприятия	Спортивно-массовый характер мероприятий и последующие спортивные успехи способствуют созданию в широких массах представления о правильности реализуемого политического курса, истинности господствующей в данном обществе системы ценностей посредством взаимодействия и сплочения с общественно-политическими организациями в рамках политических проектов/грантов, приобретающих игровой неформальный характер. В случае получения страной права на проведение престижного международного соревнования или победы спортсменов национальной сборной такая политическая «мягкая сила» активизируется в культивации патриотических чувств граждан, сплачивая нацию, выступая в качестве эффективного средства воспитания молодого поколения.
Научно-исследовательские мероприятия	Социально-научные дискуссионные площадки, являющиеся популяризатором и созидательной побудительной политической силой. Агрегация и артикуляция молодежных интересов посредством законодательных инициатив, петиций, акций. Приобщение молодежи к политической эстетике научных форумов, дискуссионных клубов, тренингов ораторского мастерства, вовлеченность в научно-исследовательские пилотажные исследования, носящие прикладной характер, будет способствовать вербализации научно-теоретического интереса к детерминированности политических процессов страны, рефлексии и последующему политическому анализу и прогнозированию.
Проектно-организованные мероприятия	Целенаправленные молодежные мероприятия и проектные инициативы в политической сфере в симбиозном мезовзаимодействии с молодежными правительствами, парламентами, общественными палатами, молодежными крыльями политических партий. Проектная деятельность способствует формированию политической и социокультурной идентичности молодого поколения, индуцирующей осознание своего места в политическом пространстве страны: вопросы идеологии, религиозные, нравственные аспекты, правосознание и отношение к праву возобладает и изменит в ту или иную сторону планируемые результаты. Осознанное целенаправленное взаимодействие молодежи с политическим деятелем или его представителями способно помочь установлению позитивного эмоционального контакта между политиком и массами, повысив уровень легитимности власти.

тическую социализацию, так как это воздействует на сознание личности, позволяет усвоить политические ориентиры общества и в результате принимать решения на благо государства. Молодежные представительства являются эффективным способом политизации общества, способствуя вовлечению подрастающего поколения в структуру и деятельность органов государственной и муниципальной власти посредством социализации и адаптации в молодежные правительства, парламенты, молодежные общественные палаты и др. Мы убеждены, что такие формы социально-политической активности помогают совершенствовать навыки, развивать компетенции и коммуникацию, продвигать проекты и молодежные инициативы, развивать личные soft skills., способствующие грамотно ориентироваться в политических процессах страны. Необходимо объединить уже имеющиеся политические институты социальной мобильности под единой эгидой «Молодежь как новая национальная идея», где разработка единого плана (дорожной карты) государственных органов по всем отраслям государственного управления реализует главную цель поддержки молодежных общественных объединений и органов молодежного самоуправления для оптимизации политической активности граждан Российской Федерации.

Список источников

1. Акиншева И. П. Специфика политической социализации студентов в современном обществе // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. 2019. №3(33). С. 59–63.
2. Городова Д. Д. Исследование деструктивного влияния интернет-технологий на политическую социализацию молодежи / Д. Д. Городова, Н. Н. Пачина // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. №1. С. 71–85. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-1-71-85.
3. Завгородний Т. О. Детерминанты политической социализации // Молодежная наука: тенденции развития. 2017. №1. С. 37–47.
4. Сухенко Р. С. Особенности формирования политического сознания в процессе политической социализации // Форум молодых ученых. 2019. №1-3(29). С. 484–493.
5. Лапшин В. А. Политологическое образование: исследовательская деятельность студентов как метод политической социализации // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений: XV Международная научная конференция. Доклады и материалы (Москва, 14–16 ноября 2019 г.) / Под общ. ред. И. М. Ильинского. Т. 1. М.: Московский гуманитарный университет, 2019. С. 362–366.
6. Масеев С. В. Роль и место политической социализации молодежи в формировании ее электоральной культуры / С. В. Масеев, В. А. Чигрин // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4(70). №2. С. 54–63.
7. Ручин В. А. Особенности политической социализации молодежи в современной России (обоснование исследования) // Поволжский торгово-экономический журнал. 2012. №1. С. 94–98.
8. Щербинин А. И. Коммуникативно-сетевой подход к политической социализации в университетском городе // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы. Материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием (Москва, 06–07 декабря 2019 г.). М.: Московский педагогический государственный университет, 2019. С. 450–451.
9. Чуй Ю. В. Семья как агент политической социализации молодежи // Вестник социально-политических наук. 2019. №18. С. 44–45.
10. Giddings F. H. The Theory of Socialization: A Syllabus of Sociological Principles for the Use of College and University Classes. N. Y., 1897. 72 p.
11. Crome E., Muszunscki B. Politikbedingungen und politische Bildung in Ostdeutschland // Aus Politik u. Zeitgeschichte. Bonn, 2000. №25. P. 21–28.
12. Merelman R. M. Revitalizing Political Socialization // Hermann M. (ed.). Political Psychology. San-Francisco, 1986. P. 79–319.
13. Wasburn Ph. A life Course Model of Political Socialization // Politics and Individual. 1994. Vol. 4. №2. P. 1–26.

References

1. Akinsheva I.P. Specifika politicheskoy socializatsii studentov v sovremennom obshchestve [Specificity of political socialization of students in modern society]. *Vestnik Luganskogo nacional'nogo universiteta imeni Tarasa Shevchenko* [Bulletin of Luhansk Taras Shevchenko National University]. 2019; 3(33): 59–63. (In Russ.).
2. Gorodova D.D. Issledovanie destruktivnogo vliyanija internet-tehnologij na politicheskuyu socializatsiju molodezhi [Research of the destructive influence of Internet technologies on the political socialization of youth]. D.D. Gorodova, N.N. Pachina. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Tula State University. Humanities]. 2023; (1): 71–85. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-1-71-85. (In Russ.).
3. Zavgorodnij T.O. Determinanty politicheskoy socializatsii [Determinants of political socialization]. *Molodezhnaja nauka: tendencii razvitiya* [Youth science: development trends]. 2017; (1): 37–47. (In Russ.).
4. Suhenko R.S. Osobennosti formirovaniya politicheskogo soznaniya v processe politicheskoy socializatsii [Features of the formation of political consciousness in the process of political socialization]. *Forum molodykh uchenykh* [Forum of Young scientists]. 2019; 1-3(29): 484–493. (In Russ.).
5. Lapshin V.A. Politologicheskoe obrazovanie: issledovatel'skaja dejatel'nost' studentov kak metod politicheskoy socializatsii [Political science education: research activity of students as a method of political socialization]. Vysshee obrazovanie dlja XXI veka: rol' gumanitarnogo obrazovaniya v kontekste tehnologicheskikh i sociokul'turnykh izmenenij: XV Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija. Doklady i materialy (Moskva, 14–16 nojabrja 2019 g.) [Higher education for the XXI century: the role of humanities education in the context of technological and socio-cultural changes: XV International Scientific Conference. Reports and materials (Moscow, November 14–16, 2019)]. Pod obshh. red. I. M. Il'inskogo [In I. M. Ilyinsky (eds.)]. Vol. 1. Moscow: Moskovskij gumanitarnyj universitet, 2019. P. 362–366. (In Russ.).
6. Maseev S.V. Rol' i mesto politicheskoy socializatsii molodezhi v formirovanii ee jelektoral'noj kul'tury [The role and place of political socialization of youth in the formation of its electoral culture]. S.V. Maseev, V.A. Chigrin. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernad'skogo. Sociologija. Pedagogika. Psihologija* [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology]. 2018; 4(70): 54–63. (In Russ.).
7. Ruchin V.A. Osobennosti politicheskoy socializatsii molodezhi v sovremennoj Rossii (obosnovanie issledovaniya) [Features of political socialization of youth in modern Russia (substantiation of the study)]. *Povolzhskij torgovo-jeconomicheskij zhurnal* [Volga Trade and Economic Journal]. 2012; (1): 94–98. (In Russ.).
8. Shherbinin A.I. Kommunikativno-setevoy podhod k politicheskoy socializatsii v universitetskom gorode [Communicative-network approach to political socialization in the university city]. Traektorii politicheskogo razvitiya Rossii: instituty, proekty, aktory. Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii RAPN s mezhdunarodnym uchastiem (Moskva, 06–07 dekabrja 2019 g.) [Trajectories of political development of Russia: institutions, projects, actors. Materials of the All-Russian scientific conference RAPN with international participation (Moscow, 06–07 December 2019)]. Moscow: Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 2019. P. 450–451. (In Russ.).
9. Chuj Ju. V. Sem'ja kak agent politicheskoy socializatsii molodezhi [Family as an agent of political socialization of youth]. *Vestnik social'no-politicheskikh nauk* [Bulletin of Socio-political Sciences]. 2019; (18): 44–45. (In Russ.).
10. Giddings F.H. The Theory of Socialization: A Syllabus of Sociological Principles for the Use of College and University Classes. N. Y., 1897. 72 p.
11. Crome E., Muszunscki B. Politikbedingungen und politische Bildung in Ostdeutschland. *Aus Politik u. Zeitgeschichte*. Bonn, 2000; (25): 21–28.
12. Merelman R.M. Revitalizing Political Socialization. Hermann M. (ed.). Political Psychology. San-Francisco, 1986. P. 79–319.
13. Wasburn Ph. A life Course Model of Political Socialization. *Politics and Individual*. 1994; 4(2): 1–26.

Статья поступила в редакцию 28.06.2023; одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 14.08.2023.

The article was submitted on 28.06.2023; approved after reviewing on 18.07.2023; accepted for publication on 14.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Асланов Яков Андреевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Теоретическая социология и методология региональных исследований», Южный федеральный университет; проректор по воспитательной работе и реализации молодежных программ. Область научных интересов: гражданско-патриотическое воспитание, молодежная политика, межнациональные отношения, кавказоведение, гармонизация межнациональных отношений.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Yakov A. Aslanov — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Southern Federal University; Vice-rector for educational work and implementation of youth programs. Research interests: civil and patriotic education, youth policy, interethnic relations, Caucasian studies, harmonization of interethnic relations.

160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 316.62+331.103

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-38-51

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ПРЕОДОЛЕНИЮ СТАГНАЦИИ В ПРОЦЕССАХ ИННОВАЦИЙ

*Алексей Васильевич Воронцов¹, Сергей Игоревич Шелонаев²,
Ольга Геннадьевна Цыплакова³✉*

*^{1,3}Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия*

*²Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия*

*¹vorontsov@herzen.spb.ru, ORCID: 0000-0002-0194-7293,
AuthorID РИНЦ: 217127, AuthorID Scopus: 57206890818*

*²shelonaev@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3876-1393, AuthorID РИНЦ: 480213,
AuthorID Scopus: 56820143900, WoS Research ID: HZH-5663-2023*

³tsyp.og@gmail.com✉, ORCID: 0009-0005-4050-8399,

AuthorID РИНЦ: 470357, AuthorID Scopus: 57288276300

Аннотация. *Целью исследования* является изучение влияния цифровой трансформации как относительно нового явления на управление организацией, поскольку социология управления уже более полувека изучает вопросы организационного развития как целостного и непрерывного процесса, включая преодоление препятствий и проблематику саботажа организационных изменений. В 2016–2021 годах вышел ряд «гайдов» руководств крупных глобальных агентств по анализу факторов, определяющих неудачи проектов цифровой трансформации в крупных корпорациях, но эти отчёты и руководства отражают разрозненные наработанные практические приёмы.

Методологическую базу исследования представляют базисные положения теории организаций. К используемым научным методам относятся сравнительно-исторический, причинно-следственный и системный анализ.

Результаты исследования. Предпринята попытка сгруппировать предлагаемые приёмы и инструменты и систематизировать их в соответствии с факторами, выступающими причиной неудач или инструментами решения проблематики сопротивления организационным инновационным процессам. В качестве примера рассматривается цифровая трансформация современных компаний, особенности ее проведения и причины неудач, проводится теоретический анализ исследований и практических кейсов корпоративных проектов цифровой трансформации. Выявляются структурные, институционально-ценностные и процессные аспекты, которые играют решающую роль в успешности проводимых организационных изменениях в компании. Особое внимание уделяется рискам, возникающим в процессе цифровой трансформации, методам стимулирования и мотивирования персонала, в особенности обучению сотрудников. В качестве результатов исследования авторами представлены социально-управленческие подходы к преодолению стагнации при проведении организационных инноваций.

Перспективы исследования. Современным компаниям, планирующим цифровую трансформацию, стоит уделить внимание социально-управленческим подходам, которые помогут

преодолеть сложности при проведении организационных инноваций. Разработанная авторами систематизация подходов представляет не только теоретический интерес, но также будет полезна топ-менеджерам компаний при проведении цифровой трансформации.

Ключевые слова: стагнация, саботаж, сопротивление, организационные изменения, организационное развитие, обучающиеся организации

Для цитирования: Воронцов А. В., Шелонаев С. И., Цыплакова О. Г. Систематизация социально-управленческих подходов к преодолению стагнации в процессах инноваций // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 38–51. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-38-51>.

Original article

SYSTEMIZING APPROACHES OF THE SOCIAL MANAGEMENT TO COUNTERING THE STAGNATION OF INNOVATION PROCESS

Alexey V. Vorontsov¹, Sergey I. Shelonaev², Olga G. Tsyplakova³✉

^{1,3}*Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia*

²*Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
Saint Petersburg, Russia*

¹*vorontsov@herzen.spb.ru, ORCID: 0000-0002-0194-7293,
AuthorID RSCI: 217127, AuthorID Scopus: 57206890818*

²*shelonaev@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3876-1393, AuthorID RSCI: 480213,
AuthorID Scopus: 56820143900, WoS Research ID: HZH-5663-2023*

³*tsyp.og@gmail.com* ✉, *ORCID: 0009-0005-4050-8399,
AuthorID RSCI: 470357, AuthorID Scopus: 57288276300*

Abstract. *The aim of the study is to study the impact of digital transformation as a relatively new phenomenon on the management of an organization, since the sociology of management has been studying the issues of organizational development as an integral and continuous process for more than half a century, including overcoming obstacles and the problems of sabotage of organizational changes. In 2016–2021, a number of «guides» of the manuals of large global agencies on the analysis of factors determining the failures of digital transformation projects in large corporations were published, but these reports and manuals reflect the disparate practices that have been developed.*

The methodological base of the study *is represented by the basic provisions of the theory of organizations. The scientific methods used include comparative historical, causal and system analysis.*

Research result. *This article attempts to group the proposed methods and tools and systematize them in accordance with the factors that are the cause of failures or tools for solving the problem of resistance to organizational innovation processes. As an example, the digital transformation of modern companies is considered, the features of its implementation and the reasons for failures, a theoretical analysis of research and practical cases of corporate digital transformation projects is carried out. Structural, institutional, value and process aspects that play a decisive role in the success of ongoing organizational changes in the company are identified. Particular attention*

is paid to the risks arising in the process of digital transformation, methods of stimulating and motivating staff, in particular employee training. As the results of the study, the authors present social and managerial approaches to overcoming stagnation in the course of organizational innovations.

The prospects of the research. Modern companies planning digital transformation should pay attention to social management approaches that will help overcome the difficulties in conducting organizational innovations. The systematization of approaches developed by the authors is not only of theoretical interest, but will also be useful to top managers of companies when carrying out digital transformation.

Keywords: sabotage, resistance to innovation, cultural inertia, habitus, value-semantic orientation, normative regulation

For citation: Vorontsov A. V., Shelonaev S. I., Tsyplakova O. G. Systemizing approaches of the social management to countering the stagnation of innovation process // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 38–51. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-38-51>.

Введение. Современные организации при реализации процессов инноваций в своей деятельности сталкиваются как с необходимостью сформулировать собственные стратегию и бизнес-модель, так и с проявлениями стагнации, связанными в том числе с выстраиванием новых, видоизмененных структурных отношений. Кроме этого, приходится решать проблемы, относящиеся к пробуксовке изменений, вызванных разнообразными социальными реакциями, происходящими в коллективе.

Структурные и социальные проблемы инновационных преобразований составляют предмет данного теоретического исследования, целью которого является актуализация и структурирование социально-управленческих задач и решений, позволяющих моделировать развитие компании и преодолевать инерционные явления и замедление организационных изменений с учётом социальных факторов.

Постановка проблемы. Проблема исследования связана, в частности, с цифровизацией современных бизнес-процессов, происходящих практически в каждой организации. Современная инновационная цифровая экономика требует от компаний не только внедрения новых инструментов во внутренних и внешних коммуникациях, но и в большом ряде случаев фундаментального переосмысления и оцифровывания организационных процессов.

Будучи явлением практически повсеместным, цифровизация особенно нуждается в дифференциации и уточнении смысла и содержания тех процессов, которые осуществляются в организации или обществе. В этом контексте представляется необходимым внести некоторую ясность в используемый понятийный аппарат. Целесообразно различать метод повышения прозрачности и эффективности бизнес-процессов (цифровизацию) и цифровую трансформацию как социально-управленческое явление. Это различие может иметь важное значение для исследуемой проблематики. Если цифровизация как технологический процесс, как правило, отвечает мотивам и запросам будущих пользователей, поскольку предоставляет целый ряд новых удобств для упрощения деятельности, то вторая трактовка процессов внедрения цифровых инструментов воспринимается и происходит непосредственно в коллективе, вызывая эмоции (различного характера, от восторга до паники), иногда превращаясь в неоправданную дань моде (когда проект трансформации для конкретного предприятия внедряется лишь потому, что «все так делают», без внятного обоснования, в угоду моде) или в предмет иллюзорной веры во всемогущество таинственных программистов.

С середины 2010-х годов, как показывает целый ряд исследований, был накоплен достаточно богатый международный материал по реализации корпоративных проектов цифровой трансформации, который, казалось бы,

поставил новый вопрос о причинах низкой эффективности или полного провала ряда таких проектов, причём не в отдельных редких случаях, а в значительном их количестве. Например, по данным Форбс, 84% таких проектов по цифровой трансформации заканчиваются неудачей¹. Процент неудачи варьируется в исследованиях различных компаний от 70% до 95%. Большинство крупных консультантов уверены, что усилия по цифровой трансформации с самого начала кажутся обречёнными, и лишь небольшая часть компаний, вставших на путь цифровизации, успешно решают эту задачу.

Авторы исследования, опубликованного в Форбс², обозначили ряд причин, по которым цифровая трансформация в современных компаниях обречена на неудачу. Особое внимание они уделили так называемому «человеческому» фактору, акцентируя внимание на важности вовлечения в процесс цифровизации всех работников компании и использования людей в качестве ресурса в достижении поставленной цели. Ещё одной из главных причин неудачной трансформации является отсутствие осведомленности у сотрудников организации о происходящих в компании переменах. Зачастую коллектив просто не знает, какие происходят изменения внутри компании и к чему они должны привести. Не обладая всей полнотой информации, сотрудники просто откажутся от использования новых технологий, так как не увидят в этом собственную выгоду и дальнейшие преимущества в работе. При планировании цифровой трансформации также важной частью должно стать обучение сотрудников работе в новых программах и сервисах.

Экономико-управленческий научный подход рассматривает цифровую трансформацию как революционное преобразование, в то же время в рамках социологии управления она интерпретируется как «рядовая» организационная революция, по своей сути, даже менее революционная, чем переход от логики производственного выпуска (в условиях ненасыщенных рынков) к маркетингу и клиентоцентрированному управлению

(на рынках с высокой конкуренцией и высокой степенью удовлетворения потребностей покупателей).

В этом смысле актуальность разработки системного инструментария проведения непрерывного организационного изменения в компании и для этих целей преодоления стагнаций в инновационном процессе связана как с постоянной проблематикой успешного развития предприятий, организаций, учреждений и сообществ, так и с тематикой обеспечения результативной и конструктивной цифровой трансформации, которая приведёт не к слому и разрушению выстроенных и уже рабочих организационных процессов, их эрозии (когда налаженный процесс ставится под сомнение и внимание сосредоточено на его критике и несовершенствах, то утрачивается автоматизм и «отлаженный» процесс разлагается), а к их оптимизации и повышению эффективности бизнес-процессов в компании.

Таким образом, цель данного исследования состоит в систематизации и структурировании подходов к проведению изменений в управленческих процессах с учётом организационных дисфункций, приводящих к саботажу или сознательному замедлению преобразований в современных компаниях.

Метод исследования. Настоящая работа опирается на анализ вторичных результатов исследований, публикаций консалтинговых агентств и экспертных групп, в которых отражены типичные проблемы и факторы пробуксовки проектов цифровой трансформации в современных организациях различного уровня, из которых в рамках социологии управления выводятся причины сопротивления инновациям, проводится анализ и группировка данных причин в целостную методику преодоления стагнации организационных инноваций в современных организациях с применением инструментов социальных наук, прежде всего социологического анализа.

Теоретический анализ инновационных управленческих процессов при необходимости проведения существенных органи-

1 Block C. 12 Reasons Your Digital Transformation Will Fail [Electronic resource] // Forbes. Mar 16, 2022. URL: <https://www.forbes.com/sites/forbescoachescouncil/2022/03/16/12-reasons-your-digital-transformation-will-fail> (date accessed: 23.02.2023).

2 Там же.

зационных изменений, затрагивающих деятельность нескольких категорий сотрудников компании, включает, с одной стороны, вопросы инновационного менеджмента в целом, а с другой стороны, затрагивает анализ коллективного действия и социальных отношений в сообществе как устойчивой и постоянно воспроизводящейся целостности (автопоэзиса) [28]. Учитывая, что носителем знания выступает человек [9], как показал еще в 1958 году в своём исследовании «персонального знания» М. Поланьи [24], в условиях экономики знаний личностные волевые параметры (готовность, желание) каждого участника процесса прилагать свои ресурсы к достижению поставленных задач являются определяющим фактором успешности проводимых инноваций в любой организации.

В платоновской традиции сознание проявляется в действии (разум не просто «располагается» в теле, по картезианской концепции, он не отделён от тела, поскольку знание происходит от чувственного восприятия как источника данных и направлено на решение задач целостного действующего человека). Г. фон Круг, К. Ичидзо и И. Нонака рассматривают процесс организационного развития как реализацию знания, полагая, что индивид создает знание, когда извлекает смысл из новой ситуации и, придерживаясь обоснованных убеждений, берёт на себя обязательства [30], меняет ситуацию в соответствии с новым смыслом. Э. фон Глазерфельт пишет: «Я узнаю объект, только воздействуя на него, и я не могу сказать о нём ничего, пока не начну действовать» [29, р. 234]. Ссылаясь на Л. Витгенштейна [31], К.Э. Свейби утверждает целостное единство знания как отражения реальности в сознании и как действия, отражающего в опыте привнесённую новым знанием способность действовать [28], целью активности и является актуализация индивидом своей способности действовать в каждой точке пространства и времени, включая экономическую и социальную жизнь в целом и профессиональную, трудовую самореализацию в частности [8].

Можно сделать вывод, что пока каждый сотрудник в организации не сформировал оба компонента (отражение реальности в сознании и действие), изменения в работе организации не будут происходить в том направ-

лении, которое задано стратегией инновационного развития компании.

Исследование множества практических кейсов корпоративных проектов цифровой трансформации современных организаций позволило сформулировать ряд причин, которые сыграли решающую роль для недостаточной результативности этих проектов. На основе анализа вторичных результатов таких исследований можно выявить две ключевые группы факторов, имеющие отношение к социологии управления:

— недостаточное внимание со стороны руководства к предоставлению сотрудникам знаний о стратегии развития и планируемых к использованию инструментов (отсутствие программ обучения [11], недостаточно подробное информирование о внедряемых технологиях и обосновании их выбора [13], как и выбора стратегии в целом [22], и т.п.);

— игнорирование необходимости управленческих усилий по вовлечению всех сотрудников компании в действия по организационным изменениям (от собрания людей и оповещения их, до мотивации и вовлечения с помощью геймификации [2], интерактивных технологий, экосистемных решений, баз знаний и т.п.).

Соответственно, социологический анализ выделяет ряд структурных, институционально-ценностных, процессных аспектов, которые выполняют определяющую роль при успешном проведении организационных изменений в компании, особенно при внедрении таких специфических технологий, как цифровые.

Прежде всего, стоит подчеркнуть, что многие исследователи в своих работах отмечают важность именно организационно-структурных изменений: с одной стороны, необходимо выделить ответственных лиц внутри компании и придать им статус для осуществления изменений, с другой — важно обеспечить межфункциональное взаимодействие между подразделениями организации в ходе проведения изменений, что поможет избежать нарушения жизнедеятельности компании.

Корпоративная гибкость является ключевым компонентом в управлении инновациями и подразумевает укрепление конструктивного сотрудничества между подразделе-

ниями и устранение функциональной разобщенности: во многих случаях, как отмечают исследователи, все еще необходимо преодолеть значительную пропасть для осуществления сотрудничества [27]. Одним из способов достижения этой цели является создание отдельного обособленного подразделения, которое сохраняет некоторую степень независимости от административной системы организации, в той мере, в которой оно способно «продавливать» идеи изменения, включая как реализацию управленческих мероприятий, так и участие в распределении ресурсов [26]. Другой способ заключается в создании кросс-функциональных команд, которые остаются в рамках организационной структуры [1], как это осуществлялось, например, в немецкой автомобилестроительной компании Audi AG [17], где было выявлено, что формирование междисциплинарных сетей компетенций, выходящих за рамки традиционной организационной структуры концерна, помогло организации использовать аналитику данных для нахождения новых выгодных рыночных решений.

Институциональные аспекты проведения цифровых трансформаций нуждаются в обосновании. Большое значение для осмысленности поведения всех участников проекта цифровой трансформации организации имеет историческая последовательность — если ранее уже было предложено и начато несколько проектов изменений, но предшествующие организационные инновации закончились на середине пути и не принесли ничего ощутимого персоналу, то и следующие проекты, включая цифровую трансформацию, будут восприниматься коллективом без всякой готовности вкладывать личные усилия, так как у них есть пример лишь негативного опыта проведения изменений в компании.

Проект цифровой трансформации будет иметь больше шансов на успех, если он опирается на организационную культуру и историю компании. Ценности и цели практически любой организации включают в себя выживание и развитие при сохранении и укреплении положения на рынке. Организационные

изменения, проводимые руководством, найдут поддержку, если каждому сотруднику будет понятна связь между внедряемыми инновационными решениями и долгосрочными планами функционирования компании, особенно, если в компании уже удалось достичь высокого уровня отождествления ценностей работников с корпоративными ценностными ориентациями. Так, исследователи отмечают, что «95 % усилий по цифровой трансформации проваливаются из-за негибкой структуры и культуры компании»³. Профессор инноваций и стратегии Майкл Уэйд в своем исследовании отмечает, что все изменения в компании должны начинаться сверху. На верхнем уровне формируется стратегия трансформации, которая должна быть понятна и иметь поддержку на исполнительском уровне. Лишь после этого этапа стоит проводить изменения на нижнем уровне. Такой поэтапный, ступенчатый подход позволит сотрудникам организации найти в себе силы на запуск самых смелых и одиозных проектов и, главное, довести их до полноценного внедрения.

В качестве примеров препятствий цифровой трансформации в современных организациях исследователи в своих работах отмечают сопротивление каким бы то ни было изменениям не только со стороны сотрудников, но и со стороны топ-менеджмента компаний. Зачастую опасения руководства связаны с непрозрачностью бизнес-процессов, перевода труда в конкретные единицы измерения и даже оптимизации штатного расписания. В некоторых исследованиях отмечается, что наиболее устойчивы к таким переменам финансовые и кадровые отделы, которые больше других саботируют процесс цифровой трансформации.

Исследователи выделяют ряд тактик устранения сопротивления, которые можно использовать, в зависимости от степени неприятия изменений со стороны сотрудников организации. На ранней стадии это может быть просто устранение дефицита информации, что поможет всему коллективу убедиться в необходимости перемен. Привлечение

3 Верховский Н., Соболев С. Цифровые неудачники: почему диджитал-трансформации заканчиваются провалом [Электронный ресурс] // Школа управления Сколково. URL: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/cifrovye-neudachniki-pochemu-didzhital-transformacii-zakanchivayutsya-provalom/> (дата обращения: 29.03.2023).

сотрудников к принятию решений и предоставление им возможности свободно выражать свою позицию позволит создать открытую площадку для обмена мнениями и снять некоторые острые вопросы. Немаловажным моментом является поддержка со стороны руководства компании, которая может быть как эмоциональной, так и материальной. В активной фазе рекомендуется проводить переговоры с заинтересованными лицами, вовлекать в процесс цифровой трансформации наиболее активных сотрудников, особенно тех, кто выражает недовольство инновационными процессами. В сложных ситуациях, когда вышеперечисленные методы не приносят желаемый результат, исследователи отмечают, что руководство компании может прибегнуть к крайним мерам и начать оказывать давление на подчиненных.

В момент принятия решений о внедрении новых технологий, следует учитывать их интеграцию с существующими системами, которые уже отлажены и работают в компании, а также синхронизировать процесс трансформации не только на уровне бизнес-структур компании, но и ИТ-инфраструктуры организации. Цифровая трансформация требует кросс-функционального подхода.

Современные исследования свидетельствуют о положительной связи между ориентацией компании на поддержку таких качеств своих сотрудников, как готовность к риску и желание экспериментировать с новыми технологиями [17]. Таким образом, сотрудники компании обучаются путём небольших, постепенных и итеративных изменений и сохраняют свою способность адаптировать долгосрочные планы на основе результатов таких экспериментов, а также текущих изменений в своей среде [18].

Поддержка и развитие организационной культуры компании, сосредоточенной на эффективности, совершенствование цифрового мышления позволяют более конструктивно реагировать на возникающие проблемы при коллективном освоении новых подходов и инструментария [12], включая сбои, связанные с внедрением и использованием цифровых технологий [15]. Такое мышление, опирающееся на базовое принятие потенциальных сбоев как естественный ход изменений, нуждается в твёрдой идеологии инновацион-

ного подхода и в восприятии инноваций как единственно возможного способа для компании выжить в изменчивом мире. Принятие на себя риска и ответственности за новые решения не входит в традиционное понимание статусно-ролевых ожиданий от наёмного работника: предприниматель действует в неопределённости, высшее руководство компании берёт и несёт на себе риски и ответственность, а наёмный работник трудится за заработную плату, выплачиваемую дважды в месяц [10].

Глобально можно выделить две большие группы предпринимательских рисков: внешние, к которым можно подстроиться или застраховаться от них, и внутренние, на которые можно повлиять и минимизировать, например, финансовые, коммерческие, производственные, налоговые, технические, информационные. Исследователи рассматривают различные виды рисков, возникающие в силу воздействия ряда факторов, поэтому, к примеру, Г.В. Меняйло приходит к выводу о «необходимости классификации и идентификации рисков, возникающих в условиях цифровой трансформации» [7, с. 110]. Часть исследователей выделяют три ключевые группы внутренних рисков цифрового преобразования компании: экономические, технические и организационные. Рассмотрим подробнее каждую из этих групп.

Анализ исследований показывает, что риски, связанные с цифровой трансформацией, возникают в разных сферах, но особенно высоки в экономическом измерении. Внедрение цифровых технологий в компании требует больших финансовых вложений, поэтому возникает необходимость оценки рисков, связанных с целесообразностью внедрения тех или иных передовых технологий. Существует финансовый риск, связанный с длительными сроками окупаемости цифровых проектов и сложностью оценивания экономических эффектов от внедрения. При проведении цифровой трансформации компания может столкнуться с ограничениями бюджета, отсутствием четкого экономического обоснования, оправдывающего запланированные перемены.

Цифровая трансформация также связана с возникающими рисками технического профиля. Планируя глобальные изменения,

многие компании сталкиваются с нехваткой ресурсов, недостатком квалифицированных кадров, которые нужны для внедрения цифровых технологий, а также зависимостью от поставщиков программного обеспечения, необходимого оборудования, готовых цифровых решений. Технические риски также увеличиваются из-за отсутствия стандартов, требующихся для формирования успешных цифровых экосистем.

В качестве организационных рисков, которые могут возникнуть в период цифровой трансформации организации, исследователи также выделяют низкую инновационную активность, функциональную несогласованность внутри компании, отсутствие культуры, связанной с поощрением принятия рисков, отсутствие цифровых навыков у сотрудников.

Система стимулирования лояльности персонала и трудовой деятельности в современных компаниях строится, прежде всего на разнообразии мотивации сотрудников [4], и в эту стандартную «классическую» модель распределения ответственности сегодня добавляются разнообразные по своему содержанию и природе способы вовлечь работника в лидерские [5], управленческие и даже предпринимательские функции [3].

По мнению аналитиков, одной из главных угроз успешности проектов цифровой трансформации по всему миру является недостаток компетенций. Для повышения квалификации и развития сотрудников современные компании предоставляют возможность обучения. Более того, часть функций обучения может переходить энтузиастам или более молодым работникам, принадлежащим к поколению «родившихся со смартфоном в руке». В этом случае обучение использованию ряда цифровых технологий старшими категориями сотрудников может происходить через прямой обмен знаниями и умениями с молодёжью [6], причём такой процесс передачи знаний может осуществляться спонтанно, при аккуратном влиянии управленческого персонала и создании доброжелательной атмосферы.

Следует выделить обучение как самостоятельное явление в управлении компаниями в условиях инновационной экономики знаний, т.е. работник будет получать ренту на свой образовательный капитал как часть его интеллектуального капитала, тогда само

по себе обучение можно рассматривать в трёх измерениях:

— приспособление сотрудников к выполнению их основных трудовых функций в организационных бизнес-процессах, адаптация сотрудников к новым задачам и к модернизированному оборудованию (например, чтобы работник эффективно мог использовать станок с ЧПУ, не сломав его, как делали луддиты в 1810–1812 годах);

— мотивация сотрудника (посредством вклада в его личный человеческий капитал, но также и через ощущение заботы предприятия о сотруднике, признания его важности и полезности для предприятия);

— нарушение привычной рутины и расширение кругозора работника от его нынешнего рабочего места до более глубокого понимания смысла его труда и в целом жизнедеятельности в корпоративном развитии.

Цифровая экономика опирается на использование сотрудниками своих аналитических навыков и способностей при решении все более сложных бизнес-задач, сопровождение сотрудников во время этого перехода рассматривается в исследованиях достаточно давно, в частности в социологии перевода (sociology of translation), акторно-сетевой теории (Actor-Network theory) [16; 21]. Изучение процессов организационных изменений с точки зрения перехода к более сложному уровню анализа данных требует социально-управленческих подходов, направленных на преодоление стагнации, возникающей в ходе организационных изменений. Так, например, исследователи эмпирически проверили и доказали влияние личностных черт ИТ-директоров, их эмпатии на результативность осуществляемых в компаниях процессов цифровой трансформации, показав на анализе 105 компаний, что когнитивное и эмоциональное сопереживание ИТ-директоров и высшего руководства компаний может установить доверие и взаимопонимание при проведении цифровой трансформации. Исследования выявили асимметричный эффект: эмпатия ИТ-директоров улучшает процессы взаимодействия между сотрудниками и СЕО в ходе цифровой трансформации, но эмпатия генеральных директоров не оказывает существенного эффекта [20]. Фактор доверия [23] наряду с факторами стратеги-

ческой ясности, логики и последовательного следования выбранной цели играет ключевую роль для успешной реализации цифровой трансформации [21; 14; 25].

Результаты исследования. Таким образом, можно выделить факторы эффективности реализации организационных инноваций и классифицировать их с точки зрения подходов, выработанных в социологии управления (табл. 1).

Заключение. Социально-управленческие подходы сегодня включают в себя достаточно много ответов на те вопросы, которые компаниям представляются уникальными и связанными исключительно с особенностями цифровой трансформации. Факторы, которые определяют значительную долю неудач при проведении цифровых инициатив в компаниях, уже достаточно подробно изучены в социологии управления, в которой выработан ряд

Таблица 1
 Table 1

Факторы эффективности реализации организационных инноваций
Factors of efficiency of implementation of organizational innovations

Тип	Препятствующие инновациям процессы	Социально-управленческий подход для решения проблемы
Стратегия	Отсутствие понимания, куда движется компания, неясное видение будущего	Формулировка короткой ценности, определяющей сущность компании и её развития
Коммуникации	Искажение содержания планируемых изменений	Установление прямого контакта, присутствие в трудовом коллективе
Структура	Нет ответственных лиц или у них нет полномочий	Выделение в структуре организации подразделения, которое отвечает за изменения и снабжено ресурсами для проведения инноваций
Компетенции	Для проведения кардинальных изменений нужны не только инженерно-технические, но и управленческие компетенции	При выборе руководителей команд необходимо учитывать не только технический, но и коммуникационный функционал
Знания	Персонал, затрагиваемый инновациями, не умеет работать с новым оборудованием или цифровыми платформами	Обучение позволяет освоить основные навыки, наставничество помогает ими овладеть на достаточном для эффективной работы уровне
Контроль	Утрата понимания, где находится компания, кто и что делает	Мониторинг при изменениях может осуществляться только изнутри, если руководство хочет быть в курсе происходящего, оно должно физически находиться в коллективе и участвовать в чатах, сообществах в социальных сетях, мессенджерах
Культура	Ценности организации опираются на традиции и привычки	Изменчивость мира касается форм реализации ценностей – если смысл компании в предоставлении вечных ценностей, это не мешает исполнять эти функции новыми способами

подходов для эффективного проведения организационных инноваций.

Представленная систематизация этих подходов может быть полезна как профессионалам в области управления и консалтинга, так и исследователям, занимающимся вопросами проведения цифровой трансформации.

Список источников

1. Абабкова М. Ю., Голохвастов Д. В., Покровская Н. Н. Инновационный рост виртуальной экономики: смена регулятивной парадигмы // Экономика и управление. 2021. Т. 27. №8(190). С. 576–592. DOI: <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-8-576-592>.

2. Бойко С. В., Гарин А. К., Покровская Н. Н. Игровые валюты как ценностно-регулятивный механизм в условиях цифровизации коммуникаций // Технологии PR и рекламы в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Т. 1. СПб.: Политех-Пресс, 2020. С. 58–64.

3. Бойко С. В., Покровская Н. Н., Слободской А. Л., Спивак В. А. Социально-экономические вопросы мотивации сотрудников в условиях удаленной и распределенной работы // Социология и право. 2021. №1(51). С. 6–17.

4. Захаров Н. Л. Социологический анализ советской партийной кадровой политики // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2017. Т. 6. №6. С. 14–18.

5. Захаров Н. Л., Кузнецов А. Л. Мотивация труда работников промышленных предприятий // Проблемы региональной экономики. 1999. №1-4. С. 439–450.

6. Лапин Н. С., Перфильева М. Б., Покровская Н. Н. Неформальные трудовые отношения как инструмент социализации и адаптации сотрудников государственных и муниципальных учреждений // Социология и право. 2021. №4(54). С. 12–23.

7. Меняйло Г. В. Риски цифровой трансформации бизнеса // Современная экономика: проблемы и решения. 2020. №3. С. 110–120.

8. Покровская Н. Н. Динамика критериальных моделей и ценностно-смысловых шкал в регулятивных механизмах инновационного роста экономики // Вестник Инжэкона. Серия: Экономика. 2014. №2(69). С. 100–108.

9. Покровская Н. Н. Формы занятости высококвалифицированных специалистов

промышленности: влияние прекаризации на интеллектуальный капитал / Н. Н. Покровская, Н. В. Бутова, Т. М. Конопляник // Планирование и обеспечение подготовки кадров для промышленно-экономического комплекса региона. 2019. Т. 1. С. 95–98.

10. Покровская Н. Н. Цифровизация и смешение предпринимательских и инвестиционных функций в трудовом поведении // Трансформация труда в (де) глобализирующемся обществе. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 309–325.

11. Слободской А. Л., Теребкова Т. А., Гарин А. К. Цифровое образование и новое технологическое поколение: спрос на новый контент в обучении // Наука о данных: Материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 5–7 февраля 2020 г.). СПб.: СПбГЭУ, 2020. С. 287–289.

12. Социально-экономический анализ инновационного управления цифровыми медиакоммуникациями / Н. Л. Захаров, Н. Н. Покровская, Т. В. Сметанина и др. СПб.: Издательство ВВМ, 2022. 198 с.

13. Ababkova M. Yu., Pokrovskaya N. N., Trostinskaya I. R. Neuro-Technologies for Knowledge Transfer and Experience Communication // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2018. Vol. XXXV. P. 10. DOI: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.2>.

14. Ahmed U., Carpitella S., Certa A., Izquierdo J. A Feasible Framework for Maintenance Digitalization // Processes. 2023. Vol. 11(2). P. 558. DOI: <https://doi.org/10.3390/pr11020558>.

15. Benlian A., Haffke I. Does mutuality matter? Examining the bilateral nature and effects of CEO-CIO mutual understanding // Journal of Strategic Information Systems. 2016. Vol. 25(2). P. 104–126. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jsis.2016.01.001>.

16. Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay // Power, Action, and Belief: A New Sociology of Knowledge? / Ed. J. Law. London: Routledge & Kegan Paul, 1986. 321 p.

17. Dremel C., Wulf J., Herterich M. M., Waizmann J.-C., Brenner W. How AUDI AG established big data analytics in its digital transformation // MIS Quarterly Executive. 2017. Vol. 16(2). P. 81–100.

18. Gust G., Flath C.M., Brandt T., Ströhl P., Neumann D. How a traditional company seeded new analytics capabilities // *MIS Quarterly Executive*. 2017. Vol. 16. №3. P. 215–230.

19. Latour B. *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. 128 p.

20. Liu L., Du K., Li G. Empathy, CIO-CEO relationship, and digital transformation // *Information & Management*. 2023. Vol. 60(3). DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.im.2023.103772>.

21. Molm L.D., Takahashi N., Peterson G. Risk and Trust in Social Exchange: An Experimental Test of a Classical Proposition // *American Journal of Sociology*. 2000. Vol. 105(5). P. 1396–1427. DOI: <https://doi.org/10.1086/210434>.

22. Nicolini D. *Knowing in Organizations: A Practice-Based Approach*. New York, NY, USA: Routledge, 2003. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315290973>.

23. Pokrovskaja N.N. Digital Regulation of Online Communication: Privacy and Oblivion versus Publicity and Trust // *Proceedings of the 2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar 2022, ComSDS 2022* (St. Petersburg, 13.04.2022). St. Petersburg: LETI, 2022. P. 74–78. DOI: <https://doi.org/10.1109/ComSDS55328.2022.9769131>.

24. Polanyi M. *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy*. Chicago: University of Chicago Press, 1958. 428 p.

25. Saihi A., Ben-Daya M., As'ad R. Underpinning success factors of maintenance digital transformation: A hybrid reactive Delphi approach // *International Journal of Production Economics*. 2023. Vol. 255, 108701. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2022.108701>.

26. Sia S.K., Soh C., Weill P. How DBS Bank pursued a digital business strategy // *MIS Quarterly Executive*. 2016. Vol. 15 (2). P. 105–121.

27. Svahn F., Mathiassen L., Lindgren R. Embracing digital innovation in incumbent firms: How Volvo Cars managed competing concerns // *MIS Quarterly Executive*. 2017. Vol. 41(1). P. 239–253. DOI: <http://dx.doi.org/10.25300/MISQ/2017/41.1.12>.

28. Sveiby K.E. *The New Organisational Wealth — Managing and measuring Knowledge-Based Assets*. San Fransisco, CA, USA: Berrett-Koehler, 1997. 248 p.

29. Von Glasersfeld E. *The construction of knowledge à Contributions to conceptual semantics*. Salinas, CA, USA: Intersystems Publications, 1987. 350 p.

30. Von Krogh G., Ichijo K., Nonaka I. *Enabling Knowledge Creation. How to Unlock the Mystery of Tacit Knowledge and Release the Power of Innovation*. New York: Oxford University Press, 2000. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195126167.001.0001>.

31. Wittgenstein L. *Philosophical investigations [Philosophische Untersuchungen]* / Transl. from German: G. E.M. Anscombe. Oxford: Blackwell, 1953. 227 p.

References

1. Ababkova M. Ju., Golohvastov D.V., Pokrovskaja N.N. Innovacionnyj rost virtual'noj jekonomiki: smena reguljativnoj paradigmy [Innovative growth of the virtual economy: changing the regulatory paradigm]. *Jekonomika i upravlenie [Economics and management]*. 2021; 8(190): 576–592. DOI: <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-8-576-592>. (In Russ.).

2. Bojko S.V., Garin A.K., Pokrovskaja N.N. Igrovyje valjuty kak cennostno-reguljativnyj mehanizm v uslovijah cifrovizacii kommunikacij [Game values as a value-regulatory mechanism in the conditions of digitalization of communications]. *Tehnologii PR i reklamy v sovremennom obshhestve: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Technologies of PR and advertising in modern society: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]*. Vol. 1. Saint Petersburg: Politeh-Press, 2020. P. 58–64. (In Russ.).

3. Bojko S.V., Pokrovskaja N.N., Slobodskoj A.L., Spivak V.A. Social'no-jekonomicheskie voprosy motivacii sotrudnikov v uslovijah udalennoj i raspredelennoj raboty [Socio-economic issues of motivation of employees in conditions of remote and distributed work]. *Sociologija i pravo [Sociology and Law]*. 2021; 1(51): 6–17. (In Russ.).

4. Zaharov N.L. Sociologicheskij analiz sovetskoj partijnoj kadrovoj politiki [Sociological analysis of the Soviet party personnel policy]. *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii [Personnel management and intellectual resources in Russia]*. 2017; 6(6): 14–18. (In Russ.).

5. Zaharov N.L., Kuznecov A.L. Motivacija truda rabotnikov promyshlennyh predpriyatij [Motivation of labor of workers of industrial enterprises]. *Problemy regional'noj jekonomiki* [Problems of regional economy]. 1999; (1-4): 439–450. (In Russ.).
6. Lapin N.S., Perfil'eva M. B., Pokrovskaja N.N. Neformal'nye trudovye otnoshenija kak instrument socializacii i adaptacii sotrudnikov gosudarstvennyh i municipal'nyh uchrezhdenij [Informal labor relations as an instrument of socialization and adaptation of employees of state and municipal institutions]. *Sociologija i pravo* [Sociology and Law]. 2021; 4(54): 12–23. (In Russ.).
7. Menjajlo G.V. Riski cifrovoj transformacii biznesa [Risks of digital transformation of business]. *Sovremennaja jekonomika: problemy i reshenija* [Modern economy: problems and solutions]. 2020; (3): 110–120. (In Russ.).
8. Pokrovskaja N.N. Dinamika kriterial'nyh modelej i cennostno-smyslovyyh shkal v reguljativnyh mehanizmah innovacionnogo rosta jekonomiki [Dynamics of criteria models and value-semantic scales in regulatory mechanisms of innovative economic growth]. *Vestnik Inzhjekona. Serija: Jekonomika* [Bulletin of the Injecon. Russia: Economics]. 2014; 2(69): 100–108. (In Russ.).
9. Pokrovskaja N.N. Formy zanjatosti vysokokvalificirovannyh specialistov promyshlennosti: vlijanie prekarizacii na intellektual'nyj kapital [Forms of employment of highly qualified industrial specialists: the impact of precarization on intellectual capital]. N.N. Pokrovskaja, N.V. Burova, T.M. Konopljannik. Planirovanie i obespechenie podgotovki kadrov dlja promyshlennno-jekonomicheskogo kompleksa regiona [Planning and provision of personnel training for the industrial and economic complex of the region]. 2019. Vol. 1. P. 95–98. (In Russ.).
10. Pokrovskaja N.N. Cifrovizacija i smeshenie predprinimatel'skih i investicionnyh funkcij v trudovom povedenii [Digitalization and mixing of entrepreneurial and investment functions in labor behavior]. Transformacija truda v (de) globalizirujushhemsja obshhestve [Transformation of labor in a (de) globalizing society]. Saint Petersburg: Skifija-print, 2021. P. 309–325. (In Russ.).
11. Slobodskoj A.L., Terebkova T.A., Garin A.K. Cifrovoe obrazovanie i novoe tehnologicheskoe pokolenie: spros na novyj kontent v obuchenii [Digital education and the new technological generation: demand for new content in education]. Nauka o dannyh: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 5–7 fevralja 2020 g.) [Data science: Materials of the International scientific and practical conference (St. Petersburg, February 5–7, 2020)]. Saint Petersburg: SPbGJeU, 2020. P. 287–289. (In Russ.).
12. Social'no-jekonomicheskij analiz innovacionnogo upravlenija cifrovymi media-kommunikacijami [Socio-economic analysis of innovative management of digital media communications]. N.L. Zaharov, N.N. Pokrovskaja, T.V. Smetanina et al. Saint Petersburg: Izdatel'stvo VVM, 2022. 198 p. (In Russ.).
13. Ababkova M. Yu., Pokrovskaja N.N., Trostinskaya I.R. Neuro-Technologies for Knowledge Transfer and Experience Communication. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2018. Vol. XXXV. P. 10. DOI: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.2>.
14. Ahmed U., Carpitella S., Certa A., Izquierdo J. A Feasible Framework for Maintenance Digitalization. *Processes*. 2023; 11(2): 558. DOI: <https://doi.org/10.3390/pr11020558>.
15. Benlian A., Haffke I. Does mutuality matter? Examining the bilateral nature and effects of CEO-CIO mutual understanding. *Journal of Strategic Information Systems*. 2016; 25(2): 104–126. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jsis.2016.01.001>.
16. Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay. Power, Action, and Belief: A New Sociology of Knowledge? Ed. J. Law. London: Routledge & Kegan Paul, 1986. 321 p.
17. Dremel C., Wulf J., Herterich M.M., Waizmann J.-C., Brenner W. How AUDI AG established big data analytics in its digital transformation. *MIS Quarterly Executive*. 2017; 16(2): 81–100.
18. Gust G., Flath C.M., Brandt T., Ströhle P., Neumann D. How a traditional company seeded new analytics capabilities. *MIS Quarterly Executive*. 2017; 16(3): 215–230.
19. Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. 128 p.

20. Liu L., Du K., Li G. Empathy, CIO — CEO relationship, and digital transformation. *Information & Management*. 2023; 60(3). DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.im.2023.103772>.
21. Molm L.D., Takahashi N., Peterson G. Risk and Trust in Social Exchange: An Experimental Test of a Classical Proposition. *American Journal of Sociology*. 2000; 105(5): 1396–1427. DOI: <https://doi.org/10.1086/210434>.
22. Nicolini D. Knowing in Organizations: a Practice-Based Approach. New York, NY, USA: Routledge, 2003. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315290973>.
23. Pokrovskaya N.N. Digital Regulation of Online Communication: Privacy and Oblivion versus Publicity and Trust. Proceedings of the 2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar 2022, ComSDS 2022 (St. Petersburg, 13.04.2022). St. Petersburg: LETI, 2022. P. 74–78. DOI: <https://doi.org/10.1109/ComSDS55328.2022.9769131>.
24. Polanyi M. Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy. Chicago: University of Chicago Press, 1958. 428 p.
25. Saihi A., Ben-Daya M., As'ad R. Underpinning success factors of maintenance digital transformation: A hybrid reactive Delphi approach. *International Journal of Production Economics*. 2023; 255, 108701. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2022.108701>.
26. Sia S.K., Soh C., Weill P. How DBS Bank pursued a digital business strategy. *MIS Quarterly Executive*. 2016; 15(2): 105–121.
27. Svahn F., Mathiassen L., Lindgren R. Embracing digital innovation in incumbent firms: How Volvo Cars managed competing concerns. *MIS Quarterly Executive*. 2017; 41(1): 239–253. DOI: <http://dx.doi.org/10.25300/MISQ/2017/41.1.12>.
28. Sveiby K.E. The New Organisational Wealth — Managing and measuring Knowledge-Based Assets. San Francisco, CA, USA: Berrett-Koehler, 1997. 248 p.
29. Von Glasersfeld E. The construction of knowledge à Contributions to conceptual semantics. Salinas, CA, USA: Intersystems Publications, 1987. 350 p.
30. Von Krogh G., Ichijo K., Nonaka I. Enabling Knowledge Creation. How to Unlock the Mystery of Tacit Knowledge and Release the Power of Innovation. New York: Oxford University Press, 2000. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195126167.001.0001>.
31. Wittgenstein L. Philosophical investigations [Philosophische Untersuchungen]. Transl. from German: G. E.M. Anscombe. Oxford: Blackwell, 1953. 227 p.

Статья поступила в редакцию 10.06.2023; одобрена после рецензирования 28.06.2023; принята к публикации 16.07.2023.

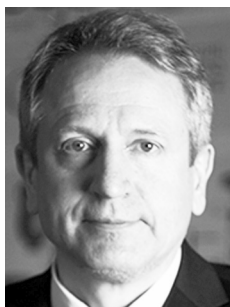
The article was submitted on 10.06.2023; approved after reviewing on 28.06.2023; accepted for publication on 16.07.2023.28

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронцов Алексей Васильевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48

Alexey V. Vorontsov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Herzen State Pedagogical University of Russia. 48 Moika emb., Saint Petersburg, Russia

Шелонаев Сергей Игоревич — доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Журналистика и медиатехнологии СМИ», Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна.

Россия, г. Санкт-Петербург, Большая Морская, 18

Sergey I. Shelonaev — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Journalism and Media Technologies, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design.

18 Bolshaya Morskaya str., Saint Petersburg, Russia

Цыплакова Ольга Геннадьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48

Olga G. Tsyplakova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology, Herzen State Pedagogical University of Russia.

48 emb. river Moika, 48 Saint Petersburg, Russia

Вклад авторов:

Воронцов А. В., Шелонаев С. И. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Цыплакова О. Г. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Vorontsov A. V., Shelonaev S. I. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Tsyplakova O. G. — participation in development of curricula and their implementation; follow-on version of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 316.3

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-52-62

ЦЕННОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ДОМИНАНТЫ В ВОСПРИЯТИИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Елена Павловна Зимовина

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия
zimelena@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6587-070X, AuthorID РИНЦ: 894943*

Аннотация. *Цель исследования* — выявить доминанты в восприятии ценностей молодыми мужчинами и женщинами.

Методологической основой исследования послужила эволюционная теория модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля, авторы которой разработали систему измерения ценностей.

Результаты исследования. Для молодых людей доминирующими ценностями являются семья, любовь, дружба, свобода, справедливость, материальный достаток. Значение имеют и такие духовные ценности, как доброта, милосердие, терпимость, честь. Список первостепенных ценностей у мужчин и женщин включает семью, родителей, безопасность, здоровье, однако дальше приоритеты начинают расходиться. При характеристике устаревших и еще не сформированных ценностей были отмечены четкие отличия: многие молодые женщины критиковали патриархальные устои и институт брака, актуализировали вопросы равенства и свободы, говорили о необходимости толерантного и беспристрастного отношения к людям разных взглядов. Мужчины относились к данным темам нейтрально, больше обращая внимание на социальные вопросы и прессинг общественного мнения. Основываясь на результатах проведенного исследования и соотнося их с основными положениями эволюционной теории модернизации, можно сделать вывод, что система ценностей молодежи представляет собой сочетание традиционных и секулярно-рациональных ценностей.

Ключевые слова: Калининградская область, молодежь, ценности, семья, устаревшие ценности, не сформированные ценности

Для цитирования: Зимовина Е.П. Ценности в молодежной среде: доминанты в восприятии мужчин и женщин // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 52–62. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-52-62>.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Приоритет-2030»: «Социологический анализ системы ценностей и геополитической картины мира жителей Калининградской области в условиях международной напряженности».

Original article

VALUES OF THE YOUTH: DOMINANTS IN THE PERCEPTION OF MEN AND WOMEN

Elena P. Zimovina

*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
zimelena@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6587-070X, AuthorID RSCI: 894943*

Abstract. *The purpose of the study is to identify the dominants in the perception of values by young men and women.*

The methodological basis of the study was the Theory of Modernization by R. Inglehart and K. Welzel, the authors of which developed a system of measuring values.

Research result. *For young people, the dominant values are family, love, friendship, freedom, justice, and material prosperity. Spiritual values such as kindness, mercy, tolerance, honor are also important. The list of primary values for men and women includes family, parents, safety, health. However, further priorities begin to diverge. When describing outdated and unformed values, clear differences were noted: many young women criticized patriarchal foundations and the institution of marriage, actualized issues of equality and freedom, spoke about the need for a tolerant and impartial attitude towards people of different views. Men treated these topics neutrally, paying more attention to social issues and the pressure of public opinion. Based on the main provisions of the Theory of Modernization, it can be concluded that the value system of youth is a combination of traditional and secular-rational values.*

Keywords: *Kaliningrad region, youth, values, family, outdated values, unformed values*

For citation: *Zimovina E. P. Values of the youth: dominants in the perception of men and women // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 52–62. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-52-62>.*

Acknowledgments. *The research was performed within the Priority 2030 project: «Sociological analysis of the value system and the geopolitical picture of the world of residents of the Kaliningrad region in conditions of international tension».*

Введение. На современном этапе ценности становятся объектом внимания государства, общественности, исследователей. Это обусловлено как политическими и социокультурными трансформациями мирового масштаба, так и спецификой их проявления на местах. Важность ценностей обусловлена степенью их значимости в жизни каждого человека. Прежде всего, это относится к таким фундаментальным ценностям, как здоровье, семья, родители, дети, любовь, дружба. Наряду с общечеловеческими, в обществе формируются морально-нравственные

и гражданские ценности (вера, гуманизм, милосердие, честь, достоинство, свобода, равенство, справедливость, патриотизм). Система ценностей способствует объединению членов общества и направлена на утверждение, прежде всего, в молодежной среде. Это обеспечивает преимущество ценностей и определенную устойчивость даже в периоды социальных потрясений.

Несмотря на свою фундаментальность, ценности могут подвергаться разного рода трансформациям и даже разрушению. Так, в «Стратегии национальной безопасности

Российской Федерации» современная ситуация оценивается как требующая принятия неотложных мер по защите традиционных ценностей¹. В связи с этим государство стремится сберечь их, подчеркивая значение традиционных ценностей в сфере обеспечения национальной безопасности². Делается акцент на то, что «Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала»³.

Таким образом, совокупность ценностей представляется важным общественным явлением, регулярный мониторинг которого имеет государственное значение.

Объектом нашего исследования является калининградская молодежь совершеннолетнего возраста (18–35 лет). Данные рамки обусловлены законодательством Российской Федерации, определяющим как возраст наступления дееспособности, так и когорты, входящие в категорию «молодежь»⁴.

Цель исследования — выявить доминанты в восприятии ценностей молодыми мужчинами и женщинами. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие исследовательские вопросы: «Существует ли разница при определении приоритетных ценностей у мужчин и у женщин?», «Каков взгляд мужчин и женщин на устаревшие и еще не сформированные ценности?», «В чем заключается специфика восприятия ценностей мужчинами и женщинами?».

Обзор литературы. Осмыслению ценностей в молодежной среде посвящено значительное количество публикаций. В одних работах затрагиваются теоретические аспекты, в других рассматриваются результаты проведенных исследований как в масштабах стран, так и на уровне регионов. Это позволяет авторам делать выводы обобщающего характера. Так, в работе Н.П. Нарбут и И.В. Троцук по итогам межстрановых исследований делается заключение, что идентификация ценностных ориентаций в той или иной мере помогает увидеть существующий в обществе набор ценностей, задающий нормы и правила поведения и усваиваемый молодыми поколениями в ходе социализации [6]. В статье И.П. Рязанцева, М.А. Подлесной, И.В. Богдан делается вывод об универсализме ценностей российских студентов, а также их способности быть гибкими в отношении как процессов модернизации, так и сохранения российской ценностной специфики. Авторы интерпретируют этот факт как проявление постепенного перехода российского общества к универсализму ценностей, совмещению самых разных ценностных оснований и уходе от патерналистских установок [9]. В работе В.В. Воронова проведен лонгитюдный анализ российской системы образования в постсоветский период на предмет переосмысления ценностей в школе и вузе. В итоге были охарактеризованы некоторые противоречия между системой базовых национальных ценностей и ценностными ориентациями российских школьников и студентов [2].

Можно выделить ряд интересных методологических подходов, множество оригинальных стратегий разработки и анализа данных, значительное количество исследовательских находок. В частности, интересные результаты были получены в результа-

1 Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 18.02.2023).

2 Указ Президента РФ от 24.12.2014 г. №808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (в редакции Указа Президента РФ от 25.01.2023 г. №35) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 18.02.2023).

3 Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 18.02.2023).

4 Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Принят Государственной Думой 21.10.1994 г. Ст. 21 [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10164072/paragraph/201:0> (дата обращения: 04.02.2023); Федеральный Закон от 30.12.2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012020123000003?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 04.02.2023).

те апробации авторской методики по выявлению системы ценностных предпочтений и ценностных приоритетов молодежи [1]. Для решения конкретных задач исследователями используются и уже зарекомендовавшие себя методики, например, экспресс-диагностика социальных ценностей [11]. Ценности тесно связаны с институтом семьи и семейно-брачными отношениями. В связи с этим особую значимость представляют исследования, посвященные вопросам восприятия молодежью семьи и брака. Данная проблематика всесторонне проанализирована в работах Т.К. Ростовской. В частности, объектом внимания автора является студенческая семья, которая рассматривается как социокультурный феномен, обладающий специфическим набором ценностных приоритетов и жизненных стратегий. Автор отмечает кризисное состояние студенческой семьи в современной России и связывает это, в первую очередь, со сменой ценностно-нравственных ориентиров в молодежной среде [7]. В другой статье на основе анализа брачных стратегий молодых россиян был сделан вывод о значительном влиянии на этот процесс примера родительской семьи и семейных традиций в целом. Исследователям удалось выявить связь между брачным поведением студентов и степенью сформированности самой ценности вступления в брак [8]. Интерес представляют исследования, в которых обращается внимание на роль ценностей этнического или религиозного характера при формировании жизненных стратегий молодежи. Так, Г.И. Галиева и М.Р. Гибадуллина, основываясь на данных социологических исследований в Республике Татарстан, делают вывод об активном усвоении на современном этапе религиозных ценностей в этнической среде. Кроме того, была проанализирована специфика восприятия «светских» добрых стратегий и ценностей в религиозной среде молодых мусульманок [3]. Этнический аспект формирования ценностей также затрагивается в ряде работ. Например, Т.П. Липай, отмечая влияние ценностей западного общества, приходит к выводу, что молодежь во многом ведет себя соответственно особенностям этнокультурного окружения [5]. В работе Л.Г. Титаренко анализируется сте-

пень влияния на формирование семейных ценностей двух противостоящих друг другу векторов: государственной политики и комплекса ценностей глобального характера. Поэтому, по мнению автора, эффективность многих управленческих решений в отношении семьи зависит как от учета обстановки обществе, так и от индивидуальных установок и ценностей молодых людей [10]. Как видим, на сегодняшний день существуют серьезные теоретические разработки, подтвержденные многочисленными и разнообразными эмпирическими данными.

Характеристика выборки. Исследование ценностных установок калининградской молодежи было проведено в форме онлайн-анкетирования в июне 2022 года и охватило 899 человек (47% мужчин и 53% женщин). Доверительная вероятность выборки составила около 95%, погрешность $\pm 3,3\%$. Полученные данные были обработаны в программе SPSS Statistics.

Методологической основой исследования послужила эволюционная теория модернизации, авторы которой разработали систему измерения ценностей. Одно из предложенных измерений представляет собой бинарную оппозицию: *традиционные ценности* (религия, семья, патриотизм, почитание власти, превалирование общественных интересов над личными) и *секулярно-рациональные ценности* (светскость, независимость, сниженная степень уважения к власти, политическая осведомленность, доминирование личных интересов над общественными) [4; 12; 13].

Ценности в восприятии молодежи. У каждого человека есть ценности, которые представляют собой жизненные ориентиры и являются приоритетными. В ходе социологического опроса респондентам было предложено установить степень значимости определенного набора ценностей (табл. 1). Оказалось, что для молодых людей значимыми являются безопасность, здоровье, родители и семья, причем в пятерку наиболее важных ценностей у мужчин входила еще и работа, а у женщин — свобода, которую многие поставили выше семьи. При определении факторов, оказывающих сильное влияние на фор-

мирование ценностей человека, респонденты указали на семью, друзей, Интернет и систему образования (рис. 1).

В анкете присутствовали и открытые вопросы, один из которых звучал так: «Какие ценности наиболее **значимы лично для Вас?**». На него было получено 196 ответов (от 99 женщин и 97 мужчин), которые можно распределить на несколько условных категорий: «единичные», «множественные», «разъяснительные». К «единичным» были отнесены ответы, в которых респонденты акцентировали внимание на одной ценности. В качестве такой доминирующей ценности чаще всего указывались семья, любовь, свобода, здоровье, дружба, справедливость и материальный достаток. При этом существенной разницы между ответами мужчин и женщин не наблюдалось.

«Множественные» ответы включали более одной категории и отражали некий набор

ценностей, которые являются значимыми для конкретного человека независимо от пола. Здесь фигурировали разные сочетания ценностей: «Родные, друзья, деньги» (муж.); «Безопасность, свобода, материальные блага» (муж.); «Близкие люди, справедливость, помощь нуждающимся» (муж.); «Деньги, семья, дружба» (жен.); «Дружба, любовь, семья» (жен.); «Здоровье, карьера, образование» (муж.); «Комфорт, любовь, возможности» (муж.); «Нравственность, справедливость, милосердие» (жен.); «Свобода слова, справедливость, сохранение традиций» (жен.) и т.д.

«Разъяснительные» ответы содержали размышления на тему или объяснения своей точки зрения. Они представляли собой не просто перечисление наиболее важных дефиниций. Это было своеобразное краткое обоснование своей жизненной позиции: «Для меня определяющим фактором во всем является честность и открытость, я очень ценю собственную свободу и право распоря-

Таблица 1
Table 1

Значимость ценностей для молодежи (%)
The importance of values for young people (%)

Ценность	Не значимо		Среднее значение		Значимо		Затруднились ответить	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Материальное благосостояние	10,3	8,3	13,7	10,0	68,6	76,1	7,2	5,6
Безопасность	7,7	6,4	10,4	6,0	76,1	82,3	5,8	5,3
Дружба	7,7	6,4	13,7	12,8	69,8	75,0	8,7	5,8
Здоровье	7,3	5,2	7,2	7,9	79,3	81,0	6,3	6,0
Любовь	8,7	7,9	13,3	11,5	70,6	74,6	7,5	6,0
Образование	11,8	10,3	16,6	9,8	64,4	75,5	7,2	4,5
Работа	9,4	6,5	12,0	9,6	71,1	78,8	7,5	5,1
Равноправие	16,1	11,1	21,9	11,8	51,1	69,9	10,8	7,3
Развлечения	11,6	10,9	21,0	17,7	60,3	66,0	7,2	5,3
Родители	7,7	4,9	9,2	8,1	74,7	80,5	8,4	6,4
Свобода	9,7	7,3	11,6	6,4	70,1	79,7	8,7	6,6
Семья	9,2	5,4	9,4	9,2	74,4	79,3	7,0	6,2
Справедливость	10,3	8,2	10,8	8,1	68,5	77,6	10,4	6,2
Религия	44,3	36,3	18,3	21,6	26,8	34,6	10,6	7,5
Честность	12,6	6,4	11,8	10,3	66,8	76,1	8,9	7,3

жаться собственной жизнью и быть тем, кем я хочу» (жен.); «Толерантность. Человек ценен и индивидуален, нет оправдания насилию» (жен.); «Любовь к себе и всему, что меня окружает» (муж.); «Наиболее значимы семейные ценности» (муж.); «Ответственность даже за “маленькие” поступки» (муж.); «Семья, личное восприятие и достаток, возможность расти как личность» (жен.); «Уметь держать себя в руках и мыслить здраво» (муж.); «Ценности, связанные с работой и творчеством» (муж.). Некоторые люди были довольно откровенны и признались в каких-то сиюминутных интересах: «На данный момент у меня одержимость материальными вещами, особенно деньгами» (жен.); «Никакие, просто живу сегодняшним днем и что будет, то будет» (муж.).

Интересно, что всего восемь респондентов (4 мужчины и 4 женщины), перечисляя значимые лично для них ценности, упомянули о детях: «Семья, дети, работа» (жен., 19 лет); «Дети» (жен., 24 года); «Моя семья и ребенок» (муж., 26 лет); «Семья, дети» (жен., 24 года; жен., 27 лет; муж., 28 лет; муж., 30

лет); «Семья, любовь, дети» (муж., 31 год). Скорее всего, большинство респондентов включали детей в категории «семья», «мои родные», «близкие люди» и т.д., однако сам факт столь редкого упоминания о детях является дополнительным подтверждением низких репродуктивных установок молодежи, направленных на малодетность или бездетность. В определенной степени это указывает на процесс трансформации семьи и семейных устоев в молодежной среде.

Подтверждение этому можно найти и в ответах на вопросы о значимости семьи (рис. 2). Подавляющее большинство респондентов, объясняя, чем является семья в их жизни, отметили, что это люди, которыми они дорожат и которые их понимают. Об этом говорят и самостоятельные ответы на данный вопрос: «Люди, которых я люблю» (жен.); «Родные люди» (жен.); «Самые близкие» (муж.); «Люди, которые никогда не подведут и всегда помогут» (жен.); «Те, кто всегда придут на помощь» (жен.); «Люди, которые составляют надежный тыл» (жен.); «Поддержка, опора, бескорыстная любовь» (жен.); «Люди, которым я нужен» (муж.);

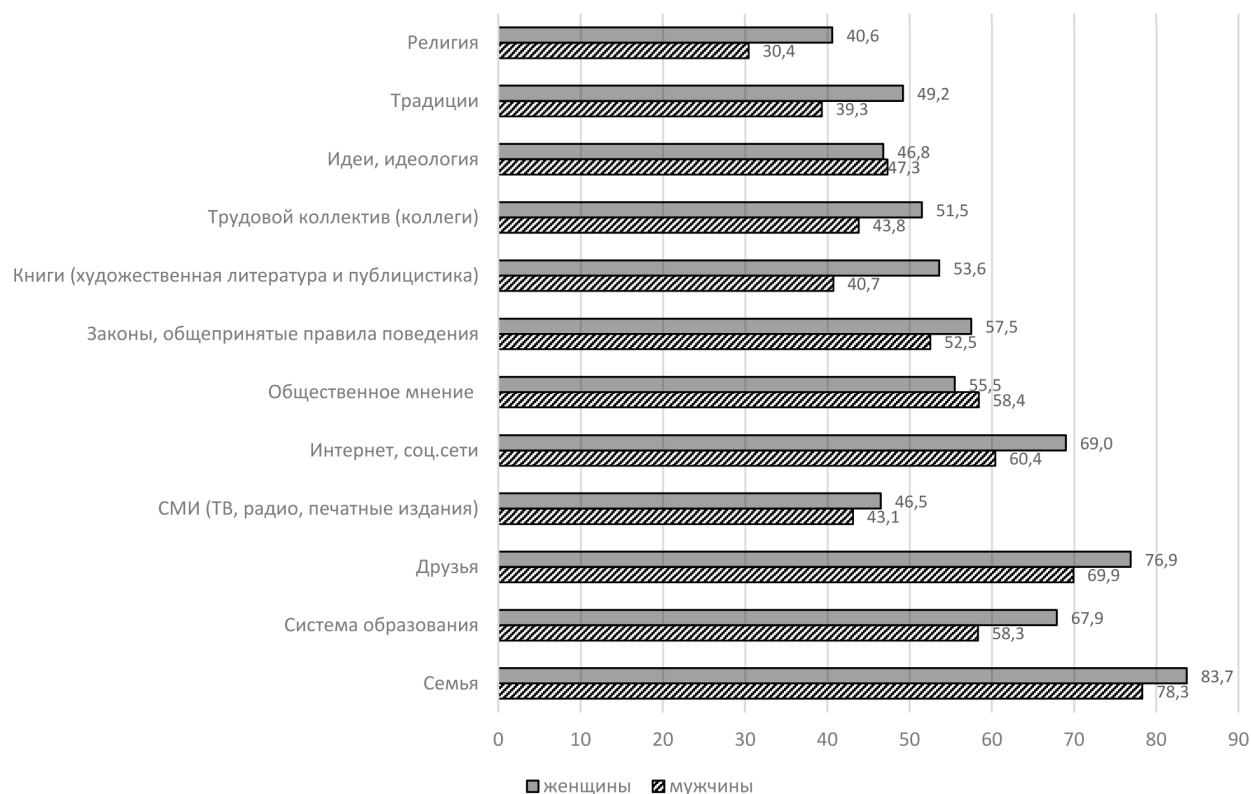

Рис. 1. Факторы, влияющие на формирование ценностей человека (%)
Fig. 1. Factors influencing the formation of human values (%)

«Люди, которые всегда мне рады» (жен.);
 «Люди, которые меня воспитали» (жен.).

Однако не у всех в семье складываются образцовые отношения. Так, мужчины чаще признавали, что проживают с людьми, с которыми у них сложные отношения и которых они просто терпят (рис. 2). Обратим еще раз внимание на следующий факт — в ответах ни разу не были упомянуты дети. Респонденты отмечали роль родителей, близких и родных людей, подчеркивали их бескорыстную любовь и поддержку, но о детях не было сказано ни слова, хотя определенная часть участников опроса сами являлись родителями. Возможно, дети подразумевались, тем не менее при характеристике семьи они не были указаны ни одним из участников опроса.

Определяя для себя наиболее важные ценности, каждый человек соотносит их с нормами и установками, бытующими в обществе. В связи с этим респондентам был задан открытый вопрос «Какие ценности, присущие российскому обществу, являются, на Ваш взгляд, *устаревшими*?». Ответы были получены от 302 участников опроса (от 159 женщин и 143 мужчин). Среди устаревших ценностей наиболее часто фигурировали консерватизм, патернализм, традиции, религия, необходимость заключения брака и рождения детей, высокая значимость общественного мнения, обязательность полу-

чения высшего образования. В то же время были обнаружены и различия. Так, мужчины в большей степени обращали внимание на социальные аспекты устаревших норм («Влияние связей»; «Боязнь власти»; «Слепая вера СМИ»), религию («Религиозность»; «Институт религии как таковой»; «Излишняя набожность»; «Однозначно религия. Хотя Россия и считается светским обществом, религия до сих пор имеет место быть в огромных масштабах. Религия не должна отсутствовать совсем, но и иметь влияние она не должна»), негласные устои общества («Жизнь по понятиям, а не по закону»; «Завышенная ценность мнения окружающих»; «Понты»; «Семейные ценности — типа жениться обязательно»; «Семейные ценности, особенно иметь детей»; «Статус»).

Женщины также указывали на устаревшие с их точки зрения формы общественно-политического и религиозного сознания: «Агрессивная религиозность, аполитичность, ксенофобия»; «Религиозность и традиционный ход мыслей»; «Потребление, кумовство и бытовой садизм»; «Все представления, которые касаются того, как люди должны/не должны жить свою жизнь»; «Излишний коллективизм, боязнь взять на себя ответственность, боязнь, что общество осудит»; «Подход к воспитанию детей сильно устарел»; «Ценность связей и блата (без свя-

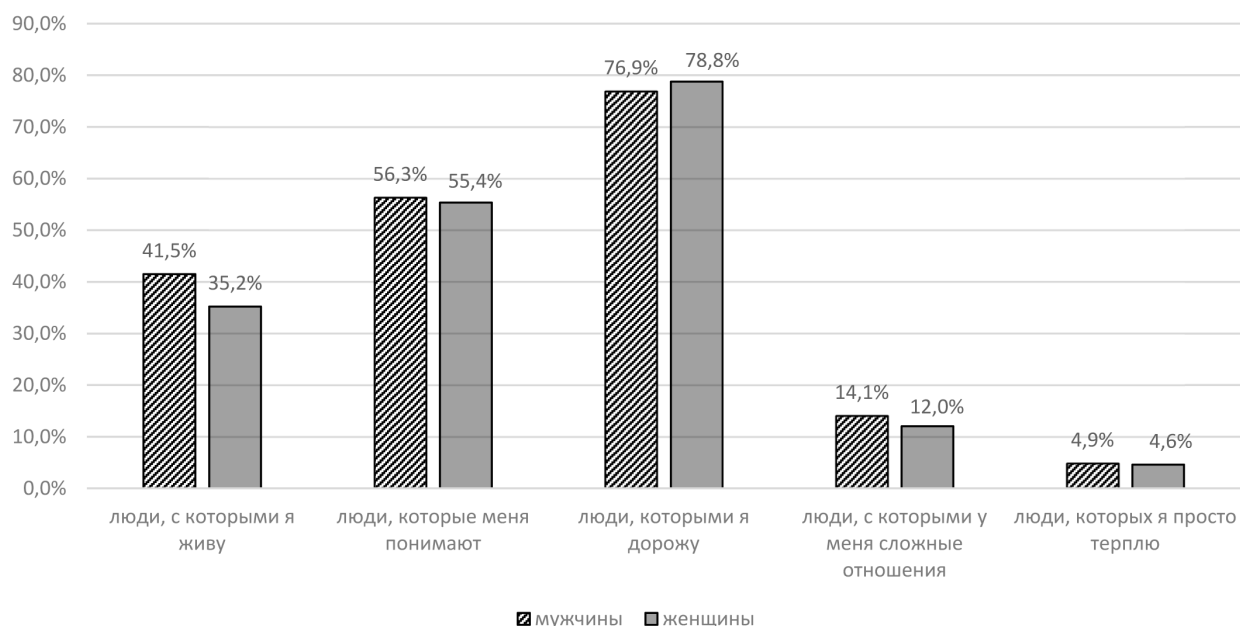

Рис. 2. Чем для Вас является семья? (не больше 3-х вариантов ответов, %)
Fig. 2. What is family for you? (no more than 3 possible answers, %)

зей — нигде, ничего не добиться)»; «Инфантилизм (перекладывание ответственности за свое благополучие и будущее на госструктуры)». Однако в ответах молодых женщин были очень сильны мотивы эмансипации, равноправия, независимости. Многие выступили против традиционного восприятия роли женщины в обществе и высказались за необходимость преодоления патриархальности общественного сознания. В связи с этим они подвергли критике следующие устаревшие с их точки зрения ценности: «Ценности насчет того, что обязательно нужно иметь детей»; «Обязательно рожать в 20-летнем возрасте»; «Необходимость заведения детей, создания семьи»; «Обязательно выходить замуж/жениться»; «Законный брак»; «Девственность — святое (до свадьбы ни-ни)»; «Кульм традиционной семьи»; «Патриархат и установка преимущественно на мужские интересы»; «Ориентировка на традиции»; «Терпеть ради семьи»; «Место женщины — на кухне». Одна из молодых женщин к устаревшим представлениям отнесла «традиционные ценности, связанные с патриархатом. Например, забота о детях, по умолчанию передаваемая женщине. И множество ценностей, связанных с фразами: “мужчина должен”, “женщина должна”. На мой взгляд, это является устаревшей моделью». Наблюдения показывают, что подобная категоричная точка зрения в большей степени характерна для молодых незамужних и не имеющих детей женщин. Женщины постарше в основном акцентируют внимание на социальных вопросах. Справедливости ради нужно сказать, что определенная часть респондентов не нашла ничего устаревшего из существующих в российском обществе ценностей: «Все отлично в русских ценностях» (муж.); «Из ценностей никакие не устарели» (муж.); «Нет ничего устаревшего, все модифицируется» (жен.); «Все нормальные» (жен.). Несколько человек дали развернутые комментарии по этому вопросу: «Считаю, наоборот, не устаревшими, а отклонившимися в материальное от духовного, слишком сильную направленность на себя, что чревато последствиями» (муж.); «Все забывают про духовные ценности» (жен.); «На мой взгляд, есть грань между традиционными ценностями и устаревшими. Я сом-

неваюсь, что традиционные можно назвать устаревшими. А вот ценности, оставшиеся с советского периода и периода 90-х, устарели отчасти» (жен.).

Рассуждая о ценностях, респонденты зачастую критиковали российскую действительность, обращая внимание на те явления и процессы, которые необходимо, с их точки зрения, преодолевать или искоренять. Наиболее ярко мнение молодых людей проявилось в ответах на открытый вопрос «Какие ценности в современном российском обществе, на Ваш взгляд, еще не сформированы?». Было получено 290 ответов (от 145 женщин и 145 мужчин). В основном люди останавливались на социальной сути существующего положения вещей, относя к еще не сформированным ценностям экологическое сознание, основы безопасности, гражданскую активность, принципиальность в отстаивании своих убеждений, общественную сплоченность и личную ответственность: «Гражданское общество» (муж.); «Гражданская активность» (муж.); «Социальная солидарность» (жен.); «Ответственная политическая позиция» (жен.); «Защита слабозащищенных» (муж.); «Бороться за экологию» (муж.); «Верность своим принципам и чувство собственного достоинства» (жен.); «Умение отстаивать свои права» (муж.); «Свобода мысли и слова. Люди привыкли молчать о том, что думают» (муж.); «Общее благосостояние» (жен.); «Видеть собственную ценность людей, к сожалению, не привыкли» (жен.).

Помимо социальных норм, молодые люди считают не сформированными многие важные личностные качества, которые в итоге оказывают влияние на состояние общества в целом: «Осознание личной ответственности» (муж.); «Ценность жизни» (муж.); «Ценность другой жизни» (жен.); «Бережное отношение к окружающим людям и миру» (муж.); «Любовь к людям, животным, природе» (муж.); «Уважение к личности как таковой» (муж.); «Уважение себя и остальных людей» (муж.); «Любовь и забота о пожилых» (жен.); «Высокие нравственные идеалы» (муж.); «Моральные устои и нравы» (муж.); «Нравственность, сострадание» (жен.). Также к не сформированным ценностям некоторые респонденты отнесли бескорыстие, благородство, гуманность,

вежливость, культуру общения, лояльность. При этом женщины в большей степени, нежели мужчины, считают, что еще не сформированы в обществе такие ценности, как гендерное равенство, терпимое отношение к ЛГБТ сообществу, толерантность в целом: «Ценности, связанные с поддержкой женского населения» (жен.); «Мысль о том, что профессиональные навыки нужно оценивать независимо от пола и возраста, ещё не укоренилась в нашем обществе» (жен.); «Равные возможности и справедливый успех в профессиональной сфере» (жен.); «Свобода, равноправие, разделение обязанностей между мужчиной и женщиной» (жен.); «Отношение к ЛГБТ» (жен.); «Прогрессивное отношение к самовосприятию человека» (жен.); «Терпимость к чуждому мнению» (жен.); «Беспристрастное отношение к людям разных взглядов» (жен.).

Часть респондентов выразили мнение, что в российском обществе с системой ценностей все в порядке: «Все сформированы» (муж.); «Все сформировано, но со своим уклоном» (жен.); «Многие» (муж.).

Как видно, для молодых людей значимыми являются как общечеловеческие (семья, любовь, дружба, здоровье), так и социальные (свобода, равенство, справедливость, безопасность) ценности. Однако необходимо обратить внимание на важный аспект их восприятия: женщины поднимали темы, связанные с равноправием в семье, на работе, в обществе, а также смелее говорили о толерантности и свободе; мужчины чаще делали акцент на гражданско-правовых и нравственных аспектах социальной и частной жизни.

Заключение. В ходе проведенного исследования удалось выяснить, что для калининградской молодежи доминирующими ценностями являются семья, любовь, дружба, свобода, справедливость, материальный достаток. Немаловажное значение имеют и духовные ценности: доброта, милосердие, терпимость, честь. При этом ранжирование ценностей происходит по-разному. Так, «пятерка» приоритетных ценностей и у мужчин, и у женщин включала в разной последовательности такие категории, как семья, родители, безопасность, здоровье. Однако с пятой позиции приоритеты начинали расходиться.

При характеристике устаревших и еще не сформированных ценностей были отмечены четкие отличия: многие молодые женщины критиковали патриархальные устои и институт брака, актуализировали вопросы равенства и свободы, говорили о необходимости толерантного и беспристрастного отношения к людям разных взглядов. Мужчины относились к данным темам нейтрально, больше обращая внимание на социальные вопросы и прессинг общественного мнения.

В целом, основываясь на базовых концептах эволюционной теории модернизации, можно сделать вывод, что система ценностей калининградской молодежи представляет собой сочетание традиционных и секулярно-рациональных ценностей. Это выражается в определении семьи как одной из главенствующих ценностей, совмещении общественных и личных интересов, политической осведомленности, светскости и высокой значимости свободы, справедливости и равенства.

Список источников

1. Вержибок Г.В. Ценностная система современной молодежи в условиях социальных изменений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. №2. С. 63–69.
2. Воронов В.В. Национальные ценности в воспитании и ценности молодежи // Наука и образование. 2013. №3(71). С. 65–71.
3. Галиева Г.И., Гибадуллина М.Р. Добрые стратегии молодых мусульманок: (на материалах социологических исследований в Республике Татарстан) // Женщина в российском обществе. 2022. №3. С. 143–159.
4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
5. Липай Т.П. Гендерные аспекты семейных ценностей белорусской молодежи // Женщина в российском обществе. 2009. №1(50). С. 44–48.
6. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник Российского

университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. №1. С. 131–155. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-131-155.

7. Ростовская Т.К. Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей (итоги всероссийского межвузовского исследования) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. №4(40). С. 73–81.

8. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарева О.А. Студенческая семья в России: детерминанты вступления в брак // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23. №1. С. 40–60. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60.

9. Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Богдан И.В. Универсализм ценностей студенческой молодежи и развитие российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. №1. С. 97–109. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109.

10. Титаренко Л.Г. Молодая белорусская семья: между государственной социальной политикой и влиянием ценностей демографического перехода // Женщина в российском обществе. 2022. №3. С. 118–130.

11. Хрипунова О.Г., Поляруш А.А., Селиванова Е.В., Лунева Е.В. Гендерные особенности развития ценностных ориентаций студенческой молодежи // Science for Education Today. 2019. Т. 9. №5. С. 24–36. DOI: 10.15293/2658-6762.1905.02.

12. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990. 508 p.

13. Inglehart R. Modernization and Post-modernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. 468 p.

References

1. Verzhibok G. V. Cennostnaja sistema sovremennoj molodezhi v uslovijah social'nyh izmenenij [The value system of modern youth in the conditions of social changes]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filosofija. Psihologija. Pedagogika* [News of Saratov University. A new series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2014; 14(2): 63–69. (In Russ.).

2. Voronov V. V. Nacional'nye cennosti v vospitanii i cennosti molodezhi [National values in education and values of youth]. *Nauka i obrazovanie* [Science and Education]. 2013; 3(71): 65–71. (In Russ.).

3. Galieva G. I., Gibadullina M. R. Dobrachnye strategii molodyh musul'manok: (na materialah sociologicheskikh issledovanij v Respublike Tatarstan) [Premarital strategies of young Muslim women: (based on the materials of sociological research in the Republic of Tatarstan)]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve* [Woman in Russian Society]. 2022; (3): 143–159. (In Russ.).

4. Inghart R., Vel'cel' K. Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija [Modernization, cultural changes and democracy: the sequence of human development]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2011. 464 p. (In Russ.).

5. Lipaj T. P. Gendernye aspekty semejnyh cennostej belorusskoj molodezhi [Gender aspects of family values of Belarusian youth]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve* [Woman in Russian Society]. 2009; 1(50): 44–48. (In Russ.).

6. Narbut N. P., Trocuk I. V. Social'noe samochuvstvie molodezhi postsocialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazahstana i Chexii): sravnitel'nyj analiz cennostnyh orientacij (Chast' 1) [Social well-being of the youth of post-socialist countries (on the example of Russia, Kazakhstan and the Czech Republic): comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology]. 2018; 18(1): 131–155. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-131-155. (In Russ.).

7. Rostovskaja T. K. Sozdanie studencheskoj sem'i: motivacija i zhiznennye strategii chlenov molodyh studencheskich semej (itogi vserossijskogo mezhvuzovskogo issledovanija) [Creating a student family: motivation and life strategies of members of young student families (results of the All-Russian interuniversity research)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences]. 2015; 4(40): 73–81. (In Russ.).

8. Rostovskaja T. K., Kuchmaeva O. V., Zolotareva O. A. Studencheskaja sem'ja v Rossii: determinanty vstuplenija v brak [Student fam-

ily in Russia: determinants of marriage]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology]. 2023; 23(1): 40–60. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60. (In Russ.).

9. Rjazancev I. P., Podlesnaja M. A., Bogdan I. V. Universalizm cennostej studencheskoj molodezhi i razvitie rossijskogo obshhestva [Universalism of student youth values and the development of Russian society]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology]. 2021; 21(1): 97–109. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109. (In Russ.).

10. Titarenko L. G. Molodaja belorusskaja sem'ja: mezhdu gosudarstvennoj social'noj politikoj i vlijaniem cennostej demograficheskogo

perehoda [The young Belarusian family: between state social policy and the influence of values of demographic transition]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve* [Woman in Russian Society]. 2022; (3): 118–130. (In Russ.).

11. Hripunova O. G., Poljarush A. A., Selivanova E. V., Luneva E. V. Gendernye osobennosti razvitija cennostnyh orientacij studencheskoj molodezhi [Gender features of the development of value orientations of student youth]. *Science for Education Today*. 2019; 9(5): 24–36. DOI: 10.15293/2658-6762.1905.02. (In Russ.).

12. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990. 508 p.

13. Inglehart R. Modernization and Post-modernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. 468 p.

Статья поступила в редакцию 18.06.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 14.08.2023.

The article was submitted on 18.06.2023; approved after reviewing on 08.07.2023; accepted for publication on 14.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зимовина Елена Павловна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Социологической лаборатории Балтийского федерального университета им. И. Канта.

Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Elena P. Zimovina — Candidate of Historical Sciences, Researcher of Sociological Laboratory, Immanuel Kant Baltic Federal University.

14 A. Nevskogo str., Kaliningrad, Russia

Научная статья

УДК 316.7

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-63-70

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА «ЗНАЧИМОГО ДРУГОГО» У ПОКОЛЕНИЯ Z

Нина Николаевна Капанян

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

ninakapanyan@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-3495-8255,

AuthorID РИНЦ: 9256-3161, WoS Research ID: ABH-3579-2020

Аннотация. *Целью исследования* является социокультурный анализ влияния социальных сетей на молодежь, относящуюся к поколению Z, с акцентом на формирование образа «значимого другого», являющегося важным агентом социализации. В контексте данной цели выполняется анализ социологического опроса, проведенного среди студентов вузов и колледжей, относящихся по своим демографическим характеристикам к поколению Z.

Методологическую базу исследования образуют концептуальные подходы теории социализации, теории символического интеракционизма и теории поколений, сложившиеся в зарубежной и отечественной социологии. Их совмещение дает возможность проследить влияние социальных сетей на формирование образа «значимого другого» у поколения Z, формирование которого определено переносом всех форм коммуникации, производства, хранения и трансляции информации в медийное пространство.

Результаты исследования. Социокультурный анализ влияния социальных сетей на формирование образа «значимого другого», выполненный на основе анализа данных, полученных в ходе проведения социологического опроса студентов ЮРГТУ (НПИ) и ЮФУ, показал, что образ «значимого другого», представленный в социальных сетях популярными блогерами и другими известными личностями, привлекателен только для пятой части респондентов, для большей же части целевой аудитории, несмотря на их креативность и занимательность, популярные блогеры и известные личности не выступают в качестве «значимых других», модели поведения и стиль жизни которых становятся для молодежи примером для подражания.

Перспективу исследования составляет дальнейший социокультурный анализ влияния социальных сетей на поколение Z с акцентом на формирование «значимых других» в контексте тезаурусной теории.

Ключевые слова: поколение Z, социальные сети, «значимый другой», социализация, нормы, ценности

Для цитирования: Капанян Н. Н. Влияние социальных сетей на формирование образа «значимого другого» у поколения Z // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 63–70. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-63-70>.

Original article

THE INFLUENCE OF SOCIAL NETWORKS ON THE FORMATION OF THE IMAGE OF «A SIGNIFICANT OTHER» IN GENERATION Z

Nina N. Kapanyan

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
ninakapanyan@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-3495-8255,
AuthorID RSCI: 9256-3161, WoS Research ID: ABH-3579-2020*

Abstract. *The aim of the study is a socio-cultural analysis of the impact of social networks on young people belonging to generation Z, with an emphasis on the formation of the image of «a significant other», which is an important agent of socialization. In the context of this goal, the analysis of a sociological survey conducted among university and college students belonging to generation Z by their demographic characteristics is carried out.*

The methodological basis of the study is formed by the conceptual approaches of the theory of socialization, the theory of symbolic interactionism and the theory of generations that have developed in foreign and domestic sociology. Their combination makes it possible to trace the influence of social networks on the formation of the image of «a significant other» in generation Z, the formation of which is determined by the transfer of all forms of communication, production, storage and transmission of information into the media space.

The results of the study. The socio-cultural analysis of the influence of social networks on the formation of the image of a significant other, performed on the basis of the analysis of data obtained during the sociological survey of students of the SRSPU (NPI) and SFU, showed that the image of a significant other, presented in social networks by popular bloggers and other famous personalities, is attractive only for a fifth of respondents, for the greater part targeted audience, despite their creativity and entertainment, popular bloggers and famous personalities do not act as significant others, behaviors and lifestyles that become role models for young people.

The perspective of the research is a further socio-cultural analysis of the impact of social networks on generation Z with an emphasis on the formation of «significant others» in the context of thesaurus theory.

Keywords: *generation Z, social networks, «significant other», socialization, norms, values*

For citation: *Kapanyan N. N. The influence of social networks on the formation of the image of «a significant other» in generation Z // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 63–70. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-63-70>.*

Введение. Недоверие к традиционным институтам социализации, высокий уровень идентификации молодежи со своим поколением (что отмечает большинство социологов) и активные коммуникации в медийном пространстве именно с представителями своего поколения обуславливают поиск «значимого другого» в среде своего поколения, а также конструирование собственного опыта в качестве образца для распространения,

т.е. потенциально образца, значимого для других. Самыми распространенными возможностями в современной социальной действительности выступают социальные сети, используя которые, молодежь представляет реалии своей повседневной активности для огромной аудитории. При этом интерес к данному контенту большей частью проявляется со стороны близкой по своим демографическим характеристикам аудитории, пред-

ставляющей для активных пользователей социальных сетей таргетивную аудиторию, одобрение которой выражается в количестве получаемых лайков.

Широко известную теоретическую интерпретацию данного явления дал Ирвин Гофман, который объяснил стремление индивида создавать свой собственный образ в соответствии с ожиданиями той группы, с которой он себя идентифицирует или в которую стремится войти. Самопрезентуя себя в социальных сетях, индивиды стремятся произвести наиболее позитивное впечатление, «выставить себя в наилучшем свете» путем скрытия правды, преуменьшая очевидную конфликтность и задействуя соответствующие «реквизиты» [11, p. 128].

Стремление принадлежать к группе, восприниматься как ее участник, соответствовать в своем поведении этой группе — все это определяет выбор лидера данной группы как «значимого другого», поэтому самопрезентация ориентирована на то, чтобы показать себя как образец или как последователя выбранного образа. Основываясь на разработанном им тезаурусном подходе, В. А. Луков отмечает, что «конструкции и проекты молодого человека могут существенно отличаться от конструкций и проектов “ответственного взрослого” (родители, учителя и т.д.) и, кроме того, динамично изменяться, то есть молодежь уже вырвалась из-под контроля старших как значимых других» [3, с. 62].

Значимый другой в научном дискурсе: краткий обзор. Несмотря на то, что введение термина «значимый другой» принадлежит Салливану, в научном дискурсе, как правило, используется теория символического интеракционизма, в контексте которой Дж. Мид дал обоснованное определение термина «значимый другой», рассматривая значимых других в широком социальном контексте, продолжаясь на всех этапах социализации [5]. И. Гофман показал стремление индивидов конструировать свой образ в соответствии с ожиданиями целевой аудитории, что особенно важно в условиях все увеличивающихся интеракций современной молодежи в цифровом медиапространстве [11].

Основываясь на теории Дж. Мида, Р. Коулс выделила фундаментальную роль значи-

мых других в формировании идентичности в процессе коммуникативного взаимодействия, указав на изменчивость в восприятии значимых других со стороны молодого поколения по мере перехода от одного этапа социализации к другому [10]. Данная изменчивость в восприятии значимых других поколением Z становится вполне понятной, если обратиться к его характеристике, данной Д. М. Твенге, в работах которой представлены специфические характеристики поколения Z, отличающие их от предшествующих поколений, в том числе и от поколения Y [9].

Российские социологи Ю. Зубок и В. Чупров, разрабатывая теорию саморегуляции современной молодежи, обращают внимание на роль социальных сетей в формировании образа «значимого другого», когда в качестве значимых других выступают известные личности, а «их субъективный опыт, мнения, образцы поведения приобретают эталонный характер, то есть становятся объективными» [2, с. 54]. Для понимания специфики социализации молодежи поколения Z в киберпространстве, в частности в сетевом социуме, в котором происходит качественное изменение структуры самосознания личности и его потребностно-мотивационной сферы, значимыми представляются концептуальные идеи В. А. Плешакова [6].

Значительную роль в формировании методологии исследования специфики формирования образа «значимого другого» у современной молодежи сыграла теория поколений, выдвинутая К. Мангеймом [4], адаптированная к современным российским реалиям В. В. Радаевым, обосновавшим длительность формативного периода социализации разных поколений молодежи (17–25 лет) и выделившим границы постсоветских поколений — поколения Y и Z [7].

Смысловые интерпретации практик самопрезентаций в Интернет-пространстве поколением Z. Согласно данным, полученным в ходе проведения опроса среди молодых людей, проведенного Сбербанком в 2021 году под названием «30 фактов о современной молодежи», стоит обратить внимание на то, что именно в онлайн-коммуникации формируются тренды и перенимание ролевых моделей. Помимо этого, происхо-

дит «тотальное» следование рекомендациям онлайн-СМИ, самыми ценными качествами признаются умения, связанные с установлением коммуникации с различными пользователями интернет-сообщества, обусловленные стремлением к непрерывающемуся социальному взаимодействию в сетях, что в свою очередь связано со страхом одиночества, поскольку «быть одиночкой» — полное социальное несоответствие жизненным перспективам и ожиданиям.

Поколение Z повсеместно рассматривается как инновационное поколение, владеющее компетенциями в использовании цифровых технологий. На апрель 2022 г. наиболее популярными социальными сетями и мессенджерами среди россиян были WhatsApp (87%), YouTube (75%), «ВКонтакте» (62%), Telegram (55%) и «Одноклассники» (42%) [5]. Сети типа «ВКонтакте» и «Одноклассники» предназначены для построения сообществ на основе схожих интересов¹. По общему признанию исследователей, основным каналом коммуникации для молодежи выступают социальные сети, которые для многих вытесняют реальные формы общения.

Исследователи отмечают: «С одной стороны, молодежь стремится противопоставить себя и свои взгляды принятым социальным нормам, требованиям, запретам, демонстрируя свое “социальное безразличие”, но при этом, как ни странно, стремится получить социальное одобрение себя (во всех проявлениях) от других пользователей сети» [1, с. 59].

Противоречия здесь нет, если учесть, что отрицаются нормы социально-значимые, функционирующие в реальном мире, а признание ищется у сверстников, значительная часть которых поддерживает неписанные правила самопрезентации виртуального мира, которые можно обобщить следующим образом:

— ориентация на расширение своих подписчиков (погоня за лайками и позитивными комментариями);

— размещение показателей личных успехов и деятельности;

— тактика сокрытия своей личной информации;

— наличие фейковых аккаунтов, которые, по мнению исследователей, «служат не просто способом игры в переодевание масок, а инструментом виртуального взаимодействия с другими пользователями... обеспечивают молодым людям чувство уверенности» [8, с. 472];

— стремление выставить себя лучше (фотошоп, различные фильтры), чем в реальной действительности, т.е. признание ищется через эксперименты с внешними формами (в том числе телесные практики), а не через развитие собственного внутреннего мира.

Потребности молодежи и их активность в социальных сетях, органичность и естественность интернет-коммуникации обуславливает также использование этих коммуникаций в качестве источника дохода. Молодежь пополняет ряды блогеров, формирует собственный контент, легко осваивает новые технологические платформы, которые сразу же изучаются большей частью молодежи. Блогеры из этой среды коммуницируют с молодежной аудиторией на одном языке, используют единую стилистику общения и сленг. Коммуникация разворачивается на темы, близкие молодежной аудитории, и уже поэтому блогеры этого поколения привлекательны. Успешный блогер переходит в категорию инфлюенсера — влиятельного человека, лидера мнений (ЛЮМ). По оценкам двух третей молодежной аудитории (79%), блогеры отличаются высокой степенью креативности, быстро реагируют на изменение конъюнктуры, ради популярности не уклоняются от скандалов. Опросы ВЦИОМ (41%) свидетельствуют: молодежь в возрасте 18–24 г. считают блогеров честными, заботящимися о своей репутации и доверяют их рекомендациям².

Приведенные данные ВЦИОМ позволили выдвинуть предположение о том, что молодежь, которая проводит в социальных сетях значительную часть своего времени, будет ориентироваться на блогеров в своей повседневной жизни как на значимых других. В на-

¹ Российская аудитория социальных сетей и мессенджеров: изменения на фоне спецоперации [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-auditorija-socialnykh-setei-i-messendzherov-izmeneniya-na-fone-specoperacii> (дата обращения: 12.11.2022).

² Медиапотребление россиян [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotrebienie-rossijan-monitoring> (дата обращения: 12.11.2022).

шем авторском опросе приняло участие 800 студентов из двух ведущих вузов Ростовской области (ЮРГПУ (НПИ) и ЮФУ), возраст которых позволяет отнести их к поколению Z. Опрос представлял стандартизированное интервью, включающее ряд вопросов, связанных с участием студентов в социальных сетях и их влиянием на формирование образа «значимого другого».

Анализ проведенного опроса. Ответ на вопрос о количестве времени, проводимом в социальных сетях, показал: 54% опрошенных студентов вузов проводят в соцсетях все или половину своего онлайн-времени. Собранный материал показывает, что привлекательность блогеров и популярных персонажей соцсетей молодежь поколения Z объясняет, в первую очередь, формой коммуникации — отсутствием назидательности, юмором, а также личностной привлекательностью — яркостью образа, успешностью, способностью разрушить привычные поведенческие нормы. Сравнительно небольшая группа (12,3%) студентов отмечают, что блогеры выступают ориентиром в сложных ситуациях и вселяют уверенность в свои силы. Отметим также, что треть респондентов (32,1%) не попадают под обаяние лидеров соцсетей, что видно из таблицы 1.

Для нашего исследования было важным выявить, только ли интересная форма комму-

никации, опосредованная развлекательным и оригинальным контентом, объясняет популярность тех или иных блогеров, или же вызывает стремление использовать образы блогеров в качестве поведенческих моделей (табл. 2). При ответе на этот вопрос можно было выбрать несколько вариантов ответов. Собранные позиции можно разделить на три смысловые группы:

— коммуникативная («Этот блогер создает увлекательный и веселый контент, лайки — это поддержка его креатива»);

— прагматически-обучающая («Этот блогер нашел “жилу” и показывает, как можно заработать деньги в Интернете»; «У него можно научиться чему-то (готовить...)»);

— жизненно-стилевая («Блогер показывает ту жизнь, о которой мечтают его подписчики»; «Этому блогеру хотят подражать, он — образец для своей многомиллионной аудитории»; «Наблюдение за жизнью этого блогера создает эффект близкой дружбы для его поклонника»).

Таким образом, можно говорить о том, что для молодежи привлекательна не только форма коммуникации инфлюенсеров, но и их повседневные модели поведения, делающие их значимыми другими для достаточно большой части молодежи.

Сравнивая собранные материалы по рассматриваемым двум вопросам, можно выде-

Таблица 1
Table 1

**Привлекательность популярных персонажей современных соцсетей
(возможен был выбор 2 позиций)**
**The attractiveness of popular characters of modern social networks
(there was a choice of 2 positions)**

Варианты ответов	Студенты
Они не учат жизни, с ними просто весело	29,4
Каждый из них яркий, выделяется из серой массы	27,7
Каждый из них добился успеха, для них нет преград	26
Каждый из них взрывает представление об обычной жизни, показывает, как нужно жить вне привычных общественных рамок	20
Они выступают ориентиром в том, как нужно действовать в сложной ситуации	12,2
С ними легко общаться, они показывают, что каждому все доступно	12
Меня не привлекает никто из них	32,1
Другое	3,1

лить комплексную характеристику «значимого другого», которая конструируется молодыми инфлюэнсерами. Составными компонентами этой конструкции выступают: внешний яркий индивидуальный образ, легкость коммуникации (без обязательств и ответственности), успешность в достижении цели. Эти характеристики признаются большинством тех, для кого лидеры соцсетей являются привлекательными. Но на прямой вопрос о том, являются ли яркие блогеры соцсетей современными героями для молодежи (то есть являются обобщенными другими), основное большинство респондентов ответили негативно (табл. 3). Как видно из ответов, представленных в таблице 3, преобладающее большинство студентов не рассматривает популярных блогеров как героев нашего времени, только 19,3 % студентов

вузов полагает, что их можно рассматривать в качестве героев.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Активное освоение цифровых технологий в раннем возрасте создает эффект их естественности для молодежи поколения Z. При этом социальные сети выступают основной площадкой для коммуникации со своей возрастной группой и переноса в них основных возрастных потребностей — потребностей в самоопределении, самоутверждении и самопрезентации.

2. Использование соцсетей для реализации вышеперечисленных потребностей обусловливается анонимностью практик, возможностью их постоянной корректировки.

Таблица 2
Table 2

Отношение студентов к популярности блогеров в соцсетях
Students' attitude to the popularity of bloggers in social networks

Варианты ответов	Студенты
Этот блогер создает увлекательный и веселый контент, лайки — это поддержка его креатива	50,6
Блогер показывает ту жизнь, о которой мечтают его подписчики	32,8
Этот блогер нашел «жилу» и показывает, как можно заработать деньги в Интернете	32,1
Этому блогеру хотят подражать, он — образец для своей многомиллионной аудитории	26,7
У него можно научиться чему-то (готовить, танцевать, мастерить, интересно проводить время и прочее)	21
Наблюдение за жизнью этого блогера создает эффект близкой дружбы для его поклонника	20,8
Другое	5,9

Таблица 3
Table 3

Восприятие популярных блогеров в качестве героев нашего времени
Perception of popular bloggers as heroes of our time

Варианты ответов	Студенты
Да, для нашего поколения они такие же герои	19,3
Нет, блогеры просто очень популярные личности, кумиры	80,7
Всего	100

3. Возможность постоянной трансформации своего сетевого образа акцентирует внимание на значимости внешней формы по отношению к содержанию.

4. Важным источником самопрезентации выступает потребность в идентичности с референтной группой, тем самым самопрезентация реализуется как конструирование собственного образа в соответствии с ожиданиями референтной группы.

5. Отдельные наиболее активные и целеустремленные пользователи соцсетей становятся блогерами, реализуя свою значимость для целевой аудитории через различные, в том числе маркетинговые, стратегии, что делает их инфлюэнсерами в области стиля жизни и поведенческих моделей в повседневной деятельности молодежи и превращает их в лидеров общественного мнения среди определенной части поколения Z.

6. Анализ собранного эмпирического материала позволяет выделить обобщенный образ «значимого другого», который сознательно конструируется молодыми инфлюэнсерами. Составными компонентами этой конструкции выступают внешний яркий индивидуальный образ, легкость коммуникации (без обязательств и ответственности), целеустремленность, карьерная и финансовая успешность, креативность, которая позволяет удержаться в высококонкурентной информационной среде. Однако этот образ «значимого другого» оказывается привлекательным лишь для пятой части молодежи поколения Z. Основное большинство респондентов, признавая популярность известных персонажей информационной среды и отдавая должное их креативности, не рассматривают их в качестве «значимого другого».

Список источников

1. Богданова И. Н., Тулупова А. С. Цифровые центробежные тенденции в сетевых самопрезентациях современной молодежи // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10(47). №1. С. 52–64.

2. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности: монография. М.: Норма, 2020. 304 с.

3. Луков В. А. Проект «конструирования человека» и молодежная политика: границы

допустимого сближения // Вестник Международной академии наук. Русская секция. 2018. №1. С. 59–65.

4. Мангейм К. Проблема поколений // Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции / Пер. с англ. Е. Я. Додина. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 8–63.

5. Мид Дж. Г. Избранное: сборник переводов // Серия: Теория и история социологии / Сост. и пер. с англ. В. Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2009. 290 с.

6. Плешаков В. А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'a до Homo Cyberus'a: монография. М.: МГПУ: Прометей, 2012. 211 с.

7. Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование (Первая часть) // Социологический журнал. 2020. Т. 26. №3. С. 30–63.

8. Развитие социальных сетей и их интеграция в систему образования России / М. С. Чванова, М. В. Храмова, В. Ю. Лыскова и др. // Образовательные технологии и общество. 2014. Т. 17. №3. С. 472–493.

9. Твенге Джин М. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни / Пер. с англ. В. Толмачева. М.: Ритол-Классик, 2019. 464 с.

10. Coles R. Others in making Selves // In N. K. Denzin (ed.). Studies in Symbolic Interaction. Bingley: Emerald. 2008. P. 197–226.

11. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. Harmondsworth: Penguin, 1959. 173 p.

References

1. Bogdanova I. N., Tulupova A. S. Cifrovye centrobezhnye tendencii v setevykh samoprezentacijah sovremennoj molodezhi [Digital centrifugal trends in online self-presentations of modern youth]. *Gumanitarij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]*. 2021; 10(47): 52–64. (In Russ.).

2. Zubok Ju. A., Chuprov V. I. Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoreguljacija zhiznedejatel'nosti: monografija [Youth in the cultural space: self-regulation of vital activity: monograph]. Moscow: Norma, 2020. 304 p. (In Russ.).

3. Lukov V.A. Proekt «konstruirovaniya cheloveka» i molodezhnaya politika: granicy dopustimogo sblizheniya [The project of «human construction» and youth policy: the limits of permissible convergence]. *Vestnik Mezhdunarodnoj akademii nauk. Russkaya sekcija* [Bulletin of the International Academy of Sciences. Russian section]. 2018; (1): 59–65. (In Russ.).

4. Mangejm K. Problema pokolenij [The problem of generations]. *Ocherki sociologii znaniya: Problema pokolenij. Sostjazatel'nost'. Jekonomicheskie ambicii* [Essays on the sociology of knowledge: The problem of generations. Competitiveness. Economic ambitions]. Per. s angl. E. Ja. Dodina. Moscow: INION RAN, 2000. P. 8–63. (In Russ.).

5. Mid Dzh. G. Izbrannoe: sbornik perevodov [Favorites: collection of translations]. Seriya: Teorija i istorija sociologii [Series: Theory and History of Sociology]. Cost. i per. s angl. V.G. Nikolaev. Otv. red. D.V. Efremenko [In D.V. Efremenko (eds.)]. Moscow: INION RAN, 2009. 290 p. (In Russ.).

6. Pleshakov V.A. Kibersocializacija cheloveka: ot Homo Sapiens'a do Homo Cyberus'a: monografija [Cybersocialization of man: from Homo Sapiens to Homo Cyberus: monograph]. Moscow: MGPU: Prometej, 2012. 211 p. (In Russ.).

7. Radaev V.V. Raskol pokolenija millenialov: istoricheskoe i jempiricheskoe obosnovanie (Pervaja chast') [Split generation of millennials: historical and empirical justification (First part)]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. 2020; 26(3): 30–63. (In Russ.).

8. Razvitie social'nyh setej i ih integracija v sistemu obrazovaniya Rossii [Development of social networks and their integration into the education system of Russia]. M.S. Chvanova, M.V. Hramova, V. Ju. Lyskova et al. *Obrazovatel'nye tehnologii i obshchestvo* [Educational technologies and society]. 2014; 17(3): 472–493. (In Russ.).

9. Tvenge Dzhin M. Pokolenie I. Pochemu pokolenie Interneta utratilo buntarskij duh, stalo bolee tolerantnym, menee schastlivym i absolutno ne gotovym ko vzrosloj zhizni [Generation I. Why the Internet generation has lost its rebellious spirit, has become more tolerant, less happy and absolutely not ready for adulthood]. Per. s angl. V. Tolmacheva. Moscow: Ritol-Klassik, 2019. 464 p. (In Russ.).

10. Coles R. Others in making Selves // In N.K. Denzin (ed.). *Studies in Symbolic Interaction*. Bingley: Emerald. 2008. P. 197–226.

11. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. Harmondsworth: Penguin, 1959. 173 p.

Статья поступила в редакцию 06.05.2023; одобрена после рецензирования 23.05.2023; принята к публикации 14.06.2023.

The article was submitted on 06.05.2023; approved after reviewing on 23.05.2023; accepted for publication on 14.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Капанян Нина Николаевна — старший преподаватель кафедры «Иностранные языки» Южно-Российского государственного политехнического университета имени М. И. Платова. Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Nina N. Kapanyan — a Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, Platov South Russian State Polytechnic University. 132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-71-78

СИСТЕМНАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТЬЮ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Дмитрий Николаевич Мищенко

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
svet_crimea@list.ru, SPIN-код: 2181-8615*

Аннотация. *Целью исследования* является социологическое обоснование системной модели управления профессиональной мобильностью молодежи и определение условий ее реализации в координатах современной российской реальности и вызовов современной эпохи информатизации.

Методологическую базу исследования представляют положения, во-первых, теории профессиональной колей об институциональной природе жизненной и профессиональной колей, а также увеличивающейся значимости факторов внеинституционального порядка, личностного потенциала в условиях вызовов глобальной информационной эпохи и, во-вторых, рискологического подхода о средовых и деятельностных факторах риска в молодежной среде.

Результаты исследования. Предложена целостная модель управления профессиональной мобильностью молодежи, которая, по сути, представляет собой модель управления системой профессиональной мобильности молодежи с учетом таких структурных элементов данной системы, как этапы, каналы, ресурсы и факторы профессиональной мобильности. Механизм управления этой системой базируется на управлении рисками, включающем две стратегии: профилактику рисков и устранение рисков, а потому субъекты управления профессиональной мобильностью молодежи функционально разделены на тех, за которыми закреплены функции профилактики рисков (институциональное управление) и устранения рисков (внеинституциональное управление или самоуправление).

Перспективу исследования составляет дальнейшая социологическая разработка предложенной управленческой модели и ее эмпирическая верификация с учетом низкой эффективности предпринимаемых на современном этапе мер и усилий в области управления профессиональной мобильностью российской молодежи. Эта управленческая неэффективность объясняется тем, что реализуется управленческая схема по типу борьбы с последствиями рисков профессиональной мобильности, а не с самими рисками.

Ключевые слова: молодежь, профессиональная мобильность, управление профессиональной мобильностью, система профессиональной мобильности

Для цитирования: Мищенко Д.Н. Системная модель управления профессиональной мобильностью российской молодежи в эпоху глобальной информатизации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 71–78. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-71-78>.

Original article

SYSTEM MODEL OF PROFESSIONAL MOBILITY MANAGEMENT OF RUSSIAN YOUTH IN THE ERA OF GLOBAL INFORMATIZATION

Dmitry N. Mishchenko

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
svet_crimea@list.ru, SPIN-code: 2181-8615*

Abstract. *The purpose of the study is the sociological substantiation of the system model of youth professional mobility management and the definition of the conditions for its implementation in the coordinates of modern Russian reality and the challenges of the modern era of informatization.*

The methodological basis of the research is represented by the provisions, firstly, of the theory of the professional track about the institutional nature of the life and professional track, as well as the increasing importance of factors of an extra-institutional order, personal potential in the context of the challenges of the global information age and, secondly, the riskological approach about environmental and activity risk factors in the youth environment.

The results of the study. A holistic model of youth professional mobility management is proposed, which, in fact, is a management model of the youth professional mobility system, taking into account such structural elements of this system as stages, channels, resources and factors of professional mobility. The management mechanism of this system is based on risk management, which includes two strategies: risk prevention and risk elimination, and therefore the subjects of youth professional mobility management are functionally divided into those for whom the functions of risk prevention (institutional management) and risk elimination (non-institutional management or self-government) are assigned.

The prospect of the study is the further sociological development of the proposed management model and its empirical verification, taking into account the low efficiency of measures and efforts undertaken at the present stage in the field of professional mobility management of Russian youth. This managerial inefficiency is explained by the fact that a management scheme is implemented according to the type of struggle with the consequences of the risks of professional mobility, and not with the risks themselves.

Keywords: *youth, professional mobility, professional mobility management, professional mobility system*

For citation: *Mishchenko D.N. System model of professional mobility management of Russian youth in the era of global informatization // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 71–78. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-71-78>.*

Постановка проблемы. 3. Бауман описал как нельзя более точно специфику и сущность современной эпохи следующим образом: «Рецепты хорошей жизни и приспособления для достижения желаемого имеют “срок годности”, поэтому “непрерывность бега” становится главным пристрастием» [2,

с. 80]. «Срок годности» стандартов, траекторий профессионального развития в современную информационную эпоху, эпоху текучести, тоже очень небольшой. Все настолько быстро меняется, что ситуация на рынке труда и рынке профессий должна быть всегда под контролем, а готовность к изменению

стратегии профессионального поведения должна закладываться заранее, к ней надо подготавливать молодежь, которая как никто другой понимает особенности этой динамичной эпохи и ее непостоянство, ее бег.

Видеть горизонты профессионального будущего надо, несмотря на то, что они могут измениться, но надо быть готовым к тому, что эти горизонты могут трансформироваться, как и сам мир профессий, претерпевший три революции на пути от индустриальной экономики к экономике знаний. Эти «три профессиональные революции», как их описал Г. Перкин [11], связаны с кардинальными переменами в мировой истории, а именно — с эпохой Просвещения, промышленным переворотом и глобализацией с ее мобильными, электронными, цифровыми технологиями, определившими поворот человечества к информационному обществу.

Эпоха Просвещения породила свободные профессии, не привязанные к сословным мирам и основанные на индивидуальной ответственности работников, получивших возможность свободно распоряжаться продуктом своего труда, продавать его. Эпоха промышленного переворота привела к распространению массовых профессий с их функциональным распределением и организационной структурой, а эпоха глобализации и информационной революции ознаменовалась таким явлением, как транспрофессионализм.

Работники, готовые работать в разных сферах профессиональной деятельности, менять ее в зависимости от изменений ситуации на рынке труда, от проблемных ситуаций, требующих определенного набора методов, средств, способов деятельности и мышления, составили этот новый класс в мире профессий — класс транспрофессионалов, и их численность постоянно увеличивается, прежде всего за счет молодежи. Эта третья революция привела к тому, что профессия перестала выполнять функцию базового идентификатора человека, о котором всегда судили по тому, чем он занимается в жизни, в какой профессиональной сфере [4]. Сегодня, когда смена профессии стала вполне привычным и понятным явлением, сам человек не может считать профессию исчерпывающим и константным идентификатором в системе личного самоопределения, а потому и сис-

тема профессионального самоопределения претерпевает кардинальные изменения, что затрудняет управление ею, а потому все управление в этом плане, как правило, сводится к устранению рискогенных последствий трех этапов репрезентации профессиональной мобильности молодежи: профессионального выбора, профессионального образования и профессиональной адаптации.

Такая управленческая тактика, конечно же, не может быть эффективной, так как не решает саму проблему, а реагирует на формируемые в процессе профессионализации молодежи риски, но их постоянный рост, модификация и неопределенность делают такую стратегию управления процессами мобильности молодежи в профессиональной сфере крайне неадекватной реалиям и задачам, которые при этом ставятся перед субъектами управления и самой молодежью как субъектом самоуправления, когда сам индивид, вступающий на тропу профессионализации, начиная с самого главного — выбора профессии, не имеет четкого представления и средств управления собственной профессиональной траектории, потому что у него не сформировали это представление, не снабдили ресурсами самоуправления, не сформировали необходимый для этого уровень субъектности. Что же предлагается учеными в рамках решения проблем, связанных с кризисной адаптацией молодежи на профессиональном рынке труда современной России? Что мы можем предложить? На эти вопросы мы попытаемся ответить в данной статье.

Пути и стратегии повышения эффективности управления профессиональной мобильностью российской молодежи. Ученые предлагают различные стратегии выхода из создавшейся ситуации, которая угрожает дальнейшим ростом депрофессионализированной молодежи как угрозы национальной безопасности государства, а потому и решение этой проблемы ученые связывают с самым активным участием государства в области борьбы с неформальной занятостью, контроля условий трудовой и профессиональной деятельности, модернизации системы профессионального образования и др. [9].

А.А. Шамин пишет о крайней важности разработки профессиональных стандар-

тов уровня профессионального образования, о необходимости принятия целевых программ профессиональной адаптации молодежи, о формировании системы информирования молодых специалистов о возможных вакансиях на рынке труда, а также о пересмотре направлений профессиональной подготовки молодежи [10].

Указанные меры, с нашей точки зрения, важны, но они должны укладываться в некую концепцию развития профессиональной сферы общества, в некую концепцию профессиональной мобильности молодежи. Мы полагаем, что сложности в развитии профессиональной сферы и профессионализации молодежи в современных условиях определяют необходимость применения системного подхода к управлению процессом профессиональной мобильности молодежи с четким пониманием того, что произошли кардинальные перемены мирового масштаба, связанные с переходом в информационную, текучую современность, адаптация к которой приводит к необходимости использования тех средств, ресурсов, способов, которые, с одной стороны, порождают риски как риски неопределенности в результате выбора из числа имеющихся вариантов профессионального развития, с другой стороны, есть сама реакция на уже просматриваемые, вполне очевидные риски. К примеру, риск безработицы в результате выбора непопулярной или почти исчезнувшей, но очень нравящейся профессии, толкает молодежь на выбор востребованной, но не подходящей личностным особенностям и внутренним предпочтениям. Результат может быть самым разным — от смены профессии на другую в процессе получения профессионального выбора или уже после него, в результате чего период подготовки к профессиональной деятельности затягивается, либо адаптация к профессии, пусть не желаемой, но последствия тоже могут быть различными — от психологической неудовлетворенности своей жизнью, ухудшения физического и психического самочувствия, низких результатов профессиональной деятельности и т.д. до формирования профессионального мастерства, эффективного продвижения по служебной лестнице и т.д. Все зависит от того, как сам индивид относится к профессии, к ее ценности для жизни человека, его социального самочувствия, как он адаптируется

к выбранной профессии (возможен вариант, когда нелюбимая профессия становится любимой по мере того, как человек втягивается в профессиональную деятельность).

Иными словами, факторов (объективных, субъективных), определяющих профессиональную мобильность, очень много, и мы считаем, что управление профессиональной мобильностью молодежи возможно только на основе системной модели, которую условно можно назвать управлением системой профессиональной мобильности молодежи с учетом таких структурных элементов данной системы, как этапы, каналы, ресурсы и факторы профессиональной мобильности.

Системная модель управления профессиональной мобильностью молодежи: теоретическое обоснование и условия реализации. Основным механизмом управления этой системой является управление рисками, включающее две стратегии: профилактику рисков и устранение рисков, поскольку возникновение рисков в условиях высокой неопределенности, даже с учетом их профилактики, неминуемо, а потому субъекты управления профессиональной мобильностью молодежи функционально разделены на тех, за которыми закреплены функции профилактики рисков (институциональное управление) и устранения рисков (внеинституциональное управление или самоуправление). Это не означает, что индивид не участвует в профилактике рисков на уровне самоуправления, когда, к примеру, выбирает профессию, учебное заведение и т.д., или социальные институты (семья, образование) не могут и не должны включаться в систему устранения рисков. Безусловно, такое разделение довольно условно и предполагается, что доминантная роль в профилактике рисков принадлежит социальным институтам (семье, образованию, СМИ, профессиональным сообществам, органам власти), а в устранении рисков — самому субъекту профессиональной мобильности (индивиду, молодежи как социальной группе).

Первым теоретическим обоснованием такого функционального разделения выступают положения теории профессиональной колей (В.И. Ильин) [7] об институциональной природе жизненной и профессиональной колей, а также увеличивающейся значимости

факторов внеинституционального порядка, личностного потенциала на профессиональном рынке труда с его рисками и вызовами, информационными потоками.

Вторым базовым обоснованием выступают положения рискологического подхода (Ю.А. Зубок, В.И. Чупров) [6] о средовых и деятельностных факторах риска в молодежной среде. На этом основании в нашей системной модели профилактика рисков, предполагающая работу со средовыми факторами профессиональной мобильности молодежи, закрепляется за институциональными субъектами, а устранение рисков — за внеинституциональными, поскольку сама природа их появления связана с деятельностью молодежи (реакции на средовые риски профессиональной мобильности) в профессиональном поле.

Безусловно, внедрение предлагаемой нами системной модели ПМ молодежи предполагает огромную работу на основаниях сотрудничества и партнерства всех задействованных в данном процессе акторов, причем во главе с государством. И дело не только в том, что российское общество — общество патерналистского характера. По сути, государство не может и не должно оставаться в стороне от решения вопросов жизненного развития молодежи, от которой зависит социокультурная динамика общества, его настоящее и будущее. И ни одно развитое государство современного мира не характеризуется отстраненностью от молодежных проблем, от управления ее профессиональным развитием.

Исследователи предлагают в качестве эффективного развития социально-профессиональной траектории учащихся реализацию сетевого партнерства, которое, как полагают исследователи, должно опираться на совокупный ресурс территории в его экономической, организационной, социокультурной составляющей, что особенно важно с учетом региональной специфики российского общества, неравномерного развития российских регионов и их экономической специализации.

Данный опыт работы имеет чрезвычайное значение, особенно с учетом катастрофического по своим последствиям процесса разрушения российской системы высшего образования, которая, если оглядываться на советский период, была «кузницей» кадров для всей страны по всем отраслям

и направлениям, а вузы «работали» на определенный профиль народного хозяйства, промышленности, экономики, культуры. Сегодня российские вузы зачастую носят полифонический характер, готовят специалистов по направлениям, не типичным для вуза, но популярным и востребованным на рынке труда, оказывая платные образовательные услуги. Переход на них открыл доступ широким массам к высшему образованию, а точнее — к получению диплома о высшем образовании, качество которого стало стремительно снижаться [8]. Молодежь получает образование, не имея запланированных, ожидаемых, желаемых профессиональных ориентиров, не вся молодежь, безусловно, но значительная часть. Ситуативный подход к решению задачи профессионализации в молодежной среде — адекватная реакция на ситуацию неопределенности и изменчивости рынка труда и профессий, потому молодежь готова к смене профессии, к переобучению, к получению дополнительного образования, не боится этого и не видит в такой стратегии профессионализации ничего негативного. Более того, с ней связываются перспективы карьерного роста, достижения профессиональных высот, так как мобильность в профессии теперь не означает строго линейного продвижения вверх в границах одной специальности, профессиональной деятельности.

Таким образом, идея мобильной профидентичности может стать основой эффективного управления системой профессиональной мобильности российской молодежи, поскольку, по существу, высшее образование уже работает на этот ведущий тренд, связанный с множественной профессионализацией как нормой профессиональной жизни. По своей сути, как пишут исследователи, профессиональная идентичность личности — категория мобильная, а реалии рынка труда, системы профессионального самоопределения, экономическая нестабильность и многие другие процессы в российском профессионально-трудовом и образовательном пространстве делают ее несколько рискогенной для молодежи, поскольку она вынужденно носит этот мобильный характер [1]. Сама по себе мобильная профидентичность не несет негативной смысловой нагрузки и предполагает, что субъект профессиональной деятельности способен

достаточно гибко адаптироваться к профессиональным изменениям, к смене профессиональной деятельности, но этот процесс чреват рисками, которые следует учитывать в процессе управления профессиональной мобильностью молодежи. Эти риски связаны с процессами профессиональной маргинализации [5], которые зачастую приводят к депрофессионализации — утрате профессиональных навыков и стремления к профессионализации.

Профилактикой этих рисков — профессиональной маргинализации и депрофессионализации — может служить подготовка межпрофессиональной, или как ее еще называют, транспрофессиональной [3] компетентности у молодежи в ходе получения профессионального образования, когда у молодежи будет выработана интегральная способность к выполнению ряда профессиональных видов деятельности и максимально адаптивному переходу от одной профессиональной деятельности к другой с минимальным уровнем рискогенных последствий.

Заключение. Низкая эффективность принимаемых мер и усилий в области профессиональной мобильности молодежи, решении ее проблем в сфере профессиональной самореализации объясняется тем, что в основном, реализуется управленческая схема по типу борьбы с последствиями рисков профессиональной мобильности, а не с самими средовыми и деятельностными рисками.

В этой связи нами предлагается целостная модель управления профессиональной мобильностью молодежи. По сути, она представляет собой модель управления системой профессиональной мобильности молодежи с учетом таких структурных элементов данной системы, как этапы, каналы, ресурсы и факторы профессиональной мобильности (ПМ). Механизм управления этой системой базируется на управлении рисками, включающем две стратегии: профилактику рисков и устранение рисков, а потому субъекты управления ПМ молодежи функционально разделены на тех, за которыми закреплены функции профилактики рисков (институциональное управление) и устранения рисков (внеинституциональное управление или самоуправление). Теоретическим обоснованием такого функционального разделения вы-

ступают, во-первых, положения теории профессиональной колей об институциональной природе жизненной и профессиональной колей, а также увеличивающейся значимости факторов внеинституционального порядка, личностного потенциала в условиях вызовов глобальной информационной эпохи и, во-вторых, рискологического подхода о средовых и деятельностных факторах риска в молодежной среде.

Эффективное управление профессиональной мобильностью молодежи предполагает формирование у нее межпрофессиональной компетентности в русле тренда современности — формирования мобильной профидентичности. Межпрофессиональная или транспрофессиональная компетентность могут предотвратить риски профессиональной маргинализации и депрофессионализации, которые являются наиболее угрожающими и для профессионального развития молодежи, и для национальной безопасности государства.

Список источников

1. Албитова Е.П. Мобильная профидентичность: факторы становления // Вестник ЧитГУ. 2011. №10(77). С. 52–53.
2. Бауман З. Текучая современность. Москва-СПб.: Питер, 2008. 238 с.
3. Вахидова Л.В., Габитова Э.М. Структура транспрофессиональных компетенций специалистов среднего звена [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. №2(44). Ч. 4. С. 13–15. URL: <https://research-journal.org/pedagogy/struktura-transprofessionalnyx-kompetencij-specialistov-srednego-zvena/>.
4. Вишневский Ю.Р., Нархов Д.Ю., Дидковская Я.В. Тренды высшего образования: профессионализация или депрофессионализация? // Образование и наука. 2018. Т. 20. №1. С. 152–170.
5. Дружилов С.А. Профессионально-деструктивная деятельность как проявление профессиональной маргинализации и депрофессионализации // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. 2017. №2. С. 45–63.
6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реаль-

ность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. 2017. №15. С. 12–48.

7. Ильин В. И. Профессия как индивидуальная жизненная колей: концептуализация категории // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. №4. С. 515–528.

8. Левинсон А. Дурное образование — хороший лифт [Электронный ресурс] // Русский толстый журнал как эстетический феномен. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2012/5/durnoe-obrazovanie-8211-horoshij-lift.html>.

9. Растегаева А. В. Депрофессионализация трудовых ресурсов в современной России // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. №3. С. 93–94.

10. Шамин А. А. Социально-управленческий аспект формирования трудовой мобильности молодежи // Власть. 2013. Т. 21. №7. С. 128–131.

11. Perkin G. The Third Revolution: Professional Society in International Perspective. London: Routledge, 1996. 272 p.

References

1. Albitova E. P. Mobil'naja profidentichnost': faktory stanovlenija [Mobile identity: factors of formation]. *Vestnik ChitGU [Bulletin of CHITSU]*. 2011; 10(77): 52–53. (In Russ.).

2. Bauman Z. Tekuchaja sovremennost' [Fluid modernity]. Moscow-Saint Petersburg: Piter, 2008. 238 p. (In Russ.).

3. Vahidova L. V., Gabitova Je. M. Struktura transprofessional'nyh kompetencij specialistov srednego zvena [The structure of transprofessional competencies of mid-level specialists] [Elektronnyj resurs]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]*. 2016; 2(44): 13–15. URL: <https://research-journal.org/pedagogy/struktura-transprofessionalnyx-kompetencij-specialistov-srednego-zvena/>. (In Russ.).

4. Vishnevskij Ju. R., Narhov D. Ju., Didkovskaja Ja. V. Trendy vysshego obrazovaniya: professionalizacija ili deprofessionalizacija? [Trends in higher education: professionalization

or deprofessionalization?]. *Obrazovanie i nauka [Education and Science]*. 2018; 20(1): 152–170. (In Russ.).

5. Druzhilov S. A. Professional'no-destruktivnaja dejatel'nost' kak projavlenie professional'noj marginalizacii i deprofessionalizacii [Professionally destructive activity as a manifestation of professional marginalization and deprofessionalization]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija [Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology]*. 2017; (2): 45–63. (In Russ.).

6. Zubok Ju. A., Chuprov V. I. Sovremennaja sociologija molodezhi: izmenjajushhajasja real'nost' i novye teoreticheskie podhody [Modern sociology of youth: changing reality and new theoretical approaches]. *Rossija reformirujushhajasja [Reforming Russia]*. 2017; (15): 12–48. (In Russ.).

7. Il'in V. I. Professija kak individual'naja zhiznennaja koleja: konceptualizacija kategorii [Profession as an individual life track: conceptualization of a category]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki [Journal of Social Policy Research]*. 2015; 13(4): 515–528. (In Russ.).

8. Levinson A. Durnoe obrazovanie — horoshij lift [Bad education is a good elevator] [Elektronnyj resurs]. *Russkij tolstij zhurnal kak jesteticheskij fenomen [Russian thick magazine as an aesthetic phenomenon]*. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2012/5/durnoe-obrazovanie-8211-horoshij-lift.html>. (In Russ.).

9. Rastegaeva A. V. Deprofessionalizacija trudovyh resursov v sovremennoj Rossii [Deprofessionalization of labor resources in modern Russia]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravlenija [Bulletin of the Volga Institute of Management]*. 2017; 17(3): 93–94. (In Russ.).

10. Shamin A. A. Social'no-upravlencheskij aspekt formirovaniya trudovoj mobil'nosti molodezhi [Socio-managerial aspect of the formation of youth labor mobility]. *Vlast' [Power]*. 2013; 21(7): 128–131. (In Russ.).

11. Perkin G. The Third Revolution: Professional Society in International Perspective. London: Routledge, 1996. 272 p.

Статья поступила в редакцию 18.06.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 14.08.2023.

The article was submitted on 18.06.2023; approved after reviewing on 08.07.2023; accepted for publication on 14.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мищенко Дмитрий Николаевич — соискатель, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет. Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкина, 160

Dmitry N. Mishchenko — Candidate, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University. 160 Pushkin str., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья
УДК 325(575.3)
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-79-87

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ АФГАНИСТАНА В ТАДЖИКИСТАНЕ

Сергей Васильевич Рязанцев^{1✉}, Фарзона Майбалиевна Гарибова²

^{1, 2}Институт демографических исследований — обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия

¹riazan@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-5306-8875, AuthorID РИНЦ: 77673,

AuthorID Scopus: 22136228700, WoS Research ID: F-7205-2014

²farzona.garibova@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6041-8204, AuthorID РИНЦ: 1088134,
AuthorID Scopus: 57209849301

Аннотация. Целью исследования является выявление проблем интеграции и адаптации беженцев из Афганистана в Таджикистане. Большое внимание уделено социально-экономическому положению беженцев в стране.

Методологическую базу исследования представляют общенаучные методы исследования (аналитический, системный, компаративный анализы), методы социологического исследования (анализ материалов, документов и др.).

Результаты исследования. Выявлено, что часть афганских беженцев из-за общности культуры и языка, близости границы, а также упрощенной системы получения визы и статуса беженца для своего дальнейшего пребывания выбирают Таджикистан. За последние годы идёт тенденция к увеличению притока беженцев из Афганистана в Таджикистан. И, как правило, беженцы сталкиваются с проблемами при интегрировании в новое сообщество. С помощью контент-анализа средств массовой информации удалось выяснить, что в Вахдате проживает основная доля беженцев, но, несмотря на это, таджики и афганцы живут здесь мирно, поскольку отсутствует языковой барьер. Кроме того, местное население и беженцев здесь объединяет одно — недостаточное количество средств для существования и отсутствие рабочих мест. Также удалось выявить некоторые успехи беженцев, например, афганский беженец, открыл курсы для афганцев и таджиков в Вахдате, где они могут учить английский язык, научиться шить, рисовать и многое другое.

Перспективы исследования заключаются в детальном анализе социально-демографического портрета беженцев из Афганистана. Исходя из результатов статьи, можно говорить о том, что беспокойная обстановка и беспорядки в Афганистане вынуждают эмигрировать из страны все больше людей. Особую актуальность имеют вопросы касательно интеграции и адаптации мигрантов. В дальнейшем востребованным становится более детальное изучение социально-экономического положения мигрантов, их интеграция и адаптация на территории Таджикистана.

Ключевые слова: беженцы, интеграция, адаптация, социально-экономическое положение, Афганистан, Таджикистан

Для цитирования: Рязанцев С.В., Гарибова Ф.М. Социально-экономическое положение беженцев из Афганистана в Таджикистане // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 79–87. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-79-87>.

Original article

SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF REFUGEES FROM AFGHANISTAN IN TAJIKISTAN

Sergey V. Ryazantsev¹, Farzona M. Garibova²

^{1,2}*Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Moscow, Russia*

¹*riazan@mail.ru*, ORCID: 0000-0001-5306-8875, AuthorID RSCI: 77673,

AuthorID Scopus: 22136228700, WoS Research ID: F-7205-2014

²*farzona.garibova@mail.ru*, ORCID: 0000-0001-6041-8204, AuthorID RSCI: 1088134,
AuthorID Scopus: 57209849301

Abstract. *The aim of the study is to identify the problems of integration and adaptation of refugees from Afghanistan in Tajikistan. Much attention is paid to the socio-economic situation of refugees in the country.*

The methodology of the study *represents general scientific methods of research (analytical, systemic, comparative analyses), methods of sociological research (analysis of materials, documents, etc.).*

Research result. *It was revealed that part of the Afghan refugees, due to the commonality of culture and language, the proximity of the border, as well as the simplified system for obtaining a visa and refugee status, choose Tajikistan for their further stay. In recent years, there has been a trend towards an increase in the influx of refugees from Afghanistan to Tajikistan. And, as a rule, refugees face problems in integrating into a new community. With the help of media content analysis, it was found out that the majority of refugees live in Vahdat, but despite this, Tajiks and Afghans live here peacefully, since there is no language barrier. In addition, the local population and refugees are united by one thing — insufficient means of subsistence and lack of jobs. It was also possible to identify some successes of refugees, for example, an Afghan refugee, opened courses for Afghans and Tajiks in Vahdat, where they can learn English, learn to sew, draw and much more.*

The prospects of the research *consist in a detailed analysis of the socio-demographic portrait of refugees from Afghanistan. Based on the results of the article, we can say that the turbulent situation and unrest in Afghanistan are forcing more and more people to emigrate from the country. Issues related to the integration and adaptation of migrants are of particular relevance. In the future, a more detailed study of the socio-economic situation of migrants, their integration and adaptation on the territory of Tajikistan becomes in demand.*

Keywords: *refugees, integration, adaptation, socio-economic situation, Afghanistan, Tajikistan*

For citation: *Ryazantsev S. V., Garibova F. M. Socio-economic situation of refugees from Afghanistan in Tajikistan // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 79–87. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-79-87>.*

Постановка проблемы. В настоящее время между Афганистаном и Таджикистаном развивается несколько форм миграции, которые влияют на различные аспекты безопасности в регионе: вынужденная миграция, бизнес и трудовая миграция, образовательная миграция, возвратная миграция.

Согласно официальным данным Министерства иностранных дел Республики Таджикистан, на конец 2020 года в Таджикистане зарегистрировано 6 тысяч беженцев и лиц, ищущих убежище, из Афганистана. Однако в 2021 году в результате военных действий на территории Афганистана количество беженцев в Таджикистане увеличилось в два раза и составило около 14 тысяч человек¹.

Интеграция охватывает различные стратегии и различные аспекты жизни мигрантов, вследствие этого данные об интеграции мигрантов охватывают обширный спектр информации, включая то, интегрируются ли мигранты в социальную, экономическую, культурную и политическую сферы общества, как политика влияет на интеграцию мигрантов, с какой дискриминацией они сталкиваются и как общественность воспринимает мигрантов и иммиграцию.

Адаптация является основным звеном процесса интеграции мигрантов в принимающее общество: адаптация мигранта к условиям принимающей страны и его адаптация к сообществу принимающей страны со всеми условностями этого процесса от изучения языка, истории и основных правовых понятий до приобретения гражданства. В то же время следует отметить, что понятие интеграции мигрантов относительно недавно вошло в научный обиход [2].

Цель исследования — выявить проблемы интеграции и адаптации беженцев из Афганистана в Республике Таджикистан и определить социально-экономическое положение беженцев.

Результаты исследования. Феномен массовой вынужденной эмиграции из Афганистана в Таджикистан начинается с сере-

дины 1990-х годов, когда в стране к власти в Афганистане пришло радикальное движение «Талибан». Масштабная волна миграции из Афганистана началась с 2002 года. В 2001–2002 годах из Афганистана в Таджикистан переехали более 12 тыс. беженцев [1].

Новое усиление вынужденной миграции из Афганистана отмечалось с 2017 года, когда ситуация с безопасностью ухудшилась из-за вывода американских войск и усиления активности движения «Талибан». На протяжении последних лет Афганистан является страной — лидером по количеству граждан, которые вынуждены искать убежище за рубежом и внутри страны. В 2020 году более 2,6 млн человек были внутренне перемещенными лицами в Афганистане. Многие афганцы стали искать убежища за границей. Из государств Центральной Азии афганских беженцев принимают только Таджикистан и Киргизия, в Туркменистане и Узбекистане въезд афганских беженцев ограничен. Ежегодно в Таджикистан прибывают сотни афганских беженцев. По данным УВКБ ООН, из Таджикистана в Афганистан ежегодно возвращается только около 100 беженцев. В основном это те, кто был вынужден вернуться на родину из-за родственников или был выдворен из Таджикистана².

По данным УВКБ ООН, на конец 2020 года в странах Центральной Азии находились 6398 беженцев, из которых 5581 приходится на Таджикистан.

Опрос УВКБ ООН 705 семей афганских беженцев (3797 человек) в Таджикистане был проведен с мая по октябрь 2019 года в районах республиканского подчинения (Вахдат, Рудаки, Хиссор), Курган-Тюбе (Хатлонская область) и Джаббар-Расуловском районе (Согдийская область). Большинство семей (88%) находились в Таджикистане от четырех до десяти лет и прибыли с 2011 по 2019 годы. Афганские беженцы происходили из Кабула (55%), северных и северо-восточных провинций страны: Парван (6%), Кундуз (5%), Вардак (5%), Балхом (5%). В этническом отношении это были таджики

¹ МИД озвучил точное число афганских беженцев в Таджикистане [Электронный ресурс] // Sputnik Tajikistan. 02.02.2022. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20220202/tajikistan-afghanistan-bezhency-chislo-1045406882.html>.

² Таджикистан: афганские беженцы чувствуют себя в безопасности, но живут в бедности [Электронный ресурс] // Institute for War and Peace reporting. 16.08.2018. URL: <https://iwpr.net/ru/global-voices/tadzhikistan-afganskie-bezhency-chuvstvuyut-sebya-v-bezopasnosti-no-zhivut-v-bednosti>.

(51%), хазарейцы (42%) и пуштуны (3%). В среднем афганская семья состоит из 5 человек. Около 13% домохозяйств возглавляемы женщинами, 6% из них — это семьи вдов, большинство из которых обеспечивают иждивенцев.

Афганские беженцы пытаются найти в Таджикистане спасение от вооруженных боевиков (талибов), работу и дать образование своим детям, но зачастую оказываются в состоянии экономической и юридической неопределенности [3].

Таджикские власти совместно с УВКБ ООН и общественными неправительственными организациями достаточно активно работают над планом реагирования на чрезвычайные ситуации, связанные с массовым перемещением беженцев через таджико-аф-

ганскую границу, но ресурсы Таджикистана на помощь беженцам из Афганистана очень ограничены.

Главная проблема беженцев — отсутствие работы и невозможность найти нормально оплачиваемую работу. Исследование 2019 года показало, что около 48% беженцев не имели работы по разным причинам, включая ограниченный объем рабочих мест на рынке труда, отсутствие навыков и квалификации, проблемы со здоровьем и необходимость ухода за членом семьи или ребенком.

Предоставление статуса беженца в Таджикистане имеет ограниченный характер, поскольку государство не имеет возможности принимать социальные обязательства, не может обеспечить жильем, работой или пособием [4].

Таблица 1
 Table 1

Беженцы в Центральной Азии на конец 2020 г.³
Refugees in Central Asia by the end of 2020

	Количество беженцев и лиц, ищущих убежища		Количество людей, подавших на получение убежища и получивших статус беженца		Общее количество беженцев, которые были натурализованы ⁴	Доступ к социально-экономическим правам
	Беженцы	Лица, ищущие убежища	Подано	Признано		
Казахстан	445	233	88	4	—	Образование, здравоохранение, трудоустройство
Кыргызская Республика	337	347	323	10	14	Образование, здравоохранение, трудоустройство
Таджикистан	5 581	408	1 090	1 935	—	Образование, здравоохранение, трудоустройство
Туркменистан	21		—		1	Образование, здравоохранение
Узбекистан	14		—		—	Образование, здравоохранение

³ Источник: составлено авторами по данным УВКБ ООН.

⁴ Примечание. Натурализация — это правовой процесс, посредством которого беженец приобретает гражданство принимающей страны. Трудоустройство — только для беженцев, не для лиц, ищущих убежища.

УВКБ ООН оказывает некоторую помощь самым уязвимым семьям беженцев в пределах ограниченного бюджета: продуктовые наборы, одежда, оплата аренды жилья. УВКБ ООН оказывает поддержку матерям-одиночкам, многодетным семьям, престарелым или лицам с особыми потребностями. Например, малообеспеченным многодетным семьям выплачивается ежемесячное пособие в размере 46 долларов США (главе семьи) и по 26 долларов США (неработающим членам семьи). Но этих денег беженцам не хватает, учитывая, что им приходится самостоятельно оплачивать аренду жилья (120–200 долларов США в месяц), расходы на продукты питания, одежду и лекарства.

Продолжительность пребывания и возможность трудоустройства афганских беженцев являются важным фактором интеграции в принимающее общество. Чем дольше семья беженцев живет в принимающей стране, тем лучше они понимают, как выжить, развивая или укрепляя социальные навыки, включая язык и методы ведения бизнеса. Со временем социальный капитал и сети людей становятся сильнее, что способствует интеграции и обеспечению средств к существованию. Культурная и языковая близость двух стран в определенной степени способствует интеграции афганских беженцев в таджикское общество. Эксперты отмечают достаточно толерантное отношение таджиков к беженцам из Афганистана. Беженцы считают, что население Таджикистана относится к ним довольно доброжелательно. Эксперты подчеркивают, что в сравнении с Ираном и Пакистаном, где тоже очень много афганских мигрантов и беженцев, отношение к ним в Таджикистане более благоприятное.

Несмотря на хороший интеграционный потенциал, беженцы из Афганистана фактически лишены возможности получить гражданство Республики Таджикистан, многие не могут получить вид на жительство. Согласно статье 14 Закона о гражданстве Республики Таджикистан, иностранцы или лица без гражданства, достигшие 18-летнего возраста, имеют право подать документы

на получение таджикского паспорта, но фактически получить гражданство невозможно из-за неофициальных барьеров. Согласно экспертным оценкам главы афганской НПО «Ориёно» А. Баходури, к 1998 году таджикские паспорта получили 14 афганцев, все они — выпускники университетов республики в советские времена. С тех пор ни один афганец не получил таджикского гражданства. Около 400 афганцев подали документы на получение гражданства Таджикистана, в том числе часть из них имеют вид на жительство, который действует пять лет, но большинство получили свидетельства беженцев [5].

За международную защиту беженцев отвечает УВКБ ООН. Однако, в первую очередь, основную ответственность за обеспечение международной защиты беженцев несет страна, в которой лицо ищет убежище, в соответствии с подписанными международными обязательствами. Для Таджикистана ситуация с беженцами — не чужая. Когда в 1990-х годах в стране была гражданская война, она сама стала «поставщиком» беженцев. Большинство из них отправилось в страны СНГ, но и немало беженцев переместилось в северные районы Афганистана, где живут в том числе и этнические таджики. Для Таджикистана важно, чтобы впоследствии беженцы использовали так называемую добровольную репатриацию на родину. Однако важным моментом репатриации являются гарантии безопасности их возвращения. Судя по всему, пока их дать никто в Афганистане не может [6].

В результате боевых действий в Афганистане в 2021 году в Таджикистан прибыло десятки тысяч беженцев. Согласно постановлениям Правительства Республики Таджикистан, беженцам разрешено проживание на определенных территориях, как правило, закон запрещает жить в больших городах и в столице⁵.

Один из таких городов, где разрешено проживание беженцам из Афганистана, является город Вахдат, расположенный в 20 километрах от столицы страны — Душанбе.

5 Полетаев Э. Таджикистан должен быть готовым к возможному наплыву беженцев из Афганистана [Электронный ресурс] // Avesta.Tj. 13.07.2021. URL: <http://avesta.tj/2021/07/13/e-poletaev-tadzhikistan-dolzhen-byt-gotovym-k-vozmozhnomu-naplyvu-bezhentsev-iz-afganistana/>.

По приезду беженцам приходится ждать несколько месяцев карту беженца и документы, разрешающие вести трудовую деятельность или получить образование. В Вахдате функционирует представительство организации RCVC (Refugees, Children and Vulnerable Citizens), которая поддерживает беженцев юридически и финансово.

УВКБ ООН в Таджикистане предоставляет беженцам правовую защиту и социальную помощь, в том числе поддерживаются программы профессионального образования и обучения, услуги по трудоустройству, а также беженцам выделяются малые гранты для создания собственного бизнеса.

Вместе с тем УВКБ ООН продолжает оказывать гуманитарную помощь наиболее уязвимым беженцам, таким как матери-одиночки, лица с ограниченными возможностями здоровья, многодетные семьи и другие. Эти категории составляют около 10–15% от общего числа беженцев. Например, с января по октябрь 2021 года УВКБ ООН через своих НПО партнеров предоставило следующую помощь: 216 семей (866 человек) получили финансовую помощь в рамках Программы денежных интервенций, 106 беженцам была оказана помощь в трудоустройстве, 66 беженцев получали ежемесячное пособие по инвалидности, 100 школьникам оказана помощь в оплате учебников, 3455 человек получили юридические консультации и правовую помощь, 63 беженца получили малые гранты на создание бизнеса, 200 беженцев прошли профессиональную подготовку и обучение, 461 школьником-беженцев получили школьную форму и обувь, 262 беженца получили медицинскую помощь [7].

Стоит отметить деятельность неправительственных организаций, таких как «Инсон ва Адолат» и «Дети, беженцы и уязвимые граждане», которые ежедневно предоставляют социальные и правовые услуги беженцам и лицам, ищущим убежища.

На протяжении нескольких лет в Таджикистане живут и работают афганские бизнесмены. Их деятельность сосредоточена в основном в столице — Душанбе. Таджикистан они выбрали из-за общности языка, близости к Афганистану, единства культуры и хороших условий для работы. Например, действует строительная компания «Лола»

(глава — афганский бизнесмен Н. Ахмади), которая более десяти лет занимается строительством высотных зданий в Таджикистане. Афганские строительные компании, работающие в Таджикистане, трудоустраивали в основном своих соотечественников. В разные годы размер квоты для граждан Афганистана, утвержденный Указом Президента Республики Таджикистан, на граждан Афганистана составлял от 4,8 тыс. до 8 тыс. мест. В 2017–2019 годах размер квоты был стабильным — на уровне 7,5 тыс. мест, что в долевым отношении составляло от 6,4% до 10,4% от всей квоты на иностранную рабочую силу. В реальности в разные годы на таджикском рынке труда работали от 1,2 до 11,3 тыс. граждан Афганистана. В 2019 году в стране насчитывалось 6,7 тыс. трудовых мигрантов из Афганистана, что составляло 8,2% всей иностранной рабочей силы [8].

Строительная отрасль сильно пострадала из-за пандемии: из-за отсутствия работы около 200 афганцев, приехавших в Таджикистан в качестве строителей, были вынуждены вернуться домой, так как строительные компании прекратили работу во время пандемии и не нашлось другого рода занятий, чтобы прокормиться. Афганские бизнесмены в сфере строительства обычно трудоустраивали ежегодно до 180–200 человек из Афганистана, но в 2020 году на стройках Таджикистана работали в основном таджикские строители, которые не смогли поехать на работу в Россию, поэтому было трудоустроено только 5 граждан Афганистана.

Выводы. В 1993 году Республика Таджикистан первой в Центральной Азии присоединилась к Конвенции о статусе беженцев 1951 года и Протоколу 1967 года, касающемуся статуса беженцев. С тех пор УВКБ ООН работает с Правительством над созданием надежной системы предоставления убежища и оказывает защиту и помощь беженцам.

Бегство от талибов и длительной войны в Афганистане, а также близкое соседство делает Таджикистан желанной «тихой пристанью» для афганских беженцев. Таджикистан предпринимает решительные меры для помощи соседней республике, предоставляя

свою логистическую структуру для доставки гуманитарного груза, это в том числе 6 мостов на границе. Кроме этого, жителям приграничных районов оказана медицинская помощь. Таджикистан продолжает непрерывную подачу электричества в северные провинции Афганистана и в Кабул.

Согласно Закону РТ «О беженцах», афганские беженцы в Таджикистане пользуются такими же социально-экономическими правами, как и граждане Таджикистана. Беженцы имеют беспрепятственный доступ к всеобщему среднему образованию и к базовой медицинской помощи, имеют право на осуществление трудовой деятельности и развитие бизнеса.

Однако на сегодняшний день из-за ограниченного рынка труда, как и многие граждане Таджикистана, беженцы сталкиваются с проблемами поиска работы и постоянного трудоустройства.

Сложности социально-экономической интеграции афганских беженцев становятся фактором риска для таджикского общества. Безработные, бедные и голодные мигранты формируют слой социально неустроенных людей, не имеющих полной гарантированной занятости, и могут быть потенциально вовлечены в экстремистскую и преступную деятельность.

Исключение афганских беженцев из системы натурализации в Таджикистане (а детей афганских беженцев из национальной системы обучения) подрывает основу интеграции этой категории мигрантов в таджикское общество, становится фактором риска для таджикского общества с точки зрения пополнения социальных групп неустроенного и недовольного властью населения.

Во время пандемии COVID-19 многие афганские беженцы потеряли работу и источники доходов, а на фоне роста цен на продукты питания это существенно ухудшило социально-экономическое положение мигрантов в Таджикистане, создав риски для здоровья и перехода в разряд социально неустроенных людей, не имеющих полной гарантированной занятости.

Экономические проблемы, обострившиеся в результате пандемии COVID-19, в совокупности с отсутствием доступа к социальным пособиям и выплатам по безработице лицам с ин-

валидностью и многодетным семьям усложняют экономическое положение беженцев в Таджикистане.

Список источников

1. Бахромзода М.З. Позиция Таджикистана по урегулированию ситуации в Афганистане // *Русская политология*. 2021. №3(20). С. 42–48.
2. Герасимова И.В. Процессы адаптации и интеграции мигрантов как компоненты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] // *Наука. Общество. Оборона*. 2019. Т. 7. №4. URL: <https://www.noo-journal.ru/vak/2019-4-21/article-0211/>.
3. Муминов У.К. Проблемы конституционно-правового статуса беженцев в Республике Таджикистан // *Юридическая техника*. 2019. №13. С. 735–737.
4. Назаршоева С.Ф. Гражданская война в Республике Таджикистан и ее влияние на миграционные процессы // *Известия АлтГУ*. 2019. №6(110). С. 81–86.
5. Окимбеков У.В. Афганистан: социально-экономическая жизнь под параллельной властью талибов // *Восточная аналитика*. 2019. №4. С. 91–103.
6. Пайтян Р.Х. Проблемы афганских беженцев в контексте общей проблемы международно-правового регулирования положения беженцев // *Юридическая наука*. 2021. №11. С. 115–118.
7. Раджабов Д.Х. Таджикистан — Афганистан: пограничные проблемы // *Вестник Педагогического университета*. 2015. №1-2(62). С. 49–53.
8. Сафолзода М.К. Республика Таджикистан и Афганистан — взаимоотношение во второй половине 1997 г. // *Вестник Педагогического университета*. 2019. №6(83). С. 148–156.
9. Belabbas S., Bijak J., Modirrousta-Galian A., Nurse S. From Conflict Zones to Europe: Syrian and Afghan Refugees' Journeys, Stories, and Strategies // *Social Inclusion*. 2022. Vol. 10. Issue 4. P. 211–221.
10. Shaiq M.A., Barati A.A., Kalantari K., Asadi A. Dimensions of Poverty in Kunduz Province of Afghanistan // *World*. 2022. №3. P. 979–992.

References

1. Bahromzoda M. Z. Pozicija Tadžikistana po uregulirovaniju situaciji v Afganistane [Tajikistan's position on the settlement of the situation in Afghanistan]. *Russkaja politologija* [Russian Political Science]. 2021; 3(20): 42–48. (In Russ.).
2. Gerasimova I. V. Processy adaptacii i integracii migrantov kak komponenty obespečenija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Processes of adaptation and integration of migrants as components of ensuring national security of the Russian Federation] [Elektronnyj resurs]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona* [The science. Society. Defense]. 2019; 7 (4). URL: <https://www.noo-journal.ru/vak/2019-4-21/article-0211/>. (In Russ.).
3. Muminov U. K. Problemy konstitucionno-pravovogo statusa bezhencev v Respublike Tadžikistan [Problems of the constitutional and legal status of refugees in the Republic of Tajikistan]. *Juridicheskaja tehnika* [Legal technique]. 2019; (13): 735–737. (In Russ.).
4. Nazarshoeva S. F. Grazhdanskaja vojna v Respublike Tadžikistan i ee vlijanie na migracionnye processy [The civil war in the Republic of Tajikistan and its impact on migration processes]. *Izvestija AltGU* [News of AltGU]. 2019; 6(110): 81–86. (In Russ.).
5. Okimbekov U. V. Afganistan: social'no-jekonomicheskaja zhizn' pod parallel'noj vlast'ju talibov [Afghanistan: socio-economic life under the parallel rule of the Taliban]. *Vostochnaja analitika* [Eastern Analytics]. 2019; (4): 91–103. (In Russ.).
6. Pajtjan R. H. Problemy afganskikh bezhencev v kontekste obshhej problemy mezhdunarodno-pravovogo regulirovanija polozhenija bezhencev [Problems of Afghan refugees in the context of the general problem of international legal regulation of the situation of refugees]. *Juridicheskaja nauka* [Legal Science]. 2021; (11): 115–118. (In Russ.).
7. Radzhabov D. H. Tadžikistan — Afganistan: pograničnye problemy [Tajikistan — Afghanistan: border problems]. *Vestnik Pedagogičeskogo universiteta* [Bulletin of the Pedagogical University]. 2015; 1-2(62): 49–53. (In Russ.).
8. Safolzoda M. K. Respublika Tadžikistan i Afganistan — vzaimootnošenie vo vtoroj polovine 1997 g. [The Republic of Tajikistan and Afghanistan — the relationship in the second half of 1997]. *Vestnik Pedagogičeskogo universiteta* [Bulletin of the Pedagogical University]. 2019; 6(83): 148–156. (In Russ.).
9. Belabbas S., Bijak J., Modirrousta-Galian A., Nurse S. From Conflict Zones to Europe: Syrian and Afghan Refugees' Journeys, Stories, and Strategies. *Social Inclusion*. 2022; 10(4): 211–221.
10. Shaiq M. A., Barati A. A., Kalantari K., Asadi A. Dimensions of Poverty in Kunduz Province of Afghanistan. *World*. 2022; (3): 979–992.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 12.06.2023.

The article was submitted on 28.04.2023; approved after reviewing on 18.05.2023; accepted for publication on 12.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рязанцев Сергей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института демографических исследований — обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН); председатель Научного совета «Демографические и миграционные проблемы при ООН РАН». Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Sergey V. Ryazantsev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS); Chairman of the Scientific Council «Demographic and Migration Problems of Russia» at the Department of Social Sciences RAS.

6 Fotievoy str., bld. 1, Moscow, Russia

Гарибова Фарзона Майбалиевна — младший научный сотрудник Института демографических исследований — обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Farzona M. Garibova — Junior Research fellow, Institute for Demographic Research, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS).

6 Fotievoy str., bld. 1, Moscow, Russia

Вклад авторов:

Рязанцев С. В. — постановка проблемы; разработка концепции статьи; описание результатов и формирование выводов исследования.

Гарибова Ф. М. — сбор и обработка статистических данных; подготовка и редактирование текста.

Contribution of the authors:

Ryazantsev S. V. — statement of the problem; development of the concept of the article; description of the results and formation of conclusions of the study.

Garibova F. M. — collection and processing of statistical data; preparation and editing of text.

Научная статья

УДК 316.354

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-88-94

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Мария Владимировна Хлебникова^{1✉}, Александр Владимирович Панычик²

¹Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

¹kle_ma@mail.ru✉, AuthorID РИНЦ: 466598

²Filosoftya327@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2959-9358, AuthorID РИНЦ: 19048997

Аннотация. Цель исследования — анализ социальной активности молодежи посредством рассмотрения деятельности существующих в России общественных объединений.

Методологический конструкт. Анализ работы молодежных общественных объединений и участия молодежи в данных структурах осуществляется на основе деятельностной парадигмы исследования и концепции саморегуляции жизнедеятельности молодежи.

Результаты исследования. В рамках данной работы авторы обращаются к такой форме социальной активности молодежи, как общественные объединения. В России действуют два очень масштабных объединения: Российский союз молодежи и Российские студенческие отряды. Анализ направлений деятельности данных объединений позволяет сделать вывод о том, что возможность стать частью молодежного объединения позволяет молодым людям проявить креативность в различных сферах деятельности, поучаствовать в крупномасштабных проектах, расширить круг социальных связей, получить прикладные компетенции, а также выстроить успешные жизненные стратегии.

Перспективой исследования является изучение существующих форм проявления социальной активности со стороны российской молодежи.

Ключевые слова: молодежь, российская государственная молодежная политика, социальная активность молодежи, молодежные движения, молодежные общественные объединения

Для цитирования: Хлебникова М. В., Панычик А. В. Общественные объединения как форма социальной активности российской молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 88–94. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-88-94>.

Original article

PUBLIC ASSOCIATIONS AS A FORM OF SOCIAL ACTIVITY OF RUSSIAN YOUTH

Maria V. Khlebnikova^{1✉}, Alexander V. Panychik²

¹Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia

²Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

¹kle_ma@mail.ru✉, AuthorID RSCI: 466598

²Filosofiya327@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2959-9358, AuthorID RSCI: 19048997

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the social activity of young people by considering the activities of public associations existing in Russia.*

Methodological construct. *The activity paradigm of the research and the concept of self-regulation of the life of youth allows an analysis of youth public associations.*

The results of the study. *Within the framework of this work, the authors turn to such a form of social activity of young people as public associations. There are two very large-scale associations in Russia: the Russian Youth Union and Russian Student Groups. An analysis of the activities of these associations allows us to conclude that the opportunity to become part of a youth association allows young people to show creativity in various fields of activity, participate in large-scale projects, expand the range of social ties, gain applied competencies, and build successful life strategies.*

The prospect of the study. *The aim is to study the existing forms of social activity on the part of Russian youth.*

Keywords: *Russian youth, Russian state youth policy, social activity of youth, youth movements, youth public associations*

For citation: *Khlebnikova M. V., Panychik A. V. Public Associations as a Form of Social Activity of Russian Youth // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 88–94. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-88-94>.*

Введение. Молодежь выступает в качестве той социально-демографической группы, которая в силу своего возраста является наиболее активным участником общественного развития страны. Молодое поколение обладает множеством механизмов, которые позволяют молодежи очень эффективно внедрять в жизнь имеющиеся у них инновационные идеи.

Касаясь России, мы можем отметить, что инициативность молодежи поощряется со стороны государственных органов. Поддержка государства является стимулом для современной молодежи в развитии имеюще-

гося потенциала и дальнейшего его развития на профессиональном поприще.

Государство поддерживает молодежные инициативы посредством создания и регулирования политики в отношении российской молодежи [2]. Важными документами в данной сфере являются Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года¹ и Федеральный Закон «О молодежной политике в Российской Федерации»².

Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодёжь) координирует вопросы

1 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 г. №2403-р [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/docs/all/93887/> (дата обращения: 13.06.2023).

2 Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Сайт Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 14.06.2023).

молодежной политики в Российской Федерации³. Деятельность данного органа направлена на поддержание социально значимых проектов, инициированных со стороны молодежи, и создание условий для раскрытия потенциала современной молодежи. На территории регионов реализуют свою деятельность комитеты по молодежной политике.

Государство также поддерживает обучающуюся молодежь посредством предоставления стипендий: лучшие студенты и аспиранты могут быть награждены стипендией Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, что позволяет студенческой молодежи делать вклад как в свою карьеру, так и прогрессивное будущее страны. Современным молодым людям в России предоставляются широкие возможности для участия в социально значимых инициативах и проявления имеющегося потенциала.

В рамках данной работы мы обратимся к одной из форм проявления социальной активности молодежи — общественным объединениям.

Анализ степени исследования проблемы и методические аспекты изучения. При изучении молодежи исследовательский интерес устремлен на выявление и рассмотрение имеющихся у молодежи проблем, а также на исследование перспектив развития социума с точки зрения участия молодых людей в данном процессе.

Социологи обратились к исследованию молодежи чуть больше 100 лет назад, поскольку именно на этапе зарождения рыночных отношений молодежь показала всем, что именно она является структурообразующим фактором социума [3]. С тех пор исследовательский интерес ученых к молодежной проблематике не утихает, и с каждым годом находятся все новые и новые направления исследований, посвященных российской молодежи: методологические аспекты изучения молодежи [7], профессиональная ориентация молодежи [4], влияние информации и ин-

формационных ресурсов на молодежь [10], репродуктивные установки молодежи [8], формы социальной активности молодежи [9], участие молодежи в благотворительных акциях и волонтерской деятельности [1]. Как отмечают Ю.А. Зубок и Ю.В. Березуцкий, солидарность и чувство эмпатии побуждают молодежь активно участвовать в различных видах социальных практик [6].

Социальная активность молодежи в рамках деятельностного подхода (Г.Е. Зборовский) и концепции саморегуляции жизнедеятельности молодежи (Ю.А. Зубок, В.И. Чупров) выступают в качестве деятельности, которая целенаправлена на развитие новых свойств личности.

Социальная активность российской молодежи: мотивы и формы проявления. Социальная активность представляет собой целенаправленный вид деятельности, который отличается от других видов тем, что у субъекта данной деятельности с общественной средой возникают особые отношения [8]. Современная молодежь в связи со своей динамичностью, мобильностью и направленностью на результат является активным актором, который проявляет социальную активность.

Для развития возможностей молодежного проявления в различных сферах существуют конкретные цели государственной молодежной политики, которые связаны с формированием системы нравственных ориентиров для современной молодежи⁴.

Для осуществления обозначенных целей на территории страны существуют специальные органы [5]. В Ростовской области реализует свою деятельность Комитет по молодежной политике Ростовской области. Деятельность комитета связана с организацией различных мероприятий, которые позволяют молодежи донского региона самореализоваться⁵. Помимо этого, в Ростовской области работает ГАУ РО «Агентство развития молодежных инициатив» (АРМИ), работа которого направлена на развитие молодежных

³ Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодѣжь) [Электронный ресурс] // Официальный сайт. URL: <https://fadm.gov.ru/agency/about/> (дата обращения: 15.06.2023).

⁴ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Сайт Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/>.

⁵ Комитет по молодежной политике Ростовской области [Электронный ресурс] // Официальный сайт. URL: <https://xn--d1aapgefcbbb.xn--p1ai/about> (дата обращения: 14.06.2023).

талантов⁶. АРМИ оказывает помощь в формировании заявок для получения грантовой поддержки от государства. Например, в конце апреля 2023 года были подведены итоги грантового конкурса от Росмолодёжи, где многие проекты от Ростовской области были поддержаны⁷.

Таким образом, молодежь России имеет возможность проявляться и самореализовываться в творчестве, науке, учебе, спорте, волонтерской и другой общественной деятельности.

Говоря о предоставленных для российской молодежи возможностях, необходимо уточнить мотивационные факторы участия в различных общественно значимых практиках. По результатам вторичного анализа данных обследований, проведенных коллегами, занимающимися вопросами социальной активности молодежи, можно отметить следующие мотивы: социальную установку на приношение пользы людям, выполнение гражданского долга, развитие имеющихся навыков для формирования профессиональных компетенций, разнообразие досуговой деятельности, расширение социальных связей, получение материального поощрения [6; 9].

Деятельность молодежных общественных объединений в России. Одной из форм социальной активности молодежи в настоящее время является их участие в общественных объединениях.

На территории России осуществляют свою деятельность различные молодежные объединения⁸. Российский союз молодежи (РСМ) является крупной молодежной общественной организацией в России, деятельность которой направлена на реализацию программ и проектов для молодежи в сфере воспитания и развития профессиональных компетенций молодежи вовлечения молоде-

жи в социальную практику. Еще одной масштабной организацией выступают Российские студенческие отряды (РСО), которые позволяют молодым людям приобрести необходимые знания, умения и навыки, а также выстроить успешные карьерные стратегии. Участники РСО из педагогических отрядов участвуют в организации детского отдыха на территории всей Российской Федерации. Бойцы строительных отрядов работают на объектах стройкомплекса атомной отрасли, реализующихся Росатомом: ВСС «Мирный атом — МБИР» (Ульяновская область, г. Димитровград), ВСС «Мирный атом — ПРОРЫВ» (Томская область, г. Северск), ВСС «Норильск» (Красноярский край, г. Норильск) и ВСС «Мирный атом» (Челябинская область, г. Озёрск). Участники медицинского направления РСО активно включились в помощь населению во время начала пандемии, что позволило обеспечить большое количество кадрового резерва для борьбы с COVID-19.

Обращаясь к данным, представленным в рамках опроса ВЦИОМ, мы можем отметить, что о деятельности РСО слышали многие россияне и большинство молодых россиян стремятся попасть в ряды бойцов РСО⁹.

Заключение. Современная российская молодежь является активным участником общественного развития страны. Социальная активность молодого поколения России может быть реализована за счет участия молодых людей в различных общественных движениях, среди которых одними из самых крупных являются Российский союз молодежи и Российские студенческие отряды. Деятельность данных общественных объединений направлена на саморазвитие российской молодежи, а также раскрытие их талантов.

⁶ ГАУ РО «Агентство развития молодежных инициатив» [Электронный ресурс] // Официальный сайт. URL: <https://xn--61-6kcbatx.xn--p1ai/> (дата обращения: 15.06.2023).

⁷ Приказ от 24 апреля 2023 года №147 «Об утверждении списка победителей Всероссийского конкурса молодежных проектов среди образовательных организаций высшего образования (за исключением казенных учреждений) в 2023 году» [Электронный ресурс] // Рассылка новостей информационного портала Информинфо для образовательных организаций от 25 апреля 2023 г. URL: <https://wuz.informio.ru/files/directory/documents/2023/04/0001202304240022.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

⁸ Приказ Росмолодежи от 08.04.2019 №106 «О Федеральном реестре молодежных и детских объединений, пользующихся государственной поддержкой» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=664859&dst=100020#i9oKMQTWmdiG58B5>.

⁹ Студотряды сегодня [Электронный ресурс] // Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/studottrjady-segodnja> (дата обращения: 15.06.2023).

Возможность стать частью данных объединений позволяет молодым людям получать прикладные компетенции, духовно и нравственно расти, быть готовыми к созидательному труду и позитивному вкладу в развитие России.

Список источников

1. Абрамова И.Е., Власов С.Н. Добровольческая деятельность как средство формирования профессиональных компетенций обучающихся медицинского профиля подготовки (на примере студентов РостГМУ) // Гуманизация образования. 2022. №1. С. 157–167.

2. Багрова Н.А., Ромашенко Н.В. Современные механизмы взаимодействия государства и молодежи // Управление государственное, муниципальное и корпоративное: теория и лучшие практики. Материалы Четвертой международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 11–12 октября 2019 года). Ростов н/Д: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2019. С. 16–19.

3. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: монография. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.

4. Гриненко Т.Г. Молодежь на рынке труда: возможности и угрозы // Управленческое консультирование. 2022. №5(161). С. 62–71.

5. Денисенко И.Ф., Тованчова Е.Н. Роль органов местного самоуправления в системе публичной власти РФ: лучшие практики Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. №1. С. 11–17.

6. Зубок Ю.А., Березутский Ю.В. Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции // Власть и управление на Востоке России. 2020. №2(91). С. 89–105.

7. Клушина Н.П., Люев А.Х. Молодежь как объект социологического исследования: методологические аспекты // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2022. №1. С. 73–77.

8. Кучмаева О.В., Золотарева О.А., Гуляев С.Б. Современная российская молодежь: ценностные аспекты реализации репродуктивных намерений // Вестник Южно-Россий-

ского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. №2. С. 92–103.

9. Пилипенко А.Э., Пантелеев В.Г. Социальная активность студенческой молодежи: опыт исследования смысловых представлений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2021. №3(284). С. 84–97.

10. Симонова О.Б. К вопросу о нейтрализации негативного влияния информационных войн на население // Актуальные проблемы и перспективы развития транспорта, промышленности и экономики России. Сборник научных трудов. Ростов н/Д: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2018. С. 201–203.

References

1. Abramova I. E., Vlasov S. N. Dobrovol'cheskaja dejatel'nost' kak sredstvo formirovaniya professional'nyh kompetencij obuchajushhihsja medicinskogo profilja podgotovki (na primere studentov RostGMU) [Voluntary activity as a means of forming professional competencies of medical training students (on the example of RostSMU students)]. *Gumanizacija obrazovaniya* [Humanization of education]. 2022; (1): 157–167. (In Russ.).

2. Bagrova N. A., Romashenko N. V. Sovremennye mehanizmy vzaimodejstvija gosudarstva i molodezhi [Modern mechanisms of interaction between the state and youth]. *Upravlenie gosudarstvennoe, municipal'noe i korporativnoe: teorija i luchshie praktiki. Materialy Chetvertoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (Rostov-na-Donu, 11–12 oktjabrja 2019 goda) [State, municipal and corporate governance: theory and best practices. Materials of the Fourth International Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, October 11–12, 2019)]. *Rostov-on-Don: Rostovskij gosudarstvennyj universitet putej soobshhenija*, 2019. P. 16–19. (In Russ.).

3. Gorshkov M. K., Sheregi F. Je. Molodezh' Rossii v zerkale sociologii. K itogam mnogoletnih issledovanij: monografija [The youth of Russia in the mirror of Sociology. To the results of many years of research: monograph]. Moscow: FNISC RAN, 2020. 688 p. (In Russ.).

4. Grinenko T. G. Molodezh' na rynke truda: vozmozhnosti i ugrozy [Youth on the labor market: opportunities and threats]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Managerial consulting]. 2022; 5(161): 62–71. (In Russ.).

5. Denisenko I. F., Tovanchova E. N. Rol' organov mestnogo samoupravlenija v sisteme publichnoj vlasti RF: luchshie praktiki Rostovskoj oblasti [The role of local self-government bodies in the system of public power of the Russian Federation: the best practices of the Rostov region]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and municipal administration. Scientific notes]. 2023; (1): 11–17. (In Russ.).

6. Zubok Ju. A., Berezutskij Ju. V. Social'naja aktivnost' molodezhi: mirovozzrencheskie osnovanija samoreguljatsii [Social activity of youth: ideological foundations of self-regulation]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and management in the East of Russia]. 2020; 2(91): 89–105. (In Russ.).

7. Klushina N. P., Ljuev A. H. Molodezh' kak ob#ekt sociologicheskogo issledovanija: metodologicheskie aspekty [Youth as an object of sociological research: methodological aspects]. *Jekonomicheskie i gumanitarnye issledovanija regionov* [Economic and humanitarian studies of the regions]. 2022; (1): 73–77. (In Russ.).

8. Kuchmaeva O. V., Zolotareva O. A., Guljaev S. B. Sovremennaja rossijskaja molodezh': cennostnye aspekty realizatsii reproduktivnyh

namerenij [Modern Russian youth: value aspects of the realization of reproductive intentions]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences]. 2021: 14(2): 92–103. (In Russ.).

9. Pilipenko A. Je., Panteleev V. G. Social'naja aktivnost' studencheskoj molodezhi: opyt issledovanija smyslovych predstavlenij [Social activity of student youth: experience in the study of semantic representations]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija* [Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: philosophy, history, Sociology, law, political science, cultural studies]. 2021; 3(284): 84–97. (In Russ.).

10. Simonova O. B. K voprosu o nejtralizatsii negativnogo vlijanija informacionnyh vojn na naselenie [On the issue of neutralizing the negative impact of information wars on the population]. Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya transporta, promyshlennosti i jekonomiki Rossii. Sbornik nauchnyh trudov [Actual problems and prospects of development of transport, industry and economy of Russia. Collection of scientific papers]. Rostov-on-Don: Rostovskij gosudarstvennyj universitet putej soobshhenija, 2018. P. 201–203. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.05.2023; одобрена после рецензирования 28.05.2023; принята к публикации 14.06.2023.

The article was submitted on 08.05.2023; approved after reviewing on 28.05.2023; accepted for publication on 14.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хлебникова Мария Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки», Ростовский государственный университет путей сообщения. Сфера научных интересов: когнитивные аспекты синтаксиса современного английского языка, вопросы, связанные с терминологией и профессиональной коммуникацией. Стаж научной работы — 20 лет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2

Maria V. Khlebnikova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of «Foreign Languages», Rostov State Transport University. Research interests: cognitive aspects of the syntax of modern English, issues related to terminology and professional communication. Scientific work experience — 20 years.

2 Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolchenija str., Rostov-on-Don, Russia

Панычик Александр Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и культурология», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). Стаж работы в научно-исследовательской сфере — 20 лет. Сфера научных интересов: философия религии и философские проблемы эзотеризма.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Alexander V. Panychik — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Rostov State University of Economics (RSUE). Work experience in the research field is 20 years. Research interests: philosophy of religion, philosophical problems of esotericism.

69 B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Хлебникова М. В. — подготовка материалов к публикации; итоговые выводы.

Панычик А. В. — концепция исследования; написание исходного текста.

Contribution of the authors:

Khlebnikova M. V. — preparation of materials for publication; final conclusions.

Panychik A. V. — research concept; writing the source text.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ECONOMICS AND MANAGEMENT

Научная статья

УДК 631.145

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-95-102

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Людмила Георгиевна Долматова

*Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова (филиал),
Донской государственный аграрный университет, Новочеркасск, Россия
dolmatoval1971@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1825-0097, AuthorID РИНЦ: 440744*

Аннотация. *Целью исследования* является анализ экономических основ территориальной организации сельскохозяйственных предприятий, включающий влияние пространственных недостатков землепользований как экономической категории на эффективность использования земель, особенно ценных сельскохозяйственных угодий (пашен, кормовых угодий) и на развитие производственной деятельности хозяйств. Также была рассмотрена взаимосвязь определения оптимальной площади хозяйства и имеющегося у предприятия комплекса производственных ресурсов, важность их пропорционального соотношения.

Методологическую базу исследования представляют базисные положения в области совершенствования пространственных характеристик земельных участков сельскохозяйственных предприятий и их влияние на улучшение производственной деятельности, особенно в части развития товарных отраслей аграрного производства и рационального использования сельскохозяйственных угодий. К используемым научным методам относятся причинно-следственный, сравнительный и системный анализ, метод логических взаимосвязей.

Результаты исследования. В результате всестороннего анализа экономических основ территориальной организации сельскохозяйственных предприятий было выявлено, что оптимизация всех факторов производства, включая пространственные условия землепользования и определение его оптимальной площади с учётом региональных особенностей, является важной и необходимой в современных экономических условиях. В настоящее время анализу пространственных условий существующих землепользований и землевладений уделяется недостаточное внимание. Совершенствование территориальной организации должно быть направлено на приведение к балансу используемых земельных площадей и всех имеющихся производственных ресурсов предприятия. Необходимо найти оптимальные пропорции между находящейся в собственности или в пользовании землёй, рабочей силой, материальной базой (основными и оборотными фондами) и финансовыми активами.

Перспективы исследования заключаются в более широком учёте пространственных условий сельскохозяйственных предприятий и определения оптимальной площади хозяйств

с учётом всех имеющихся ресурсов, что оказывает существенное влияние на экономические показатели производства и улучшение использования имеющихся сельскохозяйственных угодий. Формирование устойчивых и конкурентоспособных землепользований является важным и необходимым в нестабильной экономической ситуации, ценовом диспаритете, постоянно меняющейся рыночной инфраструктуре.

Ключевые слова: эффективность хозяйствования, пространственные недостатки, земельные ресурсы, факторы производства, оптимальная площадь, улучшение, эффективность, устранение, оптимальные пропорции

Для цитирования: Долматова Л.Г. Экономические основы территориальной организации сельскохозяйственных предприятий // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 95–102. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-95-102>.

Original article

ECONOMIC FOUNDATIONS OF THE TERRITORIAL ORGANIZATIONS OF AGRICULTURAL ENTERPRISES

Lyudmila G. Dolmatova

*Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch),
Don State Agrarian University, Novocherkassk, Russia
dolmatoval1971@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1825-0097, AuthorID RSCI: 440744*

Abstract. *The aim of the study is to analyze the economic foundations of the territorial organization of agricultural enterprises, including the impact of spatial disadvantages of land use, as an economic category, on the efficiency of land use, especially valuable agricultural land (arable land, fodder land) and on the development of production activities of farms. The relationship between determining the optimal area of the economy and the entire complex of production resources available to the enterprise, the importance of their proportional relationship was also considered.*

The methodological basis of the study *is basic provisions in the field of improving the spatial characteristics of land plots of agricultural enterprises and their impact on improving production activities, especially in terms of the development of commodity sectors of agricultural production and the rational use of agricultural land. The scientific methods used include causal, comparative and system analysis, the method of logical relationships.*

Research results. *As a result of a comprehensive analysis of the economic foundations of the territorial organization of agricultural enterprises, it was revealed that the optimization of all factors of production, including the spatial conditions of land use and the determination of its optimal area, taking into account regional characteristics, is important and necessary in modern economic conditions. Currently, insufficient attention is paid to the analysis of the spatial conditions of existing land uses and land holdings. Improvement of the territorial organization should be aimed at bringing to balance the used land areas and all available production resources of the enterprise. It is necessary to find the optimal proportions between the land owned or in use, the labor force, the material base (fixed and circulating assets) and financial assets.*

The prospects of the study *are to take into account the spatial conditions of agricultural enterprises and determine the optimal area of farms, taking into account all available resources, which has a*

significant impact on the economic performance of production and improve the use of available agricultural land. The formation of sustainable and competitive land uses is important and necessary in an unstable economic situation, price disparity, constantly changing market infrastructure.

Keywords: management efficiency, spatial disadvantages, land resources, factors of production, optimal area, improvement, efficiency, elimination, optimal proportions

For citation: Dolmatova L. G. Economic Foundations of the Territorial Organizations of Agricultural Enterprises // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 95–102. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-95-102>.

Введение. Эффективность хозяйствования напрямую зависит от эффективности и рационального использования земли в аграрных предприятиях. Оптимизация всех факторов производства, включая пространственные условия землепользования и определение его оптимальной площади с учётом региональных особенностей, является важной и необходимой в современных экономических условиях. В настоящее время анализу пространственных условий существующих землепользований и землевладений уделяется недостаточное внимание. Совершенствование территориальной организации должно быть направлено на приведение к балансу используемых площадей и их размеров, и всех имеющихся производственных ресурсов предприятия. Необходимо найти оптимальные пропорции между имеющейся в собственности или в пользовании землёй, рабочей силой, материальной базой (основными и оборотными фондами) и финансовыми активами.

Обсуждение. Сельскохозяйственные предприятия, особенно больших площадей, — это общества с ограниченной ответственностью, сельскохозяйственные производственные кооперативы, а также небольшие по территории хозяйства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, личные подсобные хозяйства, которые имеют ряд пространственных недостатков, влияющих на ведение производства, развитие отраслей растениеводства и животноводства, а также рациональное использование пахотных и кормовых угодий.

К наиболее распространённым из них относятся нерациональные размеры хозяйства, вкрапливание, вклинивание, изломанность границ, дальнотемелье, топографи-

ческая чересполосица, расположение границ, приводящее к развитию водной эрозии. С экономической точки зрения известно, что критерием для установления недостатков землепользований и основанием для их устранения являются не внешние признаки (очертание земельного массива), а отрицательное влияние их на хозяйственную деятельность, развитие производства, затраты и использование земли [6; 3].

Устранение данных недостатков приводит к корректировке или изменению внутренних границ угодий и внешних границ хозяйств. В результате внутреннего изменения границ увеличиваются площади особо ценных земель (пашни, пастбищ), улучшается показатель их контурности и компактности, что прямо влияет на транспортные издержки предприятий. Изменение внешних границ при устранении пространственных недостатков затрагивает интересы близлежащих хозяйств, что должно быть взаимовыгодным для всех землепользователей. В связи с этим существует несколько способов их устранения с учётом баллов бонитета почв:

- обмен равновеликими и равноценными участками земли;
- обмен неравновеликими и неравноценными участками;
- безвозмездная передача земель одного хозяйства другому на взаимовыгодных условиях;
- образование новых, например личных подсобных хозяйств, или реорганизация существующих сельскохозяйственных предприятий [2; 5].

Выбор способа устранения зависит от природно-сельскохозяйственной зоны расположения хозяйства, рельефа местности и других особенностей землепользования. Рекомендации по совершенствованию

землепользований должны базироваться на опыте, накопленном в отдельных регионах страны со своими специфическими природно-климатическими условиями. Устранение пространственных недостатков относится только к сельскохозяйственным предприятиям аграрного сектора, к предприятиям других отраслей, например промышленности, данный вид землеустроительных действий не применим.

Расчёт показателей эффективности обмена земельными участками соседних хозяйств обычно проводится по техническим и экономическим показателям за два периода работ до проведения землеустройства и после. Основными показателями выступают площадь, подлежащая обмену, расстояние до обмениваемых участков, транспортные расходы на перевозку грузов и рабочих, себестоимость 1 центнера зерновых культур, чистый доход, который должен возрасти после обмена неудобными участками, себестоимость выполнения полевых механизированных работ.

Расчёт эффективности ликвидации пространственных недостатков путём безвозмездного изъятия у хозяйств удаленных и неудобно расположенных угодий и образования на их базе самостоятельного хозяйства также осуществляется по двум направлениям: в составе существующего землепользования и в самостоятельном предприятии, если таковое было образовано. Структура себестоимости продукции включает заработную плату, амортизационные отчисления, топливо и смазочные материалы, семена, удобрения, общехозяйственные и общепроизводственные расходы. Разница вариантов обусловлена неодинаковой организацией территории, при этом продуктивность угодий может не различаться.

Сравнение вариантов обычно осуществляется по основным технико-экономическим показателям: общая площадь участка, количество обособленных участков, площадь под дорогами, общая площадь изымаемых угодий, капитальные затраты, выход валовой продукции в тоннах или центнерах, стоимость 1 т продукции, чистый доход и др. Максимум чистого дохода указывает на наиболее выгодный вариант устранения пространственных недостатков.

Также важным критерием эффективной деятельности сельскохозяйственного пред-

приятия является его оптимальный размер, на который влияют ряд объективных и субъективных факторов и который в современных рыночных условиях определить достаточно сложно, но можно постараться учесть основные из них (рисунок 1) [4].

Влияние объективных факторов, не зависящих от самого предприятия, на рациональное использование земель хозяйства и уровень производства можно спрогнозировать на перспективу в части качественных характеристик почвенных угодий, климатических условий, плотности коммуникаций, включая дорожную сеть в регионе, расстояние до рынков сбыта продукции, в какой-то мере цен реализации, соотношения расходов и доходов предприятия.

С другой стороны, необходимо учесть субъективные факторы, зависящие от выбора самого хозяйства: уровень производительности труда, обеспеченность основными и оборотными фондами, энергооборужённость хозяйства, проведение мероприятий по улучшению пахотных и кормовых угодий, являющихся главным средством производства в сельском хозяйстве, использование современных система земледелия, внедрение научно-обоснованных севооборотов и ряд других мероприятий, проводимых самим хозяйством [1].

Тем не менее исследования, проведённые рядом зарубежных стран, показали, что в связи с изменчивостью обеих групп факторов (кроме природных) не всегда представляется возможным точно установить оптимальный размер хозяйства [9; 10]. Кроме того, есть факторы, способствующие укрупнению размеров хозяйств, а есть — сдерживающие этот процесс. Наиболее важными из них являются издержки производства, а именно — зависимость между издержками и размером хозяйства. А. В. Чаянов считал, что при определении размеров, например, крестьянского хозяйства надо находить оптимум, который заложен там, где при «прочих равных условиях себестоимость получаемых продуктов будет наименьшая». В крестьянских хозяйствах А. В. Чаянов все элементы издержек производства разбивал на три группы:

а) уменьшающиеся при укрупнении хозяйства (стоимость машино-использования, постройки, административные расходы);

Рис. 1. Основные факторы, влияющие на оптимальный размер хозяйства
Fig. 1. The main factors affecting the optimal size of the farm

б) увеличивающиеся при укрупнении хозяйства (транспортные издержки, потери продукции и др.);

в) независимые от размеров хозяйства (стоимость семян, удобрений, погрузочно-разгрузочные работы и др.).

Найти оптимальный (рациональный) размер хозяйства — значит отыскать точку минимальных издержек производства на единицу продукции при суммировании всех этих трёх групп элементов [7; 8].

Заключение. Таким образом, экономические основы и факторы формирования устойчивого и рационального землепользования постоянно углубляются и расширяются. На первый план выступают задачи, связанные с совершенствованием и улучшением пространственных условий, организацией использования земельных ресурсов, обязательным соответствием площадей, границ, местоположения участков требованиям развития производства и отдельных, особенно товарных, отраслей, имеющих комплексный характер. Формирование устойчивых и конкурентоспособных землепользований является важным и необходимым в нестабильной экономической ситуации, ценовом диспаритете, постоянно меняющейся рыночной инфраструктуре.

Решению внутренних и внешних задач должна быть подчинена вся система организации предприятия, в том числе и организация землепользования. Любое хозяйство должно обеспечить не только увеличение производства продукции, но и воспроизводство природных ресурсов и их охрану, укрепление материальной и финансовой базы, создание нормальных социально-бытовых условий для жизни населения. При таком формировании землепользований обеспечивается соответствие всех имеющихся у хозяйства ресурсов, а также сложившихся экологических связей потребностям аграрного сектора экономики.

Список источников

1. Долматова Л.Г. Критерии и показатели системы социо-эколого-экономической эффективности использования земельных ресурсов // XX Международный Форум

по проблемам науки, техники и образования: сборник материалов (г. Москва, 6–9 декабря 2016 г.). М.: Академия наук о Земле, 2016. С. 29–30.

2. Мещанинова Е.Г., Гончарова И.Ю. Использование результатов комплексной социо-эколого-экономической оценки земель сельскохозяйственного назначения для построения рейтинга территории // Вестник АПК Ставрополя. 2014. №1(13). С. 135–137.

3. Новиков А.А., Андралович А.А. Эколого-экономические аспекты устойчивого землепользования [Электронный ресурс] // Экономика и экология территориальных образований. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologo-ekonomicheskie-aspekty-ustoychivogo-zemlepolzovaniya>.

4. Соломкина Л.Г., Чешев А.С. Эколого-экономические аспекты современного землепользования: монография. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ. 2004. 344 с.

5. Ткачева О.А. Землеустроительные аспекты эффективной системы управления земельными ресурсами / Ткачева О.А., Мещанинова Е.Г., Лукьянченко Е.П. Новочеркасск: Лик, 2021. 120 с.

6. Томилин К.В. Значение земли как фактора производства в сельском хозяйстве // Современные тенденции сельскохозяйственного производства в мировой экономике: материалы XVI Международной научно-практической конференции (Кемерово, 09–10 ноября 2017 г.). Кемерово: Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт, 2017. С. 477–483.

7. Чешев А.С., Шумкова Е.С. Научные подходы к формированию эффективного землепользования в современных условиях // Экономика и экология территориальных образований. 2016. №3. С. 94–98.

8. Шорина Е.А., Долматова Л.Г. Экономические факторы формирования рационального землепользования // Рациональное использование природных ресурсов: теория, практика и региональные проблемы: материалы I Всероссийской (национальной) конференции (г. Омск, 26 мая 2021 г.). Омск: ФГБОУ ВО Омский ГАУ, 2021. С. 189–195.

9. Allen C., Metternicht G., Verburg P., Akhtar-Schuster M., da Cunha M.I., Santivan- ez M.S. Delivering an enabling environment and multiple benefits for land degradation neu-

trality: Stakeholder perceptions and progress // *Environmental Science & Policy*. 2020. Vol. 114. P. 109–118.

10. Cowie A.L., Orr B.J., Sanchez V.M. C., Chasek P., Crossman N.D., Erlewein A., Louwagie G., Maron M., Metternicht G.I., Minelli S. Land in balance: the scientific conceptual framework for Land Degradation Neutrality // *Environ. Sci. Policy*. 2018. №79. P. 25–35.

References

1. Dolmatova L.G. Kriterii i pokazateli sistemy socio-jekologo-jekonomicheskoy jeffektivnosti ispol'zovaniya zemel'nyh resursov [Criteria and indicators of the system of socio-ecological and economic efficiency of the use of land resources]. XX Mezhdunarodnyj Forum po problemam nauki, tehniki i obrazovaniya: sbornik materialov (g. Moskva, 6–9 dekabrja 2016 g.) [XX International Forum on problems of science, technology and education: collection of materials (Moscow, December 6–9, 2016)]. Moscow: Akademija nauk o Zemle, 2016. P.29–30. (In Russ.).

2. Meshhaninova E.G., Goncharova I. Ju. Ispol'zovanie rezul'tatov kompleksnoj socio-jekologo-jekonomicheskoy ocenki zemel'skohozjajstvennogo naznacheniya dlja postroeniya rejtinga territorii [Using the results of a comprehensive socio-ecological and economic assessment of agricultural lands for building a territory rating]. *Vestnik APK Stavropol'ja* [Bulletin of Agroindustrial Complex of Stavropol']. 2014; 1(13): 135–137. (In Russ.).

3. Novikov A.A., Andralovich A.A. Jekologo-jekonomicheskie aspekty ustojchivogo zemlepol'zovaniya [Ecological and economic aspects of sustainable land use] [Elektronnyj resurs]. *Jekonomika i jekologija territorial'nyh obrazovanij* [Economy and ecology of territorial entities]. 2016; (2). URL: <https://cyberlemnka.ru/article/n/ekologo-ekonomicheskie-aspekty-ustojchivogo-zemlepolzovaniya>. (In Russ.).

4. Solomkina L.G., Cheshev A.S. Jekologo-jekonomicheskie aspekty sovremennogo zemlepol'zovaniya: monografija [Ecological and economic aspects of modern land use: monograph]. Rostov-on-Don: Izd-vo SKNC VSh. 2004. 344 p. (In Russ.).

5. Tkacheva O.A. Zemleustroitel'nye aspekty jeffektivnoj sistemy upravleniya zemel'nymi

resursami [Land management aspects of an effective land management system]. Tkacheva O.A., Meshhaninova E.G., Luk'janchenko E.P. Novocherkassk: Lik, 2021. 120 p. (In Russ.).

6. Tomilin K.V. Znachenie zemli kak faktora proizvodstva v sel'skom hozjajstve [The importance of land as a factor of production in agriculture]. *Sovremennye tendencii sel'skohozjajstvennogo proizvodstva v mirovoj jekonomike: materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Kemerovo, 09–10 nojabrja 2017 g.) [Modern trends of agricultural production in the world economy: materials of the XVI International Scientific and Practical Conference (Kemerovo, November 09–10, 2017)]. Kemerovo: Kemerovskij gosudarstvennyj sel'skohozjajstvennyj institut, 2017. P. 477–483. (In Russ.).

7. Cheshev A.S., Shumkova E.S. Nauchnye podhody k formirovaniyu jeffektivnogo zemlepol'zovaniya v sovremennyh usloviyah [Scientific approaches to the formation of effective land use in modern conditions]. *Jekonomika i jekologija territorial'nyh obrazovanij* [Economics and ecology of territorial entities]. 2016; (3): 94–98. (In Russ.).

8. Shorina E.A., Dolmatova L.G. Jekonomicheskie faktory formirovaniya racional'nogo zemlepol'zovaniya [Economic factors of formation of rational land use]. *Racional'noe ispol'zovanie prirodnih resursov: teorija, praktika i regional'nye problemy: materialy I Vserossijskoj (nacional'noj) konferencii* (g. Omsk, 26 maja 2021 g.) [Rational use of natural resources: theory, practice and regional problems: materials of the I All-Russian (National) Conference (Omsk, May 26, 2021)]. Omsk: FGBOU VO Omskij GAU, 2021. P. 189–195. (In Russ.).

9. Allen C., Metternicht G., Verburg P., Akhtar-Schuster M., da Cunha M.I., Santivaniez M.S. Delivering an enabling environment and multiple benefits for land degradation neutrality: Stakeholder perceptions and progress. *Environmental Science & Policy*. 2020; (114): 109–118.

10. Cowie A.L., Orr B.J., Sanchez V.M. C., Chasek P., Crossman N.D., Erlewein A., Louwagie G., Maron M., Metternicht G.I., Minelli S. Land in balance: the scientific conceptual framework for Land Degradation Neutrality. *Environ. Sci. Policy*. 2018; (79): 25–35.

Статья поступила в редакцию 27.04.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 10.06.2023.

The article was submitted on 27.04.2023; approved after reviewing on 18.05.2023; accepted for publication on 10.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Долматова Людмила Георгиевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Землепользование и землеустройство», Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортюнова (филиал), Донской государственный аграрный университет. Специалист в области исследования рационального использования земельных ресурсов и социо-эколого-экономических проблем землепользования в рыночных условиях.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111

Lyudmila G. Dolmatova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Chair «Land Use and Land Management», Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A.K. Kortunov (branch), Don State Agrarian University. A specialist in the study of the rational use of land resources and the socio-ecological-economic problems of land use in market conditions.

111 Pushkinskaya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 352.071

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-103-117

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

*Светлана Николаевна Землякова^{1✉}, Мария Анатольевна Комиссарова²,
Елизавета Сергеевна Шамота³*

*^{1, 2, 3}Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия*

¹Zemlyakovasn@rambler.ru✉, ORCID: 0000-0002-1745-0863, AuthorID РИНЦ: 714864

*²mari543@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8862-4445,
AuthorID РИНЦ: 348870, AuthorID Scopus: 57000351700*

³liza.shamota00@mail.ru

Аннотация. *Целью исследования* является совершенствование механизма информационно-аналитического обеспечения цифровизации предприятий агропромышленного комплекса.

Методологическую базу исследования представляют базисные положения концепции стратегического развития предприятий агропромышленного комплекса в условиях цифровизации. К используемым научным методам относятся сравнительный, причинно-следственный и статистический анализ.

Результаты исследования. На сегодняшний день практика работы предприятий агропромышленного комплекса требует разработки совокупности вопросов, связанных с особенностями изучения отдельных научно-теоретических и практических проблем оптимизации и повышения эффективности деятельности отрасли АПК в условиях стремительного и повсеместного внедрения цифровых технологий. Обработка информации и ее анализ обеспечивается действенным современным механизмом информационно-аналитического обеспечения, которое подлежит регулярному пересмотру и совершенствованию согласно научно-техническому прогрессу на базе современных продуктов цифровизации учетно-аналитических аспектов деятельности предприятий агропромышленного комплекса. В настоящее время внедрение цифровых технологий в сфере агропромышленного комплекса в России развито слабо. Несмотря на повсеместную цифровизацию экономики, большая часть агропромышленных предприятий не торопятся внедрять цифровые инструменты в свою работу. Проблема медленной сферы агропромышленного комплекса актуальна по причине непонимания положительных эффектов такой трансформации и сомнения в экономической целесообразности вложений в подобные инновации. Проведенные исследования позволяют предположить, что структура предложенного механизма с течением времени имеет тенденцию к видоизменению и актуализируется в качественный механизм, трендовый современному цифровому прогрессу и его достижениям.

Перспективы исследования заключаются в развитии направлений для перехода ведения деятельности предприятий агропромышленного комплекса по средствам современных цифровых технологий.

Ключевые слова: информационно-аналитическое обеспечение, агропромышленный комплекс, цифровизация АПК, цифровые компетенции

Для цитирования: Землякова С. Н., Комиссарова М. А., Шамота Е. С. Совершенствование механизма информационно-аналитического обеспечения цифровизации предприятий агропромышленного комплекса // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 103–117. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-103-117>.

Original article

IMPROVING THE MECHANISM OF INFORMATION AND ANALYTICAL SUPPORT FOR DIGITALIZATION OF AGRO-INDUSTRIAL ENTERPRISES

Svetlana N. Zemlyakova^{1✉}, Maria A. Komassarova², Elizaveta S. Shamota³

^{1, 2, 3}Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

¹Zemlyakovasn@rambler.ru✉, ORCID: 0000-0002-1745-0863, AuthorID RSCI: 714864

²mari543@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8862-4445,

AuthorID RSCI: 348870, AuthorID Scopus: 57000351700

³liza.shamota00@mail.ru

Abstract. *The purpose of the research is to improve the mechanism of information and analytical support for digitalization of agro-industrial enterprises.*

The methodological basis of the study is the basic provisions of the concept of strategic development of agro-industrial enterprises in the conditions of digitalization. The scientific methods used include comparative, causal and statistical analysis.

Research result. *To date, the practice of agro-industrial enterprises requires the development of a whole range of issues related to the peculiarities of studying certain scientific, theoretical and practical problems of optimizing and improving the efficiency of the agro-industrial sector in the conditions of rapid and widespread introduction of digital technologies. Information processing and analysis is provided by an effective modern mechanism of information and analytical support, which is subject to regular revision and improvement according to scientific and technological progress on the basis of modern digitalization products of accounting and analytical aspects of the activities of agro-industrial enterprises. Currently, the introduction of digital technologies in the agro-industrial complex in Russia is poorly developed. Despite the widespread digitalization of the economy, most agro-industrial enterprises are in no hurry to introduce digital tools into their work. The problem of the slow sphere of the agro-industrial complex is relevant due to a lack of understanding of the positive effects of such a transformation and doubts about the economic feasibility of investing in such innovations. The conducted research suggests that the structure of the proposed mechanism tends to change over time and is updated into a qualitative mechanism trending modern digital progress and its achievements.*

The prospects of the research *are in the development of directions for the transition of the activities of enterprises of the agro-industrial complex by means of modern digital technologies.*

Keywords: *information and analytical support, agro-industrial complex, digitalization of agro-industrial complex, digital competencies*

For citation: Zemlyakova S. N., Komassarova M. A., Shamota E. S. Improving the mechanism of information and analytical support for digitalization of agro-industrial enterprises // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 103–117. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-103-117>.

Введение. Оптимальные условия деятельности предприятия и слаженность процессов управления им являются главными критериями определения состояния предприятия и обуславливают потенциал возможностей для его стратегического роста и разви-

тия. Все это возможно при должном уровне информационной обеспеченности текущего положения дел экономического субъекта, который гарантируется грамотно структурированным информационно-аналитическим обеспечением [3].

Таблица 1
Table 1

Трактовка дефиниции «информационно-аналитическое обеспечение»
Interpretation of the definition of «Information and analytical support»

Автор	Трактовка
Глущенко А. Н	Информационно-аналитическое обеспечение — это обеспечение процесса управления, процесса принятия управленческих решений на основе полученной информационно-аналитической информации [3]
Долбня Н. В., Полухина И. В.	Информационно-аналитическое обеспечение управления экономическим объектом представляет собой комплекс проактивных средств и процедур систематического сбора, логико-математической обработки (накопления) и оперативного предоставления (передачи) менеджменту предметно-ориентированных (структурированных) массивов данных, необходимых для своевременного формирования (реализации) разноуровневых управленческих решений и отражающих целостную совокупность внешних институциональных (инфраструктурных) и внутрифирменных аспектов хозяйствования, релевантных задаче целевого и эффективного выполнения бизнес-процессов [2; 5]
Погодина Т. В., Веселовский М. Я., Чуева И. И.	Информационно-аналитическое обеспечение управления является компонентом виртуального контура дискретного экономического управления, образованного вычислительными ресурсами искусственного интеллекта и существующего в экономической системе в неразрывном единстве с физическим контуром управления, представленным полисубъектным менеджментом, обладающим согласованным по хозяйственным интересам субъектов управления поведением и способностью к целеполаганию [4]
Попова Л. В., Маслов Б. Г., Маслова И. А.	Информационно-аналитическое обеспечение — это система, базирующаяся на бухгалтерской информации, включающей оперативные данные и использующей для экономического анализа статистическую, техническую, социальную и другие виды информации, поэтому в широком плане информационно-аналитическое обеспечение представляет собой сбор, обработку и оценку всех видов информации, потребляемой для принятия управленческих решений на микроуровне и макроуровне [6]
Фенева Е. А.	Информационно-аналитическое обеспечение синтезирует подходы к определению информационно-аналитического обеспечения и считает, что это открытая система, которая включает в себя процесс сбора, регистрации, обработки, анализа и контроля информации с целью принятия максимально эффективного управленческого решения [7]
Халевинская А. Б.	Информационно-аналитическое обеспечение управления — совокупность информационных процессов по сбору, обработке, предоставлению в нужной форме информации, которые необходимы для целенаправленного, рационального и эффективного процесса управления [8]

В анализе теоретических аспектов дефиниции «информационно-аналитического обеспечения» среди ученых экономистов нет единого мнения в его интерпретации, что обусловлено многообразием теоретических подходов к его построению (таблица 1).

Как следует из таблицы, «информационно-аналитическое обеспечение» есть сочетание обеспечения информационной базой для исполнения аналитической функции с целью проведения качественного анализа деятельности предприятия, его финансового положения, конкурентоспособности и перспектив развития в условиях его цифровой трансформации на основе достоверной, своевременной и обоснованной информации.

В свою очередь «информационно-аналитическое обеспечение» основывается прежде всего на научном подходе к оценке выбранного направления. При этом информация должна быть оперативной и достоверной. Оно имеет всесторонний подход и позволяет дать оценку конкурентоспособности, динамики развития, тенденций рынка и делится на виды, отраженные на рисунке 1.

Информация как основополагающий ресурс для принятия разного рода решений имеет свойство к моральному устареванию,

поэтому к исследуемому термину применим синоним «мониторинг», то есть отслеживание тенденций и показателей в моменте принятия решений и их ретроспективную динамику (рис. 1).

При этом информационно-аналитическое обеспечение строится на следующих принципах: целеполагание (определяются диапазон работ и методики анализа), однозначность (определение точных терминов, используемых в информационных потоках, для принятия конкретных решений) и множество источников (исследование множества источников для получения объективной и достоверной информации).

Методика. Качественно сформированное с помощью цифровых технологий информационно-аналитическое пространство позволит организовать прозрачное управление бизнес-процессами внутри предприятия, осуществлять мониторинг, прогнозирование его социально-экономического развития, курировать уровень компетенций персонала, осуществлять внутренний контроль деятельности предприятия и купировать экономические риски, тормозящие его развитие и т.д.

Рис. 1. Виды информационно-аналитического обеспечения
Fig. 1. Types of information and analytical support

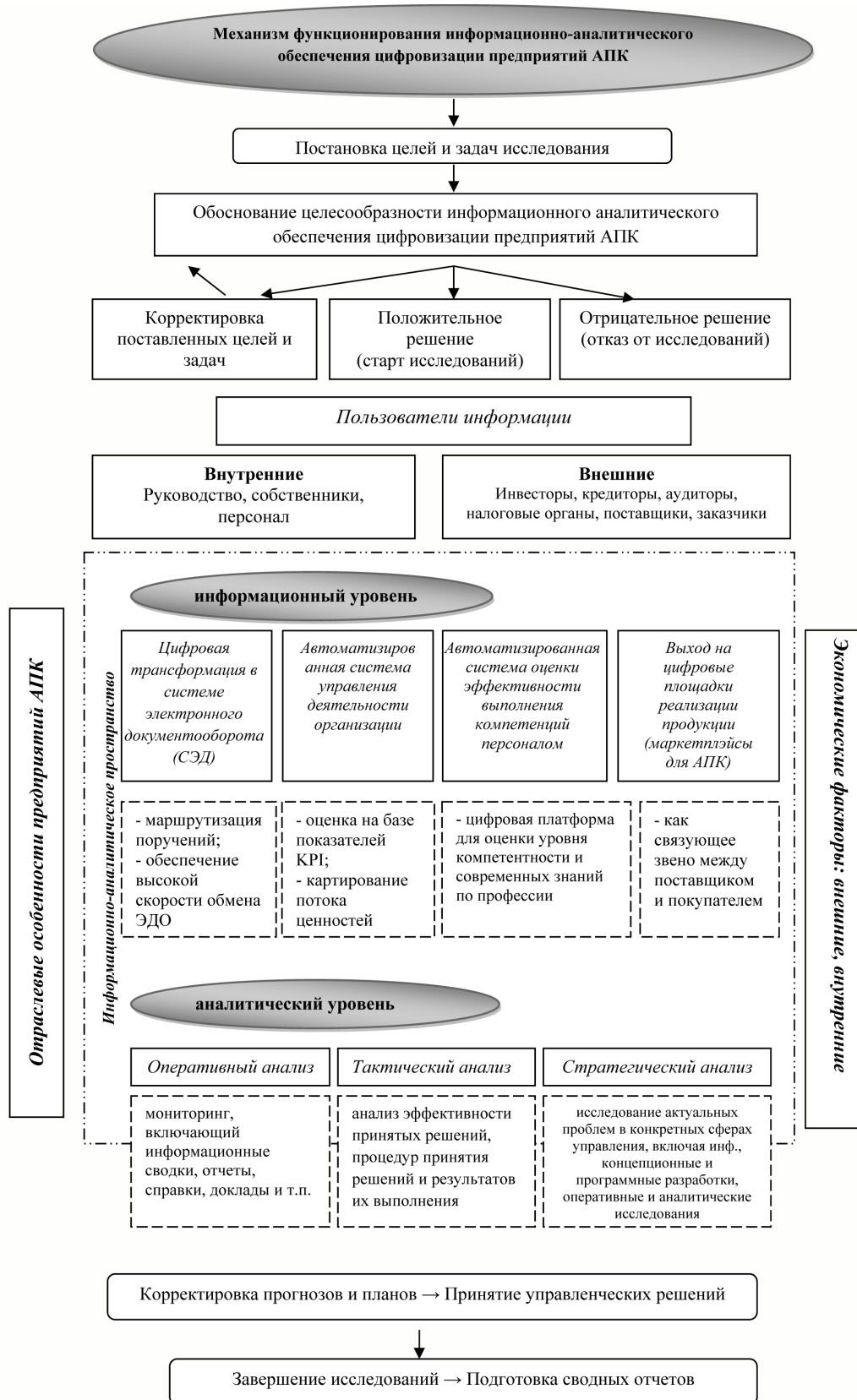

Рис. 2. Механизм информационно-аналитического обеспечения цифровизации предприятий АПК

Fig. 2. The mechanism of information and analytical support for digitalization of agricultural enterprises

Результаты. С учетом вышесказанного нами сформирован механизм функционирования информационно-аналитического обеспечения цифровизации на предприятиях АПК (рис. 2).

Первый блок схемы отражает постановку целей и задач исследования, что отождествлено с первым принципом формирования информационно-аналитического обеспечения. Формирование механизма информационно-аналитического обеспечения в условиях цифровизации целесообразно рассматривать как механизм экономического роста благодаря способности инновационных технологий благоприятно влиять на эффективность, результативность организационно-экономической и финансово-хозяйственной деятельности предприятия.

Среди основных задач разработанного механизма информационно-аналитического обеспечения цифровизации предприятий АПК нами выделены:

1) решение экономических проблем ввиду того, что отрасль АПК перспективна в целях обеспечения долгосрочной основы продовольственной безопасности страны и ее регионов;

2) решение социальных проблем, поскольку жизнь человека коренным образом поменялась под воздействием цифровой трансформации;

3) решение правовых аспектов, обусловленное стратегией развития АПК и разработкой инновационных продуктов и технологий, нуждающихся в правовом регулировании (правовая регламентация производства, обработки и использования данного продукта/технологии);

4) решение кадровых проблем, связанных с внедрением новейших технологий по подготовке и переподготовке квалифицированных специалистов необходимым навыкам осуществления цифровизации АПК;

5) решение организационных проблем, связанных с необходимостью создания структур и механизмов, которые на практике обеспечивают организацию и проведение процесса цифровизации.

Следующий блок подразумевает обоснование целесообразности выполнения поставленных целей и задач информационно-аналитического обеспечения цифровизации

предприятий агропромышленного комплекса и принятия решений на основе полученных результатов: положительное решение и старт исследований, отрицательное решение и отказ от дальнейших исследований либо корректировка поставленных целей и задач.

Основными пользователями информационно-аналитического обеспечения цифровизации предприятий агропромышленного комплекса являются внешние и внутренние пользователи базовой информации, формируемой в рамках информационно-аналитического обеспечения цифровизации предприятий АПК (рис. 3).

В состав внутренних пользователей входят руководство предприятия, управляющий персонал, собственники/учредители, в состав внешних пользователей включены инвесторы, аудиторы, фискальные органы, контрагенты по сделкам (поставщики, заказчики организации), кредиторы и прочие.

Информационно-аналитическое пространство является центральным звеном информационно-аналитического механизма и подвергается воздействию извне со стороны экономических факторов (внешних и внутренних) и должно учитывать отраслевые особенности предприятий АПК. В свою очередь информационно-аналитическое пространство включает два уровня: информационный и аналитический — где данные первого уровня являются основой для функционирования второго.

Информационный уровень включает четыре элемента: цифровую трансформацию в системе электронного документооборота, автоматизированную систему управления предприятием, автоматизированную систему оценки эффективности выполнения компетенций персоналом, выход на цифровые площадки маркетплейсы для АПК.

Итак, внедрение цифровых технологий в области электронного документооборота обеспечит рост эффективности работы с объемной документацией на всех стадиях работы.

Система электронного документооборота представляет собой быстрый и надежный процесс передачи между участниками бизнес-процессов (между подразделениями, с контрагентами, и т.д.) электронных документов по средствам специализированных цифровых технологий. Однако, следует от-

метить, что в системе электронного документооборота, как и в других бизнес-процессах, есть свои преимущества и недостатки.

Среди преимуществ следует выделить:

— скорость передачи информации между участниками ЭДО, что позволит ускорить взаимодействие между участниками бизнес-процессов;

— отсутствие необходимости в тратах на канцелярские товары (бумага, чернила для принтера в большом количестве), нет необходимости распечатывать документы и организовывать зону под их хранение;

— удобство отправки документов между участниками бизнес-процессов через интернет, а не курьером или службой доставки;

— кроме того, ЭДО обеспечивает большую степень защиты и конфиденциальности данных, их целостность и подлинность.

Среди минусов выделим:

— определенные трудности по переподготовке персонала, подготовке технического оснащения рабочих мест и значительные усилия по их настройке;

— необходимость в усилении защиты и обеспечении высокой степени безопасности работы на каждом рабочем месте системы;

— появление зависимости от провайдера услуг ЭДО, что напрямую может остановить или затормозить работу учетно-аналитических систем предприятия по независимому решению, принятому провайдерами (возможно, за несвоевременную оплату услуг, технические сбои системы и т.д.);

— определенные сложности по обработке документов и их хранению при обслуживании системы.

Таким образом, система электронного документооборота сложна, однако очень удобна. Одним из наиболее важных ее элементов можно назвать маршрутизацию поручений, в процессе которой информация проходит через механизм заданий, то есть система, получив задание, дает сигнал и, уведомив исполнителя о необходимости выполнения ряда действий, выдает информацию для обработки и перечень возможных действий. Задание отражает надлежащий интерфейс для обработки доку-

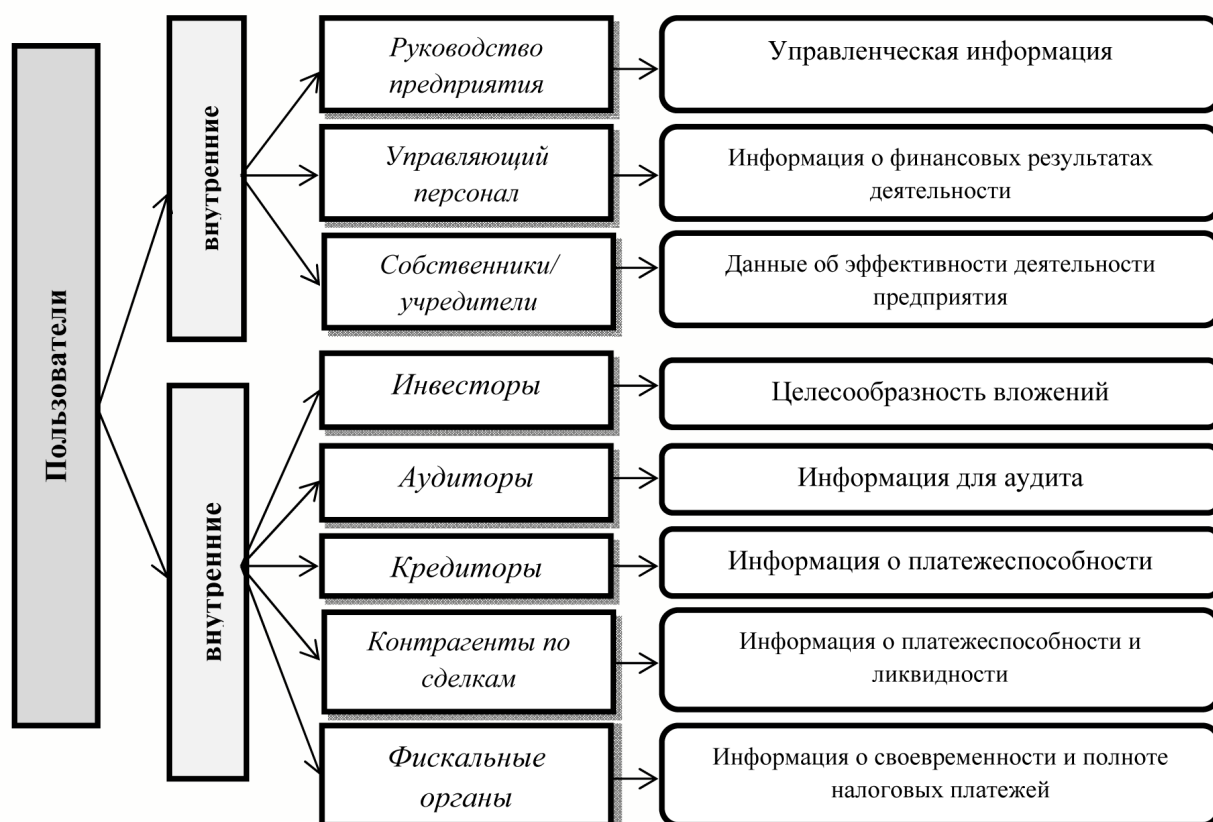

Рис. 3. Группировка пользователей в рамках информационно-аналитического обеспечения
 Fig. 3. Grouping of users within the framework of information and analytical support

мента, форму для заполнения и пр., далее рекомендует варианты завершения задания.

Варианты маршрутизации задания могут быть разнообразны, например, исполнитель может делегировать выполнение задания заместителю (при наличии на это прав), передать ему права на полное исполнение или потребовать возврата по завершении. В задании могут быть указаны контрольные точки, по выполнению которых задание подлежит проверке назначенным ответственным лицом на подтверждение исполнения. Таким образом, задание может быть роздано нескольким исполнителям по частям и в соответствии с назначенной иерархией быть проверенным и утвержденным (исполненным) под иерархическим контролем.

Помимо ручной маршрутизации допустимо исполнение сценария автоматического замещения: автоматически задание переадресовывается на исполнение заместителям, если имеются существенные причины, по которым прямой исполнитель не может приступить в нужный срок к его выполнению.

Второй элемент информационного уровня информационно-аналитического пространства цифровизации предприятия — автоматизированная система управления

деятельности организации, эффективность деятельности которой характеризуется картированием потока ценностей технологического процесса производства и оценкой на базе показателей KPI.

Достаточно полезным инструментом цифровизации станет возможность создания карты потока ценностей, то есть схематичное отражение каждого этапа движения потоков материалов и информации, необходимых для исполнения заказа. Она удобна для графического изображения потока ценностей и определения проблемных участков, обсуждения сотрудниками слабых мест и максимально быстрой реакцией их устранения. Такая карта позволяет накапливать информацию и обеспечивать преемственность процессов совершенствования, регулировать текущее состояние процессов, фиксировать потери имеющихся процессов, регулировать текущее состояние процессов (время перехода от одной операции к другой, глубину перехода и т.д.), варианты и точки совершенствования процессов, ключевые показатели, по которым можно оценить достижение будущего состояния потока создания ценностей.

Графически это будет выглядеть примерно так, как изображено на рисунке 4.

Рис. 4. Картирование (карта) потока ценностей
Fig. 4. Mapping (map) of the flow of values

Для обеспечения высокого уровня конкурентоспособности в условиях цифровизации на занимаемом рынке современным компаниям необходимо обладать таким набором свойств и характеристик, без наличия которых добиться существенных перспектив развития очень сложно. Речь идет о снижении себестоимости выпускаемой продукции, уменьшении времени изготовления продукции и росте ее качества за счет построения комплексной автоматизированной системы управления предприятием. Существует система, которая позволит обрабатывать большие объемы всевозможных данных и значений показателей эффективности деятельности предприятия, создавая при этом качественные аналитические формы для принятия взвешенных и обоснованных управленческих бизнес-решений на стратегическом и тактико-операционном уровнях управления¹.

Эффективной тенденцией развития современного предприятия в условиях цифровизации является применение показателей КРІ — ключевых показателей деятельности предприятия в современных условиях хозяйствования.

Эффективность данной системы признана не только на хозяйственном уровне, но и на государственном. Так, к примеру, согласно Указу Президента РФ от 25.04.2019 №193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Россий-

ской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», ратифицирован новый перечень критериев оценки деятельности губернаторов, определен ряд критериев, по которым выполняют оценку эффективности их деятельности и в случае их невыполнения к должностным лицам применяются организационные выводы.

Цель разработки и внедрения этих показателей состоит в том, чтобы организовать слаженную и скоординированную работу всех специалистов предприятия. По итогам выполнения поставленных плановых показателей сотрудники могут быть премированы, достижения отражаются путем зачисления в кадровый резерв для перевода в руководящий состав организации, таким образом применяются и материальные, и нематериальные меры стимулирования персонала на достижение целей предприятия, что одновременно приводит к усилению эффективности их работы.

КРІ, как правило, разрабатывает специально созданная проектная группа (руководители предприятия и ключевые специалисты), при необходимости привлекают консультантов и других сторонних специалистов.

Выделим следующие стратегические ориентиры, связанные с производством и сбытом продукции (рис. 5).

В качестве показателей КРІ для исследуемого предприятия можно рекомендовать следующие показатели.

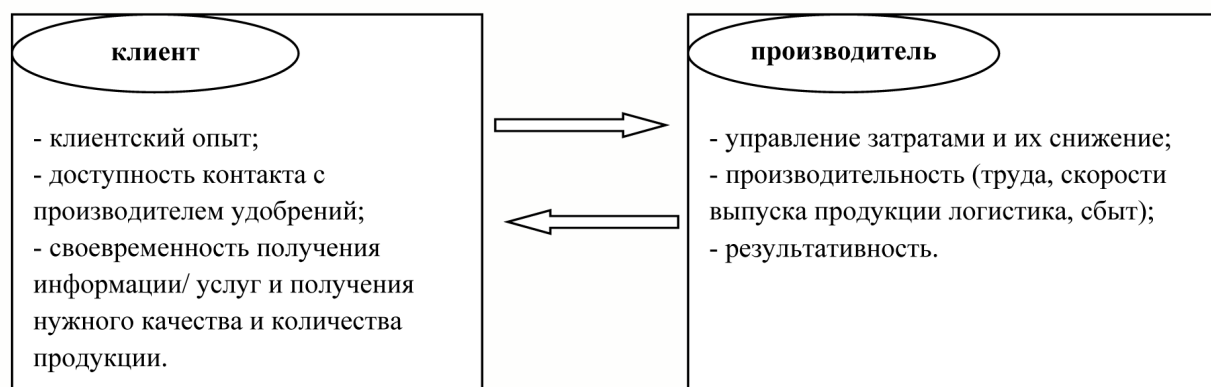

Рис. 5. Стратегические ориентиры для предприятий АПК
Fig. 5. Strategic guidelines for agricultural enterprises

¹ АСУ «Ключевые показатели эффективности (КПЭ, КРІ) [Электронный ресурс] // Сайт Компании «и-Маш». URL: https://www.imashcorp.ru/sistema_monitoring_kpe_kpi.html (дата обращения: 17.05.2023).

1. Количество изменений в процессах или новых продуктов.

Предприятия АПК стоят на пути дальнейшего развития, в том числе путем вертикальной интеграции и одно из приоритетных направлений развития проведение НИОКР, что служит основой для разработки инновационных продуктов. Своевременное внедрение на рынок инновационных продуктов повысит конкурентоспособность предприятия. Такие результаты во многом зависят от степени текущей цифровизации бизнес-процессов, а точнее автоматизации производства, работы с клиентами, маркетинговой деятельности предприятия и т.д. Для исследуемой группы предприятий можно поставить стратегическую цель — рост показателя в ближайшие 3–5 лет примерно на 50%.

2. Сокращение времени вывода продуктов на рынок.

В случае привлечения дополнительных инвестиций возможна положительная тенденция в 30–40%.

$$\text{Рентабельность инвестиций} = (\text{доходы} - \text{затраты}) / \text{затраты} \times 100\%$$

Этот коэффициент показывает рентабельность всех инвестиций в бизнес за период.

3. Соответствие реального сервиса целевым показателям.

В данный аспект может быть включен как один, так и несколько показателей: соответствие условиям поставок контрагентам, процент брака продукции (как правило, при применении цифровых технологий он сводится к нулю), заявленное время подготовки заказа и т.д. При этом расхождение не должно быть более 1–5%, большой уровень отклонения послужит сигналом к разработке и применению корректирующих мер.

4. Удовлетворенность внутренних потребителей от внедрения цифровых технологий.

Для повышения удовлетворенности сотрудникам необходим инструментарий цифровизации, с которым будет удобно работать и демонстрировать результаты своей работы. Главной мотивацией персонала станет рост их благосостояния, и тут прослеживается прямая зависимость: эффективные результаты работы предприятия (финансовые результаты) — рост доходов персонала, возмож-

ность карьерного роста и переход в руководящий состав. Тогда сотрудники с оптимизмом будут осваивать новейшие цифровые технологии, проходить переподготовку, повышать квалификацию и давать нужные результаты.

5. Регулярный доход за период времени.

Данный показатель понадобится для прогнозирования доходов и планирования дальнейших цифровых трансформаций без ущерба для финансовых результатов деятельности и позволит рассчитать средний доход с одного клиента на определенный промежуток времени.

$$\begin{aligned} \text{Регулярный доход во времени} &= \\ &= \text{средний месячный доход с одного} \\ &\text{пользователя} : \text{количество пользователей} \end{aligned}$$

6. Коэффициент удержания клиентов.

Наиболее важным показателем КРІ можно назвать регулярный мониторинг клиентской базы. Уровень, равный 100%, говорит о достаточном доверии потребителей продукции, а его снижение дает повод для пересмотра работы на удержание клиентов и их наращивание в будущем.

$$\begin{aligned} \text{Коэффициент удержания клиентов} &= \\ &= (\text{разница общего количества клиентов} \\ &\text{за период и новых клиентов} : \text{количество} \\ &\text{клиентов в начале периода}) \times 100\% \end{aligned}$$

Третий элемент информационного пространства — формирование автоматизированной системы оценки эффективности выполнения компетенций персоналом.

В условиях повсеместной цифровизации бизнеса актуально не только автоматизировать учет работы с кадрами, но и проводить мониторинг оценки эффективности выполнения ими цифровых профессиональных компетенций на рабочих местах.

Под цифровыми компетенциями понимается совокупность навыков, которыми должен обладать сотрудник для эксплуатации цифровых устройств, приложений, сетей для доступа к информации и управления ею (работа с данными, цифровой этикет, кибербезопасность, управление цифровыми проектами).

Внедрение цифровых технологий контроля качества работы персонала позволит

выявить уровень цифровых знаний персонала, сформировать актуальные профили цифровых компетенций и эффективную цифровую экосистему.

Практическими инструментами при оценке цифровых компетенций сотрудников могут послужить решение практических ситуационных задач и тестирования.

Контрольные мероприятия рекомендовано проводить не чаще одного раза в квартал или реже, по усмотрению руководства, либо на базе разработанной для предприятия платформы, либо при участии сторонних образовательных порталов (Образовательный портал AISTREAM, Skillbox, «Единое окно доступа к образовательным ресурсам», «lbn.ru. Первый машиностроительный портал», «DWG.RU», «www.i-Mash.ru», «Wiki-prom.ru», «В Масштабе.ру» и многие другие).

Выбор методов оценки зависит от задач, особенностей деятельности, уровня автоматизации и масштабов организации.

И, наконец, четвертый элемент информационного пространства — выход на цифровые площадки реализации продукции (маркетплейсы для АПК).

На основании Поручения Президента РФ от 31.12.2020 №Пр-2242 о формировании региональной стратегии цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, Указа Президента РФ утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» от 9 мая 2017 г. №203, национальной программы «Цифровая экономика» (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. №1632-р) и др. Считаю целесообразной организацию единого маркетплейса «АРКmarket» для всех представителей АПК, начиная с производителей семян, минеральных и органических удобрений, племенного поголовья скота, молодняка, до сбыта готовой продукции сельского хозяйства, чтобы в условиях неравной конкуренции у малых форм хозяйствования был равный доступ к порталу для формирования своих предложений (фермеры с домашним мясом, теплицы с зеленью и овощами и т.д.): возможность для любого желающего (физическое и юридическое лицо) подобрать удобное для себя предложение (по месторасположению, качеству продукции или любыми другими приоритетными для них параметрами)

и всего за пару кликов сделать выборку и напрямую связаться с поставщиком товаров, работ или услуг представителей отрасли АПК. Таким образом, платформа послужит связующим звеном между поставщиком услуг (товаров) и их потребителем.

Второй уровень информационно-аналитического обеспечения цифровизации АПК — аналитический. Он включает в себя операционный, тактический и стратегический анализ.

Аналитическая деятельность — совокупность процессов, направленных на сбор, обработку, хранение и систематизацию аналитических данных, консолидированных единой предметной областью и поставленными задачами анализа.

Аналитическую деятельность по выполнению финансово-экономических функций укрупненно можно разделить на три основных направления:

— финансово-экономический анализ, характеризующий нынешнее состояние дел предприятия (операционный анализ);

— финансово-экономическая оценка ретроспективных данных осуществленных инноваций, внесенных изменений и реализованных программ (тактический анализ);

— проектирование финансово-экономической стратегии предприятия на обозримое будущее с учетом специфики деятельности предприятия (стратегический анализ).

Анализ первого направления способствует формированию картины состояния системы финансово-экономического управления предприятием и степень его согласованности и эффективности взаимодействия с другими подсистемами предприятия.

Аналитические процедуры второго направления способствуют предотвращению неблагоприятных финансово-экономических последствий и формированию вариаций альтернативных действий относительно заданным критериям.

Исследования третьего направления позволят сформировать сценарий стратегического развития предприятия на перспективу с отражением как целевых ориентиров, так и ограничений в рамках стратегического преумножения и роста.

В настоящее время анализ деятельности предприятия выполняется с помощью

специальных цифровых программных средств, применение которых сокращает сроки его выполнения, дает более точный результат и ведет к сокращению ошибок в расчетах, позволяет обработать большие массивы данных и снижает трудоемкость человеческого фактора и стоимость труда аналитика. Кроме того, цифровые технологии позволяют моделировать ситуации, оптимизировать расходы и давать прогнозы и возможные перспективы развития предприятия. Примерами цифровых передовых технологий, применимых в рамках исследования, можно рекомендовать следующие цифровые решения:

— Almaz BI — система аналитики и визуализации данных, которая станет полезным инструментом анализа, исходя из функциональных потребностей юзера;

— Brand Analytics — онлайн-сервис, посредством которого имеется возможность провести оценку эффективности работы маркетинговой деятельности и работы в медиа-пространстве и формирования стратегии дальнейшего развития;

— Форсайт. Аналитическая цифровая платформа — позволяет графически отразить информацию на базе интеллектуального анализа данных для дальнейшего рассмотрения принятия управленческих решений;

— SAS Enterprise Miner — цифровая платформа, которая на базе инновационных алгоритмов и визуализации данных позволяет составить прогнозные модели и дать их описательную характеристику для последующей оценки и принятия управленческих решений;

— Microsoft Visio — графический цифровой инструмент, позволяющий визуализировать объемную информационную базу посредством ее преобразования в разнообразные формы в виде обогащенных данными таблиц, диаграмм, рисунков, схем и т.д.;

— UNICOM System Architect — цифровой инструмент системного моделирования, комплексный программный инструмент бизнес- и системного моделирования, применяемый для разработки и схематичного проектирования программного обеспечения.

Как отмечает в своих исследованиях Е.Б. Герасимова, «...привычные методики анализа составлены для оценки деятельности

крупных предприятий сферы материального производства. Адаптация методик для нужд других экономических субъектов требует высокой квалификации аналитика и дополнительного весьма существенного количества времени. В связи с наступлением цифровой эпохи декларируется цифровизация учетных, аналитических и контрольных процедур, существенное сокращение потребности в соответствующих кадрах. Однако рассмотренные нами особенности цифровой экономики свидетельствуют об обратном. При этом унификации успешно подвергаются типовые операции, но они характерны для крупной производственной структуры с устоявшимся алгоритмом функционирования. Для малого бизнеса требуется постоянный индивидуальный подход, адаптация готовых методик анализа под конкретные запросы пользователя и релевантное информационное обеспечение...» [1, с. 117].

Следующий шаг механизма информационно-аналитического обеспечения цифровизации АПК — корректировка прогнозов и принятие управленческих решений. По окончании вышеназванных процедур выполняется подготовка пакета сводной отчетной документации.

Заключение. Таким образом, информационно-аналитическое обеспечение — сложный структурированный механизм, основанный на взаимодействии методов и методик, работающий на ресурсной базе (сырьевой, кадровой, организационной и т.д.), который дает возможность оптимизировать и рационализировать финансово-экономические процессы предприятия.

Сформированный в рамках исследования современный механизм создания информационно-аналитического обеспечения цифровизации предприятий агропромышленного комплекса позволит упорядочить и структурировать процессы развития предприятия и наладить информационно-коммуникационные связи как на уровне внутренней, так и внешней среды предприятия. Структура предложенного механизма с течением времени имеет тенденцию к видоизменению и актуализируется в качественный механизм, трендовый современному цифровому прогрессу и его достижениям.

Список источников

1. Герасимова Е. Б. Анализ деятельности экономического субъекта и цифровая культура // Мир новой экономики. 2019. №13(2). С. 111–120.
2. Долбня Н. В. Информационно-аналитическое обеспечение формирования кластерных структур // Новое в экономической кибернетике. 2020. №3-4. С. 176–186.
3. Нестеров А. К. Информационно-аналитическое обеспечение [Электронный ресурс] / Образовательная энциклопедия ODiplom.ru. URL: <http://odiplom.ru/lab/informacionno-analiticheskoeobespechenie.html>.
4. Погодина Т. В., Веселовский М. Я., Чуева И. И. Развитие инновационно-инвестиционных процессов промышленности в условиях цифровизации экономики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2021. №3. С. 108–121.
5. Полухина И. В. Информационно-аналитическое обеспечение управления финансовыми результатами экономического субъекта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. №2. С. 90–104.
6. Попова Л. В., Маслов Б. Г. Основные теоретические принципы построения учетно-аналитической системы // Финансовый менеджмент. 2008. №3. С. 34–67.
7. Фенева Е. А. Информационно-аналитическое обеспечение учета и отчетности в малом бизнесе: сущность, цель, схема // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. №4. С. 123–131.
8. Халевинская А. Б. Совершенствование информационно-аналитического обеспечения управленческой деятельности газотранспортных предприятий [Электронный ресурс]. Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2018. 152 с. URL: https://m_th_a.b.khalevinskaya.pdf.
9. Digital Factories 2020. Shaping the Future of Manufacturing [Electronic resource]. URL: <https://www.pwc.de/de/digitale-transformation/digital-factories-2020-shaping-the-future-of-manufacturing.pdf> (date accessed: 17.05.2023).

10. The Digitalisation of Science, Technology and Innovation [Electronic resource]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/629af843-en/index.html?itemId=/content/component/629af843-en#>> (date accessed: 17.05.2023).

References

1. Gerasimova E. B. Analiz dejatel'nosti je-konomicheskogo sub'ekta i cifrovaja kul'tura [Analysis of the activity of an economic entity and digital culture]. *Mir novoj jekonomiki* [The world of the new economy]. 2019; 13(2): 111–120. (In Russ.).
2. Dolbnja N. V. Informacionno-analiticheskoe obespechenie formirovanija klasternyh struktur [Information and analytical support for the formation of cluster structures]. *Novoe v je-konomicheskoy kibernetike* [New in economic cybernetics]. 2020; (3-4): 176–186. (In Russ.).
3. Nesterov A. K. Informacionno-analiticheskoe obespechenie [Information and analytical support] [Elektronnyj resurs]. *Obrazovatel'naja jenciklopedija ODiplom.ru* [Educational Encyclopedia ODiplom.ru]. URL: <http://odiplom.ru/lab/informacionno-analiticheskoeobespechenie.html>. (In Russ.).
4. Pogodina T. V., Veselovskij M. Ja., Chueva I. I. Razvitie innovacionno-investicionnyh processov promyshlennosti v uslovijah cifrovizacii jekonomiki [Development of innovation and investment processes of industry in the conditions of digitalization of the economy]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Jekonomika* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Economics]. 2021; (3): 108–121. (In Russ.).
5. Poluhina I. V. Informacionno-analiticheskoe obespechenie upravlenija finansovymi rezul'tatami jekonomicheskogo sub'ekta [Information and analytical support of financial results management of an economic entity]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika i upravlenie* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Economics and Management]. 2020; (2): 90–104. (In Russ.).
6. Popova L. V., Maslov B. G. Osnovnye teoreticheskie principy postroenija uchetno-analiticheskoy sistemy [Basic theoretical principles of building an accounting and analytical system]. *Finansovyy menedzhment* [Financial management]. 2008; (3): 34–67. (In Russ.).

7. Feneva E.A. Informacionno-analiticheskoe obespechenie ucheta i otchetnosti v malom biznese: sushhnost', cel', shema [Information and analytical support of accounting and reporting in small business: essence, purpose, scheme]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin]. 2015; (4): 123–131. (In Russ.).

8. Halevinskaja A.B. Sovershenstvovanie informacionno-analiticheskogo obespechenija upravlencheskoj dejatel'nosti gazotransportnyh predpriyatij [Improvement of information and analytical support of management activities of gas transportation enterprises] [Elektronnyj resurs].

Ekaterinburg: Ural'skij federal'nyj universitet im. pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina, 2018. 152 p. URL: https://m_th_a.b.khalevinskaya.pdf. (In Russ.).

9. Digital Factories 2020. Shaping the Future of Manufacturing [Electronic resource]. URL: <https://www.pwc.de/de/digitale-transformation/digital-factories-2020-shaping-the-future-of-manufacturing.pdf> (date accessed: 17.05.2023).

10. The Digitalisation of Science, Technology and Innovation [Electronic resource]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/629af843-en/index.html?itemId=/content/component/629af843-en#>> (date accessed: 17.05.2023).

Статья поступила в редакцию 24.04.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 12.06.2023.

The article was submitted on 24.04.2023; approved after reviewing on 18.05.2023; accepted for publication on 12.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Землякова Светлана Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Производственный и инновационный менеджмент», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ).

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Svetlana N. Zemlyakova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Production and Innovation Management, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Комиссарова Мария Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, доцент, заведующая кафедрой «Производственный и инновационный менеджмент», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Разработчик проекта «Теория, методика и технологии профессионального образования по направлениям подготовки соответствующим приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики». Область научных интересов: стратегическое развитие регионов и отраслей, цифровые трансформации в промышленном секторе экономики, промышленная политика в топливно-энергетическом комплексе.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Maria A. Komissarova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Production and Innovation Management, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Creator of the project «Theory, methodology and technology of vocational education in the areas of training corresponding to the priority areas of modernization and technological development of the Russian economy». Research interests: strategic development of regions and industries, digital transformations in the industrial sector of the economy, industrial policy in the fuel and energy complex.

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Шамота Елизавета Сергеевна — магистрант, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ).

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Elizaveta S. Shamota — Master's Student, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Землякова С. Н. — концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Комиссарова М. А. — научное руководство.

Шамота Е. С. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Zemlyakova S. N. — research concept; methodology development; writing the source text; final conclusions.

Komissarova M. A. — scientific guidance.

Shamota E. S. — revision of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 331.02; 314.9

ББК 65.04; 60.7

Код ВАК 5.2.3; 5.4.3

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-118-133

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОПОРНОГО КАРКАСА РАССЕЛЕНИЯ

Ольга Анатольевна Козлова¹, Арсений Михайлович Ситковский²✉

¹Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия

²Институт демографических исследований — обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия

¹kozlova.oa@uiiec.ru, ORCID: 0000-0002-0448-3519, AuthorID РИНЦ: 148806,
AuthorID Scopus: 5805632300, WoS Research ID: M-4659-2016

²omnistat@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-8725-6580, AuthorID РИНЦ: 1012909,
AuthorID Scopus: 57220956828, WoS Research ID: AAG-1530-2021

Аннотация. Целью исследования является определение перечня опорных населённых пунктов, составляющих опорный каркас расселения Чувашской Республики с помощью авторской методики, базирующейся на анализе социально-демографических факторов.

Методологическую базу исследования составляют общелогические методы, методы исследования статистики, геоинформационные методы (построение карт-схем, метод изохрон). Для подготовки и обработки данных использовались MS Excel и MS Power BI, для построения карт — ESRI ArcGis и Here Studio. Источниками данных выступили краеведческие источники, данные «Всероссийской переписи населения-2010», оценочные данные о численности населения в населённых пунктах за 2020 год, а также данные о наличии и качестве объектов социальной инфраструктуры в населённых пунктах Чувашии, представленные на официальном геоинформационном портале Чувашии.

Результаты. В статье представлена методика выявления «опорного каркаса расселения» региона на основе анализа социально-демографических факторов. В данном случае «опорный каркас расселения» представлен как сеть наиболее устойчивых населённых пунктов с точки зрения их демографической динамики, а также наиболее перспективных в плане наличия необходимой социальной инфраструктуры. Методика позволила выявить «опорный каркас расселения» Чувашской Республики. «Каркас» включает в себя 10 узловых центров, один из которых представлен Чебоксарской агломерацией, тогда как остальные 9 — «опорными населёнными пунктами» (включая 3 потенциальных и 3 состоящих из пары сопредельных населённых пунктов). Результат представлен в виде карты-схемы. Проанализированы и визуализированы зоны 30 и 60-минутной транспортной доступности от узловых центров «опорного каркаса».

Перспективы исследования. Представленная в статье методика определения «опорного каркаса расселения» на примере Республики Чувашии может служить инструментом для принятия обоснованных управленческих решений по формированию приоритетов в фи-

нансировании и модернизации узловых центров. Данный подход позволит создать ситуацию «управляемого сжатия» и обеспечить подавляющее большинство населения региона качественными услугами социальной сферы.

Ключевые слова: население, система расселения, демографические и социальные факторы, опорные населённые пункты

Для цитирования: Козлова О.А., Ситковский А.М. Социально-демографические аспекты определения опорного каркаса расселения // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 118–133. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-118-133>.

Original article

SOCIO-DEMOGRAPHIC ASPECTS OF DETERMINING THE SUPPORTING FRAME OF SETTLEMENT

Olga A. Kozlova¹, Arseniy M. Sitkovskiy^{2✉}

¹*Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia*

²*Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and
Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Moscow, Russia*

¹*kozlova.aa@uiec.ru, ORCID: 0000-0002-0448-3519, AuthorID RSCI: 148806,
AuthorID Scopus: 5805632300, WoS Research ID: M-4659-2016*

²*omnistat@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-8725-6580, AuthorID RSCI: 1012909,
AuthorID Scopus: 57220956828, WoS Research ID: AAG-1530-2021*

Abstract. *The purpose of the study is to determine the list of reference settlements that make up the supporting frame of the settlement of the Chuvash Republic using the author's methodology based on the analysis of socio-demographic factors.*

The methodological base of the research *is made up of general logical methods, methods for studying statistics, geoinformation methods (mapping schemes, the isochron method). MS Excel and MS Power BI were used to prepare and process the data, and ESRI ArcGis and Here Studio were used to build maps. The sources of data were local history sources, the data of the All-Russian Population Census-2010 and estimated data on the population in settlements for 2020, as well as data on the availability and quality of social infrastructure facilities in settlements of Chuvashia, presented on the official geoinformation portal of Chuvashia.*

Results. *The article presents a methodology for identifying the «supporting frame of settlement» of the region based on the analysis of socio-demographic factors. In this case, the «basic framework of stratification» is presented as a network of the most stable settlements in terms of their demographic dynamics, as well as the most promising in terms of the availability of the necessary social infrastructure. The methodology made it possible to identify the «supporting frame of settlement» of the Chuvash Republic. The «framework» includes 10 nodal centers, one of which is represented by the Cheboksary agglomeration, while the remaining 9 are «supporting settlements» (including 3 potential and 3 consisting of a pair of adjacent settlements). The result is presented in the form of a map-scheme. The zones of 30 and 60-minute transport accessibility from the nodal centers of the «support frame» were analyzed and visualized.*

Research prospects. *The methodology presented in the article for determining the «support frame of settlement» on the example of the Republic of Chuvashia can serve as a tool for making informed management decisions on the formation of priorities in financing and modernization of nodal centers. This approach will create a situation of «managed compression» and provide the vast majority of the region's population with high-quality social services.*

Keywords: *population, settlement system, demographic and social factors, strongholds*

For citation: *Kozlova O. A., Sitkovskiy A. M. Socio-demographic aspects of determining the supporting frame of settlement // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 118–133. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-118-133>.*

Введение. Система расселения — это совокупность населённых пунктов, соединяющих их транспортных коридоров, а также социально-экономические взаимодействия, происходящие внутри этой системы. Существует множество подходов к анализу системы расселения, дифференцирующихся в зависимости от методов, к которым обращается исследователь. По мнению авторов данной статьи, социально-демографические факторы недооценены в практике исследования системы расселения. Как выразился академик РАН А.И. Татаркин, «люди голосуют ногами» [18, с. 56]. Динамика численности населения и миграционных потоков не только определяют текущее место населённого пункта в иерархии системы расселения, но и способны отразить характер всей совокупности социально-экономических процессов территории.

Особый интерес представляют устойчивые структуры системы расселения, которые сформировались в результате долговременных хозяйственных и этнокультурных традиций. Примером таких структур являются национальные республики России, которые могут значительно отличаться от остальных субъектов РФ. Среди всех национальных республик России Чувашия обладает наиболее нуждающейся в управлении трансформацией системой расселения. Во-первых, по количеству населённых пунктов Чувашия уступает лишь Удмуртии, Татарстану и Башкортостану, имея среди названных наименьшую площадь и, соответственно, наибольшую плотность населения. Во-вторых, система расселения Чувашии представлена как крупной городской агломерацией, так и сетью малонаселённых пунктов, которые наиболее подвержены сжатию. В-третьих, демографическое сжатие

малонаселённых пунктов ведёт к стремительной трансформации системы расселения Республики. Данная статья представляет вторую часть из серии публикаций, посвященных детальному анализу, исследованию и разработке системы расселения и «опорного каркаса расселения» Чувашской Республики. Первая статья была посвящена подробному анализу Чебоксарской агломерации в системе расселения Республики [19].

Объектом исследования является «опорный каркас расселения» Чувашской Республики, предметом — социально-демографические факторы формирования «опорного каркаса расселения» Чувашской Республики. Расположенная в Приволжском федеральном округе центральной части России, Чувашия окружена соседними областями и другими национальными республиками [16]. История чувашей уходит корнями в XV век, во времена Казанского ханства. Чувашский язык представляет собой живую ветвь болгарской группы тюркских языков [9]. Несмотря на свою родственность с татарами, чувашки преимущественно исповедуют православное христианство. В 1920 году была образована Чувашская республика, которая в истории своего существования также называлась Чувашской Автономной Советской Социалистической Республикой (Чувашской АССР).

Чувашия неизбежно подвергалась процессам скупивания населения и урбанизации, а также вымиранию малонаселённых поселений. Подобные агломерационные процессы наблюдаются во многих регионах Российской Федерации, включая Чувашию. Соответственно, прослеживаются два созависимых процесса: разрастание Чебоксарской агломерации и вымирание села. Такие изме-

нения в системе расселения становятся серьезным вызовом для регионов России, требуя значительных изменений в традиционных образах жизни, транспортной и промышленной инфраструктуре, а также в системе расселения в целом [15]. Очевидно, что хаотическая трансформация системы расселения несет в себе риски дезорганизации хозяйственной деятельности, поэтому требует подробного исследования и определения перспектив управления такими стихийными процессами (т.н. «управляемое сжатие» [4, с. 89–90] в отношении запустеваяющих территорий).

Под влиянием социально-демографических факторов система расселения претерпевает изменения. Скорость и степень изменений неоднородны и определяются устойчивостью населённого пункта к изменениям. Устойчивость определяется, в первую очередь, размером населённого пункта по численности населения, во-вторую — его самодостаточностью (минимизацией необходимости покидания территории для получения качественных услуг социальной сферы). Под «опорным каркасом расселения» понимаем совокупность наиболее устойчивых населённых пунктов территории, а также соединяющие их транспортные коридоры.

Материалы и методы

1. Обзор литературы

В период промышленной революции и индустриализации второй половины XIX века возникают первые теории в области экономической географии. Основными исследователями выступили И. Тюнен, А. Вебер, В. Кристаллер и А. Леш [7]. Термин «система расселения» подвержен множеству толкований, которые акцентируют внимание на различных аспектах в зависимости от применяемой области знания, доминирующих научных парадигм и политических тенденций. Вопрос об исследовании многообразия толкований «системы расселения» и изменения смысла со временем был подробно рассмотрен А.А. Ткаченко в его статье [19]. Чаще всего под «системой расселения» понимается группа населённых пунктов, которые находятся вблизи друг от друга и имеют функциональные связи между собой [12].

Если же говорить об актуальном на сегодняшний день толковании, то система рас-

селения в условиях рыночной экономики формируется под воздействием множества факторов, первыми из которых выступают экономические и демографические. В.Л. Глазьев отмечал, что «необходимо увидеть первичность базового каркаса расселения и деятельности по отношению к территории и отрешиться от завороченности гигантизмом площадей, практически не пригодных для постоянного обитания» [6, с. 122]. Система расселения не происходит исключительно от управленческих решений, она формируется исторически, определяется географическими факторами и может быть только направлена в своем развитии [10].

Система расселения как сложный социально-экономический объект исследования, отражающий многие стороны жизни общества, изучается разными науками. В контексте исследования социально-демографических факторов нас прежде всего интересуют разработки на стыке демографии и географии. В экономгеографических исследованиях зачастую встречается термин «человеческий потенциал региона», одной из его компонент является «демографический потенциал региона», под которым понимаются «вопросы создания максимально благоприятных условий для жизнедеятельности населения, повышения уровня и качества жизни людей независимо от места их проживания, стабилизации демографических процессов, проведения научно обоснованной и адресной демографической, семейной, социальной политики» [3, с. 32].

Термин «демографическая ситуация», предложенный в 1970–1980 годах Д.И. Валентеем, включает в себя исследование всей сложной совокупности социальных, культурных, экономических взаимодействий определённой территории, оказывающих влияние на воспроизводство населения [8]. Термин «демографическая обстановка», который использовал в своих исследованиях Н.Т. Агафонов, обозначает состояние и демографическое поведение населения конкретной территории, определяемые преимущественно экономическими факторами [1]. В дальнейшем Э.Б. Алаев связывал проистекание демографических процессов с трансформацией территориально-промышленного комплекса в контексте концепции «региональной экономико-демографической ситуации» [2, с. 214].

Г.М. Федоров активно исследует и использует в своих работах термин «геодемография», под которой сейчас принято понимать отрасль научного знания, основанную на синтезе демографических и экономикогеографических методов изучения системы расселения. Под «геодемографической обстановкой» им понимается «совокупность отношений между демографическими и всеми прочими компонентами региона. Она соединяет его экономическую, социальную, расселенческую и другие функциональные подсистемы (этносистему, социозкосистему) с демографической и включает демографические процессы и структуры, а также экономико-, социально-, расселенческо-, этно-, эколого-демографические связи (отношения)» [20, с. 10]. Однако сейчас, судя по публикуемым работам, «геодемография» — это скорее подотрасль географии, чем экономики.

Одним из ключевых понятий при изучении систем расселения является концепция «опорного каркаса расселения». Этот термин отражает совокупность взглядов и методологический подход. Основной вклад в развитие данной методологии внёс Г.М. Лаппо в своей «географии городов» [11]. Во-первых, в данном случае расселение рассматривается как совокупность элементов, которые определяются исследователем, то есть предполагается изучение системы в целом и её составных частей. Во-вторых, «опорный каркас расселения» подразумевает выделение «каркаса» поселенческой структуры, то есть сети наиболее значимых «узловых центров и соединяющих их магистралей». Часто в литературе это описывается как «каркасный подход к изучению объекта». Таким образом, сам методологический подход предполагает классификацию территорий, выделение наиболее перспективных и значимых среди них.

Помимо названных, существенный вклад в формирование и развитие методологии «опорного каркаса расселения» был внесен следующими исследователями: Н.Н. Баранским, В.Г. Давидовичем, О.А. Константиновым, О.К. Кудрявцевым, И.М. Маергойзом,

Е.Н. Перциком, П.М. Поляном, Ю.Г. Саушкиным и Б.С. Хоревым. Среди современных авторов, в разной степени затрагивающих проблематику влияния социально-демографических факторов на формирование системы расселения, следует выделить В.А. Безвербного [5], Н.В. Зубаревич [25], Н.Н. Киселеву [10], Т.Г. Нефёдову [23] и других.

В данном исследовании применяется методологический подход «управляемого сжатия», под которым понимается совокупность инструментов и возможность направления социально-демографических процессов депопулирующих территорий. В соответствии с подходом объективные социально-демографические процессы не являются управляемыми, выступают следствием иных объективных процессов и закономерностей и могут быть лишь сдержаны либо интенсифицированы в определённых пределах. Наибольший вклад в развитие терминологии и проблематики «сжатия территорий», помимо названных ранее авторов, внесли: Э. Маркварт [22] и А.Н. Швецов [24].

2. Источники данных и программное обеспечение

В статье даётся небольшая характеристика Чувашии: истории происхождения республики, языковые и этнокультурные особенности, географическое положение. Для подготовки этой информации использовались краеведческие издания Чувашии [9; 16].

В статье предложена авторская методика выявления «опорного каркаса расселения». Апробация данной методики произведена на примере Республики Чувашии. С целью анализа социально-демографической динамики была подготовлена база данных населённых пунктов Чувашии. Она включает в себя следующие данные: оценочная численность населения в населённых пунктах Чувашии за 2020 год¹, фактическая численность населения в населённых пунктах Чувашии за 2010 год², динамика численности населения в населённых пунктах с 2010 к 2020 году (рассчитана авторами), данные о наличии (в фор-

1 Населённые пункты России: численность населения [Электронный ресурс] // Инфраструктура научно-исследовательских данных (ИНИД), 2020. URL: <https://data-in.ru/data-catalog/datasets/160/> (дата обращения: 29.06.2023).

2 Итоги «Всероссийской переписи населения-2010» [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 29.06.2023).

мате MS Excel) и местонахождении (в формате Shapefile) объектов социальной инфраструктуры в населённых пунктах Чувашии (данные официального геоинформационного портала Республики Чувашии³, дополненные данными о выданных лицензиях на ведение медицинской деятельности⁴ и информацией с портала «Открытые данные Чувашии» в части обеспеченности детскими садами⁵).

Сведение разнородной информации в формате базы данных, включая использование автоматизированных алгоритмов сведения и унификации, производилось с помощью Microsoft Power BI⁶. В статье представлена карта-схема, подготовленная с использованием инструментария геоинформатики и программного средства ESRI ArcGis⁷.

При подготовке зон 30-минутной и 60-минутной транспортной доступности был использован метод изохрон, который представляет собой математическую модель движения объекта на плоскости во всех возможных направлениях, учитывая максимально допустимую скорость движения и время, необходимое для преодоления расстояния по общедоступным дорогам. Результатом расчёта являются линии маршрутов движения, называемые изохронами. Совокупность всех изохрон формирует геополигон, то есть плоскость на карте, в любой точке которой объект может находиться в пределах установленных ограничений. Для автоматизации расчётов использовался программный продукт Here Routing API⁸, для построения карты — Here Studio.

3. Анализ системы расселения Чувашии

С целью выявления социально-демографических факторов формирования «опорно-

го каркаса расселения» необходимо произвести общий анализ и дать характеристику системе расселения Чувашии. Под системой расселения понимается совокупность населённых пунктов, соединяющие их транспортные коридоры, а также их социально-экономическое значение и отношения друг к другу, совокупность хозяйственных связей, определяемая транспортно-географическим положением и численностью населения [19]. Под «опорным каркасом расселения» понимаем совокупность населённых пунктов и соединяющие их транспортные коридоры, имеющие наиболее позитивную и устойчивую социоэкономическую динамику, а также обладающие наибольшим объёмом социально-экономических ресурсов в регионе.

Данное исследование базируется на принципе многоуровневости в определении опорного каркаса. В соответствии с методическим подходом «центральных мест» В. Кристаллера узловые центры должны быть сопоставимы друг с другом по размеру (численности населения, уровню экономического развития) [21]. Узловые центры одного порядка и транспортные коридоры, их соединяющие, образуют «решётку Кристаллера». Отбросим устаревшие на сегодняшний день утверждения о равном расстоянии между узловыми центрами и фрактальности определяемой структуры и сосредоточимся на многоуровневости.

В соответствии со сложившейся практикой, а также действующими нормативными правовыми актами в «опорном каркасе расселения» субъекта РФ можно выделить следующие уровни:

1) крупные и крупнейшие городские агломерации;

3 Региональный портал пространственных данных [Электронный ресурс] // Правительство Чувашии. URL: <https://geo.cap.ru/portal/metadatainfo> (дата обращения: 29.06.2023).

4 Единый реестр лицензий, в том числе лицензий, выданных органами государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с переданным полномочию по лицензированию отдельных видов деятельности [Электронный ресурс] // Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения. URL: <https://www.roszdravnadzor.gov.ru/services/licenses> (дата обращения: 29.06.2023).

5 Открытые данные [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, информационной политики и массовых коммуникаций Чувашской Республики. URL: <http://opendata.cap.ru/map#> (дата обращения: 06.07.2023).

6 ArcGis Online [Электронный ресурс] // ESRI. URL: <https://www.esri.com/ru-ru/arcgis/products/arcgis-online/overview> (дата обращения: 29.06.2023).

7 Power BI [Электронный ресурс] // Microsoft. URL: <https://powerbi.microsoft.com/ru-ru/> (дата обращения: 29.06.2023).

8 HERE Routing [Электронный ресурс] // HERE Technologies. URL: <https://developer.here.com/products/routing> (дата обращения: 29.06.2023).

2) крупные города (с численностью населения свыше 50 тысяч человек);

3) опорные населённые пункты.

В зоне эффективной транспортной доступности каждого из уровней «опорного каркаса» обнаруживаем:

1) периферию городской агломерации;

2) периферию крупного города;

3) прилегающие населённые пункты.

Такие населённые пункты не являются частью «опорного каркаса расселения». Соответственно, каждому населённому пункту субъекта РФ присваивается определённый статус, который может быть только один. Кроме названных, также встречаются геостратегические территории (ЗАТО, военные городки, приграничные населённые пункты государственной границы РФ и т.д.). В Чувашии таковых не наблюдаем. Кроме того, некоторые населённые пункты не входят ни в «опорный каркас», ни в зоны эффективной транспортной доступности.

Исследовав имеющиеся данные о численности населения, приходим к выводу, что к «опорному каркасу расселения» Чувашии относится Чебоксарская агломерация, отсутствуют города с населением свыше 50 тыс. человек, опорные населённые пункты будут выявлены далее в исследовании.

Самый малоизученный элемент «опорного каркаса расселения» на сегодняшний день — «опорные населённые пункты», не являющиеся агломерациями и крупными городами. На наиболее приближенном к населению уровне системы расселения также может быть выделен «опорный каркас» как совокупность наиболее крупных и устойчивых населённых пунктов (как правило, сёл, деревень, малых городов). Под «опорным населённым пунктом» понимаем наиболее крупные населённые пункты территории, которые, как правило, являются административным центром муниципального образования, либо сопоставимы с таковым по численности населения или уровню инфраструктурной обеспеченности, на базе которых населению предоставляются услуги социальной сферы. Их выявление в исследовании и последующие модернизация и финансирование со стороны органов публичного управления позволят создать ситуацию «управляемого сжатия» — сокращение темпов обезлюжива-

ния малонаселённых пунктов, перенаправление миграционных потоков из городской агломерации в «опорные населённые пункты», обеспечение качественных услуг социальной сферы в пределах зон эффективной транспортной доступности.

4. Авторская методика выявления «опорных населённых пунктов» на основе анализа социально-демографических факторов

Разработанная методика выявления «опорных населённых пунктов» предполагает оценку населённых пунктов Чувашии на соответствие перечню предъявляемых критериев. Критерии условно можно подразделить на «демографические» и «социальные». Их перечни представлены далее в статье. Методика предполагает формирование базы данных населённых пунктов Чувашии, которая содержит в себе информацию обо всех населённых пунктах субъекта РФ (строки) и атрибуты, соответствующие перечню критериев (столбцы). Сформированная база данных слишком объёмна, поэтому не будет представлена в данной статье, тогда как будут представлены результаты её анализа.

С целью выявления наиболее устойчивых населённых пунктов территории необходимо осуществить анализ демографической динамики. Изменение демографических показателей является обобщающим результатом всей совокупности социально-экономической жизни населения региона. По мнению авторов, поскольку динамика численности населения подвержена естественным колебаниям, то её необходимо оценивать за период не менее 10 лет. К «сжимающимся территориям» авторы относят те населённые пункты, которые демонстрируют убыль населения более чем на 1% в год (т.е. более чем на 10% за 10 лет). В ранее опубликованной статье более подробно дано обоснование выделенного критерия [4].

Сформированная база данных включает в себя информацию о 1662 населённых пунктах Чувашии, включая наименование, тип, муниципальное образование, географические координаты, а также данные о численности населения в 2010 году, 2020 году и темпах её изменения. Группировка населённых пунктов Чувашии по критерию демографического сжатия представлена в таблице 1. В соответствии с полученными данными

в 76 % всех населённых пунктов республики наблюдается «сжатие». Они не могут претендовать на включение их в «опорный каркас расселения» Чувашии.

Помимо демографической динамики, населённые пункты, претендующие на включение их в «опорный каркас», по мнению авторов должны насчитывать по крайней мере 2 тыс. жителей. К таковым относится 31 населённый пункт Чувашии. Следует уточнить, что несколько близкорасположенных населённых пунктов (не более 5 км) могут также рассматривать как единый узловой центр, претендующий на включение его в «опорный каркас».

Кроме того, «опорные населённые пункты» не должны входить в другие уровни системы расселения, применительно к Чувашии — не входить в границы Чебоксарской агломерации. В границах агломерации располагается 750 населённых пунктов, население которых тяготеет к ближайшему наиболее крупному ядру — центру агломерации г. Чебоксары. Выявление наиболее устойчивых населённых пунктов здесь не имеет практического смысла, так как динамика их показателей во многом определяется динамикой ядра агломерации. Определению границ Чебоксарской агломерации и входящих в неё населённых пунктов посвящена ранее опубликованная статья [17].

«Опорные населённые пункты» также должны обладать устойчивостью с точки зрения социально-значимых процессов. Авторами рассматривается инфраструктурная обеспеченность как критерий устойчивости населённого пункта в решении социально значимых проблем населения. Узловые центры «опорного каркаса» должны обладать социально значимой инфраструктурой опе-

режающего качества, чтобы обеспечивать услугами социальной сферы не только собственных жителей, но и население близлежащих (прилегающих) населённых пунктов в пределах зон транспортной доступности. Перечень рассматриваемой социальной инфраструктуры, а также обзор обеспеченности ею населённых пунктов Чувашии представлены в таблице 2.

База данных населённых пунктов Чувашии была дополнена данными о наличии объектов социальной инфраструктуры в соответствии с перечнем, представленным в таблице 2. Анализ обеспеченности объектами социальной инфраструктуры позволяет заключить, что она находится на достаточно высоком уровне. Газификация, водоснабжение и высокоскоростной Интернет доступны для всех жителей Чувашии, что обусловлено малой площадью Республики. Медицинские организации всех типов представлены в 41 % населённых пунктов, школьные организации всех типов — в 19%. Поскольку 96,5 % населённых пунктов Чувашии насчитывают численность населения до 1000 чел., а плотность население является сравнительно высокой (12 место среди субъектов РФ), то инфраструктурная обеспеченность Республики даже избыточна. В первую очередь это касается библиотек и администраций городских и сельских поселений.

С целью определения перечня «опорных населённых пунктов» база данных населённых пунктов Чувашии была отфильтрована таким образом, чтобы оставшиеся населённые пункты соответствовали всем предъявляемым критериям: по численности и динамике численности населения, по невыходу в границы Чебоксарской агломерации,

Таблица 1
Table 1

**Группировка населённых пунктов Чувашии
по критерию динамики численности населения 2020 г. к 2010 г.
Grouping of settlements of Chuvashia according
to the criterion of population dynamics 2020 to 2010 years**

Группа	Растущие	Тенденция к росту	Тенденция к сжатию	Сжимающиеся
Темп роста населения 2020 к 2010 гг.	$\leq +10\%$	$0\% < +10\%$	$-10\% < 0\%$	$\geq -10\%$
Количество населенных пунктов	57	83	252	1270

по наличию всех объектов социальной инфраструктуры из предложенного в статье перечня. Некоторые населённые пункты, отвечающие большинству из представленных требований, были отнесены к «потенциальным», то есть нуждающимся в модернизации для доведения их до уровня «опорного населённого пункта».

Результаты. Представленные и проанализированные ранее в статье данные были объединены в единый перечень (базу данных) всех населённых пунктов Чувашии, включающий информацию о численности и динамике численности населения, административно-территориальных и географических характери-

ках, о наличии и качестве объектов социально значимой инфраструктуры. Анализ перечня на основе описанной в настоящей статье методики позволил сформировать актуальный перечень «опорных населённых пунктов», которые являются узловыми центрами «опорного каркаса расселения» Чувашской Республики.

На рисунке 1 представлено распределение «опорных населённых пунктов» по территории Республики Чувашии. На севере отмечены города Чебоксары и Новочебоксарск, которые вместе составляют Чебоксарскую агломерацию (единый центр). Все те населённые пункты, которые находятся южнее ядра агломерации (севернее линии «опорных населённых пунктов», проходящей с запада

Таблица 2

Table 2

Обеспеченность населённых пунктов Чувашии социально значимой инфраструктурой
Provision of settlements of Chuvashia with socially significant infrastructure

№	Категория	Объект социальной инфраструктуры	Количество учреждений, ед.	Обеспеченные населённые пункты	
				Количество, ед.	Доля, %
1	Инженерные коммуникации	газификация	—	1662	100
		водоснабжение и канализация			
		высокоскоростной Интернет			
2	Здравоохранение	медицинские организации не ниже уровня «врачебная амбулатория»	1342	419	25
3	Образование	учреждения дошкольного образования	347	191	11,5
		средние общеобразовательные школы (1–11 класс)	281	208	12,5
		учреждения дополнительного образования	312	208	12,5
		профессиональные образовательные организации	27	11	0,7
4	Культура	библиотеки	538	445	26,8
		музеи	18	15	0,9
5	Массовый спорт	бассейны	25	20	1,2
6	Государственные и муниципальные услуги	администрации поселений	291	291	17,5
		органы ЗАГС	26	23	1,4

на восток), либо являются периферией агломерации, либо находятся в зоне 60-минутной транспортной доступности до г. Чебоксары. В данной зоне есть перспективные населённые пункты, отвечающие всем требованиям «опорного», но они исключены ввиду нахождения в зоне влияния доминирующего центра социально-экономического притяжения и не могут быть частью «опорного каркаса».

Уровнем ниже в системе расселения Республики расположились «опорные населённые пункты», соответствующие всем предъявленным требованиям: Канаш, Алатырь, Шумерля и Вурнары. Кроме того, здесь также рассматривается сдвоенный опорный населённый пункт Батырево — Шыгырдан (на юго-востоке Республики), так как оба населённых пункта отвечают всем необхо-

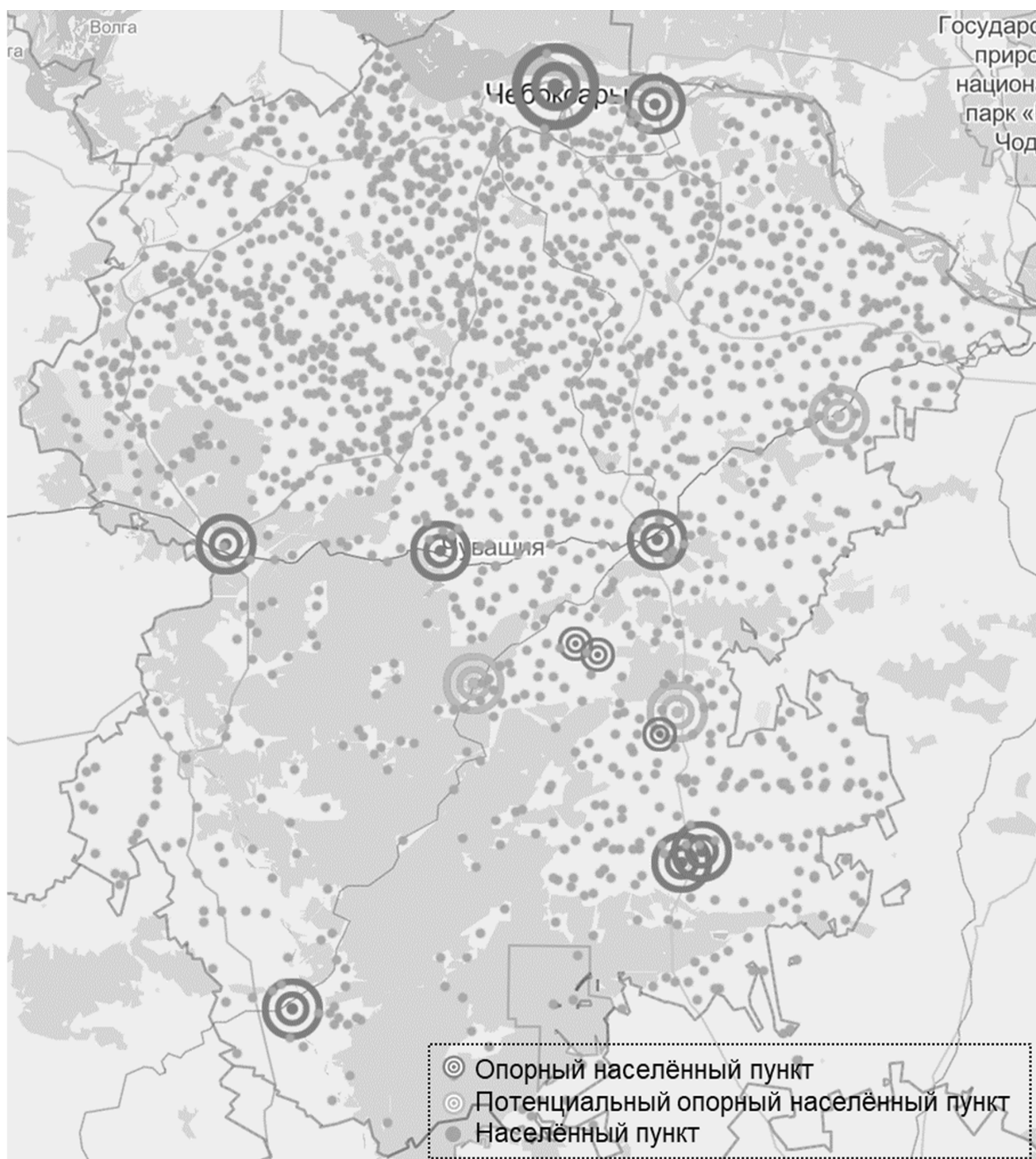

Рис. 1. Карта-схема «опорного каркаса расселения» Чувашской Республики
Fig. 1. Map-scheme of the «supporting frame of settlement» of the Chuvash Republic

димым требованиям, а расстояние между ними — менее 5 км. Граница между ними условна (имеет лишь административное значение), вследствие чего, с точки зрения «опорного каркаса расселения», они выступают единым социоэкономическим центром притяжения. Также два перспективных населённых пункта — Айбечи и Новое Чурашево — находятся вплотную друг к другу, соответствуют всем необходимым критериям, но лишь их суммарная численность населения позволяет преодолеть требуемую отметку в 2 тыс. человек. Таким образом, они также рассматриваются как единый «опорный населённый пункт».

Для поддержания целостности структуры расселения «опорный каркас расселения» должен охватывать большую часть территории Республики (зонами транспортной доступности). В идеальной ситуации все населённые пункты субъекта РФ должны находиться в зонах транспортной доступности «опорных населённых пунктов». С точки зрения концепции «управляемого сжатия», целенаправленными управленческими решениями можно если не формировать, то направлять трансформацию «опорного каркаса

расселения». В Чувашии присутствуют населённые пункты, которые отвечают почти всем предъявляемым критериям отбора и могут называться «потенциальными». Они отмечены на рисунке 1 светло-серым цветом и представлены следующими населёнными пунктами: Ибреси, Урмары и Комсомольское — Урмаево (сдвоенный). Во всех трёх случаях для достижения полного соответствия перечню критериев необходимо строительство учреждения среднего профессионального образования. В случае, если это произойдёт, «опорный каркас расселения» Чувашии будет более равномерным и станет охватывать большее число прилегающих населённых пунктов.

Даже с учётом того, что некоторые населённые пункты «опорного каркаса расселения» сейчас не обладают учреждениями среднего профессионального образования, они являются социально-экономическими центрами. В данном аспекте стоит говорить о перспективах привлечения и удержания населения. Так или иначе, отобранные центры демонстрируют не столь отрицательную динамику численности населения (про рост говорить практически не приходится). На ри-

Таблица 3
 Table 3

Перечень опорных населённых пунктов Чувашии
List of stronghold settlements of Chuvashia

№	Наименование	Численность населения			Наличие инфраструктуры
		2010	2020	прирост	
1	г. Чебоксары — г. Новочебоксарск	577800	619262	7,20%	Полностью соответствует
2	г. Канаш	45607	45482	−0,3%	Полностью соответствует
3	г. Алатырь	38203	34785	−9,8%	Полностью соответствует
4	г. Шумерля	31722	29071	−9,1%	Полностью соответствует
5	пгт. Вурнары	10086	9989	−1,0%	Полностью соответствует
6	пгт. Ибреси	8415	7724	−8,9%	Необходимо учреждение проф. образования
7	пгт. Урмары	5679	5472	−3,8%	Необходимо учреждение проф. образования
8	с. Шыгырдан — с. Батырево	10849	10567	−2,6%	Полностью соответствует
9	с. Комсомольское — д. Урмаево	7794	7665	−1,7%	Необходимо учреждение проф. образования
10	с. Новое Чурашево — д. Айбечи	2337	2161	−7,5%	Полностью соответствует

сунке 2 представлены зоны 30-минутной (слева) и 60-минутной (справа) транспортной доступности «опорных населённых пунктов» Чувашии. Единого мнения о том, какой она должна быть, в научной литературе не выявлено, вследствие чего представлены обе. Данные карты призваны продемонстрировать равномерность распределения узловых центров «опорного каркаса» с одной стороны и покрытие всей территории республики зонами 60-минутной транспортной доступности — с другой.

Обсуждение. «Опорный каркас расселения» трансформируется с течением времени под воздействием социально-экономических, политических, реже — природно-климатических причин. Основным индикатором результата воздействия множества факторов на населённый пункт как социально-экономический объект являются демографические процессы. Динамика изменения численности населения позволяет не только определить результат множества неисчисляемых воздействий,

но и в определённой степени выявить перспективы развития территории.

Инфраструктурная обеспеченность — это критерий залога удержания (сдерживания падения) численности населения. Со своей стороны, демографическая динамика позволяет определить, какие населённые пункты являются наиболее перспективными и, соответственно, нуждаются в инфраструктурной модернизации. Демографические процессы территории в данном анализе являются первичными и определяющими, так как их управляемость является дискуссионной, в отличие от управления наличием социально-значимой инфраструктуры.

«Опорный каркас расселения» на примере Чувашии, по итогам проведённого исследования, представлен десятью узловыми центрами, один из которых — Чебоксарская агломерация, тогда как остальные девять — это двенадцать населённых пунктов (включая 3 сдвоенных центра). В предложенном «каркасе» охватывает большую часть населённых пунктов в пределах зон 60-минутной транс-

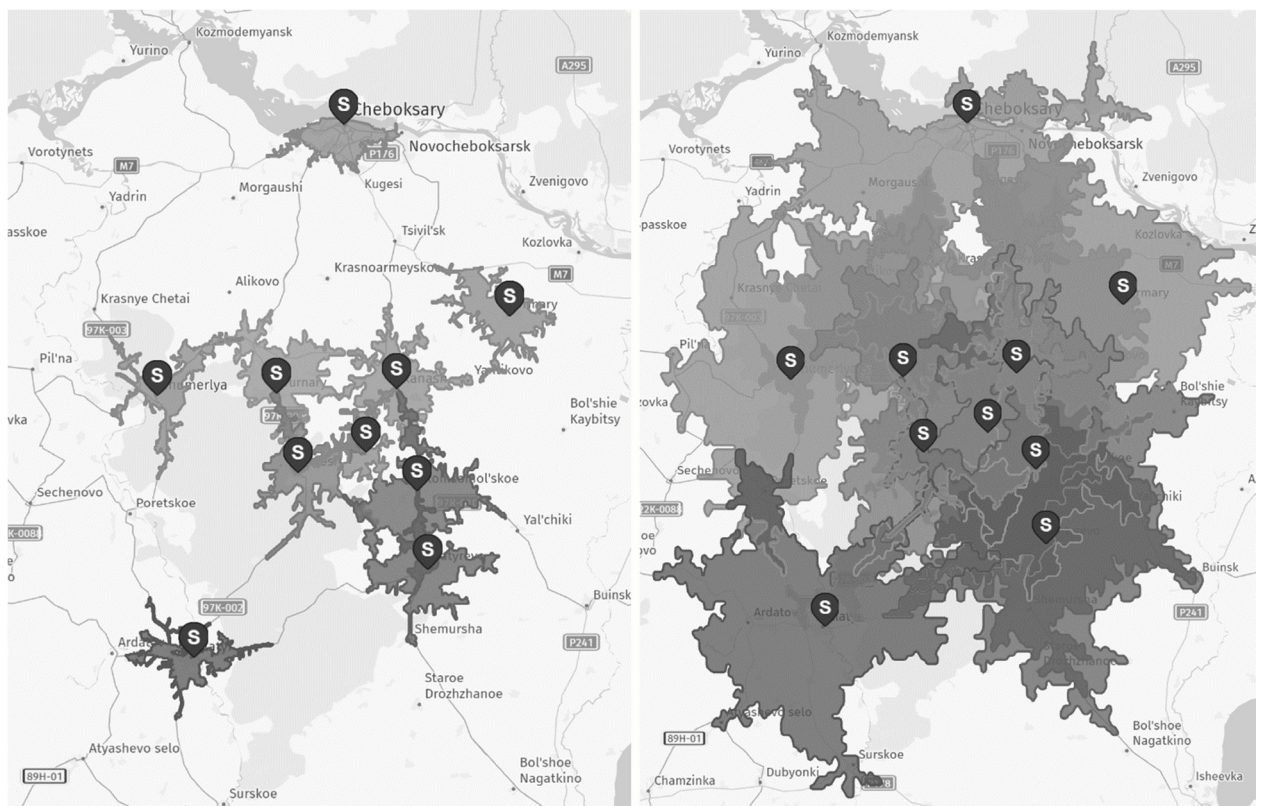

Рис. 2. Зоны 30-минутной (слева) и 60-минутной (справа) транспортной доступности «опорных населённых пунктов» Чувашии

Fig. 2. Zones of 30-minute (left) and 60-minute (right) transport accessibility of the «core settlements» of Chuvashia

портной доступности. Потенциальные населённые пункты также включены в «опорный каркас расселения», так как, по мнению авторов, позволяют более полно отразить сущность социально-экономических взаимоотношений внутри системы расселения региона.

С управленческих позиций, «опорные населённые пункты» должны стать точками приоритетного финансирования и модернизации социально-значимой инфраструктуры. При таком подходе удастся добиться ситуации «управляемого сжатия»: перераспределения части миграционных потоков из малонаселённых пунктов в «опорные», сдержать неконтролируемый миграционный поток в ядро агломерации. Обеспечение высококачественных услуг социальной сферы в пределах зон эффективной транспортной доступности сдерживает потребность населения в эмиграции.

Система расселения Чувашской Республики имеет отличительные черты, характерные как для национальных республик России, так и для старорусских регионов центральной России и Поволжья. Среди сопоставимых территорий можно выделить следующие: Республика Татарстан, Самарская, Тульская и Калининградская области. Выводы, полученные в ходе данного исследования, могут быть также использованы при исследовании сопоставимых территорий.

Список источников

1. Агафонов Н. Т. Региональная экономика-демографическая обстановка (основные положения концепции) // Социальная география Калининградской области. Калининград: КГУ, 1982. С. 26–27.
2. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 293 с.
3. Балина Т. А., Пономарева З. В., Чекмеева Л. Ю. Территориальные особенности демографических процессов в регионах России: анализ и типология // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2019. №4. С. 31–43.
4. Безвербный В. А., Маркварт Э., Ситковский А. М. Пространственное сжатие территорий Российской Федерации: понятие, критерии, система показателей // Города будущего: пространственное развитие, соучастующее управление и творческие индустрии: монография. М.: Дело, 2021. С. 63–93.
5. Безвербный В. А., Мирязов Т. Р. Депопуляция геостратегических территорий Российской Федерации в зеркале пространственной демографии: теоретико-методологические аспекты // Политическая наука. 2022. №4. С. 185–206.
6. Глазычев В. Л. Ловушка регионального подхода // Логос. 2005. №1. С. 102–123.
7. Голубчик М. М., Макара С. В., Носов А. М., Файбусович Э. Л. Социально-экономическая география — 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. 475 с.
8. Зверева Н. В. Университетская школа исследований народонаселения Д. И. Валентя // Федерализм. 2015. №2(78). С. 113–124.
9. Иванов В. П. Очерки по истории и этнографии Чувашии: избранные труды (2012–2022). Чебоксары: ЧГИГН, 2022. 304 с.
10. Киселева Н. Н., Маркварт Э., Стародубровская И. В. Управление пространственными изменениями на региональном и муниципальном уровнях. М.: Дело, 2018. 282 с.
11. Лаппо Г. М. География городов. М.: Владос, 1997. 480 с.
12. Лекомцев А. Л. Транспортная инфраструктура и система расселения // Географические основы изучения инфраструктуры: сборник статей. Ижевск: Удмуртский университет, 2023. С. 33–44.
13. Маркварт Э., Киселева Н. Н., Соснин Д. П. Система опорных населённых пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты // Власть. 2022. Т. 30. №2. С. 95–111.
14. Нефедова Т. Г., Глезер О. Б. Трансформация социально-географического пространства России // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке: Программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук 2012–2019 / Российская академия наук. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. С. 214–251.
15. Полян П. М. Территориальные структуры — урбанизация — расселение: теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый хронограф, 2014. С. 369–378.

16. Пупышев И.В. Национальная политика и межэтническое взаимодействие в Чувашии (конец XX — начало XXI в.): дис. ... канд. истор. наук. Чебоксары, 2021. 242 с.
17. Ситковский А.М. Система расселения Чувашской республики: Чебоксарская агломерация // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. №6. С. 189–203.
18. Татаркин А.И. Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. №6(24). С. 42–59.
19. Ткаченко А.А. Ключевые понятия теории расселения: попытка переосмысления // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2018. №2. С. 10–15.
20. Федоров Г.М. Об актуальных направлениях геодемографических исследований в России // Балтийский регион. 2014. №2(20). С. 7–28.
21. Berry B.J. L., Harris C.D. Walter Christaller: an appreciation // *Geographical Review*. 1970. №60. P. 116–119.
22. Markwart E., Degtyareva N. Contemporary tools and approaches to urban shrinkage management // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. Obninsk, Kaluga Region: 2021. P. 012018.
23. Nefedova T. G. Spatially Uneven Development in Russia / T. G. Nefedova, A. I. Treivish, A. V. Sheludkov // *Regional Research of Russia*. 2022. Vol. 12. №1. P. 4–19.
24. Shvetsov A. N. Structural Transformations of the Municipal Space: Substantiation of Expediency and Evaluation of Efficiency // *Regional Research of Russia*. 2019. Vol. 9. №4. P. 304–310.
25. Zubarevich N. V. Cities as the centers for the modernization of the economy and human capital // *Sociological Research*. 2012. Vol. 51. №4. P. 3–27.
- Kaliningradskoj oblasti [Social geography of the Kaliningrad region]. Kaliningrad: KGU, 1982. P. 26–27. (In Russ.).
2. Alaev Je. B. Social'no-jekonomicheskaja geografija. Ponjatijno-terminologicheskij slovar' [Socio-economic geography. Conceptual and terminological dictionary]. Moscow: Mysl', 1983. 293 p. (In Russ.).
3. Balina T. A., Ponomareva Z. V., Chekmeneva L. Ju. Territorial'nye osobennosti demograficheskikh processov v regionah Rossii: analiz i tipologija [Territorial features of demographic processes in the regions of Russia: analysis and typology]. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta. Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences]. 2019; (4): 31–43. (In Russ.).
4. Bezverbnyj V. A., Markvart Je., Sitkovskij A. M. Prostranstvennoe szhatie territorij Rossijskoj Federacii: ponjatie, kriterii, sistema pokazatelej [Spatial compression of the territories of the Russian Federation: concept, criteria, system of indicators]. *Goroda budushhego: prostranstvennoe razvitie, souchastvujushhee upravlenie i tvorcheskie industrii: monografija* [Cities of the future: spatial development, participatory management and creative industries: monograph]. Moscow: Delo, 2021. P. 63–93. (In Russ.).
5. Bezverbnyj V. A., Mirjazov T. R. Depopuljacija geostrategicheskikh territorij Rossijskoj Federacii v zerkale prostranstvennoj demografii: teoretiko-metodologicheskie aspekty [Depopulation of geostrategic territories of the Russian Federation in the mirror of spatial demography: theoretical and methodological aspects]. *Politicheskaja nauka* [Political Science]. 2022; (4): 185–206. (In Russ.).
6. Glazychev V. L. Lovushka regional'nogo podhoda [The trap of a regional approach]. *Logos*. 2005; (1): 102–123. (In Russ.).
7. Golubchik M. M., Makar S. V., Nosonov A. M., Fajbusovich Je. L. Social'no-jekonomicheskaja geografija [Socio-economic geography]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: Jurajt, 2020. 475 p. (In Russ.).
8. Zvereva N. V. Universitetskaja shkola issledovanij narodonaselenija D. I. Valenteja [Valentey University School of Population Studies]. *Federalizm*. 2015; 2(78): 113–124. (In Russ.).

References

1. Agafonov N. T. Regional'naja jekonomiko-demograficheskaja obstanovka (osnovnye polozhenija koncepcii) [Regional economic and demographic situation (basic provisions of the concept)]. *Social'naja geografija*

9. Ivanov V.P. Ocherki po istorii i jetnografii Chuvashii: izbrannye trudy (2012–2022) [Essays on the history and Ethnography of Chuvashia: Selected Works (2012–2022)]. Cheboksary: ChGIGN, 2022. 304 p. (In Russ.).
10. Kiseleva N.N., Markvart Je., Starodubrovskaja I.V. Upravlenie prostranstvennymi izmenenijami na regional'nom i municipal'nom urovnjah [Management of spatial changes at the regional and municipal levels]. Moscow: Delo, 2018. 282 p. (In Russ.).
11. Lappo G.M. Geografija gorodov [Geography of cities]. Moscow: Vlados, 1997. 480 p. (In Russ.).
12. Lekomcev A.L. Transportnaja infrastruktura i sistema rasselenija [Transport infrastructure and settlement system]. Geograficheskie osnovy izuchenija infrastruktury: sbornik statej [Geographical foundations of the study of infrastructure: a collection of articles]. Izhevsk: Udmurtskij universitet, 2023. P. 33–44. (In Russ.).
13. Markvart Je., Kiseleva N.N., Sosnin D.P. Sistema opornyh naselennyh punktov kak mehanizm upravlenija prostranstvennym razvitiem: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [The system of reference settlements as a mechanism for managing spatial development: theoretical and practical aspects]. *Vlast'* [Power]. 2022; 30(2): 95–111. (In Russ.).
14. Nefedova T.G., Glezer O.B. Transformacija social'no-geograficheskogo prostranstva Rossii [Transformation of the socio-geographical space of Russia]. Vyzovy i politika prostranstvennogo razvitija Rossii v XXI veke: Programmy fundamental'nyh issledovanij Prezidiuma Rossijskoj akademii nauk 2012–2019 [Challenges and policy of spatial development of Russia in the XXI century: Programs of fundamental research of the Presidium of the Russian Academy of Sciences 2012–2019]. Rossijskaja akademija nauk [Russian Academy of Sciences]. Moscow: Tovarišhestvo nauchnyh izdanij KMK, 2020. P. 214–251. (In Russ.).
15. Poljan P.M. Territorial'nye struktury — urbanizacija — rasselenie: teoreticheskie podhody i metody izuchenija [Territorial structures — urbanization — settlement: theoretical approaches and methods of study]. Moscow: Novyj hronograf, 2014. P. 369–378. (In Russ.).
16. Pupyshev I.V. Nacional'naja politika i mezhetnicheskoe vzaimodejstvie v Chuvashii (konec XX — nachalo XXI v.): dis. ... kand. istor. nauk [National policy and interethnic interaction in Chuvashia (late XX — early XXI century). Ph. D. (History) diss.]. Cheboksary, 2021. 242 p. (In Russ.).
17. Sitkovskij A.M. Sistema rasselenija Chuvashskoj respubliki: Cheboksarskaja aglomeracija [Settlement system of the Chuvash Republic: Cheboksary agglomeration]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences]. 2022; 15(6): 189–203. (In Russ.).
18. Tatarkin A.I. Formirovanie regional'nyh institutov prostranstvennogo razvitija Rossijskoj Federacii [Formation of regional institutes of spatial development of the Russian Federation]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2012; 6(24): 42–59. (In Russ.).
19. Tkachenko A.A. Ključevye ponjatija teorii rasselenija: popytka pereosmyslenija [Key concepts of the settlement theory: an attempt to rethink]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5. Geografija* [Bulletin of the Moscow University. Series 5. Geography]. 2018; (2): 10–15. (In Russ.).
20. Fedorov G.M. Ob aktual'nyh napravlenijah geodemograficheskikh issledovanij v Rossii [On current directions of geodemographic research in Russia]. *Baltijskij region* [Baltic Region]. 2014; 2(20): 7–28. (In Russ.).
21. Berry B.J.L., Harris C.D. Walter Christaller: an appreciation. *Geographical Review*. 1970; (60): 116–119.
22. Markwart E., Degtyareva N. Contemporary tools and approaches to urban shrinkage management. IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Obninsk, Kaluga Region: 2021. P. 012018.
23. Nefedova T.G. Spatially Uneven Development in Russia. T.G. Nefedova, A.I. Treivish, A.V. Sheludkov. *Regional Research of Russia*. 2022; 12(1): 4–19.
24. Shvetsov A.N. Structural Transformations of the Municipal Space: Substantiation of Expediency and Evaluation of Efficiency. *Regional Research of Russia*. 2019; 9(4): 304–310.
25. Zubarevich N.V. Cities as the centers for the modernization of the economy and human capital. *Sociological Research*. 2012; 51(4): 3–27.

Статья поступила в редакцию 14.06.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted on 14.06.2023; approved after reviewing on 08.07.2023; accepted for publication on 12.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Козлова Ольга Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра исследований социально-экономической динамики, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук.

Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29

Olga A. Kozlova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Center for Research on Socioeconomic Dynamics, Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences.

29 Moskovskaya str., Yekaterinburg, Russia

Ситковский Арсений Михайлович — младший научный сотрудник отдела геоурбанистики и пространственной демографии, Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой 6, к. 1

Arseniy M. Sitkovskiy — Junior Researcher, Department of Geo-Urban Studies and Spatial Demography, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS).

6 Fotievoy str., bld. 1, Moscow, Russia

Вклад авторов:

Козлова О. А. — научное руководство; доработка текста.

Ситковский А. М. — концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Kozlova O. A. — scientific management; text revision.

Sitkovskiy A. M. — research concept; development of methodology; writing the original text; final conclusions.

Научная статья

УДК: 338.23

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-134-142

ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Михаил Михайлович Куликов

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
kulikovmichael@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4139-9391, AuthorID РИНЦ: 360563,
AuthorID Scopus: 57209222679*

Аннотация. *Целью исследования* является определение перспективы развития территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) Гуково, Донецк и Зверево в Ростовской области, преимуществ и недостатков использования ТОСЭР для ускорения развития экономики, в том числе в моногородах.

Методологическую базу исследования представляют законодательные акты по развитию моногородов и ТОСЭР в Российской Федерации, статистические данные российских рейтингов ТОСЭР, научные публикации, аналитические и отраслевые отчеты Минэкономразвития РФ и Минпромторга РФ, Правительства Ростовской области по созданию и развитию ТОСЭР. Использование этих методов и подходов дает возможность изучить цели и условия создания ТОСЭР, их преимущества и недостатки перед другими инструментами экономического развития России, исследовать необходимость адаптации условий создания и функционирования ТОСЭР к современным требованиям, оценить направления совершенствования условия по ТОСЭР.

Результаты исследования. Одним из важных результатов является разработанный алгоритм по вступлению потенциальных резидентов в ТОСЭР с учетом специфических особенностей региона, отраслевой специализации и направлений промышленного развития. Делаем вывод, что приоритетное значение для развития ТОСЭР в Ростовской области 2027 года обусловлено необходимостью повышения уровня и качества взаимодействия муниципалитетов, региональных властей с потенциальными резидентами ТОСЭР с созданием механизма контроля взаимодействия инвестора и государственных органов на каждом этапе участия резидента в ТОСЭР.

Перспективу исследования составляет углубленный анализ факторов, влияющих на текущее функционирование и потенциал развития ТОСЭР в Ростовской области.

Ключевые слова: территория опережающего социально-экономического развития, территория опережающего развития, ТОСЭР, региональная экономика, региональное развитие

Для цитирования: Куликов М. М. Потенциал развития территорий опережающего социально-экономического развития в Ростовской области // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 134–142. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-134-142>.

Original article

IMPORT SUBSTITUTION AT INDUSTRIAL ENTERPRISES OF ROSTOV REGION AS A PRIORITY OF REGIONAL POLICY

Mikhail M. Kulikov

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
kulikovmichael@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4139-9391, AuthorID RSCI: 360563,
AuthorID Scopus: 57209222679*

Abstract. *The purpose of the study is to determine the prospects for the development of territories of advanced socio-economic development (TASED) Gukovo, Donetsk and Zverevo in the Rostov region, the advantages and disadvantages of using TASED to accelerate economic development, incl. in monotowns.*

The methodological base of the study is represented by legal acts on the territories of advanced socio-economic development and single-industry municipalities (single-industry towns) in the Russian Federation, statistical data of Russian TASED ratings, scientific publications, analytical and industry reports of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation and the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation, the Government of the Rostov Region on the creation and development of TASED. The use of these methods and approaches makes it possible to study the goals and conditions for the creation of TASED, their advantages and disadvantages over other tools for the economic development of Russia, to investigate the need to adapt the conditions for the creation and functioning of TASED to modern requirements, to assess the directions for improving the conditions for TASED.

Research results. *One of the important results is the developed algorithm for the entry of potential residents into TASED, taking into account the specific features of the region, industry specialization and directions of industrial development. We conclude that the priority for the development of TASED in the Rostov region in 2027 is due to the need to increase the level and quality of interaction between municipalities, legislative and executive authorities of the region with potential TASED residents with the creation of a mechanism to control the interaction between the investor and state bodies at each stage of the resident's participation in TASED.*

The prospect of the study *is an in-depth analysis of the factors influencing the development of TASED in the Rostov region.*

Keywords: *territory of priority socio-economic development, territory of advanced development, TASED, regional economy, regional development*

For citation: *Kulikov M. M. Import Substitution at Industrial Enterprises of Rostov Region as a Priority of Regional Policy // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 134–142. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-134-142>.*

Введение. В настоящее время в экономике России для ускорения развития и увеличения скорости разработки и внедрения инноваций создаются территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) и территории опережающего раз-

вития (ТОР). В современных условиях усиления санкционного воздействия, уменьшения объема инвестиций в основной капитал и значительного различия в темпах развития регионов Правительство России разработало комплекс мероприятий по стимулирова-

нию развития регионов и муниципалитетов с низкой инвестиционной привлекательностью. Важным инструментом, способным снизить неравенство в развитии регионов, стал институт ТОСЭР/ТОР. ТОСЭР — часть территории субъекта Российской Федерации, включающая закрытое административно-территориальное образование, на которой сроком на 10 лет с возможностью продления еще на 5 лет в соответствии с решением Правительства Российской Федерации установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортной инфраструктуры¹ [1; 2; 3]. Основы данного подхода описаны в работах М. Портера, М. Стейнера, А. Пессоа, рекомендациях Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)² [8; 9].

Создание ТОР заставило изменить законодательные акты Российской Федерации

и субъектов РФ, некоторые статьи законов о приватизации, местном самоуправлении, обязательном страховании иностранцев, прибывших на работу, о таможенных отчислениях, об экологической экспертизе, о лицензировании и пр.

В России увеличивается число ТОСЭР, но большинство из них с трудом привлекает и удерживает участников. Хотя существуют налоговые льготы и другие меры поддержки, примерно в 22 % ТОСЭР нет ни одного резидента, а их инвестиционный потенциал снижается из-за длительных административных процедур и отсутствия прозрачной системы продвижения.

ТОСЭР создается органами власти региона совместно с муниципалитетом, заранее обсудив с возможными инвесторами величину инвестиций, минимально необходимое количество рабочих мест и разрешённые в ТОСЭР виды хозяйственной деятельности. Участники получают налоговые льготы, упрощение административных согласований и иные возможности [4].

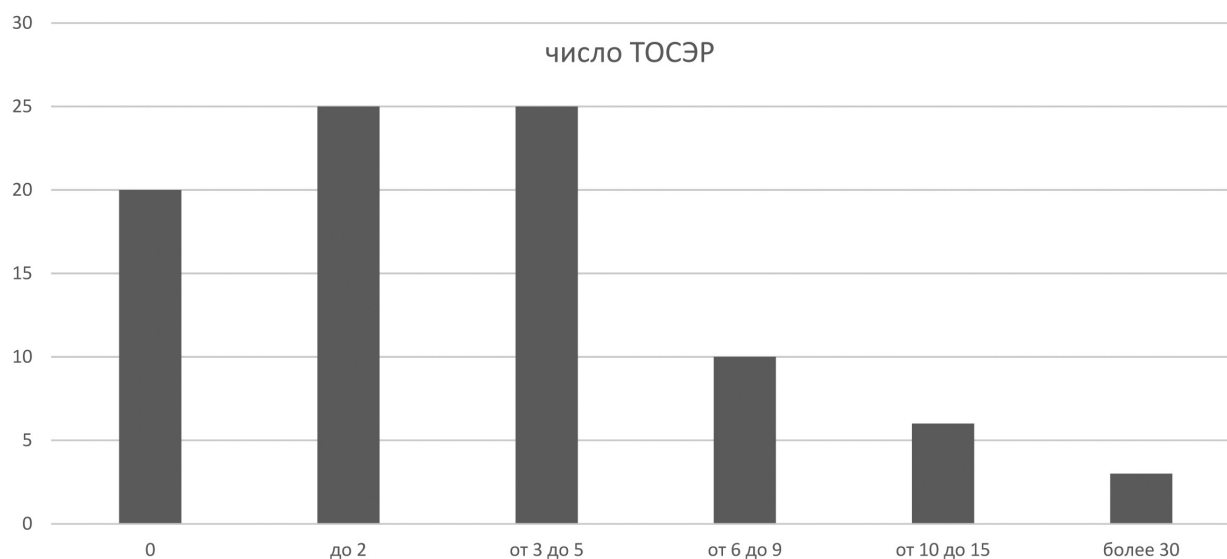

Рис. 1. Распределение ТОСЭР России по количеству резидентов в 2023 году

Fig. 1. Distribution of TOSER of Russia by the number of residents in 2023

1 Парламентарии Ростовской области инициируют сокращение бюрократических процедур для новых резидентов ТОСЭР [Электронный ресурс] // Интерфакс Россия. URL: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/novosti-parlamentov/parlamentarii-rostovskoy-oblasti-iniciiruyut-sokrashchenie-byurokraticheskikh-procedurdlya-novyh-rezidentov-toser> (дата обращения: 12.07.2023); Динамика ВРП Ростовской области за 2016–2021 годы [Электронный ресурс] // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/result-report/1356> (дата обращения: 13.07.2023).

2 Argentino Pessoa Competitiveness, Clusters and Policy at the Regional Level: Rhetoric vs. [Электронный ресурс] // Practice in Designing Policy for Depressed Regions June 2013. URL: <https://www.researchgate.net/publication/259471370> (дата обращения: 12.07.2023); OECD. Boosting Innovation: The Cluster Approach, conference proceedings. Paris: OECD, 1999.

Впервые ТОР возникли в 2015 году в Дальневосточном федеральном округе, потом опыт их создания стал использоваться в закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО) и моногородах социально-экономическими проблемами. К 2023 году инструментарий ТОСЭР используют более 60% регионов РФ, а их общее число к 2023 году достигло почти девяноста. На сегодняшний день в ТОСЭР статус участника получили почти четыреста юридических лиц, при этом они стремятся в крупные промышленные города. Десять крупнейших ТОСЭР включают более 50% зарегистрированных участников. Только три крупнейших по числу участников ТОСЭР сумели преодолеть изначальный монопрофильный характер муниципалитетов: в Тольятти уже 47 инвесторов, в Набережных Челнах — 40, в Новокузнецке — 32. К 1 января 2023 года существовало 89 ТОР, в т.ч. в Ростовской области 3 ТОР в моногородах Гуково, Донецк и Зверево³.

Вместе с тем в 25 ТОР моногородов число резидентов не превышает двух, а в 20 пока нет ни одного. Снижение инвестиционной активности в нескольких российских регионах и сложность согласований приводят к замедлению работы ТОР. При этом ТОСЭР пока не стали локомотивами экономического роста и точками устойчивого инвестиционного притяжения в регионах⁴.

Участниками ТОСЭР в моногородах Ростовской области могут стать коммерческие организации (за исключением государственных и муниципальных унитарных предприятий, финансовых организаций, в том числе кредитных и страховых организаций и профессиональных участников рынка ценных бумаг), зарегистрированные и осуществля-

ющие свою деятельность исключительно на территории ТОСЭР, не являющиеся градообразующими организациями Гуково, Донецка и Зверево, реализующие инвестиционные проекты, соответствующие требованиям, установленным Правительством РФ [6].

Требования к инвестиционным проектам ТОСЭР Ростовской области в течение первого года после включения юридического лица в реестр резидентов: объем инвестиций минимум 2,5 млн руб., число создаваемых рабочих мест — не менее 10, соответствие проекта разрешенным видам деятельности в ТОСЭР⁵.

ТОР в моногородах России позволили на 1 декабря 2022 года привлечь более 1100 резидентов и 250 млрд руб. инвестиций, создать более 80 тыс. рабочих мест, выручка резидентов составила более 760 млрд рублей.

Как видно из рис. 1, ТОСЭР Ростовской области находятся в середине списка распределения ТОСЭР России по числу участников. По состоянию на 1 декабря 2022 года в них зарегистрировался 21 резидент (5 в Гуково, 9 в Зверево и 7 в Донецке). Среди резидентов ТОСЭР ООО «Аква Маркет+», ООО «Аль Пако», ООО «Агрофирма «Донецкая Долина», ООО «НПП «Плитка-Арти», ООО «Юг Декор», ООО «Калина», ООО «Хэппи Тех Компани», ООО «СВС-Агро», ООО «Интеграл», ООО «Зверевский завод металлических конструкций», ЗАО «Швея», ООО «Графит», ООО «Зверевский машиностроительный завод», ООО «Донецкий завод строительных материалов», ООО «Композит Эко»⁶.

ТОСЭР «Зверево», «Донецк» и «Гуково» созданы для диверсификации экономики этих городов, привлечения инвестиций и создания новых рабочих мест, не связанных с де-

3 Полный список преференциальных территорий: особых экономических зон (ОЭЗ) федеральных и региональных, опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР, ТОР) в моногородах, на Дальнем Востоке и других муниципальных образованиях Российской Федерации [Электронный ресурс] // Решение-верное.РФ. URL: <https://xn--dtbhaacat8bfloi8h.xn--p1ai/toser-all> (дата обращения: 10.07.2023).

4 Парламентарии Ростовской области инициируют сокращение бюрократических процедур для новых резидентов ТОСЭР [Электронный ресурс] // Интерфакс Россия. URL: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/novosti-parlamentov/parlamentarii-rostovskoy-oblasti-iniciiruyut-sokrashchenie-byurokraticheskikh-procedur-dlya-novyyh-rezidentov-toser> (дата обращения: 12.07.2023).

5 Постановление Правительства РФ от 22.06.2015 г. №614 «Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/1kbbkTXSJFhlZss2PCMvjaJyyQQk3pbsf.pdf> (дата обращения: 10.07.2023).

6 Территории опережающего развития [Электронный ресурс] // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://minvr.gov.ru/activity/territorii-operezhayushchego-razvitiya/> (дата обращения: 12.07.2023).

тельностью градообразующих организаций АО «Шахтоуправление «Обуховское», ООО «Кингкоул «Юг», ЗАО «Гуковпогрузтранс» и ОАО «ЦОФ «Гуковская».

Участники ТОСЭР имеют возможность получить ряд мер поддержки со стороны государства⁷:

— налог на прибыль 0% в первые 5 лет и 10% после 5 лет;

— налог на имущество 0%;

— налог на землю 0%;

— взносы во внебюджетные фонды 7,6% на весь период, если статус резидента получен в первые три года существования ТОСЭР;

— налог на добычу полезных ископаемых от 0% в течение 2 лет до 1 через 5 лет;

— инфраструктурные субсидии — компенсация 80% понесенных расходов на подключение к инженерным сетям.

В Ростовской области за 7 лет в ТОСЭР «Зверево», «Донецк» и «Гуково» действующими резидентами создано 1528 рабочих мест, инвестировано более 500 млн руб⁸. Исходя из данных табл. 1, можно отметить, что достижение целевых показателей по объему инвестиций и числу создаваемых рабочих мест в запланированные сроки маловероятно.

Важным является воздействие ТОСЭР на социально-экономическое развитие региона их нахождения. На примере Ростовской области можно отметить, что с валовым региональным продуктом (ВРП) 2,15 трлн. руб. Ростовская область в 2022 году находилась на 12 месте среди регионов России. Темп

роста физического объема к 2021 году — 100,1%, с 2016 года темп роста ВРП региона составил 157%. При этом резиденты ТОСЭР увеличивают объемы производства быстрее, чем растет объем производства в среднем по региону [7].

Проблемы, которые тормозят развитие ТОСЭР: износ сетей электро- и водоснабжения, канализации, высокие тарифы на подключение к объектам инфраструктуры, ограниченность срока предоставления страховых и налоговых льгот и др. Создание инфраструктуры для участников ТОР является важным условием привлечения новых резидентов. Серьезное значение имеет стабильное энергоснабжение, транспортная доступность, наличие объектов ЖКХ. Необходимость развития инфраструктуры в ТОР сильно зависит от развитости инфраструктуры в регионе нахождения ТОР. Значительной проблемой для монопрофильных поселений остается кадровое обеспечение создаваемых производств вследствие значительного оттока рабочей силы из-за низкого уровня жизни и неразвитой инфраструктуры. Молодежь и самые активные жители уезжают работать вахтовым способом или переезжают на постоянное место жительства в другие регионы России, численность населения в городах сокращается. В результате потенциальные резиденты ТОСЭР сталкиваются с недостатком рабочей силы и вынуждены привлекать работников из соседних населенных пунктов, особенно это касается высокотехнологич-

Таблица 1
Table 1

Целевые показатели ТОСЭР Ростовской области
Target indicators of the territories of advanced socio-economic development
of the Rostov region

Показатель	Гуково (к 2025 г.)	Зверево (к 2027 г.)	Донецк (к 2027 г.)
Число участников, ед.	10	11	12
Число рабочих мест, ед.	Более 5000	Более 800	Более 800
Величина вложений, млрд руб.	6	1,3	1,5

⁷ Территория опережающего развития [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/instrumenty_razvitiya_territoriy/tor/ (дата обращения: 10.07.2023).

⁸ Территория опережающего развития «Гуково» [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Ростовской области. Инвестиционный портал Ростовской области. URL: https://invest-don.com/ru/toser_gukovo/ (дата обращения: 10.07.2023).

ных производств. При этом создание ТОСЭР не остановило этот процесс. Участники ТОСЭР реализуют инвестиционные проекты и создают рабочие места, но их недостаточно, вследствие чего жители продолжают покидать Гуково, Донецк и Зверево.

Фактически территории опережающего развития в Гуково, Зверево и Донецке медленно наполняются резидентами, несмотря на меры поддержки и резервы, имеющиеся у действующих в ТОСЭР предпринимателей. Дополнительные меры по достижению установленных соглашениями показателей резидентов ТОСЭР — внедрение принципа «одного окна», информационная и административная поддержка каждого участника, для чего главам администраций моногородов, отраслевым министерствам, агентству инвестиционного развития Ростовской области необходимо изменить подходы к взаимодействию с резидентами ТОСЭР. Лидеров эффективности среди ТОСЭР России за 2022 год отличает выстроенная система сопровождения инвесторов на протяжении всего «жизненно-

го цикла» инвестиционного проекта, предполагающая кроме льгот по обязательным платежам и аренде государственного имущества, информационную, административную и инфраструктурную поддержку бизнеса⁹.

Инструментарий ТОСЭР дает возможность развивать региональную экономику и снижать уровень безработицы за счёт стимулирования инвестиций в моногородах.

Перспективная структура взаимодействия участников ТОСЭР представлена на рис. 2.

Компания может стать участником ТОСЭР в Ростовской области, выполнив ряд действий.

I. Проверить соответствие требованиям к участнику ТОСЭР:

1. Минимальный объем инвестиций в проект — 2,5 млн руб.
2. Число создаваемых рабочих мест не менее 10.
3. Перечень видов экономической деятельности, включенных в классы общероссийского классификатора видов экономичес-

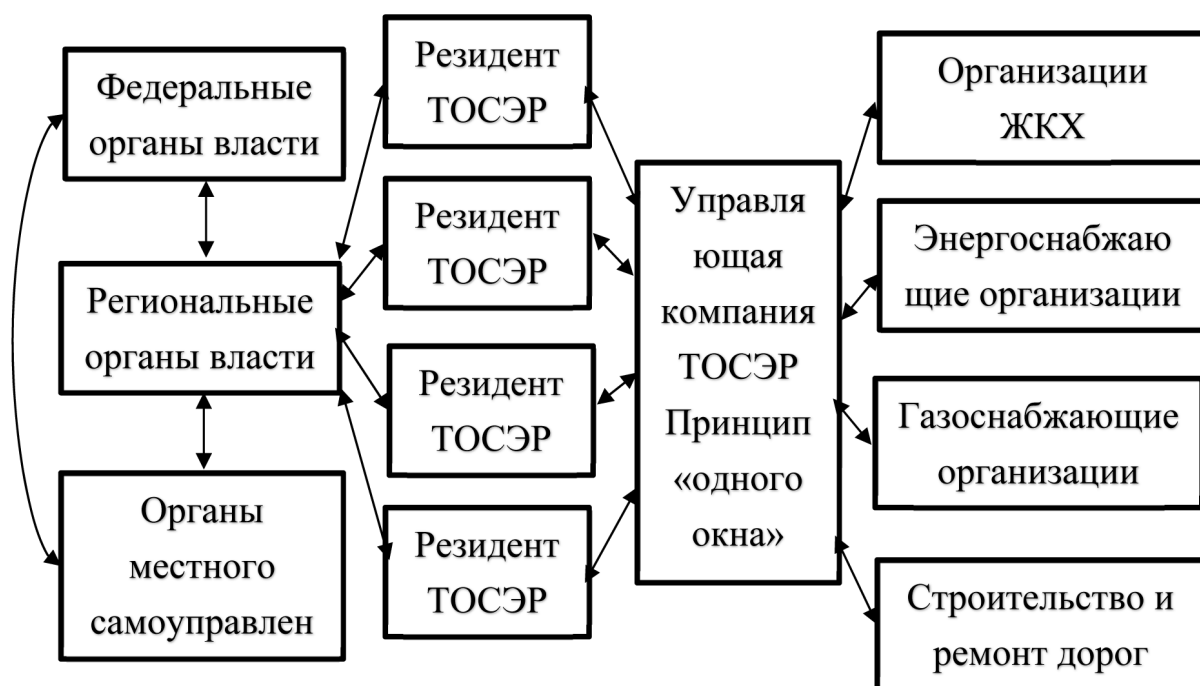

Рис. 2. Перспективная структура взаимодействия участников ТОСЭР

Fig. 2. Perspective structure of interaction of participants of territories of advanced socio-economic development

⁹ Федеральный закон от 29.12.2014 г. №473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39279> (дата обращения: 10.07.2023).

кой деятельности, при осуществлении которых не предоставляется особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности — все виды экономической деятельности, включенные в «Лесозаготовки», «Добычу нефти и природного газа», «Предоставление услуг в области добычи нефти и природного газа», «Производство напитков», за исключением видов экономической деятельности, включенных в группу «Производство безалкогольных напитков; производство упакованных питьевых вод, включая минеральные воды», «Производство табачных изделий», «Производство нефтепродуктов», «Торговлю оптовую и розничную автотранспортными средствами и мотоциклами и их ремонт», за исключением подкласса «Техническое обслуживание и ремонт автотранспортных средств» и подгруппы «Техническое обслуживание и ремонт мотоциклов и мототранспортных средств», «Торговля оптовая, кроме оптовой торговли автотранспортными средствами и мотоциклами», «Торговля розничная, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами», «Деятельность сухопутного и трубопроводного транспорта», «Деятельность водного транспорта», «Деятельность воздушного и космического транспорта», «Деятельность по предоставлению финансовых услуг, кроме услуг по страхованию и пенсионному обеспечению», «Страхование, перестрахование, деятельность негосударственных пенсионных фондов, кроме обязательного социального обеспечения», «Деятельность вспомогательная в сфере финансовых услуг и страхования», «Аренда и лизинг», «Деятельность органов государственного управления по обеспечению военной безопасности, обязательному социальному обеспечению», «Деятельность по организации и проведению азартных игр и заключению пари, по организации и проведению лотерей», «Деятельность общественных организаций», «Деятельность домашних хозяйств с наемными работниками», «Деятельность недифференцированная частных домашних хозяйств по производству товаров и предоставлению услуг для собственного потребления», «Деятельность экстерриториальных организаций и органов».

4. Регистрация и функционирование в границах ТОСЭР.

II. Подготовить комплект документов резидента ТОСЭР:

1. Определить потребность в земельном участке и объектах инфраструктуры.

2. Разработать бизнес-план инвестиционного проекта по форме, установленной приказом Минэкономразвития России от 21 июля 2022 года №381.

3. Подготовить заявку на заключение соглашения об осуществлении деятельности по форме, установленной приказом Минэкономразвития России от 21 июля 2022 года №381.

III. Подача заявки для получения статуса участника ТОСЭР:

1. Получить свидетельство о регистрации резидента ТОСЭР.

2. Начать реализацию инвестиционного проекта.

Заключение. Предварительные договоренности с потенциальными резидентами — обязательное условие создания ТОСЭР. Получение статуса участника ТОСЭР не дает гарантии начала реализации и развития инвестиционного проекта и этой ТОСЭР. Возможна утрата статуса участника ТОСЭР по разным причинам: более 19 резидентов потеряли свой статус вследствие невыполнения условий членства, например, ТОСЭР Гуково покинули пять участников. В то же время есть примеры успешной имплементации ТОСЭР, что показывает его функциональную состоятельность как инструмента развития региона. Неоднозначные итоги первых лет реализации ТОСЭР, низкая наполняемость и невыполнение планов по числу участников и количеству создаваемых рабочих мест показывают недостаточный уровень качества взаимодействия и координации деятельности с потенциальными резидентами. По результатам проверок действующих ТОСЭР, кроме инфраструктурных проблем — общего недостатка моногородов в регионах, аудиторы Счетной палаты часто отмечают неэффективность комплексного управления деятельностью ТОСЭР, включая:

— рассогласованность отраслевых и региональных планов создания и функционирования ТОСЭР и направлений развития регионов и муниципалитетов;

— несоответствие конкретных мероприятий планам-графикам развития ТОСЭР;

— недостаточный уровень знаний потенциальных инвесторов о создаваемых и функционирующих ТОСЭР, в т.ч. технической и фундаментальной информации.

Мировой и российский опыт в сфере повышения скорости экономического развития депрессивных регионов отражает необходимость комплексного подхода, а не отдельных финансовых и налоговых инструментов для успешной социально-экономической диверсификации и ускорения развития экономики. К успеху приводит использование системного подхода с улучшением взаимодействия участников ТОСЭР и региональных властей при наличии эффективной стратегии управления проектом и маркетингового плана, с использованием территориальных, отраслевых и социально-экономических возможностей и перспектив конкретного региона. Нужно принимать во внимание изменения внешней среды проекта, использовать комплекс разнообразных инструментов продвижения и развития инвестиционного проекта. Создание ТОСЭР без учета вышеперечисленных факторов не привлекает инвесторов и не способствует развитию региона. Нужно разработать стратегию развития этого инструмента в условиях конкретного региона с учетом его особенностей на основе анализа сильных и слабых сторон. Именно от эффективности конкретного взаимодействия участников и использования современных управленческих практик зависит успешность использования ТОСЭР как эффективно действующего инструмента развития региона и уменьшения дисбаланса в развитии территорий.

Список источников

1. Бакланов П. Я. Территории опережающего развития: понятие, структура, подходы к выделению // Региональные исследования. 2014. №3(45). С. 12–19.
2. Кашина Н. В. Территории опережающего развития: новый инструмент привлечения инвестиций на Дальний Восток России // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 2. С. 569–585.
3. Куликов М. М., Дулин Р. А. Сущность и особенности создания и развития промышленных кластеров в России // Вестник Южно-Российского государственного технического

университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2017. №5. С. 65–71.

4. Манчук Е., Коваленко Н., Ломакина А. Проблемы экономического развития региона и способы их преодоления в современных условиях (на примере Ставропольского края) // Предпринимательство. 2015. №2. С. 114–125.

5. Марушко Н. И., Куликов М. М. Влияние кластеров на промышленный комплекс Южного федерального округа // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. №2. С. 154–162.

6. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / Под ред. А. В. Кузнецова, О. В. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 137 с.

7. Трифонов В. А., Лобанов М. М. Проблемы инновационного развития градообразующих предприятий в условиях монопрофильных городов // Известия Томского политехнического университета. 2006. №3. С. 198–202.

8. Porter M. Clusters and the new economics of competitiveness // Harvard Business Review. December, 1998. №76(6). P. 77–90.

9. Steiner M. (Ed.) Clusters and Regional Specialisation: On Geography, Technology and Networks. London: Pion, 1998. 279 p.

References

1. Baklanov P. Ja. Territorii operezhajushhego razvitija: ponjatije, struktura, podhody k vydeleniju [Territories of advanced development: concept, structure, approaches to allocation]. *Regional'nye issledovaniya [Regional studies]*. 2014; 3(45): 12–19. (In Russ.).
2. Kashina N. V. Territorii operezhajushhego razvitija: novyj instrument privlechenija investicij na Dal'nij Vostok Rossii [Territories of advanced development: a new tool for attracting investments to the Russian Far East]. *Jekonomika regiona [The economy of the region]*. 2016; 12(2): 569–585. (In Russ.).
3. Kulikov M. M., Dulin R. A. Sushhnost' i osobennosti sozdaniya i razvitija promyshlennykh klasterov v Rossii [The essence and features of the creation and development of industrial clusters in Russia]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical*

University (NPI). Series: Socio-economic Sciences]. 2017; (5): 65–71. (In Russ.).

4. Manchuk E., Kovalenko N., Lomakina A. Problemy jekonomicheskogo razvitiya regiona i sposoby ih preodoleniya v sovremennykh usloviyakh (na primere Stavropol'skogo kraja) [Problems of economic development of the region and ways to overcome them in modern conditions (on the example of the Stavropol Territory)]. *Predprinimatel'stvo [Entrepreneurship]*. 2015; (2): 114–125. (In Russ.).

5. Marushko N.I., Kulikov M.M. Vliyanie klasterov na promyshlennyj kompleks Juzhno-go federal'nogo okruga [The influence of clusters on the industrial complex of the Southern Federal District]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Seriya: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences]*. 2022; 15(2): 154–162. (In Russ.).

6. Regional'naja politika: zarubezhnyj opyt i rossijskie realii [Regional policy: foreign experience and Russian realities]. Pod red. A. V. Kuznetsova, O. V. Kuznetsovoj [In A. V. Kuznetsov, O. V. Kuznetsova (eds.)]. Moscow: IMJEMO RAN, 2015. 137 p. (In Russ.).

7. Trifonov V.A., Lobanov M.M. Problemy innovacionnogo razvitiya gradoobrazujushhih predpriyatij v usloviyakh monoprol'nyh gorodov [Problems of innovative development of city-forming enterprises in conditions of single-industry cities]. *Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta [Tomsk Polytechnic University News]*. 2006; (3): 198–202. (In Russ.).

8. Porter M. Clusters and the new economics of competitiveness. *Harvard Business Review*. December, 1998; 76(6): 77–90.

9. Steiner M. (Ed.) Clusters and Regional Specialisation: On Geography, Technology and Networks. London: Pion, 1998. 279 p.

Статья поступила в редакцию 28.06.2023; одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 14.08.2023.

The article was submitted on 28.06.2023; approved after reviewing on 18.07.2023; accepted for publication on 14.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Куликов Михаил Михайлович — кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Сфера научных интересов — промышленная политика, кластеры в экономике, цифровая трансформация экономики, управление персоналом.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Mikhail M. Kulikov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Research interests — industrial policy, clusters in the economy, digital transformation of the economy, personnel management.

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья
УДК 334.658.5
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-143-155

РАЗРАБОТКА КРИТЕРИЕВ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ СОЛЬВАТОВ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНА С РАЗНОЙ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРОЙ

Людмила Григорьевна Матвеева^{1✉}, Екатерина Валерьевна Каплюк²,
Никита Владиславович Низов³

^{1,3}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Инженерно-технологическая академия, Южный федеральный университет,
Таганрог, Россия

¹matveeva_lg@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-8172-2731

²ekapluk@gmail.com, ORCID: 0000-0001-5768-6486

³NikNizov@yandex.ru, ORCID: 0000-002-5073-9642

Аннотация. Цель исследования — разработка критериев типологизации инновационных сольватов в промышленности как относительно новых образований, функционирующих на платформе циркулярной экономики и принципах устойчивости, резильентности и инклюзивности. Недостаточность теоретического исследования данного феномена определила необходимость разработки указанных критериев для последующего моделирования композиционного строения — архитектоники сольватов в отраслевом разрезе как структурно-функциональных элементов индустриального сектора региона.

Методологическая база исследования сформирована в результате конвергенции и совместного использования общеметодологических (системно-синергетического, структурно-функционального, нормативно-ресурсного, субъектно-объектного, уровневого, циркулярного, эндогенного) и специальных (ресурсосбережение, инновационность, экологичность, устойчивость, резильентность) подходов и концепций.

Результаты исследования. За последние два года произошла значительная трансформация национальной экономики на фоне повышения открытости России и ее интеграции в систему мирохозяйственных связей, становления, как отмечал В.В. Путин в своих выступлениях, экономики предложения. Эта трансформация проявляется в структурном реформировании экономики и ее важнейшей базовой подсистемы — индустриальной сферы — на основе углубления промышленной кооперации в разных формах и на разных уровнях. При этом особый акцент со стороны высшего руководства России делается в отношении необходимости формирования новой промышленной модели, основанной на максимальном использовании внутреннего потенциала и опоре на собственные силы, а не заимствования технологий с переориентацией на их закупку в дружественных странах. В текущих условиях возрастает актуальность совершенствования институциональных мер поддержки высокотехнологичных отраслей, которые все чаще проявляются в стимулировании субъектов промышленной деятельности к вступлению в различные промышленные объединения, в том числе кластеры, ориентированные на импортозамещение и мобилизацию обрабатывающей промышленности — государственного приоритета современности.

В контексте обеспечения устойчивой инновационной динамики с перспективой на будущий потенциал данной сферы индустриального комплекса страны и регионов, по мнению авторов, которое закреплено в большом числе публикаций, целесообразно рассматривать в качестве акторов реализации данной политики так называемые инновационные сольваты как действенные элементы экосистемы региональной промышленности. В исследовании проведен теоретический обзор структурных моделей инновационной сольватации, апробированных с использованием метода типологизации, разработаны критерии типологизации сольватов с разной отраслевой структурой в промышленности региона, определено содержание критериев и их индикаторы. Предложенная типология модельно апробирована в рамках идентифицированного инновационного сольвата в машиностроительном комплексе Ростовской области.

Перспективы исследования заключаются в разработке и апробации предложенной в статье совокупности критериев типологизации структурного потенциала промышленных инновационных сольватов в регионах страны для формирования их эффективного композиционного строения в контексте детерминант макро- и мезоуровня, а также в ориентации на достижение высокого уровня гармонизации ресурсобеспечения участников сольватов, инновационного резонанса в его подсистемах и согласования их интересов.

Ключевые слова: *промышленность, инновационные сольватации, типологизация, циркулярная экономика, отраслевая структура, специализация, архитектоника*

Для цитирования: *Матвеева Л.Г., Каплюк Е.В., Низов Н.В. Разработка критериев типологизации инновационных сольватов в промышленности региона с разной отраслевой структурой // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 143–155. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-143-155>.*

Благодарности: *исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-00050 (<https://rscf.ru/project/22-28-00050>) в Южном федеральном университете.*

Original article

DEVELOPMENT OF CRITERIA FOR TYPOLOGIZATION OF INNOVATIVE SOLVATES IN INDUSTRY IN THE REGION WITH DIFFERENT INDUSTRY STRUCTURES

Lyudmila G. Matveeva^{1✉}, Ekaterina V. Kaplyuk², Nikita V. Nizov³

^{1,3}*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

²*Academy for Engineering and Technologies, Southern Federal University, Taganrog, Russia*

¹*matveeva_lg@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-8172-2731*

²*ekaplyuk@gmail.com, ORCID: 0000-0001-5768-6486*

³*NikNizov@yandex.ru, ORCID: 0000-002-5073-9642*

Abstract. *The purpose of the study is to develop a set of criteria for the typology of innovative solvates in industry as relatively new entities operating on the platform of circular economics and the principles of sustainability, resiliency and inclusivity. The lack of theoretical study of this phenomenon determined the need to develop these criteria for the subsequent modeling of the compositional structure — the architectonics of solvates in the industry context as structural and functional elements of the industrial sector of the region.*

The methodological base of the study *is formed as a result of convergence and joint use of general meteorological (system-synergistic, structural-functional, regulatory-Russian, subject-object, level, circular, endogenous) and special (resource saving, innovation, environmental friendliness, sustainability, resiliency) approaches and concepts.*

Study results. *Over the past two years, there has been a significant transformation of the national economy against the background of increasing the openness of Russia and its integration into the system of world economic relations, the formation, as V. V. Putin noted in his speeches, of the supply economy. This transformation is manifested in the structural reform of the economy and its most important basic subsystem — the industrial sphere — based on the deepening of industrial cooperation in different forms and at different levels. At the same time, special emphasis on the part of the top leadership of Russia is placed on the need to form a new industrial model based on the maximum use of internal potential and reliance on own forces, and not borrowing technologies with a reorientation to their purchase in friendly countries. Under current conditions, the relevance of improving institutional measures to support high-tech industries is increasing, which are increasingly manifested in stimulating industrial actors to join various industrial associations, including clusters focused on import substitution and mobilization of the manufacturing industry — the state priority of our time.*

In the context of ensuring sustainable innovation dynamics with a perspective on the growing potential of this sphere of the industrial complex of the country and regions, according to the authors, which is enshrined in a large number of publications it is advisable to consider the so-called innovative solvates as actors in the implementation of this policy as effective elements of the ecosystem of regional industry. The study carried out a theoretical review of structural models of innovative solvation, tested using the typologization method, developed criteria for typologizing solvates with different industry structures in the region's industry, determined the content of the criteria and their indicators. The proposed typology has been modeled as part of the identified innovative solvate in the machine-building complex of the Rostov region.

The prospects of the study *consist in the development and testing of the set of criteria proposed in the article for typologizing the structural potential of industrial innovative solvates in the*

regions of the country for the formation of their effective compositional structure in the context of the determinants of the macro and meslevel, as well as in the orientation towards achieving a high level of harmonization of the resource supply of participants in solvates, innovative resonance in its subsystems and coordination of their interests.

Keywords: industry, innovative solvations, typology, circular economy, industry structure, specialization, architectonics

For citation: Matveeva L. G., Kaplyuk E. V., Nizov N. V. Development of criteria for typologization of innovative solvates in industry in the region with different industry structures // *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*. 2023; 16(4): 143–155. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-143-155>.

Acknowledgments: the research was supported by a grant from the Russian Science Foundation №22-28-00050 (<https://rscf.ru/project/22-28-00050>) at Southern Federal University.

Введение. В процессе масштабной структурной перестройки промышленности Российской Федерации, происходящей в условиях сохраняющихся внешних вызовов и императива формирования мобилизационной экономики, возрастает актуальность выявления внутренних резервов интенсификации инновационного развития территориально-производственной системы страны. Текущие экономические условия сохраняют для индустриального сектора отечественной экономики высокую степень неопределенности, что связано с масштабным общественно-политическим давлением, проявляющемся в многочисленных санкционных пакетах, вводимых в отношении Российской Федерации. На фоне этого сохраняется ключевая роль инновационного развития промышленности, интенсификация которого позволит на основе мобилизации эндогенного потенциала концентрировать внутренние ресурсы на выполнении приоритетных задач, в том числе масштабного импортозамещения и приобретения технологического суверенитета.

При этом дополнительно отметим, что текущая модель промышленного развития России должна формироваться с опорой именно на собственные силы, то есть на развитие и рациональное использование собственного инновационного потенциала, а не заимствование технологий. Президент Российской

Федерации В.В. Путин определил укрепление технологического суверенитета России на основе опережающего роста высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности как одну из важнейших задач, поставленных для своего достижения уже в 2023 году¹. Успешность ее решения во многом зависит от степени и форм промышленной интеграции предприятий разного масштаба и разной отраслевой принадлежности, целеориентированных на инновационность, рациональное ресурсопотребление, экологичность и устойчивость, чему в полной мере соответствует концепция циркулярной экономики (англ. circular economy, а также экономика замкнутого цикла, круговая экономика)² [10; 11; 12; 13; 18; 14; 19; 17 и многие другие].

Актуальность исследования проблемы формирования типологии эффективных промышленных объединений, способных соответствовать государственным стратегическим императивам, подтверждается также важностью структурных изменений в промышленности как проекции императива структурных преобразований национальной экономики.

Материалы и методы. В процессе исследования проблемы создания стройной системы критериев для формирования эффективного композиционного строе-

¹ Путин призвал укреплять технологический суверенитет [Электронный ресурс] // РИА Новости. 15.12.2022. URL: <https://ria.ru/20221215/suverenitet-1838931905.html>.

² Циркулярная экономика: что это такое, где распространена и какое место занимает в России [Электронный ресурс] // Via Future. Инновации. Стартапы. Изобретения. URL: <https://viafuture.ru/sozdanie-startapa>. 01.04.2021.

ния промышленных структур, способных встраиваться в решение перечисленных вопросов тактического и стратегического характера, уточнения понятийно-категориального аппарата и подходов к изучению данной тематики, использовались общеметодологические (системный, синергетический, институциональный, эволюционный, экологический, цифровизации и др.), а также специальные методы и подходы (концепция циркулярности, методы типологизации, устойчивости, резильентности и инклюзивности, методы и индикаторы оценки технологичности промышленных предприятий, бизнес-модели циркулярной экономики на разных иерархических уровнях, поведенческих паттернов ресурсосбережения). Это позволило сформировать теоретико-методологический базис исследования типологизации инновационных сольватов в промышленности структурных образований, функционирующих на платформе циркулярной экономики, а также разграничить традиционные подходы к решению данной проблемы и те, которые присущи промышленности. В соответствии с авторской концепцией использовались методы динамического сравнительного анализа для

выявления закономерностей роста продукции данной сферы в соотношении общей динамикой промышленного производства.

Исследование вопроса формирования критериальной платформы типологизации инновационных сольватов в промышленности. Обоснованные в данном исследовании, а также в многочисленных публикациях отечественных и зарубежных экономистов ролевые функции промышленных инновационно ориентированных объединений на базе циркулярности в обрабатывающей промышленности как драйверов формирования устойчивого высокотехнологичного профиля российской экономики подтверждаются как на теоретическом уровне [21; 16; 14; 20; 17 и др.], так и в реальной практике.

На рисунке 1 представлена динамика индекса промышленного производства в России, а на рисунке 2 — его отраслевая структура. Как видно на рисунке 2, основной вклад в приведенную на рисунке 1 динамику вносит обрабатывающая промышленность, драйверами роста которой стали производства готовых металлических изделий, электрооборудования и транспортных средств.

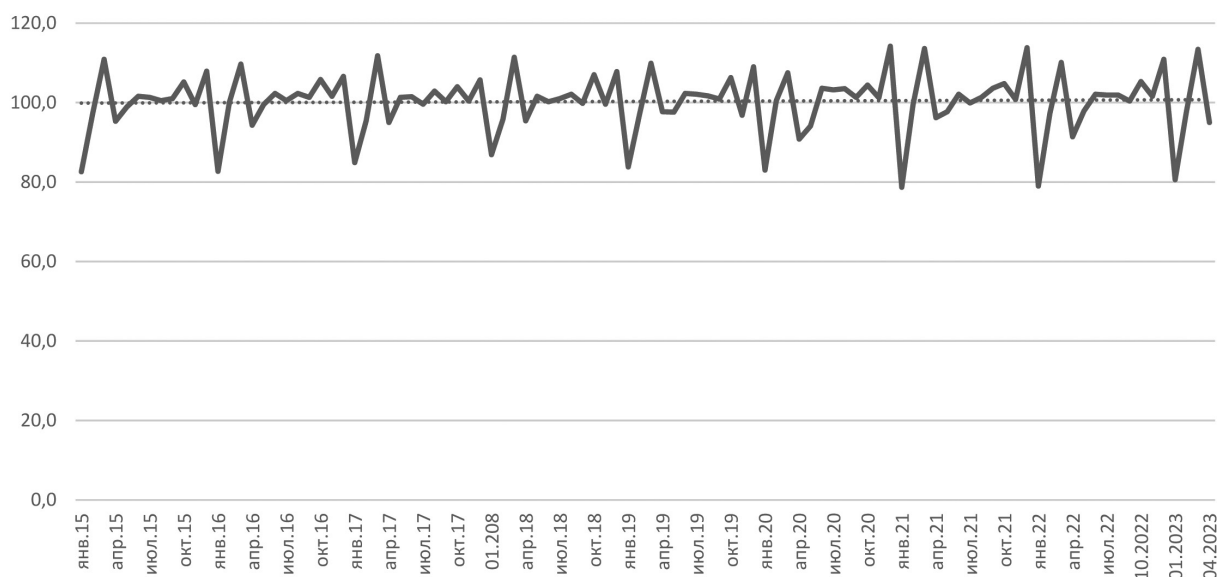

Рис. 1. Динамика индекса промышленного производства в России, 2015–2023 годы³, %
Fig. 1. Dynamics of the industrial production index in Russia, 2015–2023, %

³ Составлено по данным: Индексы производства по отдельным видам экономической деятельности по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial.

В обозначенном теоретическом контексте наиболее перспективными структурами, позволяющими катализировать инновационные процессы, выступают промышленные объединения различных типов, эффективность которых основана на кооперации и интеграции [9].

При этом на различных этапах экономического развития возникали различные типы промышленных объединений: производственные объединения, промышленные объединения, территориально производственные комплексы, кластеры [4]. А в детерминантах инновационного развития возникают промышленные инновационные сольваты, являющиеся новым феноменом, под которым понимается обособленная производственная подсистема, целеориентированная на инновационное развитие с соблюдением ключевых и основополагающих положений циркулярной экономики: рационального и безотходного использования ресурсов в производстве; экологизации производства — организации производственных процессов, исходя из концепта замкнутых круговоротов веществ в биосфере («зеленая экономика») [16]. Указанная специфика и роль инновационных сольватов в промышленности

предопределяют необходимость разработки критериев их типологизации, что выступает в качестве главной исследовательской задачи настоящей статьи. Как методология научного познания типология активно используется в современных отечественных и зарубежных исследованиях (таблица 1).

Типология как метод исследования [1], особенно применительно к инновационным сольватам в промышленности, является сложной задачей, так как «в данном случае речь идет не только о выявлении типических характеристик объекта» [2, с. 7], но и учете теоретико-методологических и методических особенностей сольватации.

Как правило, «выделяют два рода типологизации:

— эмпирическая типологизация, которая определяется как поиск устойчивых свойств социальных объектов (явлений), рассматриваемых в соответствии с описательными гипотезами в нескольких измерениях одновременно [21, с. 215];

— теоретическая типологизация, формируется на основе обобщения признаков социальных явлений на основе идеальной теоретической модели по теоретически обособленным критериям» [5, с. 80].

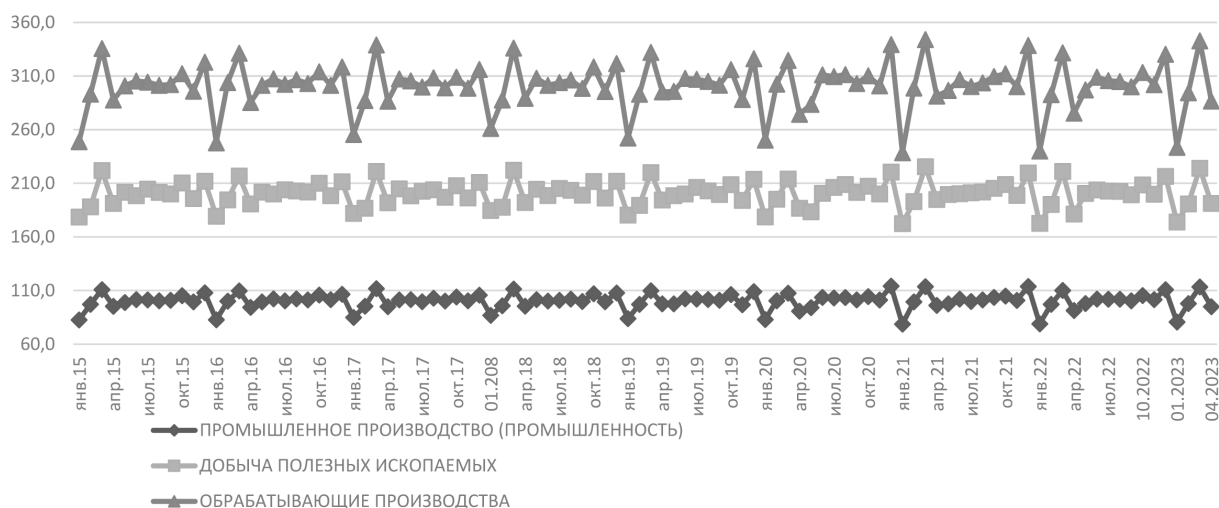

Рис. 2. Динамика индекса промышленного производства в разрезе укрупненных промышленных комплексов, 2015–2023 годы⁴, %
Fig. 2. Dynamics of the industrial production index in the context of enlarged industrial complexes, 2015–2023, %

⁴ Составлено по данным: Индексы производства по отдельным видам экономической деятельности по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial.

В контексте настоящего исследования теоретическая и эмпирическая типологизация не исключают, а взаимодополняют друг друга, так как сольватации являются новым явлением в промышленных системах, а следовательно, указанное сочетание позволит выделить наиболее значимые и однородные группы объектов — инновационных сольватов в промышленности — для их дальнейшего исследования и описания.

Исходя из разработанной авторами модели инновационных сольватаций в промышленности [6; 7; 8; 16], в настоящем исследовании при их типологизации предлагается учитывать следующие критерии: отраслевую специфику сольвата — количественный критерий; отраслевую специфику сольвата — качественный критерий; состав участников сольвата — количественный критерий; состав участников сольвата — качественный критерий.

Таблица 1

Table 1

Теоретический обзор моделей, апробированных с использованием метода типологизации⁵
Theoretical review of models tested using the typologization method

Авторы	Объект	Описание
В. Э. Бойков, А. А. Таюрский	Социально-политические процессы	Разработаны критерии и показатели полиаспектной оценки уровня социально-политического развития экономических систем с учетом критерия социальной напряженности, отчуждения населения от власти, отношения населения к изменениям и модернизмам [2].
П. Е. Анимица, Н. В. Новикова, В. В. Ходус	Регион	Предложена типологизация регионов на основе выделения четырех критериев типологизации: по характеру используемых показателей, по содержательности, по времени, по уровням территориальности [1].
Е. А. Кулина, М. В. Туранова	Регион	Авторами предложен типологический подход к управлению региональным развитием. Разработана типология ресурсно-сырьевых регионов РФ с присвоением им наименования в зависимости от значений типологических признаков [5].
Е. М. Звягина	Кластеры	В исследовании обоснована типология кластеризации региональной экономики в отдельных отраслях на основе ценностных цепочек [3].
Р. И. Ярахмедов	Кластеры	На основе теоретического исследования проведено обобщение и систематизация критериев, признаков кластеров, что позволило предложить типологию кластера в зависимости от механизма формирования [12].
Ahoura Zandiatashbar, Shima Hamidi	Высокотехнологичные кластеры	В связи с важностью высокотехнологичных производств в экономическом развитии авторами разработана типология высокотехнологичных кластеров в мегаполисах США [21].
Merla Kubli, Sanket Puranik	Бизнес-модели	На основе морфологического анализа авторами предложена типология, включающая 25 вариантов бизнес-моделей для энергетических сообществ, которую можно использовать в качестве инструмента проектирования сообществ при выборе бизнес-модели [15].

⁵ Составлено по данным [2; 5; 3; 12; 21; 15].

Описание критериев, содержания и индикаторов типологизации инновационных сольватаций в индустриальном секторе региона представлено в таблице 2.

Ранее авторами был идентифицирован инновационный сольват в машиностроительном комплексе Ростовской области [6].

С учетом предложенных критериев проведем типологизацию указанного инновационного сольвата (таблица 3).

Заключение. Таким образом, проведенное исследование показало, что разработанные критерии типологизации инновацион-

Таблица 2
Table 2

Критерии типологизации инновационных сольватаций в индустриальном секторе региона⁶
Criteria for the typologization of innovative solvation in the industrial sector of the region

Критерий	Содержание	Индикатор
Отраслевая специфика сольвата — количественный критерий	Определяется, исходя из числа видов деятельности по кодам ОКВЭД	Исходя из критерия, инновационный сольват может определяться как: — моноотраслевой; — полиотраслевой
Отраслевая специфика сольвата — качественный критерий	Определяется, исходя из основного кода ОКВЭД ядра сольвата	Исходя из критерия, инновационный сольват получает четкое отношение к определенному производству с учетом основного вида деятельности (например, инновационный сольват в металлургии, аграрном производстве, сельхоз машиностроении и пр.)
Состав участников сольвата — количественный критерий	Определяется, исходя из выявленных участников сольвата	Исходя из критерия, инновационный сольват может определяться как: — маленький (1–4 участников); — средний (5–10 участников); — большой (более 10 участников)
Состав участников сольвата — качественный критерий	Определяется, исходя из специфики участников сольвата	Исходя из критерия, инновационный сольват может определяться как: — производственный, в случае если состав участников включает промышленные предприятия и объединения, в том числе малого и среднего бизнеса; — научно-технологический в случае ориентации сольвата на производство высокотехнологичной продукции, а также наличия в составе участников НИИ, КБ и проектных организаций; — ресурсный в случае включения в состав участников предприятий, увеличивающих цепочку добавленной стоимости производимой продукции на основе добычи и обработки ресурсов; — сервисный в случае включения в состав участников предприятий, увеличивающих цепочку добавленной стоимости производимой продукции на основе постпродажного обслуживания; — смешанный в случае, если присутствуют признаки по нескольким качественным критериям

⁶ Составлено авторами.

Таблица 3
Table 3

**Типологизация инновационного сольвата в машиностроительном комплексе
Ростовской области⁷**
Typologization of innovative solvate in the machine-building complex of the Rostov region

Название	Отраслевая специфика сольвата — количественный критерий	Отраслевая специфика сольвата — качественный критерий	Состав участников сольвата — количественный критерий	Состав участников сольвата — качественный критерий
Инновационный сольват в машиностроительном комплексе Ростовской области	Полиотраслевой: 1 основной и 54 дополнительных видов деятельности	Инновационный сольват в сфере производства машин для уборки урожая	Средний: более 8 организаций разного типа	Смешанный сольват: на основе выявления критериев -производственный, инновационно-технологический, сервисный

ных сольватаций с уточнением их содержания и индикаторов позволяют охарактеризовать отраслевую структуру промышленного сектора региона.

На основе теоретической и эмпирической типологизации представлена обобщенная система характеристик, с использованием которых возможно построение архитектоники промышленной экосистемы региона в целом и ее обрабатывающего сектора в том числе.

Архитектоника рассматривается в данном контексте как «композиционное строение» промышленности региона, включая главные и второстепенные элементы. В составе главных элементов архитектоники промышленной экосистемы региона авторы выделяют инновационные сольваты, вершинами (ядрами) которых являются крупные промышленные предприятия — драйверы высокотехнологичности индустриальной сферы территории. Последние, базируясь на принципах максимального использования ресурсов, безотходности и экологизации производства, способны дать импульс инновационному развитию территориально-производственной системе России.

Список источников

1. Анимица П.Е., Новикова Н.В., Ходус В.В. Типология как метод исследования социально-экономического развития регионов // *Journal of New Economy*. 2009. №1(23). С. 52–59.
2. Бойков В.Э., Таюрский А.А. Типологизация в социологических исследованиях // *Социология власти*. 2007. №6. С. 5–19.
3. Звягина Е.М. Типология кластеров и особенности кластеризации экономики регионов России // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. №2. С. 444.
4. Каплюк Е.В., Развадовская Ю.В. Эволюционный подход к формированию типологии промышленных объединений // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2022. №60. С. 70–95.
5. Куклина Е.А., Туранова М.В. Типологический подход к управлению региональным развитием: ретроспективный анализ и перспективы использования // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. 2015. №3. С. 37–52.
6. Матвеева Л.Г., Каплюк Е.В., Низов Н.В. Конфигурация модели инновационных сольватаций в машиностроительном комплексе Ростовской области: концепт эко-

⁷ Составлено авторами.

номики замкнутого цикла // Вестник Академии знаний. 2022. №49(2). С. 168–176.

7. Матвеева Л.Г., Каплюк Е.В., Низов Н.В. Теоретико-концептуальный базис формирования циркулярной бизнес-модели взаимодействия участников инновационных сольватаций в промышленности // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. №43(5). С. 192–197.

8. Матвеева Л.Г., Косолапова Н.А., Каплюк Е.В., Лихацкая Е.А. Модели циркулярной экономики в ресурсобеспечении индустриального развития регионов // Terra Economicus. 2022. Т. 20. №3. С. 116–132.

9. Никитаева А.Ю. Потенциал кооперации и партнерства в адаптации промышленности Ростовской области к нестабильным условиям // Российские регионы в фокусе перемен. Сборник докладов XVII Международной конференции. Екатеринбург: Ажур, 2023. С. 396–398.

10. Печинина А.А. Принципы и подходы циркулярной экономики [Электронный ресурс] // Электронный научный архив УрФУ. Екатеринбург, 2021. С. 36–43. URL: <https://elar.urfu.ru>.

11. Циркулярная экономика: концептуальные подходы и инструменты их реализации / Н. Батова и др. // Монография для специалистов органов государственного управления, бизнеса и заинтересованной общественности / Под ред. С. Дорожки, А. Шушкевича. Минск: Медисонт, 2020. 212 с.

12. Ярахмедов Р.И. К вопросу о классификации и типологии кластеров в экономике // Экономика и социум. 2013. №4-2(9). С. 1051–1066.

13. Aloini D., Dulmin R., Mininno V., Stefanini A., Zerbino P. Driving the transition to a circular economic model: a systematic review on drivers and critical success factors in circular economy // Sustainability. 2020. №12(24). P. 10672.

14. Dantas T.E. T., de-Souza E. D., Destro I.R., Hammes G., Rodriguez C.M. T., Soares S.R. How the combination of Circular Economy and Industry 4.0 can contribute towards achieving the Sustainable Development Goals Sustain // Sustainable Production and Consumption. 2021. №26. P. 213–227.

15. Kubli M., Puranik S. A typology of business models for energy communities: Current

and emerging design options // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2023. Vol. 176. 17p.

16. Matveeva L. G., Kaplyuk E. V., Likhatskaia E. A., Nizov N. V. The circular economy model and the role of solvates in regional innovative development (the case of Russian regions) // R-Economy. 2023. Vol. 9. №1. P. 105–118.

17. Parida V., Burström Th., Visnjic I., Wincent J. Orchestrating industrial ecosystem in circular economy: A two-stage transformation model for large manufacturing companies // Journal of Business Research. 2019. №101. P. 715–725.

18. Silva F. C, YtoshiShibao F., Kruglianskas I., Barbieri J.C., Antonio P., Sinisgalli A. Circular economy: analysis of the implementation of practices in the Brazilian network // Revista de Gestão. 2019. Vol. 26. №1. P. 39–60.

19. Stefanakis A., Nikolaou I. Circular economy and sustainability. Vol. 1. Management and Policy. Elsevier, 2022. 696 p.

20. Tseng M.-L., Tamirat Y., Csigen Nagypal N., Iranmanesh M., Tan R. A causal eco-industrial park hierarchical transition model with qualitative information: Policy and regulatory framework leads to collaboration among firms // Journal of Environmental Management. 2021. №292. 112735.

21. Zandiatashbar A., Hamidi Sh. Exploring the microgeography and typology of U.S. high-tech clusters // Cities, 2022. Vol. 131. P. 1–14.

References

1. Animica P.E., Novikova N.V., Hodus V.V. Tipologija kak metod issledovanija social'no-jekonomicheskogo razvitija regionov [Typology as a method of research of socio-economic development of regions]. *Journal of New Economy*. 2009; 1(23): 52–59. (In Russ.).

2. Bojkov V. Je., Tajurskij A.A. Tipologizacija v sociologicheskikh issledovanijah [Typologization in sociological research]. *Sociologija vlasti [Sociology of Power]*. 2007; (6): 5–19. (In Russ.).

3. Zvjagina E.M. Tipologija klasterov i osobennosti klasterizacii jekonomiki regionov Rossii [Typology of clusters and features of clustering of the economy of the regions of Russia]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija [Modern problems of science and education]*. 2014; (2): 444. (In Russ.).

4. Kapljuk E. V., Razvadovskaja Ju. V. Jevoljucionnyj podhod k formirovaniju tipologii promyshlennyh ob'edinenij [An evolutionary approach to the formation of the typology of industrial associations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika* [Bulletin of Tomsk State University. Economy]. 2022; (60): 70–95. (In Russ.).
5. Kuklina E. A., Turanova M. V. Tipologicheskiy podhod k upravleniju regional'nyh razvitiem: retrospektivnyj analiz i perspektivy ispol'zovaniya [Typological approach to regional development management: retrospective analysis and prospects of use]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina* [Bulletin of LSU named after A. S. Pushkin]. 2015; (3): 37–52. (In Russ.).
6. Matveeva L. G., Kapljuk E. V., Nizov N. V. Konfiguracija modeli innovacionnyh sol'vatsij v mashinostroitel'nom komplekse Rostovskoj oblasti: koncept jekonomiki zamknutogo cikla [Configuration of the model of innovative solvations in the machine-building complex of the Rostov region: the concept of a closed-cycle economy]. *Vestnik Akademii znaniy* [Bulletin of the Academy of Knowledge]. 2022; 49(2): 168–176. (In Russ.).
7. Matveeva L. G., Kapljuk E. V., Nizov N. V. Teoretiko-konceptual'nyj bazis formirovaniya cirkuljarnoj biznes-modeli vzaimodejstvija uchastnikov innovacionnyh sol'vatsij v promyshlennosti [Theoretical and conceptual basis for the formation of a circular business model of interaction between participants of innovative solvations in industry]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovanija* [Natural sciences and humanities research]. 2022; 43(5): 192–197. (In Russ.).
8. Matveeva L. G., Kosolapova N. A., Kapljuk E. V., Lihackaja E. A. Modeli cirkuljarnoj jekonomiki v resursoobespechenii industrial'nogo razvitiya regionov [Models of circular economy in the resource supply of industrial development of regions]. *Terra Economicus*. 2022; 20(3): 116–132. (In Russ.).
9. Nikitaeva A. Ju. Potencial kooperacii i partnerstva v adaptacii promyshlennosti Rostovskoj oblasti k nestabil'nyh uslovijam [Potential of cooperation and partnership in the adaptation of industry of the Rostov region to unstable conditions]. *Rossijskie regiony v fokuse peregomen. Sbornik dokladov XVII Mezhdunarodnoj konferencii* [Russian regions are in the focus of change. Collection of reports of the XVII International Conference]. Ekaterinburg: Azhur, 2023. P. 396–398. (In Russ.).
10. Pechinina A. A. Principy i podhody cirkuljarnoj jekonomiki [Principles and approaches of circular economy] [Jelektronnyj resurs]. Jelektronnyj nauchnyj arhiv UrFU [UrFU Electronic Scientific Archive]. Ekaterinburg, 2021. P. 36–43. URL: <https://elar.urfu.ru>. (In Russ.).
11. Cirkuljarnaja jekonomika: konceptual'nye podhody i instrumenty ih realizacii [Circular economy: conceptual approaches and tools for their implementation]. N. Batova et al. Monografija dlja specialistov organov gosupravlenija, biznesa i zainteresovannoj obshchestvennosti [Monograph for specialists of public administration, business and interested public]. Pod red. S. Dorozhko, A. Shushkevicha [In S. Dorozhko, A. Shushkevich (eds.)]. Minsk: Medisont, 2020. 212 p. (In Russ.).
12. Jarahmedov R. I. K voprosu o klassifikacii i tipologii klasterov v jekonomike [On the classification and typology of clusters in the economy]. *Jekonomika i socium* [Economy and Society]. 2013; 4-2(9): 1051–1066. (In Russ.).
13. Aloini D., Dulmin R., Mininno V., Stefanini A., Zerbino P. Driving the transition to a circular economic model: a systematic review on drivers and critical success factors in circular economy. *Sustainability*. 2020; 12(24): 10672.
14. Dantas T. E. T., de-Souza E. D., Destro I. R., Hammes G., Rodriguez C. M. T., Soares S. R. How the combination of Circular Economy and Industry 4.0 can contribute towards achieving the Sustainable Development Goals Sustain. *Sustainable Production and Consumption*. 2021; (26): 213–227.
15. Kubli M., Puranik S. A typology of business models for energy communities: Current and emerging design options. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2023; (176): 17.
16. Matveeva L. G., Kaplyuk E. V., Lihackaja E. A., Nizov N. V. The circular economy model and the role of solvates in regional innovative development (the case of Russian regions). *R-Economy*. 2023; 9(1): 105–118.
17. Parida V., Burström Th., Visnjic I., Wincent J. Orchestrating industrial ecosystem in circular economy: A two-stage transformation model for large manufacturing companies. *Journal of Business Research*. 2019; (101): 715–725.
18. Silva F. C., YtoshiShibao F., Kruglianskas I., Barbieri J. C., Antonio P., Sinisgalli A.

Circular economy: analysis of the implementation of practices in the Brazilian network. *Revista de Gestão*. 2019; 26(1): 39–60.

19. Stefanakis A., Nikolaou I. Circular economy and sustainability. Vol. 1. Management and Policy. Elsevier, 2022. 696 p.

20. Tseng M.-L., Tamirat Y., Csigene Nagypal N., Iranmanesh M., Tan R. A causal

eco-industrial park hierarchical transition model with qualitative information: Policy and regulatory framework leads to collaboration among firms. *Journal of Environmental Management*. 2021; (292): 112735.

21. Zandiatashbar A., Hamidi Sh. Exploring the microgeography and typology of U.S. high-tech clusters. *Cities*. 2022: (131): 1–14.

Статья поступила в редакцию 29.06.2023; одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 14.08.2023.

The article was submitted on 29.06.2023; approved after reviewing on 18.07.2023; accepted for publication on 14.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Матвеева Людмила Григорьевна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры информационной экономики, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88

Lyudmila G. Matveeva — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of Department of Foreign Economics, Southern Federal University.

88 M. Gorkogo str., Rostov-on-Don, Russia

Каплюк Екатерина Валерьевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Инженерно-технологическая академия, Южный федеральный университет.

Россия, г. Таганрог, Некрасовский пер., 44

Ekaterina V. Kaplyuk — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Management in Economic, Environmental and Social System, Academy for Engineering and Technologies, Southern Federal University.

44 Nekrasovsky lane, Taganrog, Russia

Низов Никита Владиславович — студент, Южный федеральный университет.
Россия, г. Ростов-на-Дону, ул М. Горького, 88

Nikita V. Nizov — student, Southern Federal University.
88 M. Gorkogo str., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Матвеева Л. Г. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии, формирование теоретико-методологической основы исследования; введение; написание текста; итоговые выводы; доработка текста окончательного варианта статьи.

Каплюк Е. В. — написание текста раздела по типологизации инновационных сольватов в промышленности; типологизация инновационного сольвата в машиностроительном комплексе Ростовской области; перспективы исследования; итоговые выводы.

Низов Н. В. — эмпирико-статистический анализ динамики промышленного производства; теоретический анализ и систематизация публикаций зарубежных ученых по тематике исследования; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Matveeva L. G. — scientific leadership; research concept; development of the methodology, formation of the theoretical and methodological basis of the study; introduction; writing the text; final conclusions; revision of the text of the final version of the article.

Kaplyuk E. V. — writing the text of the section on the typology of innovative solvates in industry; typologization of innovative solvate in the machine-building complex of the Rostov region; research perspectives; final conclusions.

Nizov N. V. — empirical and statistical analysis of the dynamics of industrial production; theoretical analysis and systematization of publications of foreign scientists on the topic of research; final conclusions.

Научная статья

УДК 338.45: 334.752

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-156-166

УПРАВЛЕНИЕ АУТСОРСИНГОВЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ СРЕДЫ ПРЕДПРИЯТИЯ

Полина Александровна Морозова

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
morozovar_96@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4803-0511*

Аннотация. *Цель исследования* заключается в совершенствовании системы принятия решения о формировании аутсорсинговых отношений между заказчиком и поставщиком аутсорсинговых услуг, включающей анализ внешней и внутренней среды организации, а также решение о целесообразности продолжения данного сотрудничества в условиях трансформации внешней и внутренней среды обоих предприятий.

Теоретическим и методологическим базисом исследования являются научные труды в данной области исследования аутсорсинговых отношений. В работе используется метод моделирования управленческого процесса для решения прикладных задач управления аутсорсинговыми отношениями.

Результаты исследования. Автором разработана система управления аутсорсинговыми отношениями с разделением этапов данного процесса по критерию среды предприятия, которая проходит процесс реформатирования, что влияет на приоритетность этапов данной системы. Предложенная система может служить инструментом для менеджмента предприятия — участника аутсорсинговых отношений для построения алгоритмов принятия решения об использовании аутсорсинга и продолжении партнёрства в зависимости от ситуации на рынке и внутри организации.

Автором представлена матрица как инструмент выбора направления взаимодействия с аутсорсинговым партнером в процессе трансформации внешней и внутренней конъюнктуры организации. Данный инструмент актуален в условиях нестабильности и помогает сократить временные издержки для принятия срочного решения в отношении стратегии аутсорсингового партнерства, включая его международный уровень.

Перспективы в данной области исследования заключаются в разработке стратегий для установления и продолжения сотрудничества с международными аутсорсинговыми партнерами в области производства с учетом специфических характеристик и особенностей данной отрасли, а также стратегических целей организации.

Ключевые слова: аутсорсинг, международный аутсорсинг, система управления аутсорсинговыми отношениями, конкурентоспособность, выбор аутсорсингового партнера, производственный аутсорсинг, внешняя и внутренняя среда организации, ситуативный подход

Для цитирования: Морозова П.А. Управление аутсорсинговыми отношениями в условиях трансформации внешней и внутренней среды предприятия // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 156–166. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-156-166>.

Original article

OURSOURCING RELATIONS MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF EXTERNAL AND INTERNAL ENTERPRISE ENVIRONMENT

Polina A. Morozova

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
morozovap_96@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4803-0511*

Abstract. *The purpose of the study* is to improve the decision-making system on the formation of outsourcing relations on the part of the customer and the supplier of outsourcing services, including an analysis of the external and internal environment of the organization, as well as a decision on the feasibility of continuing this cooperation in the conditions of transformation of the external and internal environment of the enterprise.

The theoretical and methodological basis of the research is scientific works in this field of research. The paper uses the method of modeling the management process to solve the applied problems of managing outsourcing relationships.

Research result. The author presents an outsourcing relationship management system with the separation of the stages of this process according to the criterion of the enterprise environment, which is undergoing a reformatting process, which affects the priority of the stages of this system. The matrix is proposed as a tool for choosing a direction in working with an outsourcing partner in the conditions of transformation of the external and internal conjuncture of the organization.

The prospects in this area of research lie in the development of strategies for establishing and continuing cooperation with international outsourcing partners in manufacture, considering the specific characteristics and characteristics of this industry, as well as the strategic goals of the organization.

Keywords: outsourcing, international outsourcing, outsourcing relationship management system, competitiveness, choice of outsourcing partner, production outsourcing, external and internal environment of the organization, situational approach

For citation: Morozova P. A. Outsourcing relations management in the context of external and internal enterprise environment // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 156–166. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-156-166>.

Введение. Мировая экономика и субъекты экономической и предпринимательской деятельности в настоящее время функционируют в условиях глобальных геополитических изменений, регионализации и экономического давления под влиянием санкций. Стремительный рынок в эволюции технологий и инструментов производства оказывают существенное влияние на рост конкуренции как среди производителей, так и среди дистрибьютеров. В сложившихся условиях эффективный аутсорсинг бизнес-процессов

продолжает оставаться одним из наиболее популярных инструментов управления конкурентоспособностью предприятия и его ограниченными ресурсами с целью увеличения прибыли и усиления позиций на рынке.

Ряд событий последнего пятилетия указал на значимость эффективного менеджмента в условиях неопределенности, которая возникает в результате непрогнозируемых событий, приводящих к смене условий функционирования бизнеса и острой потребности адаптировать действующие процессы к изме-

нящимся реалиям. В данной ситуации аутсорсинг бизнес-процессов становится одним из вариантов решения возникших проблем, так как, с одной стороны, оптимизирует ресурсы компании.

С другой стороны, компании, передающие и осуществляющие бизнес-процесс производства продукции в рамках аутсорсингового соглашения, в частности с иностранными партнерами, в последние годы сталкиваются с проблемами логистики и роста себестоимости продукции под влиянием волатильности на мировых товарных и финансовых рынках.

В научной литературе встречается значительное число исследований в отношении стратегии принятия решения о привлечении аутсорсингового партнера, расчёта экономической эффективности и обоснованности данного решения.

Большинство существующих алгоритмов и моделей принятия решения о передаче бизнес-процесса на аутсорсинг включают анализ внутренней среды предприятия и основаны на сравнении экономической эффективности реализации выбранного процесса собственными силами и в результате взаимодействия с аутсорсерами [6]. Особое внимание стоит уделить работе И. Котлярова, посвященной алгоритму принятия решения о сотрудничестве с заказчиком со стороны поставщика аутсорсинговых услуг [1]. Автор предлагает поэтапный процесс для заключения наиболее эффективных контрактов с заказчиками аутсорсинговых услуг. Результативность аутсорсинговой деятельности также зависит от эффективного решения со стороны поставщика данного вида деятельности, что оказывает влияние на актуальность исследования процессов принятия решения с обеих сторон.

Стоит отметить исследование Г. Блэра, Х. Вудкок и Р. Пагано, которое включает важный шаг при принятии управленческого решения о привлечении аутсорсера — анализ внешней среды предприятия [7]. Авторы утверждают, что данный этап помогает определить угрозы и риски для компании перед вступлением в аутсорсинговые отношения и предлагают изучать не только внутреннюю, но и внешнюю конъюнктуру рынка. Описанный этап особенно значим в условиях продолжающейся перестройки мировой экономики

и намерении менеджмента предприятия использовать международный аутсорсинг как инструмент управления конкурентоспособностью организации.

Значимое место в данной области исследования занимает работа И. Трущенко, в которой представлены критерии управленческого решения о привлечении аутсорсингового партнера: обоснованность, реалистичность, своевременность, гибкость и экономическая выгодность [11]. Перечисленные критерии могут служить ориентиром для оценки управленческого решения о партнерстве с аутсорсером.

Таким образом, большинство алгоритмов и моделей принятия решений о передаче бизнес-процессов на аутсорсинг основаны на анализе внутренней среды предприятия, сравнении экономической эффективности различных вариантов и анализа внешней среды в рамках исследования рынка поставщиков, что дает основу для дальнейшего изучения и совершенствования процесса выбора партнеров для аутсорсинга, который рассматривается в данной статье. Однако, более глубокий анализ внешней среды необходим для более качественного решения о сотрудничестве с аутсорсером. При принятии решений о передаче бизнес-процессов на аутсорсинг необходимо анализировать как внутреннюю, так и внешнюю среду предприятия на основе углубленного анализа прогнозируемых рисков. Кроме того, при достаточном количестве исследований в данной области остаётся без внимания процесс принятия решения о продолжении аутсорсингового сотрудничества в процессе трансформации внешней и внутренней среды организации.

Целью исследования является совершенствование системы принятия решения о формировании аутсорсинговых отношений как со стороны заказчика, так и со стороны поставщика аутсорсинговых услуг, включающей анализ внешней и внутренней среды организации, а также решение о целесообразности продолжения данного сотрудничества в условиях трансформации внешней и внутренней среды предприятия. Следует отметить, что контрактная работа по аутсорсинговым услугам не рассматривается в данном исследовании, но играет важную роль в аутсорсинговых отношениях.

Методика. Теоретическим и методологическим базисом исследования послужили научные труды в области теории аутсорсинга, включая международный аутсорсинг, стратегии принятия решений о сотрудничестве с международным аутсорсинговым партнером и анализа эффективности данного взаимодействия. Эмпирической основой послужили результаты интервью с экспертами в области построения долгосрочных отношений с аутсорсинговыми партнерами. В работе используется метод моделирования управленческого процесса для решения прикладных задач управления аутсорсинговыми отношениями.

Результаты. Автором разработана система управления аутсорсинговыми отношениями с разделением этапов данного процесса по критерию среды предприятия, которая проходит процесс переформатирования, что

влияет на приоритетность этапов данной системы. Предложенная система может служить инструментом для менеджмента предприятия — участника аутсорсинговых отношений для построения алгоритмов принятия решения об использовании аутсорсинга и продолжении партнёрства в зависимости от ситуации на рынке и внутри организации. Автором представлена матрица как инструмент выбора направления в работе с аутсорсинговым партнером в процессе трансформации внешней и внутренней среды организации. Данный инструмент актуален в условиях нестабильности и помогает сократить временные издержки для принятия срочного решения в отношении стратегии аутсорсингового партнерства.

Обсуждение. Результат аутсорсинговых отношений зависит от конъюнктуры рынка, в которой они развиваются. В таблице 1

Таблица 1
Table 1

Сравнительная характеристика внешней и внутренней среды предприятий, использующих собственные ресурсы и привлекающих аутсорсинговых партнеров¹
Comparative analysis of the external and internal environment of enterprises that use their own resources and attract outsourcing partners

Тип компании	Внешняя среда	Внутренняя среда
Без использования аутсорсинга	Микросреда и макросреда, где компания реализует свою деятельность	Совокупность основных и вспомогательных бизнес-процессов компании
С использованием национального аутсорсинга	Макросреда, где компания реализует свою деятельность и взаимодействует с аутсорсинговым партнером в рамках национального рынка	— совокупность основных и вспомогательных бизнес-процессов компании, часть из которых реализуется отечественным аутсорсинговым партнером; — функционирование отдела, отвечающего за сотрудничество с партнерами
С использованием международного аутсорсинга	Глобальный уровень, где компания реализует свою деятельность и взаимодействует с аутсорсинговым партнером в рамках международного рынка	— совокупность основных и вспомогательных бизнес-процессов компании, часть из которых реализуется иностранным партнером; — функционирование отдела, отвечающего за сотрудничество с иностранными партнерами

¹ Источник: составлено автором на основе Полосков С. С., Желтенков А. В., Скубрий Е. В. Влияние факторов внешней и внутренней среды на успешность инновационной среды предприятий // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. 2020. №3(25). С. 51–62.

представлена сравнительная характеристика внешней и внутренней среды предприятий, использующих только собственные ресурсы и привлекающих аутсорсингового партнера на национальном и мировом рынках. Отличительной чертой во внешних условиях является масштаб и границы рынка, на котором взаимодействуют поставщик и заказчик аутсорсинговых услуг. Для международного аутсорсинга характерны наиболее широкие масштабы, что открывает большее количество перспектив для бизнеса, однако требует глубокого анализа для минимизации рисков. Разница во внутренней среде предприятий, привлекающих аутсорсера и реализующих все функции собственными ресурсами, заключается в совокупности процессов, которые передаются на аутсорсинг, а также в наличии ответственных за партнерство сотрудников. Условия внешней и внутренней среды оказывают разное влияние на компании без использования аутсорсинга и с использованием национального и международного аутсорсинга, что объясняет необходимость адаптировать внутреннюю структуру предприятия, а также оценивать микросреду, макросреду и глобальный уровень для построения уникальных алгоритмов взаимодействия с аутсорсинговыми партнерами.

Современные алгоритмы принятия решения о передаче бизнес-процесса или отдельной функции на аутсорсинг включают шаги по определению неосновного вида деятельности, который возможно передать подрядчику, анализ рынка аутсорсинговых услуг, выбор партнера и расчет экономической эффективности. Данные алгоритмы предлагают различную последовательность данных шагов для передачи бизнес-процесса на аутсорсинг [5; 8; 9].

Несмотря на то, что аутсорсинг предполагает передачу вспомогательного вида деятельности для реализации подрядчику, современные компании также передают и часть основных видов деятельности. Одной из таких функций является производство. Производственный аутсорсинг продолжает занимать место перспективного направления для развития и масштабирования бизнеса. Это связано как с традиционными причинами, такими как более дешевая рабочая сила, доступность ресур-

сов, специализация стран на определенных видах деятельности, так и с современными мотивами, такими как более высокий уровень развития цифровых технологий и высокая скорость внедрения высокотехнологичного оборудования в производство.

Однако в современных условиях, где внешняя и внутренняя среда предприятия меняются в короткие сроки, следует применять ситуативный подход и выстраивать уникальный алгоритм, соответствующий положению организации в определенный период времени. Для подготовки данного алгоритма следует понимать, на каком этапе взаимодействия с аутсорсинговым партнером находится организация, и расставлять приоритеты в реализации шагов по подготовке сотрудничества, отталкиваясь от текущих условий во внешней и внутренней среде предприятия.

На рисунке 1 представлена система управления аутсорсинговыми отношениями, включающая классификацию этапов для заключения и продолжения аутсорсингового партнерства по критерию «среды» предприятия.

Данная система включает основные шаги в формировании и продолжении партнерства со стороны обоих субъектов — заказчика и поставщика аутсорсинговых услуг, так как ситуативный подход и анализ текущей ситуации в подготовке к сотрудничеству становится актуальным для обоих субъектов аутсорсингового взаимодействия. Важность применения уникальных алгоритмов, основанных на анализе внешней и внутренней среды предприятия, формируется в результате быстрого развития рынка, технологий и динамики внутри предприятия.

Кроме того, возможность строить персонализированный для организации алгоритм о реформатировании аутсорсинговых отношений помогает принять наиболее эффективное решение при наступлении не прогнозируемых событий. Как поставщик, так и заказчик аутсорсинговых услуг могут оказаться в ситуации, когда для эффективности итогового результата предприятия необходимо адаптировать текущие процессы и действующие партнерства, что показывает значимость предложенной системы для обоих субъектов и доказывает, что инициатором реформатирования могут быть поставщик и заказчик аутсорсинговых услуг. Триггера-

ми к старту работы по принятию решения о продолжении текущего сотрудничества являются такие факторы, как сокращение прибыли предприятия, увеличение сроков доставки продукции, рост издержек на аутсорсинговые услуги, смена бизнес-стратегии предприятия.

В процессе подготовки алгоритма следует отдавать приоритет тем этапам, чья сре-

да является наиболее волатильной, так как в данных условиях существует наибольшее количество рисков, в процессе анализа которых менеджмент организации может отказаться от передачи или принятия процесса на аутсорсинг, а также продолжении данного сотрудничества, что на начальном этапе сократит временные издержки на реализацию остальных этапов.

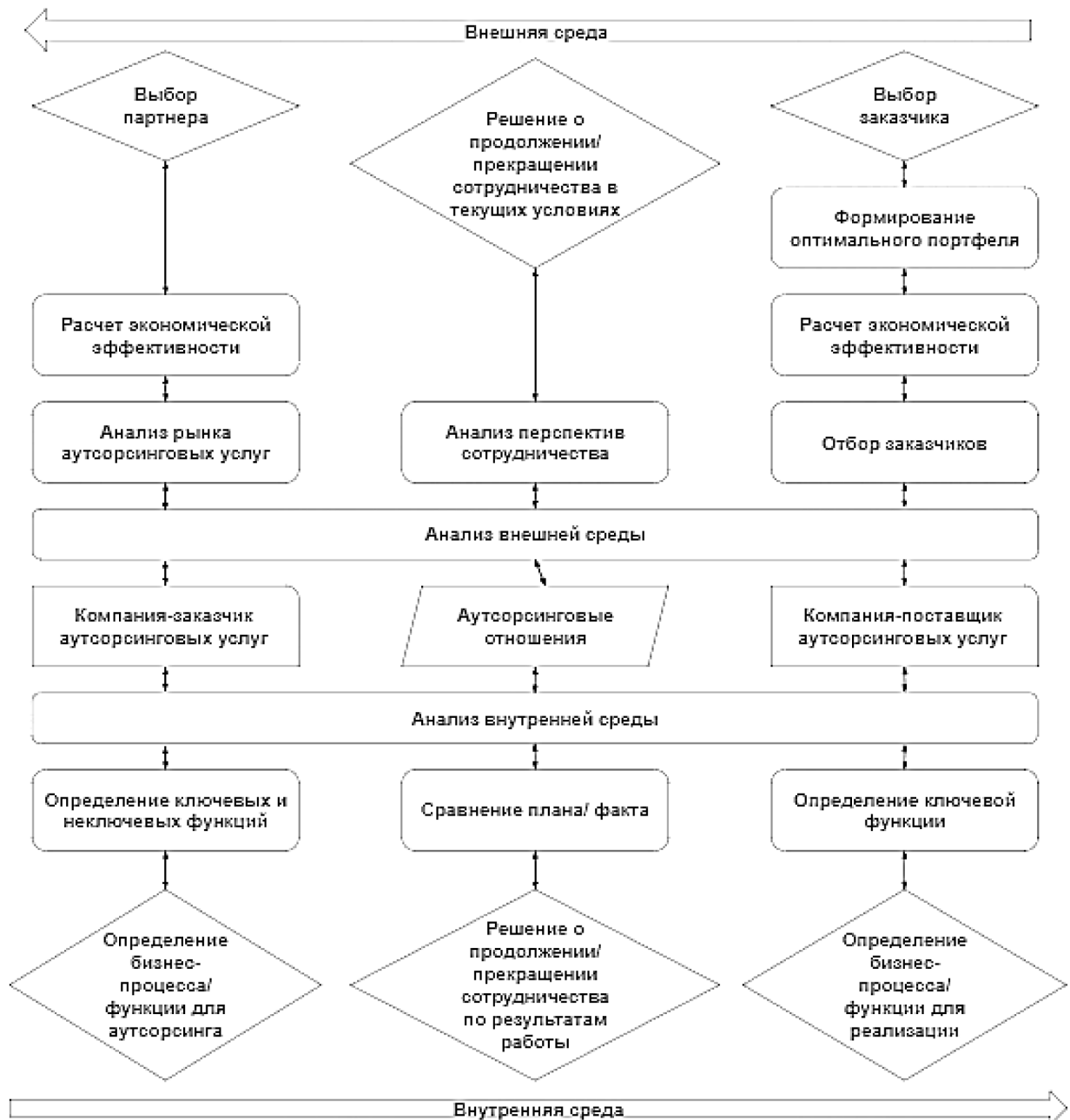

Рис. 1. Система управления аутсорсинговыми отношениями²

Fig. 1. Outsourcing relationship management system

² Источник: составлено автором на основе анализа научной литературы в данной области исследования.

Для реализации каждого из предложенных этапов как для старта, так и для реформатирования аутсорсинговых отношений субъектам необходимо определить текущую стадию партнерства и приступить к решению ряда задач.

1. Заказчику аутсорсинговых услуг следует решить следующие задачи в рамках своих этапов.

1.1. Определение бизнес-процесса или функции для аутсорсинга.

Анализ внутренней среды и проблем организации. В рамках данной задачи заказчику аутсорсинговых услуг необходимо провести внутренний аудит процессов для определения причин возникших проблем экономического и неэкономического характера. Данный шаг важен, так как именно в данный момент менеджмент организации понимает, может ли решить возникшие проблемы самостоятельно или необходимо привлекать внешнюю экспертизу.

Определение ключевых и неключевых функций предприятия. Для эффективного аутсорсингового сотрудничества менеджменту компании следует определить основные и дополнительные функции организации. Так как аутсорсинг предполагает реализацию неключевой функции предприятия для освобождения мощностей и фокуса на основном виде деятельности, менеджменту предприятия следует передавать на аутсорсинг именно данный вид функций. В случаях, когда предприятию не хватает компетенций для качественного осуществления основных функций, аутсорсинг также рассматривается как инструмент повышения качества продукции.

1.2. Выбор аутсорсингового партнёра.

Анализ внешней среды организации. Прежде чем начать работу по поиску и выбору партнера, менеджменту организации следует понимать, возможно ли строить аутсорсинговое партнерство в текущих экономических и геополитических условиях. Особенно важным данный шаг становится в случае, когда планируется привлекать международного партнера. Оценка экономических условий в стране аутсорсинговой компании на предмет отсутствия макроэкономических факторов, которые могут повлиять на способность компании достичь желаемых результатов, а также качество отношений между страна-

ми, в которых функционируют субъекты аутсорсинговых отношений, оказывает влияние на возможность и перспективы сотрудничества между данными субъектами.

Анализ рынка аутсорсинговых услуг. Следующим шагом выступает исследование рынка аутсорсинговых услуг в отрасли или направлении, которое выбрала компания-заказчик для передачи аутсорсеру. Анализируются компании, предоставляющие необходимые услуги, и выбираются лучшие по следующим критериям: качество реализуемых работ, доступность необходимых мощностей, цена, планы развития компании, репутация.

Расчет экономической эффективности сотрудничества с аутсорсинговым партнером [3]. Для принятия итогового решения о сотрудничестве с конкретной аутсорсинговой компанией производится расчет экономической эффективности, то есть прибыли, которую получит заказчик от партнерства с тем или иным аутсорсером из списка лучших. Дальнейшее взаимодействие продолжается с поставщиком, прогнозы экономической активности от сотрудничества с которым являются наиболее благоприятными.

2. В свою очередь поставщику аутсорсинговых услуг необходимо решить следующие задачи в рамках своих этапов.

2.1. Определение функции или бизнес-процесса для реализации.

Анализ внутренней среды организации. Для успешного предоставления аутсорсинговых услуг поставщику необходимо проанализировать внутреннюю среду компании, выявить ее сильные и слабые стороны, возможности и угрозы. Данный анализ помогает убедиться, что компания готова к аутсорсинговому сотрудничеству. В рамках данной задачи менеджмент организации определяет целесообразность решения о выходе на рынок аутсорсинговых услуг.

Определение ключевой функции предприятия [10]. Так же, как и заказчик аутсорсинговых услуг, поставщик определяет свое конкурентное преимущество, основные и неосновные функции и принимает решение о специализации своего предприятия. Решение принимается на основе следующих критериев: наличие финансовых, нефинансовых и трудовых ресурсов, качество работ, наличие мощностей для предоставления услуг.

2.2. Выбор заказчика.

Анализ внешней среды организации. Перед выбором партнера аутсорсеру необходимо провести исследование внешних условий, чтобы понимать, возможно ли вести эффективное сотрудничество в сложившихся экономических и геополитических реалиях. В случае, когда партнерство предполагает международный характер, данная оценка становится особенно важной для предотвращения рисков на старте.

Предварительный отбор заказчиков. Предварительный отбор заказчиков является важным шагом для поставщика аутсорсинговых услуг, так как позволяет избежать потенциальных проблем и неудачных проектов, а также определить наиболее подходящих клиентов для сотрудничества. Критериями для предварительного отбора являются: репутация заказчика, локация, финансовые показатели, объемы заказа и планы увеличения данных объемов.

Расчет экономической эффективности от сотрудничества с потенциальным заказчиком. Завершив предварительный отбор, поставщик аутсорсинговых услуг рассчитывает собственную прибыль от сотрудничества с потенциальными партнерами и продолжает взаимодействие с наиболее выгодными для него компаниями.

Формирование оптимального портфеля заказчиков. В случаях, когда спрос на услуги аутсорсера выше его возможностей, важным шагом для поставщика аутсорсинговых услуг является организация грамотного портфеля заказчиков с целью минимизации рисков, управления собственными издержками, мощностями и качеством предоставляемых услуг. На данном этапе поставщик оценивает собственные ресурсы и возможности и выбирает тех партнеров, чьи заказы готов выполнить без ущерба качеству с наиболее положительным экономическим эффектом.

3. На этапе, когда оба субъекта уже заключили и продолжают сотрудничество, **поставщик и заказчик аутсорсинговых услуг** принимают решение о продолжении или прекращении партнерства в зависимости от текущих условий. Эффективность решения зависит от решения следующих задач.

3.1. Решение о продолжении или прекращении сотрудничества в текущих условиях.

Анализ внешней среды. Оценка условий, в которых функционируют поставщик и заказчик, является одним из критериев, способствующих эффективному решению о продолжении аутсорсингового сотрудничества. Субъекты аутсорсинговых отношений возвращаются к исследованию экономических и геополитических условий, которые оказывают влияние на возможность развития или остановки данного сотрудничества.

Анализ перспектив сотрудничества. После анализа внешних условий субъекты аутсорсингового партнерства оценивают перспективы дальнейшего развития отношений в текущих условиях. Заказчик и поставщик должны быть уверены, что внешние условия не оказывают негативный эффект на совместные результаты работы.

3.2. Решение о продолжении или прекращении сотрудничества по результатам работы.

Анализ внутренней среды субъектов аутсорсинговых отношений. Заказчик и поставщик аутсорсинговых услуг продолжают свое собственное развитие в течение партнерства. Субъектам необходимо оценить внутренние изменения и определить, остается ли потребность в аутсорсинговом партнерстве.

Сравнение фактических и плановых результатов работы [2]. Фактические результаты сотрудничества являются одним из основных критериев для принятия решения о дальнейшем партнерстве. Заказчик и поставщик анализируют совместный опыт, дают количественную оценку эффективности сотрудничества, сравнивают фактические и запланированные показатели. Чтобы оценить совместные перспективы, субъекты калибруются и координируют собственные планы для понимания, соответствуют ли они друг другу. Поставщик должен быть уверен, что у него есть ресурсы для дальнейшего закрытия потребностей заказчика. В свою очередь заказчик должен убедиться, что его заказы будут реализованы в полном объеме и в соответствующие сроки.

В процессе интервью с экспертами, управляющими аутсорсинговыми отношениями, автором было определено, что в ситуациях, когда условия меняются быстро и рушатся имеющиеся планы и прогнозы, менеджменту предприятия приходится принимать экстренные решения, в том числе о продол-

жении или отказе от аутсорсинговых услуг, которые в силу неопределенности имеют высокий уровень риска. Таким образом, необходим инструмент, который поможет сократить риски и выбрать оптимальное направление в развитии партнерства с аутсорсером в сложившихся условиях.

На рисунке 2 представлена матрица, которая поможет менеджменту предприятия определить направление для работы с аутсорсинговым партнером в зависимости от текущего положения внутри компании, то есть от её возможности выполнять функцию самостоятельно и за ее пределами.

Определив оптимальное направление, менеджмент организации сократит временные издержки, возникающие вследствие проделанных шагов, которые в итоге остаются безрезультативными, так как не соответствуют текущему положению внутренней и внешней среды организации.

Заключение. Практическое значение данного исследования заключается в разра-

ботке инструмента для построения уникальных алгоритмов принятия решения о старте и продолжении аутсорсинговых отношений со стороны заказчика и поставщика аутсорсинговых услуг. В ходе исследования разработана система принятия решения о формировании аутсорсинговых отношений со стороны заказчика и поставщика аутсорсинговых услуг, включающая анализ внешней и внутренней среды организации, а также решение о целесообразности продолжения данного сотрудничества в условиях трансформации внешней и внутренней среды предприятия.

Представлена система управления аутсорсинговыми отношениями с разделением этапов данного процесса по критерию среды предприятия, которая проходит процесс реформатирования, что влияет на приоритетность этапов данной системы.

Предложена матрица как инструмент выбора направления в работе с аутсорсинговым партнером в условиях трансформации внешней и внутренней конъюнктуры организации. Дальнейшей задачей в области

Рис. 2. Матрица «Выбор направления в работе с аутсорсинговым партнером»³

Fig. 2. Matrix: «Choosing the way of cooperating with an outsourcing partner»

³ Источник: составлено автором на основе анализа научной литературы в данной области исследования.

исследования принятия решений о привлечении и продолжении сотрудничества с аутсорсинговым партнером является разработка подходов к международному аутсорсингу в области производства. Данная система будет включать детальное рассмотрение характеристик и особенностей отрасли, а также направлена на достижение стратегических целей организации.

Список источников

1. Котляров И.Д. Принятие аутсорсером решения о сотрудничестве с заказчиком на основе критерия ожидаемого экономического эффекта // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2013. №7. С. 15–20.

2. Курбанов А.Х. Алгоритм управления отношениями с аутсорсером // Современные исследования социальных проблем. 2012. №1. С. 25–36.

3. Назарова В.В., Юрьева Д.А. Оценка эффективности системы аутсорсинга на предприятии // Вестник НГУЭУ. 2014. №3. С. 193–208.

4. Полосков С.С., Желтенков А.В., Скубрий Е.В. Влияние факторов внешней и внутренней среды на успешность инновационной среды предприятий // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. 2020. №3(25). С. 51–62.

5. Сорокина Я.С. Особенности многокритериальной методики принятия решения об аутсорсинге на промышленном предприятии // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. №128. С. 710–720.

6. Третьякова В.А., Волкова М.В., Полищук М.И. Обоснование целесообразности организации аутсорсинговой деятельности на предприятии // Известия высших учебных заведений. Серия: экономика, финансы и управление производством. 2017. №2. С. 51–59.

7. Blair G., Woodcock H., Pagano R. To Outsource or Not to Outsource: Resource Decision-Making in the Project Management Environment // J. Adv. Res. in Alternative Energy, Environment and Ecology. 2022. Vol. 9. P. 10–20.

8. Sivaks A.N., Veselova Y.V., Litovchenko V.B. Stages for a Decision to Use Outsourcing // Global Challenges and Prospects of the

Modern Economic Development. 15–16 December 2020. P. 1615–1621.

9. Soniec J., Kaczorowska A. Supporting the decision-making process on the introduction of it outsourcing in the organization // Computational Methods in Engineering Science. 2019. P. 41–53.

10. Taponen S., Kauppi K. Service outsourcing decisions — a process framework // Journal of Global Operations and Strategic Sourcing. 2020. P. 171–194.

11. Truschenko I. Algorithm for Making Management Decisions on the Use of Outsourcing by Entrepreneurial Structures // Russian Journal on Management. 2021. Vol. 9. №1. P. 216–220.

References

1. Kotljarov I. D. Prinjatje autsorserom resh-enija o sotrudnichestve s zakazchikom na os-nove kriterija ozhidaemogo jekonomicheskogo jeffekta [The outsourcer's decision to cooperate with the customer based on the criterion of the expected economic effect]. *Problemy jekonomiki i upravlenija neftegazovym kompleksom* [Problems of economics and management of the oil and gas complex]. 2013; (7): 15–20. (In Russ.).

2. Kurbanov A. H. Algoritm upravlenija ot-noshenijami s autsorserom [Algorithm for man-aging relations with an outsourcer]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern studies of social problems]. 2012; (1): 25–36. (In Russ.).

3. Nazarova V. V., Jur'eva D. A. Ocenka jef-fektivnosti sistemy autsorsinga na predprijatii [Evaluation of the effectiveness of the outsourcing system at the enterprise]. *Vestnik NGUJeU* [Bulletin of NGUEU]. 2014; (3): 193–208. (In Russ.).

4. Poloskov S. S., Zheltenkov A. V., Sku-brij E. V. Vlijanie faktorov vneshnej i vnutrennej sredy na uspešnost' innovacionnoj sredy pred-prijatij [The influence of external and internal en-vironment factors on the success of the innova-tive environment of enterprises]. *Vestnik MGPU. Serija: Jekonomika*. [Bulletin of MGPU. Series: Economics]. 2020; 3(25): 51–62. (In Russ.).

5. Sorokina Ja. S. Osobennosti mnogokri-terial'noj metodiki prinjatija resh-enija ob autsors-inge na promyshlennom predprijatii [Features of a multi-criteria methodology for decision-mak-ing on outsourcing at an industrial enterprise]. *Politematicheskij setевой jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarno-*

go universiteta [Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University]. 2017; (128): 710–720. (In Russ.).

6. Tret'jakova V. A., Volkova M. V., Polishuk M. I. Obosnovanie celesoobraznosti organizatsii outsorsingovoy dejatel'nosti na predpriyatii [Substantiation of the expediency of organizing outsourcing activities at the enterprise]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Seriya: jekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom* [Izvestiya of higher educational institutions. Series: Economics, Finance and Production Management]. 2017; (2): 51–59. (In Russ.).

7. Blair G., Woodcock H., Pagano R. To Outsource or Not to Outsource: Resource Decision-Making in the Project Management Environment. *J. Adv. Res. in Alternative Energy, Environment and Ecology*. 2022; (9): 10–20.

8. Sivaks A. N., Veselova Y. V., Litovchenko V. B. Stages for a Decision to Use Outsourcing. *Global Challenges and Prospects of the Modern Economic Development*. 15–16 December 2020. P. 1615–1621.

9. Soniec J., Kaczorowska A. Supporting the decision-making process on the introduction of it outsourcing in the organization. *Computational Methods in Engineering Science*. 2019. P. 41–53.

10. Taponen S., Kauppi K. Service outsourcing decisions — a process framework. *Journal of Global Operations and Strategic Sourcing*. 2020. P. 171–194.

11. Truschenko I. Algorithm for Making Management Decisions on the Use of Outsourcing by Entrepreneurial Structures. *Russian Journal on Management*. 2021; 9(1): 216–220.

Статья поступила в редакцию 06.05.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 14.06.2023.

The article was submitted on 06.05.2023; approved after reviewing on 22.05.2023; accepted for publication on 14.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Морозова Полина Александровна — аспирант факультета управления, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп.1, к. 212

Polina A. Morozova — Postgraduate Student of the Faculty of Management, Southern Federal University.

200/1 Stachki ave., bld. 1, of. 212, Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 336.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-167-177

ВЛИЯНИЕ НЕФТЕГАЗОВОГО СЕКТОРА НА ДОХОДНУЮ ЧАСТЬ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федор Александрович Сухонос¹, Даниил Русланович Игнатьев²✉

^{1, 2}Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹d.suhonosov@npi-tu.ru, ORCID: 0000-0003-2433-7567

²ignatev_daniil61@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-8314-8179

Аннотация. *Цель исследования.* Проблема влияния нефтегазового сектора на доходную часть федерального бюджета Российской Федерацией всегда имела большую значимость. В России до сих пор существует большая зависимость, о чем говорит статистика нефтегазовых налоговых поступлений и экономическая реакция страны на изменение на рынке нефте- и газодобывающей промышленности. Стоит отметить, что такая зависимость существует в нашей стране еще со времен СССР, до сих пор Россия является крупнейшим поставщиком данных видов сырья на мировом рынке, при этом отставая во всех других видах экономической деятельности, поэтому важно проанализировать влияние данных доходов, чтобы выработать возможные варианты разрешения данной ситуации.

Методологическую базу исследования представляют научные статьи и публикации, теоретические труды, результаты научно-исследовательских работ отечественных и зарубежных ученых, различные федеральные законы и методы сравнительного анализа. Наиболее эффективные и распространенные методы научного исследования, а именно: метод дедукции, метод системного анализа, сравнительно-исторический метод, метод экспертных оценок.

Перспективы исследования заключаются в рассмотрении сущности и содержания федерального бюджета РФ, изучении его структуры и основных доходных статей, проведении анализа статистики нефтегазовых доходов государства, их масштаба и влияния на доходную часть бюджета России, а также в приведении основных вариантов и путей разрешения проблемы зависимости федерального бюджета от нефтегазовых доходов государства.

Ключевые слова: государственный бюджет, доходная часть государственного бюджета, нефтегазовый сектор, газ, нефть

Для цитирования: Сухонос Ф. А., Игнатьев Д. Р. Влияние нефтегазового сектора на доходную часть федерального бюджета Российской Федерации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 167–177. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-167-177>.

Original article

THE IMPACT OF THE OIL AND GAS SECTOR ON THE REVENUE SIDE OF THE FEDERAL BUDGET OF THE RUSSIAN FEDERATION

Fyodor A. Sukhonosov¹, Daniil R. Ignatev²✉

^{1, 2}Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

¹d.sukhonosov@npi-tu.ru, ORCID: 0000-0003-2433-7567

²ignatev_daniil61@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-8314-8179

Abstract. *The purpose of the study.* The problem of the influence of the oil and gas sector on the revenue side of the federal budget by the Russian Federation has always been of great importance. There is still a great dependence in Russia, as evidenced by the statistics of oil and gas tax revenues and the country's economic reaction to changes in the oil and gas industry market. It is worth noting that such dependence has existed in our country since the Soviet era, until now Russia is the largest supplier of these types of raw materials on the world market, while lagging behind in all other types of economic activity, so it is important to analyse the impact of these incomes in order to work out possible solutions to this situation.

The methodological basis of the research is represented by scientific articles and publications, theoretical works, the results of research works of domestic and foreign scientists, various federal laws and methods of comparative analysis. The most effective and widespread methods of scientific research, namely: the method of deduction, the method of system analysis, the comparative historical method, the method of expert assessments.

The prospects of the study are to consider the essence and content of the federal budget of the Russian Federation, study its structure and main revenue items, analyse the statistics of oil and gas revenues of the state, their scale and impact on the revenue side of the budget of Russia, as well as to provide the main options and ways to solve the problem of dependence of the federal budget on oil and gas revenues of the state.

Keywords: state budget, revenue part of the state budget, oil and gas sector, gas, oil

For citation: Sukhonosov F.A., Ignatev D.R. The impact of the oil and gas sector on the revenue side of the federal budget of the Russian Federation // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 167–177. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-167-177>.

Введение. Существование любого государства невозможно без государственного бюджета, который помогает решать вопросы как внутри страны, так и на внешнем уровне, во взаимодействии с другими странами. Доходы государственного бюджета прямо зависят от развития экономики страны, которое в большей степени связано с потреблением так называемых «энергоносителей», включая газ и нефть. Если изучать историю России, становится понятно, что такая зависимость сложилась давно, еще во времена существования СССР, и продолжается по сей день.

Российская Федерация является одним из важнейших поставщиков нефтегазовых продуктов в зарубежные страны, в том числе в страны Евросоюза. По официальной статистике, 35,8% процентов доходов страны за 2021 год — именно доходы за счет продажи, добычи и реализации нефти и газа. Именно это подтверждает тот факт, что проблема влияния нефтегазового сектора на доходную часть федерального бюджета России является, являлась и будет являться актуальной еще долгое время.

Для того чтобы государство могло полноценно осуществлять свои функции, как

внутренние, так и внешние, ему необходимы определенные финансовые ресурсы, которые сосредотачивает в себе бюджетная система.

Методическая и эмпирическая база исследования. Бюджетная система РФ в соответствии с Бюджетным Кодексом Российской Федерации — это комплекс, состоящий из федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, бюджетов муниципальных и государственных внебюджетных фондов, действующих на основании существующего государственного устройства страны и возникающих внутри нее экономических отношений¹.

Федеральный бюджет является важнейшим звеном финансово-бюджетной системы государства, он показывает состояние страны, валовый внутренний продукт, валовый национальный и региональный продукты и другие показатели. Федеральный бюджет страны позволяет направить денежные средства на необходимые для ее функционирования отрасли и существующие в стране проблемы. Например, в проекте государственного бюджета на 2023 год и плановый период 2024 и 2025 годов в связи с нынешней ситуацией основными направлениями финансирования являются военная и экономические отрасли.

Состоит федеральный бюджет из доходной и расходной частей [2]. Расходная часть бюджета представляет собой так называемые траты государства на необходимые для нормального функционирования страны нужды, на исполнение функций, возложенных на государство законодательно, в первую очередь это траты на общественный сектор (здравоохранение, оборону, культуру и т.д.). Доходная же часть интересует нас в данной теме более всего, поэтому далее остановимся на ней подробнее.

Доходная часть федерального бюджета России состоит и пополняется по большей части за счет налоговых поступлений. Общий состав налоговых поступлений и их структура закреплены в Бюджетном кодексе Российской Федерации и представляют собой безвозмездные платежи, взимаемые госу-

дарством с юридических и физических лиц, которые являются налогоплательщиками.

В состав налоговых доходов федерального бюджета входят налоги и сборы федерального уровня, различные таможенные платежи и сборы, а также государственные пошлины. Например, к ним относятся НДС, акцизы, государственная пошлина, налог на добычу полезных ископаемых и т.д. В целом налоговые доходы представляют собой большую часть от общего количества доходов — приблизительно 74%, что подтверждает тот факт, что налоги имеют большую важность и надежность для бюджета государства.

Доходы федерального бюджета также имеют некоторые признаки, к которым относятся в первую очередь законодательное закрепление, а также безвозвратность и безвозмездность поступления [2].

Ни одна система в мире не может существовать спокойно, без каких-либо проблем. Так и у доходной части федерального бюджета есть свои проблемы, с некоторыми она сталкивается из года в год, а другие возникают на фоне появляющихся в процессе реализации бюджета недочетов. К основным проблемам формирования доходов бюджета Российской Федерации относятся [6]:

- существующая довольно давно зависимость от нефтегазового сектора;
- зачастую слабая эффективность бюджетного процесса;
- несбалансированность бюджетной системы;
- слабые темпы роста доходов;
- плохая организация межбюджетных отношений.

Как мы уже говорили ранее, доходная часть федерального бюджета Российской Федерации формируется в большей степени за счет налоговых поступлений. Россия является одним из крупнейших поставщиков нефтегазовых продуктов по всему миру — США, Китай, Япония, Италия, Беларусь, Турция, Южная Корея и другие страны являются потребителями российской нефти, газа и нефтегазовых продуктов. Доля нефтегазового сектора в ВВП России, по данным официальных источников, в 2022 году достигла

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. №145-ФЗ (ред. от 21.11.2022 г.) // «Собрание законодательства РФ». 03.08.1998. №31, ст. 3823.

своего максимума и уже в первом квартале года составила 21,7%.

Еще со времен СССР Российская Федерация находится на так называемой «нефтегазовой игле». С одной стороны, большие доходы от данного сектора позволяют покрыть все необходимые расходы государства, но с другой — это огромный риск и зависимость, поскольку нефть и газ — ресурсы не бесконечные, и если тенденция зависимости от нефтегазовых доходов так и продолжит расти, России будет трудно существовать в будущих реалиях в случае нехватки ресурсов данной отрасли.

Нефтегазовые доходы в Российской Федерации используются для формирования нефтегазовых трансфертов, а также различных фондов, например, резервного фонда и фонда национального благосостояния. Деятельность в области регулирования данных доходов осуществляется Министерством финансов, при этом также отдельные функции по фондам могут быть возложены на Центральный Банк РФ.

При расчете разницы между нефтегазовыми доходами федерального бюджета данные могут принимать как положительное, так и отрицательное значение. Положительное означает, что у государства будут дополнительные нефтегазовые доходы, а отрицательная в свою очередь говорит о том, что нефтегазовые доходы недополучены. В Российской

Федерации чаще всего данный показатель имеет именно положительное значение, поскольку, несмотря на редкие, но снижения в темпах роста нефтегазовых доходов, он всегда будет большим из-за нефтегазовой политики государства.

В государстве с рыночной экономикой нефтегазовые доходы играют важную роль, поскольку налоги на природные ресурсы (в нашем случае — газ и нефть) выполняют фискальную функцию и являются важнейшим инструментом, позволяющим распределять и перераспределять внутренний валовой продукт.

Все вышеперечисленное позволяет сделать вывод, что нефтегазовый сектор занимает важное место как в целом в экономике страны, так и конкретно в доходной части федерального бюджета. Он представляет собой львиную долю его составляющего, обеспечивает работу государственных структур и различных фондов за счет перераспределения нефтегазовых доходов на необходимые траты, например, социального сектора или военной отрасли.

Последние два года привнесли в существование нашего государства огромное количество изменений, в том числе и в экономический сектор. 2020 год начался пандемией COVID-19, которая стала причиной крупномасштабных изменений в экономике предприятий, торговли и производстве [1].

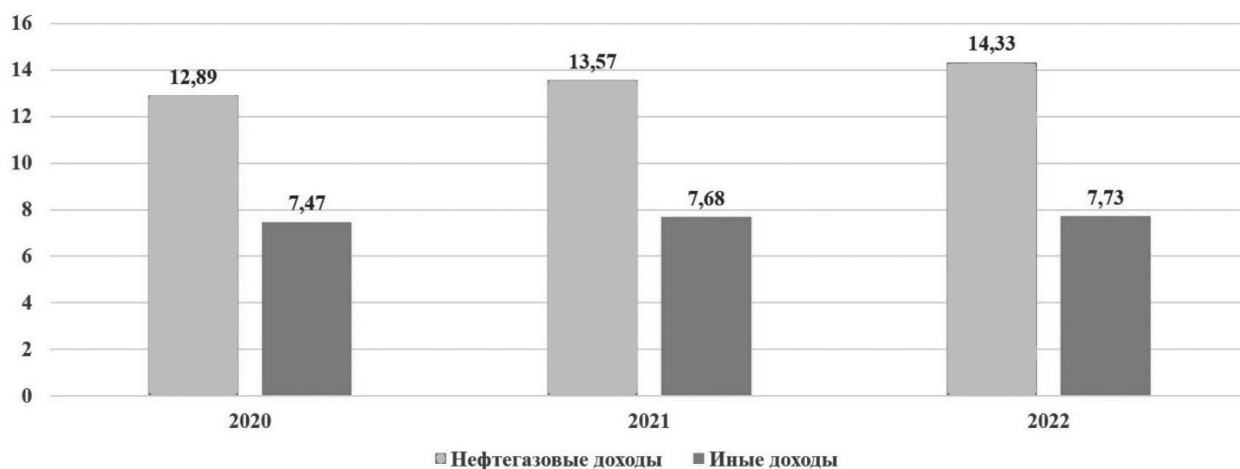

Рис. 1. Нефтегазовые и иные доходы федерального бюджета России за 2020–2022 годы (трлн руб.) [6]

Fig. 1. Oil and gas and other revenues of the federal budget of Russia for 2020–2022 (trillion rubles) [6]

Так называемый «коронакризис» не обошел стороной и нефтегазовый сектор Российской Федерации. По большей части это было связано с резко возросшими ценами на логистику, которые в свою очередь повлекли для российских производителей дополнительные издержки. По данным различных источников, экспорт нефти в 2020 году снизился на 2,5%, а в начале 2021 года — на 6,2% [8].

Газовый сектор Российской Федерации пострадал от COVID-19 в меньшей степени, поскольку коронавирусные ограничения гораздо меньше затронули добычу и логистику газа. В целом потребление и добыча газа во многом зависят от общей ситуации экономической активности, а также темпов роста промышленного производства и межтопливной конкуренции в секторе электроэнергетики. Поскольку транспортный сектор пострадал больше всего и повлек за собой проблемы других секторов, то доля газа в транспортном секторе очень мала, потому и процент негативного влияния очень мал. В некоторой степени газовая отрасль даже подросла, так как из-за самоизоляции возрос спрос на газ со стороны домохозяйств.

В неменьшей степени влияние нефтегазового сектора на доходную часть федерального бюджета России изменилось в связи со специальной военной операцией (СВО), начатой 24 февраля 2022 года. К этому времени наступил спад пандемии и отмена ко-

ронавирусных ограничений, нефтегаз снова стал приобретать стабильность, но за одними проблемами последовали другие. Действия правительства Российской Федерации были негативно восприняты подавляющим большинством стран, поэтому началась так называемая «санкционная война» против России [5]. Все мировое сообщество знает, что Россия зависима от нефтегазовых доходов, следовательно, большинство санкций и ограничений направлены, и вероятнее всего, еще будут направляться именно в отношении нефтегазового сектора РФ.

Так, первое, с чем столкнулось наше государство, — отказ от Российских энергоносителей со стороны Европы, Америки и иных стран. Например, практически в самом начале СВО Германия прекратила сертификацию «Северного потока — 2». США с 23 февраля 2022 года ввели санкции против оператора газопровода «Северный поток-2» Nord Stream 2 AG и должностных лиц этой компании. Таким образом, санкции заморозили деятельность «Северного потока — 2», лишив Россию львиной доли доходов от экспорта газа.

Затем в рамках четвертого пакета ограничительных мер Евросоюза запретили новые инвестиции в сфере энергетики. Исключения сделаны для мирного атома и транспортировки энергии. Запрет распространяется на все инвестиции, передачу технологий и финан-

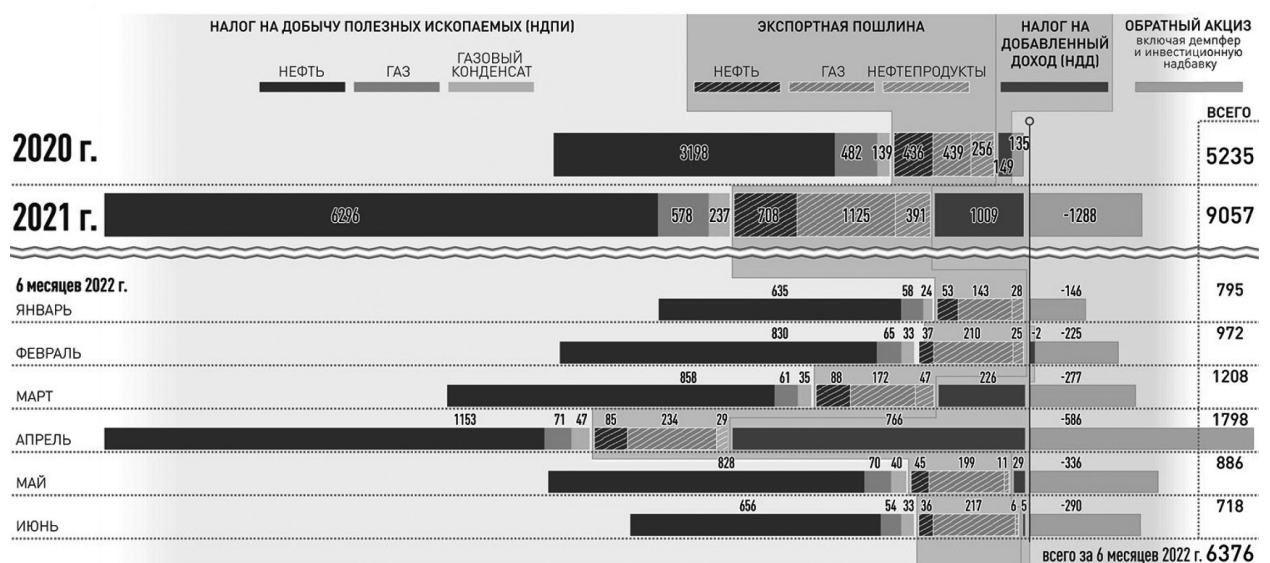

Рис. 2. Доходы бюджета от добычи и экспорта нефти и газа, млрд руб. [9]
Fig. 2. Budget revenues from oil and gas production and export, billion rubles [9]

совые услуги, связанные с разведкой и добычей энергоресурсов.

7 апреля 2022 года было приостановлено любое участие компаний Российской Федерации в деятельности Международного газового союза, что в свою очередь усложнило и без того непростую ситуацию коммуникации российских компаний с потенциальными и уже существующими потребителями за границей.

Осенью 2022 года произошло не менее отягощающее событие: в ночь с 25 на 26 сентября 2022 года произошла авария газопроводов «Северный поток — 1» и «Северный поток — 2» компании Nord Stream Aktiengesellschaft. На трубах этих газопроводов в трёх местах были обнаружены утечки: две на «Северном потоке — 1» и одна — на «Северном потоке — 2» [3]. Россия, несмотря на все санкции в отношении отечественных производителей и компаний, не сдалась, и экономика, хоть и ощутила некоторые проблемы, но успешно справилась с ними.

Помимо всего прочего, нефтегазовый сектор России ожидают еще большие изменения. Еще летом 2022 года Евросоюз начал обсуждение установления потолка цен на нефть российских производителей [4]. Опасаясь ответных действий России на санкции, страны Евросоюза всеми возможными способами стараются сдерживать РФ и тормозить экономику нашей страны. Планируется установить определенный потолок цен, по которому Россия сможет поставлять и продавать свои нефтегазовые ресурсы в другие страны. Не так давно стало известно о том, что Еврокомиссия планирует установить ограничение покупки российского топлива по максимальной цене не более 62 долларов [10].

Проанализировав рисунок 1, можно увидеть, что, несмотря на возникновение различных обстоятельств в виде COVID-19 или СВО, объемы нефтегазовых поступлений в бюджет показывают положительную тенденцию. Это говорит о том, что отечественные компании находят новые пути и возможности для реализации своей деятельности и уплате больших налогов в государственную казну.

Из этого всего следует, что в целом последствия влияния пандемии на продажи

природного газа и нефти имели как прямое, так и косвенное воздействие. Процесс финансового прогнозирования и планирования, а также составления бюджета был подвергнут изменениям и столкнулся с рядом трудностей из-за растущей волатильности котировок на рынке. СВО же в свою очередь привнесло проблем не меньше. Помимо влияния на производителей, возникли и проблемы в формировании и распределении государственного бюджета. Сейчас государству как никогда необходимы дополнительные доходы от нефтегазового сектора, а по итогам 2023 года таковых предполагается получить до 9 трлн руб.

Зависимость государственного бюджета России от нефтегазового сектора является одной из глобальных угроз экономической безопасности страны. Поскольку страна находится на «нефтяной игле» уже довольно продолжительное время, возникает вопрос о последствиях и возможных проблемах в будущем. Нефть и газ — не вечные ресурсы, когда-нибудь запасы опустеют, поэтому необходимо начать изучать вопрос о улучшении существующих или поиске новых доходов государственного бюджета.

Изменяющиеся потребности в мире уже в некоторой степени помогают стабилизироваться данной ситуации. В 2020 году был зафиксирован низкий уровень нефтегазовых доходов за последние годы — 30 % [7], то есть остальная часть бюджета на данный момент формируется за счет иных форм доходов. Отчасти это было связано с обвалом цены на нефть Urals до 40,84, таким образом, уже были сокращены дополнительные доходы от нефтегазового сектора, которые возникают при превышении стоимости нефти за один баррель на более 44,2 долларов США. Но тем не менее были и другие причины изменения доходных статей федерального бюджета. В первой половине 2020 года наметилась тенденция экономического роста агропромышленного комплекса. Связано это с тем, что экспорт российского агропромышленного комплекса возрос на 18 %, это на более чем 12,5 млрд долларов. Наша страна уже летом 2020 года начала ежемесячно бить рекорды по экспорту зерновых культур и пшеницы.

Тем не менее это только малая часть от тех изменений, которые необходимы для стабилизации ситуации доходов государства. Необходимо пересмотреть все доходные части бюджета, направить силы и инвестиции на введение инноваций в другие различные отрасли производства, увеличить количество и размер выдаваемых субсидий и субвенций, особенно предприятиям, производящим жизненно необходимую продукцию, а также тем, кто занимается разработкой других энергоносителей, например, с использованием электроэнергии.

Также можно взять пример с иностранных государств, например, ОАЭ, чье существование началось как раз с добычи нефти. Средства, вырученные от добычи и продажи нефти, позволили Эмиратам стать той страной, которой она является сейчас. Власти ОАЭ грамотно подошли к вопросу будущего существования, полученные средства «ин-

вестировали в будущее», провели так называемую диверсификацию, переориентацию рынков сбыта, освоение новых видов производств, правительство начало политику инвестирования в инфраструктуру, а также туризм. За несколько лет они смогли, грамотно распорядившись своими средствами, из пустыни сделать одно из самых процветающих государств и чуть ли не центр мирового туризма, и это — несмотря на то, что по официальной статистике запасов нефти у Объединенных Арабских Эмиратов на 10% меньше, чем у России.

В случае с нашим государством, как нам кажется, в первую очередь стоит пересмотреть политику национализации. Если бы все нефтяные и газовые предприятия полностью контролировались государством, а все средства, полученные за счет реализации продукции, поступали в государственный бюджет, было бы на львиную долю больше средств для

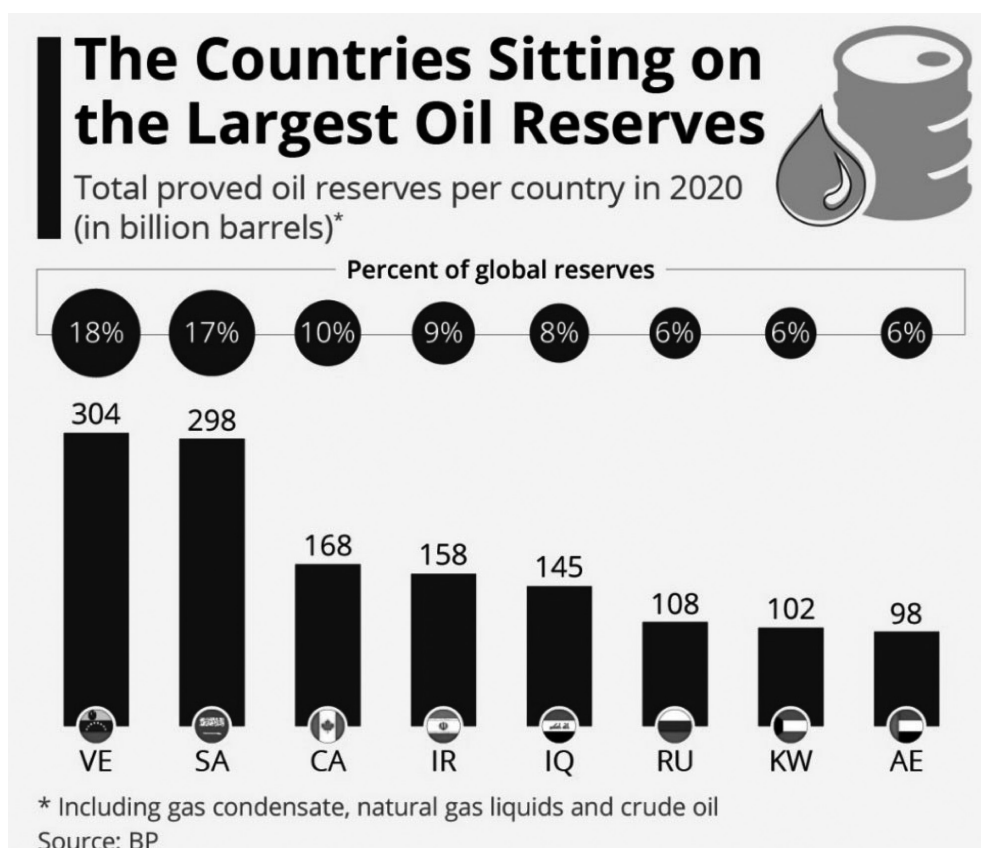

Рис. 3. Сравнительная статистика нефтегазовых резервов стран²
Fig. 3. Comparative statistics of oil and gas reserves of the countries

² Florian Zandt. The Countries Sitting on the Largest Oil Reserves [Electronic resource] // Statista. Fossil Fuel reserves. Oil industry worldwide. 2022. March 10. URL: <https://www.statista.com/chart/16830/countries-with-the-largest-proven-crude-oil-reserves/> (date accessed: 21.12.2022).

инвестирования в другие отрасли экономики, например, агропромышленный комплекс, инновационные технологии, а также туризм, который в России по сравнению с другими странами находится в состоянии худшем, чем мог бы. Просторы России, географическое положение и особенности природы — вот на что стоит обратить внимание, улучшить ситуацию с туризмом позволило бы инвестирование в инфраструктуры городов, а также транспорт и безопасность. Многие иностранцы знают о богатствах России, но большинство не может увидеть их вживую. Возможно, Россия смогла бы полностью обеспечить себя за счет средств, полученных от туристической отрасли, как делают это южные и восточные страны.

Также стоит уделить большое внимание малому и среднему бизнесу. Чем больше будет открываться организаций и предприятий и чем больше государство будет содействовать их развитию, например, выдавать различные субсидии или субвенции, тем больше налоговых поступлений будет пополнять казну ежегодно. В нашей стране по сей день существует множество предприятий, которые находятся на грани банкротства или уже в процессе банкротства, например, ПАО «ОР» — компания, занимающаяся производством и продажей обуви и комплектующих, которые сильно постра-

дали за время COVID-19 в связи с временным закрытием из-за пандемии. Ее долги на данный момент составляют 5,5 млрд рублей, что значительно усложняет работу предприятий.

Еще одним вероятным благоприятным исходом для нашего государства было бы ужесточение контроля за деятельностью организаций в отношении коррупционеров и граждан, занятых в неформальном секторе экономики. Статистика теневой экономики нашего государства показывает, что огромное количество средств федеральный бюджет недополучает за счет черных рынков и сокрытия своих реальных доходов чиновниками, помимо этого статистика взяточничества ежегодно возрастает на несколько процентов. Также, согласно данным Росстата, доля россиян, работающих в неформальном секторе, за первые три месяца 2022 года составила 18,4%³. Если предположить, что эти 18,4% населения уплатят налог, предположительно имея заработок в размере средней заработной платы по России — 54687 руб. и налоге на доходы физических лиц в размере 13%, то бюджет государства пополнится на 81809389521,6 руб. в месяц. Это колоссальная сумма, которая позволила бы развить наиболее необходимые отрасли экономики или потратить эти деньги на инфраструктуру страны.

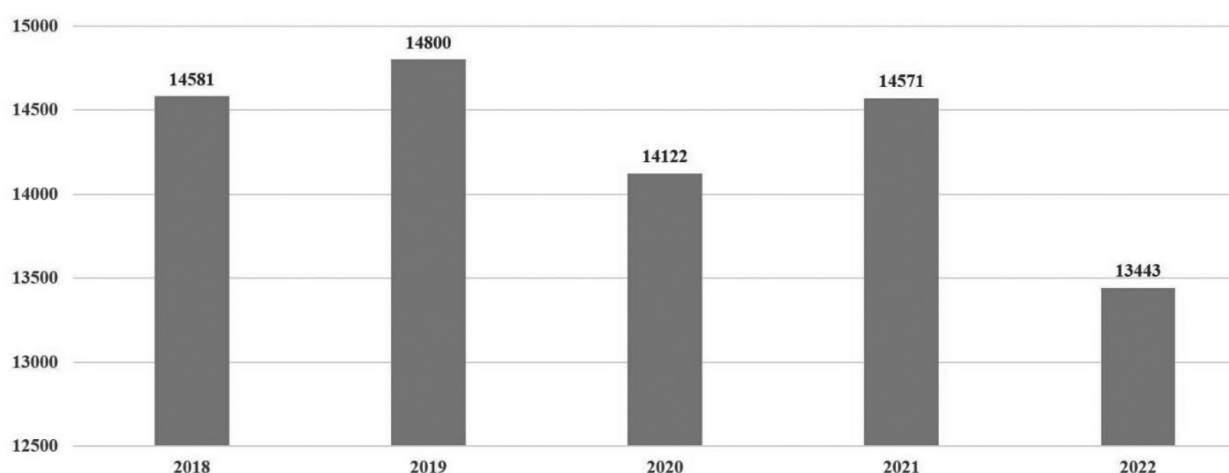

Рис. 4. Доля занятых в неформальном секторе экономики (тыс. чел.)

Fig. 4. The share of employed in the informal sector of the economy (thousand people)

³ Гальчева А. Росстат сообщил о росте неформальной занятости в России [Электронный ресурс] // РБК. 2022. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/09/2019/5d6e74fb9a794709eeba4f8c> (дата обращения: 21.12.2022).

Заключение. Исходя из проанализированной информации, можно сделать вывод о том, что Российская Федерация на данный момент находится в наибольшей зависимости от нефти и газа, чем годами ранее. Статистика показывает, что с каждым днем ситуация с экономической безопасностью страны обостряется все больше и больше, а необходимость поиска других способов пополнения доходной части бюджета ощущается все острее.

На данный момент государству следует правильно проанализировать положение на мировом рынке, влияние иностранных государств на экономику страны, сделать определенные выводы и выбрать один или несколько альтернативных вариантов решения данной проблемы. Нынешнее положение нашей страны как никогда является стимулом для поисков альтернативных вариантов, по большей части это даже шанс для наших отечественных компаний показать, что они ничем не хуже иностранных производителей, а также сделать прыжок вперед, начать развиваться с большими темпами и тем самым уплачивать больше налогов в государственный бюджет. Также это огромная возможность для развития других, на данный момент актуальных отраслей экономики, например, малого и среднего бизнеса, информационных технологий и всего IT-сектора в целом, высокотехнологичной медицины, поскольку именно эти направления с каждым годом будут все больше развиваться и увеличивать долю в мировом внутреннем валовом продукте.

Государству сейчас как никогда необходимо провести диверсификацию доходов бюджета, поскольку она может помочь в кратчайшие сроки эффективно снизить зависимость от нефтегазовых поступлений, улучшить состояние других отраслей экономики, тем самым получив мультипликативный эффект для всей национальной экономической системы.

Список источников

1. Абраменко А.В., Лазаренко А.О. Оценка влияния нефтегазовых доходов на государственный бюджет Российской Федерации // Финансы и учетная политика. Экономика и бизнес. 2020. №4. С. 5–10.
2. Бадмаева Д.А. Место и роль бюджета в системе государственных и муниципальных финансов в России // Достижения вузовской науки. 2016. №23. С. 185–188.
3. Будрис А. «Надежда близка к нулю»: что будет с Северным потоком-2 [Электронный ресурс] // Forbes. Бизнес. 03 марта 2022. №3. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/457637-nadezda-blizka-k-nulu-cto-budet-s-severnym-potokom-2> (дата обращения: 21.12.2022).
4. Галактионов И. Потолок цен на нефть — как он будет работать [Электронный ресурс] // БКС Экспресс. Среднесрочные тренды. 2022. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/potolok-tsen-na-neft-kak-on-budet-rabotat> (дата обращения: 21.12.2022).
5. Иззука Т.Б., Рязанцева В.Д. Анализ нефтегазового сектора в условиях действия экономических санкций // Экономические науки. 2021. №205. С. 48–53.
6. Марина Е.А. Зависимость бюджетной системы от нефтегазовых доходов как угроза экономической безопасности // Научный формат. 2020. №9(12). С. 1–6.
7. Прохорова В.В., Ксенофонов В.И., Шостак Н.А. О необходимости трансформации экономических отношений в нефтегазовом комплексе России в условиях санкционных ограничений // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12. №6-2. С. 282–292.
8. Соколов М.М. Нефтегазовые доходы бюджета и их влияние на развитие Российской экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. №5. С. 125–137.
9. Тихонов С. Дополнительные доходы бюджета обеспечат нефтегазовые компании [Электронный ресурс] // Российская газета. 2022. №263(8911). URL: <https://rg.ru/2022/11/19/dopolnitelnye-dohody-biudzheta-obespechat-neftegazovye-kompanii.html> (дата обращения: 21.12.2022).
10. Council Regulation (EU) 2022/2367 of 3 December 2022 amending Regulation (EU) №833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukrain [Electronic resource] // EUR-Lex. 3 December, 2022. №833. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.LI.2022.311.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A311%3ATOC>.

References

1. Abramenko A. V., Lazarenko A. O. Ocenka vlijanija neftegazovyh dohodov na gosudarstvennyj byudzhet Rossijskoj Federacii [Assessment of the impact of oil and gas revenues on the state budget of the Russian Federation]. *Finansy i uchelnaja politika. Jekonomika i biznes* [Finance and accounting policy. Economics and business]. 2020; (4): 5–10. (In Russ.).
2. Badmaeva D. A. Mesto i rol' byudzhetov v sisteme gosudarstvennyh i municipal'nyh finansov v Rossii [The place and role of the budget in the system of state and municipal finance in Russia]. *Dostizhenija vuzovskoj nauki* [Achievements of university science]. 2016; (23): 185–188. (In Russ.).
3. Budris A. «Nadezhda blizka k nulju»: chto budet s Severnym potokom-2 [«Hope is close to zero»: what will happen to the Nord Stream-2] [Elektronnyj resurs]. Forbes. Biznes. 03 marta 2022; (3). URL: <https://www.forbes.ru/biznes/457637-nadezhda-blizka-k-nulu-cto-budet-s-severnym-potokom-2> (data obrashhenija: 21.12.2022). (In Russ.).
4. Galaktionov I. Potolok cen na neft' — kak on budet rabotat' [The ceiling of oil prices — how it will work] [Elektronnyj resurs]. BKS Jekspress. Srednesrochnye trendy [BKS Express. Medium-term trends]. 2022. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/potolok-tsen-na-neft-kak-on-budet-rabotat> (data obrashhenija: 21.12.2022). (In Russ.).
5. Izzuka T. B., Rjazanceva V. D. Analiz neftegazovogo sektora v uslovijah dejstvija jekonomicheskikh sankcij [Analysis of the oil and gas sector in the conditions of economic sanctions]. *Jekonomicheskie nauki* [Economic sciences]. 2021; (205): 48–53. (In Russ.).
6. Marina E. A. Zavisimost' byudzhetnoj sistemy ot neftegazovyh dohodov kak ugroza jekonomicheskoj bezopasnosti [Dependence of the budget system on oil and gas revenues as a threat to economic security]. *Nauchnyj format* [Scientific format]. 2020; 9(12): 1–6. (In Russ.).
7. Prohorova V. V., Ksenofontov V. I., Shostak N. A. O neobходимosti transformacii jekonomicheskikh otnoshenij v neftegazovom komplekse Rossii v uslovijah sankcionnyh ogranichenij [On the need to transform economic relations in the oil and gas complex of Russia in the conditions of sanctions restrictions]. *Jekonomika: vchera, segodnja, zavtra* [Economics: yesterday, today, tomorrow]. 2022; 12(6-2): 282–292. (In Russ.).
8. Sokolov M. M. Neftegazovye dohody byudzhetov i ih vlijanie na razvitie Rossijskoj jekonomiki [Oil and gas budget revenues and their impact on the development of the Russian economy]. *Vestnik Instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2020; (5): 125–137. (In Russ.).
9. Tihonov S. Dopolnitel'nye dohody byudzhetov obespechat neftegazovye kompanii [Additional budget revenues will be provided by oil and gas companies] [Elektronnyj resurs]. Rossijskaja gazeta. 2022; 263(8911). URL: <https://rg.ru/2022/11/19/dopolnitelnye-dohody-biudzhetov-obespechat-neftegazovye-kompanii.html> (data obrashhenija: 21.12.2022). (In Russ.).
10. Council Regulation (EU) 2022/2367 of 3 December 2022 amending Regulation (EU) №833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukrain [Electronic resource]. EUR-Lex. 3 December, 2022; (833). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.LI.2022.311.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A311I%3ATOC>.

Статья поступила в редакцию 28.06.2023; одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted on 28.06.2023; approved after reviewing on 18.07.2023; accepted for publication on 12.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сухонос Федор Александрович — доцент кафедры «Информационная безопасность» Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова. Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Fyodor A. Sukhonosov — Associate Professor of the Department of Information Security, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

Игнатьев Даниил Русланович — студент кафедры «Информационная безопасность», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова. Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Daniil R. Ignatiev — Student of the Information Security Department, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). 132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Сухонос Ф. А. — научное руководство; доработка текста; итоговые выводы.

Игнатьев Д. Р. — концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Sukhonosov F. A. — scientific guidance; revision of the text; final conclusions.

Ignatiev D. R. — research concept; development of methodology; writing of the source text; final conclusions.

ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА PHILOSOPHICAL INNOVATION

Научная статья

УДК 008.001.14

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-178-188

ФИЛОСОФИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕЛА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Елена Викторовна Волохова¹, Александр Александрович Молоканов²✉

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

²Донской государственный аграрный университет, Персиановский, Россия

¹volohova.1973@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5192-3823, AuthorID РИНЦ: 290507

²spartak123.molokanov@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-1405-6243, AuthorID РИНЦ: 876840

Аннотация. Целью исследования является исследование концептуальных основ и практик трансформации человеческой телесности в культуре постмодерна, когда человеческое тело, получив широкие возможности для укрепления здоровья, увеличения физических сил и способностей, роста продолжительности активной, плодотворной жизни, оказалось проблематическим феноменом.

Методологическую базу исследования составляет понятие телесности как способа социокультурного существования биологического тела человека. Каждый конкретно-исторический тип культуры формирует специфические формы человеческой телесности. Базовый культурный код телесности включает в себя систему сложившихся в определенном обществе на определенном этапе его развития социокультурных условий формирования и развития тела человека, а также систему нормативных, аксиологических ценностей и образцов формирования биологического тела человека, норм и идеалов телесности.

Результаты исследования. В современной культуре сложились два направления развития культуры телесности. К позитивному направлению можно отнести физическую культуру как систему практик по развитию, совершенствованию и укреплению физического организма человека. К негативному направлению относятся практики, связанные с искусственными трансформациями физического тела. Выделены три основные особенности современной культуры телесности. Первая особенность состоит в том, что культ физического тела развивается в ущерб духовному развитию личности. Второй особенностью является демонстративное позиционирование телесности, которое связано с переосмыслением статуса физического тела в структуре личностной идентичности. Тело, а не душа становится основным выражением личностной идентичности и индивидуальности. Третьей особенностью современной культуры телесности является виртуализация телесности, развитие практик диджитал-телесности.

Перспективы исследования заключаются в критическом анализе современных дегуманистических практик трансформации естественной, человеческой телесности и их концептуальных оснований. Необходимо противопоставить дегуманистической идеологии

трансформации телесности современную гуманистическую философию единства душевного и телесного здоровья.

Ключевые слова: человеческая телесность, культура, трансформация тела

Для цитирования: Волохова Е. В., Молоканов А. А. Философия трансформации тела в современной культуре // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 178–188. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-178-188>.

Original article

PHILOSOPHY OF BODY TRANSFORMATION IN MODERN CULTURE

Elena V. Volokhova¹, Aleksandr A. Molokanov²✉

¹*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia*

²*Don State Agrarian University, Persianovsky v., Russia*

¹*volohova.1973@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5192-3823, AuthorID RSCI: 290507*

²*spartak123.molokanov@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-1405-6243, AuthorID RSCI: 876840*

Abstract. *The aim of the study is to research the conceptual foundations and practices of the transformation of human corporeality in postmodern culture, when the human body, having received ample opportunities for improving health, increasing physical strength and abilities, increasing the duration of an active, fruitful life, turned out to be a problematic phenomenon.*

The methodological basis of the study *is the concept of corporality as a way of socio-cultural existence of the human biological body. Each specific historical type of culture forms specific forms of human corporality. The basic cultural code of corporality includes a system of socio-cultural conditions for the formation and development of the human body that have developed in a certain society at a certain stage of its development, as well as a system of normative, axiological values and models of the formation of the human biological body, norms and ideals of corporality.*

Research results. *In modern culture, two directions of development of the culture of corporality have developed. Physical culture as a system of practices for the development, improvement and strengthening of the human physical body can be attributed to the positive direction. The negative direction includes practices associated with artificial transformations of the physical body. Three main features of the modern culture of corporality are singled out. The first feature is that the cult of the physical body develops to the detriment of the spiritual development of the individual. The second feature is the demonstrative positioning of corporality, which is associated with a rethinking of the status of the physical body in the structure of personal identity. The body, not the soul, becomes the primary expression of personal identity and individuality. The third feature of the modern culture of corporality is the virtualization of corporality, the development of digital corporality practices.*

The prospects of the research *lie in the critical analysis of modern dehumanistic practices of transformation of the natural, human corporality and their conceptual foundations. It is necessary to oppose the dehumanistic ideology of the transformation of corporality with the modern humanistic philosophy of the unity of mental and bodily health.*

Keywords: *human physicality, culture, body transformation*

For citation: Volokhova E. V., Molokanov A. A. *Philosophy of body transformation in modern culture* // *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*. 2023; 16(4): 178–188. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-178-188>.

Введение. Современное общество, создав огромные материальные и технические возможности для всестороннего развития личности, парадоксальным образом создало и множеством проблем и препятствий для гармонического развития личности, которое, согласно классической формулировке древних греков, предполагает единство здорового тела и здорового духа. Человеческое тело в современной культуре, получив широкие технические возможности для укрепления здоровья, увеличения физических сил и способностей, роста продолжительности активной, плодотворной жизни, неожиданно оказалось проблематическим феноменом. Как будто одержимые массовым безумием, многие люди, отказавшись от традиционных представлений о телесности, превращают собственное тело в объект сомнительных манипуляций и экспериментов: «В современном мире складывается парадоксальная ситуация, характеризующаяся рассогласованием человека со своим телом. Личность стремится избавиться от тела своеобразным способом, заполняя его всевозможными татуировками и вставками, корректируя или полностью изменяя конфигурацию» [11, с. 224].

Методика. Целью нашей работы является исследование философии и идеологии современных практик трансформации естественного тела человека, а также анализ причин и последствий этих практик, сложившихся в современной культуре.

Для анализа современной культуры трансформации человеческой телесности необходимо прежде всего сформулировать базовые категории: «тело», «телесность», «физическая культура», «культура телесности», «телесная идентичность». Понятие тела характеризует индивидуальный биологический, физический организм, данный каждому человеку от природы. А вот понятие телесности характеризует не столько сам биологический организм, сколько способ его социокультурного существования. И.М. Бы-

ховская рассматривает телесность как единство трех форм существования тела, трех его «ипостасей»: «тело природное (физическое), тело социальное (трансформированное пространством общественного бытия человека) и тело культурное (преобразованное на основе выбора человеком аксиологической / символично-нормативной ориентационной системы)» [4, с. 94].

Поскольку человек существует в обществе, причем в конкретной социокультурной среде, постольку данное ему от природы физическое тело формируется и развивается под влиянием материальных и духовных конкретных условий его существования. В результате этого можно говорить о том, что человеческая телесность носит социокультурный характер. Телесность как продукт формирования физического тела в определенной социокультурной среде приобретает в результате этого не только специфические физические параметры, но и культурную модальность. «Культурная модальность тела предполагает и включение его в особый диалогичный контекст между “естественным” и “искусственным”, “нормативным” и “табуированным”, “формальным” и “неформальным”, “прекрасным” и “безобразным”, “индивидуальным” и “коллективным”, “модным” и “неактуальным”, “обыденным” и “специализированным”... То есть общий термин “тело” акцентирует сегодня не только физические, но и метафизические параметры, рождающие механизмы социокультурного действия и бездействия, индивидуальной социализации и инкультурации, различные способы его репрезентации, позиционирования, маркирования» [6, с. 67].

Каждый конкретно-исторический тип общества и культуры формирует специфические формы человеческой телесности или, другими словами, свой телесный код. Базовый культурный код телесности является ядром культуры телесности, которая включает в себя, на наш взгляд, систему сложившихся в определенном обществе на определенном

этапе его развития социокультурных условий формирования и развития тела человека, а также систему нормативных, аксиологических ценностей и образцов формирования биологического тела человека, т.е. норм и идеалов телесности.

Результаты. На основе конкретной определенной культуры телесности формируется телесная идентичность личности, которая является сложным динамическим единством физической самобытности индивидуально-го тела и самосознания этой самобытности в контексте определенных социокультурных кодов или идеалов и норм телесности. Главная задача личности, живущей в определенной, конкретной социокультурной среде, состоит не только и не столько в поддержании нормального функционирования своего физического организма, сколько в достижении и поддержании эффективной телесной идентичности, позволяющей личности успешно интегрироваться в социокультурную среду своего существования.

Для достижения эффективной телесной идентичности, адекватной жизненной социокультурной среде, личность использует различные специальные практики. Общее количество и разнообразие практик формирования телесности велико. В современном дискурсе пока не сложилось их общепринятой классификации. Например, Н. А. Бугуева выделяет три направления трансформации телесности в современной культуре: «1. использование экспрессивных возможностей тела и лица — мимики и пластики... 2. механическое изменение параметров тела и органов, деформация тела... 3. украшение тела с помощью различных природных материалов» [3, с. 62–63]. Существуют и другие попытки дать классификацию практик трансформации тела по разным критериям. Нам кажется, необходимо разделить все эти практики на два направления: 1) естественная трансформация (лучше сказать, совершенствование) тела и 2) искусственная трансформация тела. К естественным практикам относятся физическая культура, спорт, практики, объединяемые термином «здоровый образ жизни».

Физическая культура в традиционном общепринятом смысле слова — это деятель-

ность человека, направленная на упрочение здоровья и развитие физических способностей организма. И.М. Быховская предлагает более широкое толкование этого термина, рассматривая его как единство физического и социокультурного начал в человеческой телесности. Она обращает внимание на то, что «...само наименование данного явления носит, можно сказать, кентаврический характер, фиксируя интегрированность физического и культурного, акцентируя сопряженность этих двух начал человеческого существования в контексте физической культуры» [4, с. 93].

Таким образом, следует рассматривать физическую культуру в широком смысле слова как «...сопряженность четырех компонентов — когнитивного, аксиологического, знаково-символического и праксеологического, которые в совокупности выражают: а) уровень развития знаний о теле человека; б) отношение к нему как к ценности, как к значимому элементу общекультурного поля, соизмеримому в ценностном аспекте с другими культурными сегментами; в) представления о желаемых/допустимых практиках “работы с телом” в соответствии с идеалами, ценностными ориентациями, нормами и ограничениями в этой области; г) сформированные навыки телесных практик» [4, с. 100].

Безусловно, такое расширенное толкование физической культуры позволяет связать конкретную культуру телесности с практиками формирования и совершенствования физического тела. Ведь, действительно, все практики, предлагаемые физической культурой, основаны на вполне определенных социокультурных представлениях и идеалах телесности.

Физическая культура как система практик по развитию, совершенствованию и укреплению физического организма человека традиционно является одним из главных способов формирования адекватной социокультурной телесной идентичности личности. Здесь можно указать на традиционную форму физической культуры — оздоровительную гимнастику.

Спорт как естественная практика формирования и развития телесности делится на любительский и профессиональный, различие между которыми постепенно стирают-

ся. Отдельно здесь можно выделить группу практик, называемую обычно «атлетическая гимнастика». «Атлетическая гимнастика — это традиционный вид гимнастики оздоровительно-развивающей направленности, которая сочетает силовую тренировку с разносторонней физической подготовкой, гармоническим развитием и укреплением здоровья в целом» [9, с. 64]. Сформировалось несколько популярных в наше время видов атлетической гимнастики: бодибилдинг, культуризм, пауэрлифтинг, армрестлинг.

Третья группа естественных практик — это практики здорового образа жизни, разделяемые на традиционные и нетрадиционные, научные и альтернативные, ненаучные. Здоровый образ жизни — это образ жизни человека, направленный на профилактику болезней и укрепление здоровья. Понятие здорового образа жизни многомерно и объемно. Оно требует отдельного специального исследования.

Если говорить о второй группе практик формирования телесности, связанной с искусственными трансформациями физического тела и приобретающей в современном обществе растущую популярность, то для нее пока не сложилось общепринятого названия. Иногда эту группу практик определяют как боди-арт, связывая трансформацию физического тела с неким искусством. «Боди-арт — одна из форм современного авангардного искусства, подразумевающая внешнее украшение и преобразование человеческого тела в декоративных целях, используя разные техники: от росписи тела, татуировки или пирсинга до шрамирования и имплантации» [10, с. 293]. Д. А. Шуляк и И. Ю. Тимофеева разделяют практики боди-арта на два направления: «1. Практики преобразования тела временного характера, предполагающие временное декорирование тела с помощью разных косметических или живописных средств: грим, макияж, оформление ногтей и т.п. 2. Радикальные практики, носящие постоянный характер преобразования тела: ампутирование частей тела, эльфирирование, татуировка, растягивание кожи, сплиттинг, шрамирование, имплантация и т.п.» [10, с. 293].

Ранее мы установили, что культура человеческой телесности носит исторический характер и она, естественно, меняется

в процессе исторической социокультурной динамики. «Актуальный в течение какого-то времени идеал телесной красоты или просто образец телесной нормы, какое-то время сохраняет стабильность, но обязательно рано или поздно меняется, подчиняясь общим социальным, экономическим, культурным, политическим переменам» [7].

Рассмотрим особенности культуры телесности, формирующейся в современном постиндустриальном информационном обществе. Исследователи выделяют три основные особенности современной культуры телесности. Первая особенность состоит в том, что она основана не просто и не столько на культе физического тела в ущерб духовному развитию личности (такой культ сложился еще в обществе массового потребления, основанного на рыночной экономике), сколько на странном, кажущемся на первый взгляд противоестественным и парадоксальным культе трансформации физического тела человека. Н. А. Бугуева отмечает, что «В современной цивилизации наблюдается особенно интенсивный процесс производства новых и экзотических форм телесности, который радикализируется искусством, кино, рекламой, фотографией, компьютерной техникой» [3, с. 61].

Второй особенностью современной культуры телесности является демонстративное позиционирование телесности, которое связано с переосмыслением статуса физического тела в структуре личностной идентичности. Тело, а не душа становится основным выражением личностной идентичности и индивидуальности. При этом, естественно, уходит в небытие классический дискурс единства души и тела, гармонии физического и духовного здоровья. Вместо этого становится актуальной всяческая внешняя физическая акцентуация индивидуальности тела личности, что ведет к болезненному стремлению сформировать эту индивидуальность, обязательно броскую и яркую, путем всевозможных искусственных трансформаций собственного тела. В современном обществе сложилась своеобразная мода трансформации телесности с ее быстро меняющимися трендами и образцами. «Безоговорочное требование следовать модным тенденциям приводит к тому, что человек превращается в тело-на-

ряд, выдавая его желание одновременно быть в тренде, (забывая о том, что мода — мгновенно-эфемерное явление), и произвести неизгладимое впечатление на окружающих, связанное с желанием остаться в вечности» [11, с. 226].

Третьей особенностью современной культуры телесности является виртуализация телесности, активное развитие практик построения и трансформации виртуального тела с помощью компьютерных технологий, т.е. практик диджитал-телесности. Виртуальное тело создается и трансформируется для презентации личности в социальных сетях Интернета и ведет к раздвоению, растроению и т.д. личностной телесной идентичности, разрушающей нормальную здоровую телесную идентичность. «Диджитал-среда — это уже неотъемлемая часть, а диджитал-тело — новая веха в истории телесности» [7].

Н.О. Соснина отмечает два направления в развитии практик виртуальной диджитал-телесности: 1) бодипозитив, направленный на создание искусственных, улучшенных образов тела, и 2) боди-нейтральность, направленная на демонстрацию естественного тела. «Концепции бодипозитива и боди-нейтральности завоевывают все больше внимания, но проблема непринятия неконвенционально красивого тела, трансгендерных людей, возрастных моделей, людей с нетрадиционной ориентацией, необычной внешностью и т.д. еще существует, особенно в традиционных слоях общества» [7].

Следовательно, наряду с этими двумя направлениями виртуализации тела, выделить отдельно и третье — бодинегатив, акцентированно развивающий аномальные, ненормальные, вызывающие, нетрадиционные, уродливые с точки зрения традиционных стандартов формы телесности, причем в современной диджитал-культуре, очевидно, преобладают конкурирующие, но равно искусственные тренды бодипозитива и бодинегатива.

Искусственная трансформация телесности в современном обществе постепенно превращается в одно из обязательных условий позиционирования личности в современном обществе, поскольку она превратилась в некий доминирующий стандарт современной культуры телесности. «Трансформация телесности как обязательное условие совре-

менности мыслится с позиций соразмерности развитию и репрезентации множества массовых социокультурных практик, а индивидуальные векторы телесного преобразования включают ориентацию на все многообразие социальных и культурных идеалов, эталонов, стандартов, стереотипов, шаблонов, согласующихся с концептами “гармонии”, “красоты”, “физической привлекательности”, “сексуальности” и т.д.» [6, с. 68].

В культуре современного постиндустриального, постоянно модернизирующегося общества сложились следующие отрасли культуры трансформации тела: философия телесной трансформации, идеология телесной трансформации, массовая психология телесной трансформации и социальная индустрия телесной трансформации.

Философия трансформации телесности опирается на идеи постмодернизма о деконструкции личностной идентичности, в том числе и телесной, физической, о разрушении традиционного единства души и тела, о «смерти субъекта» и т.п. Фактически философия модернизма сформулировала принципы глобального отчуждения и души (сознания) и тела от личности, превратив и первое, и второе в произвольную игру ума, превратив и душу, и тело из субстанциональных ценностей в текучие, постоянно и произвольно трансформируемые феномены мысли. «Так “тело” утратило свои четкие анатомические очертания стало текучей “телесностью”: тела нет, говорит нам философия XX века, есть образ, концепт, представление о теле» [2, с. 43].

Обсуждение. О том, насколько глубоко в массовое сознание, особенно молодежи, проникли идеи трансформации естественной телесности, говорят результаты социологических исследований. Так, например, в социологическом исследовании Н.Л. Антоновой были получены следующие результаты. «Результаты исследования показали, что тело для молодежи — это индивидуальный проект, который моделируется его собственником. Практически все участники интервью признались, что в современном обществе отсутствуют стандарты идеальных пропорций тела не только для мужчин, но и для женщин... Отказываясь от стандартизации параметров тела, информанты актуализиру-

ют субъективные ощущения от собственного тела» [1, с. 16].

Интерпретируя полученные результаты, Н.Л. Антонова приходит к заключению о том, что «Молодое поколение готово отказаться от стереотипизированных представлений о женских и мужских телах, а также социальных функциях, которые выполняет тело в современном обществе» [1, с. 17]. На примере данного исследования мы видим, что постмодернистские идеи деконструкции естественного тела человека, как и трансгуманистические идеи замены естественного тела искусственным, пока не проникли в массовое сознание и не утвердились в нем как доминирующие ценностные ориентации. Та трансформация естественного тела, которая доминирует в массовом сознании, предполагает лишь совершенствование, улучшение своего естественного тела, но и эта установка на улучшение своего тела в массовом сознании конкурирует с установкой на принятие того тела, которое имеет индивид, на плюрализм стандартов телесности и даже на безразличие к этим стандартам.

Тем не менее в современной культуре на базе массовой психологии совершенствования естественной телесности сложилась все расширяющаяся сфера специфических социальных институтов, практически реализующих запрос части общества на такое совершенствование. «Тело человека, живущего в культурной среде, перекраивается в соответствии с современными стандартами, на службу которым поставлена индустрия моды и красоты, включая клиники косметической хирургии, бодибилдинг, модные SPA- и тату-салоны, фитнес-клубы и другие оздоровительные центры» [3, с. 61].

Вокруг практики трансформации человеческого тела в современном обществе сложилась целая отрасль экономики, причем высокоприбыльной и бурно развивающейся. «Тело современного человека оказывается результатом “возделывания” огромного количества специалистов, включая фитнес-инструкторов, пластических хирургов, косметологов, визажистов, стилистов и фотографов, подгоняющих его под современный формат» [11, с. 225].

А.В. Пронькина попыталась составить более или менее полную классификацию

предлагаемых современной индустрией искусственной трансформации тела технологий, или, в ее определении, опрационально-функциональных схем-сценариев: «1) гомология — установление внешнего соответствия параметров тела канону/образцу/идеалу; 2) деформация — намеренное искажение параметров тела или его элементов; 3) декорирование — эстетическое оформление тела или его элементов; 4) имплантация — пересадка тканей, органов, вживление искусственных объектов или подсадка эмбриона; 5) инкрустация — вживление искусственных объектов с целью украшения элементов тела; 6) клеймение — установление маркирующих меток на коже; 7) конверсия — придание телу женского пола визуальных черт и характеристик мужского и наоборот; 8) пирсинг — прокалывание частей или элементов тела; 9) проектирование — создание в пространстве тела новых эстетических форм; 10) реконструкция — воссоздание утраченных параметров тела или его элементов, устранение дефектов и деформаций; 11) скарификация — шрамирование, механическое повреждение поверхности кожи; 12) уход — совокупность практических мер по поддержанию тела в чистоте, оптимальном и эффективном состоянии» [6, с. 69–70].

Дегуманистическая, противоестественная направленность доминирующей в современном обществе культуры телесности, агрессивная устремленность этой культуры к искусственной трансформации человеческого тела, вызывает естественные вопросы о причинах этого явления. Е.В. Власова и О.Н. Браславец указывают следующие причины: 1) смещение акцентов в общественном сознании с духовных ценностей на материальные; 2) ориентация современного общества на материальное потребление (потребительское общество); 3) успехи современной медицины, предоставляющие все новые возможности трансформации тела; 4) формирование и динамика эстетических стандартов трансформации тела; 5) рост материальных ресурсов (денег, времени, свободы), доступных индивиду для трансформации тела; 6) формирование моды на здоровый образ жизни [5, с. 30–31].

В этом списке причин, как нам кажется, некорректно смешаны некоторые действи-

тельные причины с факторами и последствиями ориентации современной культуры телесности на искусственную трансформацию тела. Первые два момента из этого списка действительно относятся к причинам, а остальные моменты относятся к факторам, обеспечивающим возможности и стимулирующим развитие практик искусственной трансформации тела. А.Ю. Чукуров в качестве причин ориентированности на искусственную трансформацию телесности называет достижения современной науки и техники, в том числе науки трансформации тела и процессы глобализации, разрушающие индивидуальную идентичность личности. «В информационном обществе сохранять собственную идентичность становится все сложнее, проблема маркировки границ между внутренним и внешним все более актуализируется. Границы социального тела оказываются крайне уязвимы в силу всепроникающего информационного шума» [8, с. 268].

Очевидно, причины современной культуры телесности со всеми ее ранее выделенными нами особенностями образуют целый комплекс, в который входит и материальное потребление как основная ориентация современного общества, и научно-технический прогресс как создание технических возможностей трансформации тела, и деформация индивидуальной идентичности в глобализирующемся обществе. Весь этот комплекс ведет к кризису личностной идентичности, одним из способов борьбы с которым становится для личности самозащита в форме конструирования собственной телесной идентичности на основе практик искусственной трансформации собственного тела. «Находясь в ситуации внешнего давления, личность вырабатывает все более гибкие механизмы самозащиты и самоадаптации, с одной стороны, а другой — решает крайне актуализировавшийся вопрос самоидентичности» [8, с. 269].

Основной причиной популярности в современной культуре телесности практик искусственной трансформации тела является научно-техническое отчуждение личности от созданного самим человеком искусственного технического мира, дополненное социальным

отчуждением личности в обществе глобального социального контроля и манипуляции.

Приобретающие все более массовый характер практики искусственной трансформации человеческой телесности требуют осмысления с точки зрения социокультурных последствий. «В пространстве социального и личного искусственное тело рождает множество проблем: существуют ли пределы искусственности? Что в дальнейшем будет с телом, каким образом оно будет функционировать? Искусственное тело — патология или норма? Сколько раз можно в соответствии модными тенденциями подвергать разборке/сборке тело? Влияет ли измененное тело на мысли и поведение хозяина?» [11, с. 226].

Формируясь как средство сопротивления современным глобальным тенденциям социального, культурного, духовного отчуждения личности в постиндустриальном обществе, практики конструирования собственного тела на самом деле не преодолевают этого отчуждения, а лишь дополняют его новой формой отчуждения — физическим отчуждением личности от собственного тела. «Конструирование тела в современности представляет собой трансформированную заботу о себе, связанную с не критичным следованием гламурному стандарту, провозглашающему улучшение и совершенствование физических данных...

Созданный телесный образ приводит к проблеме отчуждения (от себя/окружающего мира). Личность с новым-сделанным-перекрытым-не-своим-телом проживает иную, не собственную жизнь. Скорее, это — кажимость жизни / как бы жизнь / иллюзия, где главенствует сделанное тело и игнорируются духовные (интеллектуально-нравственно-эстетические) составляющие личности как ядро бытия» [11, с. 227].

Заключение. Ключевой категорией при анализе судьбы физического тела в современном обществе является «культура телесности», которая включает в себя систему сложившихся в определенном обществе на определенном этапе его развития социокультурных условий формирования и развития тела человека, а также систему нормативных, аксиологических ценностей и образов

формирования биологического тела человека, т.е. норм и идеалов телесности.

Современная культура телесности характеризуется тремя чертами: 1) парадоксальным культом трансформации физического тела человека; 2) демонстративным позиционированием телесности как основной формы индивидуальной идентичности; 3) виртуализацией телесности, активным развитием практик построения и трансформации виртуального тела.

Доминирование практик искусственной трансформации тела в современной культуре телесности обусловлено глобальными процессами социального, культурного и духовного отчуждения личности и является дополнением к этим формам отчуждения — отчуждением человека от своего физического тела.

Отчуждение человека от физического тела как феномен современной культуры является дегуманистическим процессом, который требует коррекции как на уровне индивидуального поведения современного человека, так и на уровне социальной организации общества.

Список источников

1. Антонова Н.Л. Трансформация представлений молодежи о теле // Теория и практика общественного развития. 2022. №9. С. 15–18.
2. Бранд Г.А. «Тело в культуре»: исторические трансформации // Studia Culturae. 2015. Вып. 4(26). С. 40–46.
3. Бугуева Н.А. Техники трансформации человеческого тела как один из способов социализации телесности // Вестник Челябинского государственного университета. Философия, социология, культурология. 2011. №18(233). С. 60–64.
4. Быховская И.М. Физическая культура как культура тела: антропологический контрапункт природного и социального // Вестник МГПУ. Серия: Естественные науки. 2020. №4(40). С. 92–109.
5. Власова Е.В., Браславец О.Н. Трансформация тела как ценность // Система интеграции в здравоохранении. 2020. №1(47). С. 30–35.
6. Пронькина А.В. Социокультурные практики трансформации тела как вердикт

современности // Культура и цивилизация. 2016. №4. С. 66–73.

7. Соснина Н.О., Герасимова Ю.Л., Иванова Я.В. Мода и тело. Модные стандарты и индивидуальные коды [Электронный ресурс] // Костюмология. 2021. №2. URL: <https://kostumologiya.ru/PDF/151VKL221.pdf> (дата обращения: 17.04.2023).

8. Чукуров А.Ю. Трансформация физического и социального тела в контексте формирования самоидентичности // Ярославский педагогический вестник. 2017. №3. С. 268–273.

9. Шибкова В.П., Комендантов Г.А. Влияние атлетической гимнастики на формирование тела // Вестник научных конференций. 2015. №1-7(1). С. 63–68.

10. Шуляк Д.А., Тимофеева И.Ю. Боди-арт, тату, экстремальный макияж и другие практики трансформации тела в современной культуре // Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований: Материалы IV Всероссийской национальной научной конференции. Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2021. С. 293–294.

11. Яковлева Е.Д. Осмысляя современные трансформации: гламурное тело // Бюллетень науки и практики. 2017. №1(14). С. 222–228.

References

1. Antonova N.L. Transformacija predstavlenij molodezhi o tele [Transformation of youth's ideas about the body]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development]. 2022; (9): 15–18. (In Russ.).
2. Brand G.A. «Telo v kul'ture»: istoricheskie transformacii [«The body in culture»: historical transformations]. *Studia Culturae*. 2015; 4(26): 40–46. (In Russ.).
3. Bugueva N.A. Tehniki transformacii chelovecheskogo tela kak odin iz sposobov socializacii telesnosti [Techniques of transformation of the human body as one of the ways of socialization of physicality]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija, sociologija, kul'turologija* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy, soci-

ology, cultural studies]. 2011; 18(233): 60–64. (In Russ.).

4. Byhovskaja I.M. Fizicheskaja kul'tura kak kul'tura tela: antropologicheskij kontrapunkt prirodnogo i social'nogo [Physical culture as a culture of the body: anthropological counterpoint of natural and social]. *Vestnik MGPU. Serija: Estestvennye nauki* [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Natural Sciences]. 2020; 4(40): 92–109. (In Russ.).

5. Vlasova E.V., Braslavets O.N. Transformacija tela kak cennost' [Transformation of the body as a value]. *Sistema integracii v zdravooohranenii* [The system of integration in healthcare]. 2020; 1(47): 30–35. (In Russ.).

6. Pron'kina A.V. Sociokul'turnye praktiki transformacii tela kak verdikt sovremennosti [Socio-cultural practices of body transformation as a verdict of modernity]. *Kul'tura i civilizacija* [Culture and civilization]. 2016; (4): 66–73. (In Russ.).

7. Sosnina N.O., Gerasimova Ju.L., Ivanova Ja.V. Moda i telo. Modnye standarty i individual'nye kody [Fashion and body. Fashion standards and individual codes] [Elektronnyj resurs]. *Kostjumologija* [Costumology]. 2021; (2). URL: <https://kostjumologiya.ru/PDF/15IVKL221.pdf> (data obrashhenija: 17.04.2023). (In Russ.).

8. Chukurov A. Ju. Transformacija fizicheskogo i social'nogo tela v kontekste formirovaniya samoidentichnosti [Transformation of

the physical and social body in the context of the formation of self-identity]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2017; (3): 268–273. (In Russ.).

9. Shibkova V.P., Komendantov G.A. Vlijanie atleticheskoy gimnastiki na formirovanie tela [The influence of athletic gymnastics on the formation of the body]. *Vestnik nauchnykh konferencij* [Bulletin of scientific conferences]. 2015; 1-7(1): 63–68. (In Russ.).

10. Shuljak D.A., Timofeeva I. Ju. Bodi-art, tatu, jekstremal'nyj makijazh i drugie praktiki transformacii tela v sovremennoj kul'ture [Body art, tattoo, extreme makeup and other body transformation practices in modern culture]. *Molodezh' i nauka: aktual'nye problemy fundamental'nyh i prikladnyh issledovanij: Materialy IV Vserossijskoj nacional'noj nauchnoj konferencii* [Youth and science: actual problems of fundamental and applied research: Materials of the IV All-Russian National Scientific Conference]. Komsomol'sk-na-Amure: Komsomol'skij-na-Amure gosudarstvennyj universitet, 2021. P. 293–294. (In Russ.).

11. Jakovleva E.D. Osmyslajaja sovremennye transformacii: glamurnoe telo [Comprehending modern transformations: glamorous body]. *Bjulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice]. 2017; 1(14): 222–228. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.04.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 14.06.2023.

The article was submitted on 30.04.2023; approved after reviewing on 18.05.2023; accepted for publication on 14.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волохова Елена Викторовна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Юриспруденция», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Elena V. Volokhova — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Jurisprudence, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Молоканов Александр Александрович — старший преподаватель кафедры «Физвоспитание», Донской государственной аграрный университет.

Россия, п. Персиановский, ул. Кривошлыкова, 24

Aleksandr A. Molokanov — Senior Lecturer of the Department of Physical Education, Don State Agrarian University.

24 Krivoshlykova str., Persianovsky v., Russia

Вклад авторов:

Волохова Е. В. — научное руководство; концепция исследования; написание исходного текста; итоговые выводы.

Молоканов А. А. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Volokhova E. V. — scientific management; research concept; writing the source text; final conclusions.

Molokanov A. A. — follow-on version of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 13:82.01

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-189-195

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Мария Евгеньевна Денищенко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
mdenishenko@sfedu.ru, ORCID: 0009-0007-2799-2256

Аннотация. *Цель* данной статьи заключается в обосновании актуальности проблемы диалога поколений в условиях современной цифровой реальности для социальной философии с позиций более глубокого проникновения в природу межпоколенческих отношений и их прогнозирования в период смены эпох (доцифровой на цифровую).

Методологические основания базируются на осмыслении и обобщении сложившегося в социально-философском и социологическом поле дискурса в области оценки характера межпоколенческих отношений в современном российском обществе с учетом разнообразия исследовательских позиций, сформировавшихся по вопросу о наличии/отсутствии конфликта поколений, влияния цифровизации на взаимодействие доцифрового и цифрового поколений.

Результаты исследования. Обосновывается важность более глубокого понимания природы межпоколенческих отношений в цифровую эпоху с позиций кардинальных изменений самой реальности в результате смены эпох, в связи с чем предлагается использовать потенциал феноменологического, экзистенциального подходов, а также концепцию коммуникативно-диалогового пространства как ключевых для объяснения, измерения и разработки перспективных направлений формирования диалоговой культуры межпоколенческих отношений в России.

Перспективы исследования связаны с разработкой методологической модели социально-философского изучения межпоколенческого диалога в границах указанных методологических подходов и ее реализации в рамках изучения жизненных миров разных поколений россиян в контексте реалий их взаимодействия и перспектив сближения в условиях глобальной цифровизации.

Ключевые слова: диалог, поколение, межпоколенческий диалог, межпоколенческие отношения, диалоговая культура, доцифровое поколение, цифровое поколение, цифровое общество

Для цитирования: Денищенко М. Е. Межпоколенческий диалог в российском обществе как актуальная проблема социально-философской рефлексии // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 189–195. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-189-195>.

Original article

INTERGENERATIONAL DIALOGUE IN RUSSIAN SOCIETY AS AN ACTUAL PROBLEM OF SOCIO-PHILOSOPHICAL REFLECTION

Maria E. Denishchenko

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
mdenishenko@sfedu.ru, ORCID: 0009-0007-2799-2256*

Abstract. *The purpose of this article is to substantiate the relevance of the problem of the dialogue of generations in the conditions of modern digital reality for social philosophy from the standpoint of a deeper insight into the nature of intergenerational relations and their prediction during the change of epochs (pre-digital to digital).*

The methodological foundations are based on the comprehension and generalization of the discourse that has developed in the socio-philosophical and sociological field in the field of assessing the nature of intergenerational relations in modern Russian society, taking into account the diversity of research positions formed on the issue of the presence/absence of generational conflict, the impact of digitalization on the interaction of pre-digital and digital generations.

The results of the study. The author substantiates the importance of a deeper understanding of the nature of intergenerational relations in the digital age from the standpoint of cardinal changes in reality itself as a result of the change of epochs, in connection with which it is proposed to use the potential of phenomenological, existential approaches, as well as the concept of communicative and dialog space as key for explaining, measuring and developing promising directions for the formation of a dialog culture of intergenerational relations in Russia.

The prospects of the research are connected with the development of a methodological model for the socio-philosophical study of intergenerational dialogue within the boundaries of these methodological approaches and its implementation in the framework of studying the life worlds of different generations of Russians in the context of the realities of their interaction and prospects for rapprochement in the context of global digitalization.

Keywords: *dialogue, generation, intergenerational dialogue, intergenerational relations, dialog culture, pre-digital generation, digital generation, digital society*

For citation: *Denishchenko M.E. Intergenerational dialogue in Russian society as an actual problem of socio-philosophical reflection // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 189–195. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-189-195>.*

Введение: диалог поколений как актуальная проблема современной реальности. Межпоколенческая проблематика в различных ее тематических ипостасях и сюжетах относится к тем, которые можно назвать вечными, так как каждое поколение несет свои ценности, свое видение мира, исторических событий и сами события, формирующие ее собственное восприятие реальности. Именно в диалоге поколений происходит встреча на-

стоящего, прошлого и будущего как культурных миров [4].

Таким образом, диалог поколений в своей основе выступает в форме диалога культур. В свою очередь, диалог культур — это форма существования культуры, которая не может развиваться вне культурного взаимодействия и обмена, в том числе и межпоколенческого. История и культура творятся и воспроизводятся посредством этого естес-

твенного для общества механизма — смены поколений. Являясь субъектом исторической деятельности, каждое поколение характеризуется набором общих признаков, отличающих одно поколение от другого, прежде всего единством духа, сознания, мировоззрения, ценностных установок и ориентаций, которые формируются в результате проживания одного исторического времени в одинаковых социальных, культурных, политических условиях, требующих решения определенных социальных задач и осуществления определенных ролей и функций [2].

В процессе диалога поколений, если таковой имеет место в межпоколенческом взаимодействии, происходит обмен поколенческим опытом, поколенческими ценностями, осуществляется преемственность поколений, без которой механизм общественного воспроизводства не может быть эффективным. В свою очередь, диалог поколений может состояться только при наличии определенных условий, важнейшими из которых являются уважение к культуре каждого поколения, принятие за основу его права на самовыражение, самоопределение, собственное видение мира. Иными словами, диалоговая культура отношений между поколениями — это диалог равных культур, при котором ни одно из поколений не стремится навязать собственное видение мира, собственные ценности в стремлении подавить, подчинить культуру другого поколения. Эта диалоговая культура базируется на равенстве и толерантности. В противном случае речь будет идти не о диалоговой, а монологичной культуре межпоколенческих отношений, а она несет с собой конфликтогенный потенциал и является источником социальных противоречий и кризисов.

Сложилась ли диалоговая культура межпоколенческих отношений в современном российском обществе? Можно ли сказать, что между старшим и молодым поколениями россиян в процессе взаимодействия в различных сферах жизнедеятельности реализуется именно диалоговая стратегия общения? Вероятно, идеальных отношений достичь в межпоколенческом взаимодействии не удавалось еще никогда в истории человечества, а потому речь идет о максимально возможном уровне гармоничности в межпоколенческом общении, но позиции исследователей в отно-

шении этого вопроса противоречивы. Если одни полагают, что разрыв между поколениями имеет место быть [8], то другие утверждают, что такового не существует в современной действительности и вопрос «отцов» и «детей» давно снят с повестки дня [14].

Мы считаем, что цифровая эпоха, в которую вступило общество в период бурного развития информационных технологий, наполнила социальное пространство противоречиями, проявляющимися в том числе и в сфере межпоколенческих отношений. Современное молодое поколение уже называют цифровым, но в одном социальном поле с ним находится и доцифровое поколение, что выступает основанием для «цифрового разрыва», о котором пишут исследователи [12].

Таким образом, есть все основания полагать, что не столь все очевидно в ситуации межпоколенческих отношений в современном российском обществе, что есть большая потребность в поиске механизмов и стратегий выстраивания диалоговой площадки отношений между разными поколениями, а для этого необходим глубокий научный анализ как состояния межпоколенческих отношений в условиях современной реальности, так и факторов, обуславливающих их диалоговый или недиалоговый (конфликтогенный) формат. Межпоколенческие отношения выступают предметом изучения различных отраслей социально-гуманитарного знания, но предметное поле исследования диалога как формы межпоколенческих отношений предполагает обращение к потенциалу социально-философского знания.

Межпоколенческие основания в условиях цифрового общества: конфликт или диалог? Итак, основной вопрос, которым задаются исследователи, связан с оценкой сложившихся на современном этапе отношений между поколениями в российском обществе. Сама цифровая реальность остро ставит этот вопрос, поскольку уже не одна реальность определяет социализацию поколений и пространство взаимодействия и самоопределения человека. Виртуальная реальность конкурирует с традиционной, не опосредованной цифровыми технологиями, и остро ставит вопросы взаимодействия между поколением, у которого было «цифровое» детство, и тем, у которого

оно было другим, без погружения в виртуальное/цифровое пространство [5]. По этой причине современные ученые, поднимая вопрос о межпоколенческих разрывах, связывают их все чаще с цифровой средой по ряду причин.

Прежде всего, переход к цифровой эпохе привел к изменению механизма передачи социокультурного опыта молодым поколениям. Теперь молодежь осваивает социальный опыт, взрослеет, социализируется во многом в виртуальном пространстве, не контролируемом со стороны традиционных агентов социализации, а последняя в этой связи приобретает во многом стихийный характер [11].

Немаловажен также тот факт, что осваиваемый молодежью опыт не носит фундаментального характера, не проживается ею основательно, так как быстро устаревают, перестают быть актуальными для быстро меняющейся социальной реальности, т.е. сам механизм освоения социального опыта молодежью принципиально отличается от того, каким образом, с какой мотивацией и жизненными ориентирами происходило освоение социального опыта у старших поколений. Для них полученный в юношеском возрасте опыт изначально был ориентиром на будущее и носил фундаментальный характер. Разрыв понимания, восприятия социального, отношения к нему со стороны старших и молодых поколений сегодня различаются — то, что проносилось через всю жизнь у старших поколений, было ценным, хранимым (это касалось как идей, ценностей, информации, жизненных ориентиров, так и материальных благ, вещей), для молодых такой значимости уже не имеет. И данная позиция не требует оценки по шкале «плохо-хорошо». Это данность, ее источником выступает та самая реальность, изменившая до неузнаваемости мир детства, от которого, как хорошо известно, происходят последующие жизненные события. Детство проходит, но не забывается. Оно остается в нас, в нашем отношении к миру, в наших ценностях, коммуникативных навыках и т.д. [3]. Проникновение в этот мир, в особенности социализации детей, в их мироощущение, понимание его с позиций реалий современного мира может раскрыть многие тайны и источники детско-родительских конфликтов, а также вывести на путь сближения поколений.

Молодое поколение живет не только в цифровом обществе. Оно также является продуктом общества потребления, а потребительская идеология, потребительство настолько глубоко проникло в ткань общественных отношений и индивидуальное сознание [6], что социум не мог не измениться. Теперь не только вещи утратили значимость как предметы длительного пользования, как некая ценность, но и сами социальные отношения уже не рассматриваются в координатах постоянства, продолжительности, устойчивости. Цифровые технологии и цифровизация социальной жизни стремительно укорачивают «жизнь» вещей, инструментальных ценностей, моделей и образцов поведения, что в итоге приводит к обесцениванию понятий, связанных со стратегией «на всю жизнь», на фоне закрепления другой жизненной позиции и стратегии — «здесь и сейчас». Старшие поколения, формировавшиеся в идейных позициях первой формулы («на всю жизнь»), не всегда могут понять и воспринять иную модель жизни, в которой все быстро меняется, стихийно забывается, становится ненужным, в которой нет места чему-то вечному, важному в течение всей жизни. Чем значительнее возрастной разрыв между поколениями, тем сильнее проявляется это непонимание, тем меньше надежд для создания диалоговой культуры отношений между поколениями. Это подтверждают результаты эмпирических опросов на протяжении всего постсоветского периода. Проанализировав результаты исследований НИУ ВШЭ за период с 1994 по 2020 годы, социологи пришли к выводу, что на сотрудничество и диалог между поколениями в меньшей степени настроено старшее поколение, нежели молодое, что объясняет также и высокий уровень интолерантности по отношению к молодежи со стороны граждан в возрасте 60+, выражающих множество претензий молодежи из-за ее образа жизни, непонятного и невразумительного с точки зрения старших поколений [7]. При подобном отношении дистанция между поколениями будет только нарастать, поскольку «игра в одни ворота», когда одно поколение навязывает свое видение жизни, не учитывая право на иное мировоззрение, иные ценности и модели поведения, выступает основанием монолога, а никак не диалога [4].

Стоит ли винить молодежь, как это было традиционно принято с древних времен («молодежь пошла не та...»), в том, что она другая, что не ориентируется на мнение и опыт старших поколений? Наверное, стоит задаться вопросом: а что может дать цифровому поколению доцифровое? Может ли оно передать адекватный современной реальности адаптивный опыт, с которым молодежь добьется жизненного успеха в обществе тотальной неопределенности, в обществе риска, в мире, который называют мобильным?

Может быть, прав Н. У. Ярычев, что проблема не в конкретном поколении или поколениях, не в межпоколенческих отношениях и конфликтах, которых не существует, а в самой реальности, порождающей проблемы цивилизационного, политического, культурного порядка [14]? Смена эпох — доцифровая/цифровая — априори стала сменой стандартов жизни, механизмов передачи и применения социокультурного опыта, и, на наш взгляд, близкий к выше указанному мнению, следует искать пути, площадки, платформы и механизмы сближения поколений, акцентируя внимание не на поколенческих конфликтах и разрывах, не на различиях, которых не избежать ввиду смены эпох, а на том общем, что имеется и что можно сформировать, отталкиваясь не от мифических и идеалистических представлений, а от самой реальности.

Выводы. Не вызывает сомнений тот факт, что «в основе нормального процесса социального воспроизводства лежат отлаженные и гармоничные отношения между поколениями» [9, с. 303], поскольку только солидарные межпоколенческие отношения способствуют эффективному решению острых социальных проблем и прогрессивному развитию общества, поддержанию социальной стабильности и преемственности базовых ценностей вневременного характера. Диалог поколений необходим обществу для самосохранения, что предполагает необходимость формирования диалоговой культуры межпоколенческих отношений. Ее создание предполагает выработку методологических параметров для изучения межпоколенческих отношений в условиях цифровой реальности, в которой различные поколения как носители разного социокультурного опыта и цен-

ностей, сосуществуя в одном пространстве и символизируя собой смену эпох, по-разному воспринимают изменившуюся реальность, ее недостатки и преимущества. Представляется важным использование методологического потенциала феноменологического подхода в изучении межпоколенческих отношений и диалога поколений, поскольку с его помощью жизненные миры поколений предстают не только как уникальные в своей самости, но и способные к пониманию и взаимопроникновению в процессе взаимодействия друг с другом [13]. Более глубокое проникновение в жизненный мир цифрового поколения, бытие которого не ограничивается одним миром, а осуществляется и в реальном, и в виртуальном мирах, дает использование экзистенциального подхода [1]. И, конечно же, если мы говорим о межпоколенческом диалоге, то невозможно обойтись без теории коммуникации. В частности, одной из потенциально полезных с научной и практической точки зрения видится концепция коммуникативно-диалогового пространства [10]. Данная концепция в соответствии с разработанным теоретическим полем и методологическим инструментарием характеризуется возможностью не только описывать диалоговые ситуации, элементы диалоговых отношений, всевозможные связи между ними, но также измерять и прогнозировать развитие диалоговых отношений.

Список источников

1. Богданова В. О. Экзистенциальный подход к исследованию бытия цифрового поколения // Социум и власть. 2022. №3(93). С. 17–24. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-3-17-24.
2. Введенская О. В. Диалог поколений как диалог культур // Общество: философия, история, культура. 2017. №11. С. 116–120.
3. Верещагина А. В., Бандурин А. П., Самыгин С. И. Детство в условиях городской среды: риски социализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. №4. С. 37–40.
4. Евлахов А. Диалог поколений: что предпринять и чего не делать? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.znание.org/docs/Dialog.pdf?ysclid=lj56nalf3y482175093> (дата обращения: 15.05.2023).

5. Зайкова А.С. Цифровое детство — новый разрыв между родителями и детьми? // Человек.RU. 2022. №17. С. 106–113. DOI: 10.32691/2410-0935-2022-17-106-113.

6. Ильин А.Н. Общество потребления и его сущностные особенности // Ценности и смыслы. 2013. №6(28). С. 22–36.

7. Козырева П.М., Смирнов А.И. Оценка возможности взаимопонимания и сотрудничества поколений в постсоветской России (по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ 1994–2020 гг.) [Электронный ресурс] // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 12: сборник научных статей. М.: НИУ ВШЭ, 2022. С. 129–149. URL: <https://www.hse.ru/rlms/vestnik#vestnik12>.

8. Махмутова Е.В. Межпоколенческий баланс в цифровую эпоху: глобальное измерение // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. №6. С. 11–16. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-11-16.

9. Попова Е.В. Философские аспекты межпоколенческих конфликтов // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2012. Т. 25. №1-2(64). С. 303–309.

10. Радовель М.Р. Коммуникативно-диалоговое пространство как инструмент анализа диалоговых отношений [Электронный ресурс] // Современные научные исследования. 2011. №1(1). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18751688_19023568.pdf (дата обращения: 15.05.2023).

11. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. «Цифровая» ситуация развития межпоколенческих отношений: разрыв и взаимодействие между подростками и родителями в Интернете // Мир психологии. 2017. №1(89). С. 134–143.

12. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. «Цифровой разрыв» и межпоколенческие отношения детей и родителей // Психологический журнал. 2016. Т. 37. №5. С. 44–54.13. Черномазова Ю.А. Я и Другой: коммуникация поколений в экзистенциально-феноменологической перспективе // Общество: философия, история, культура. 2022. №12(104). С. 163–166. DOI: 10.24158/fik.2022.12.25.

14. Ярычев Н.У. Теоретические основы культурно-цивилизационных и националь-

но-исторических оснований диалога поколений // Известия Чеченского государственного университета. 2017. №2(6). С. 179–184.

References

1. Bogdanova V.O. Jekzistencial'nyj podhod k issledovaniju bytija cifrovogo pokolenija [Existential approach to the study of the existence of the digital generation]. *Socium i vlast'* [Society and power]. 2022; 3(93): 17–24. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-3-17-24. (In Russ.).

2. Vvedenskaja O.V. Dialog pokolenij kak dialog kul'tur [Dialogue of generations as a dialogue of cultures]. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. 2017; (11): 116–120. (In Russ.).

3. Vereshhagina A.V., Bandurin A.P., Samygin S.I. Detstvo v uslovijah gorodskoj sredy: riski socializacii [Childhood in an urban environment: risks of socialization]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2016; (4): 37–40. (In Russ.).

4. Evlahov A. Dialog pokolenij: chto predprinjat' i chego ne delat'? [Dialogue of generations: what to do and what not to do?] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.znanie.org/docs/Dialog.pdf?ysclid=lj56nalf3y482175093> (data obrashhenija: 15.05.2023). (In Russ.).

5. Zajkova A.S. Cifrovoe detstvo — novyj razryv mezhdu roditeljami i det'mi? [Digital childhood — a new gap between parents and children?]. *Chelovek.RU*. 2022; (17): 106–113. DOI: 10.32691/2410-0935-2022-17-106-113. (In Russ.).

6. Il'in A.N. Obshhestvo potreblenija i ego sushhnostnye osobennosti [Consumer society and its essential features]. *Cennosti i smysly* [Values and Meanings]. 2013; 6(28): 22–36. (In Russ.).

7. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Ocenka vozmozhnosti vzaimoponimaniya i sotrudnichestva pokolenij v postsovetsoj Rossii (po dannym RMJeZ NIU VShJe 1994–2020 gg.) [Assessment of the possibility of mutual understanding and cooperation of generations in post-Soviet Russia (according to the data of the HSE Research Institute 1994–2020)] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik Rossijskogo monitoringa jekonomicheskogo polozhenija i zdorov'ja naselenija NIU VShJe (RLMS-HSE)*. Vyp. 12:

сbornik nauchnyh statej. Moscow: NIU VShJe, 2022. P. 129–149. URL: <https://www.hse.ru/rf/vedestnik/vedestnik12>. (In Russ.).

8. Mahmutova E. V. Mezhpokolencheskij balans v cifrovuju jepohu: global'noe izmerenie [Intergenerational balance in the digital age: global dimension]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University]. 2021; 11(6): 11–16. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-11-16. (In Russ.).

9. Popova E. V. Filosofskie aspekty mezhpokolencheskih konfliktov [Philosophical aspects of intergenerational conflicts]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Filosofija. Kul'turologija. Politologija. Sociologija* [Scientific notes of V.I. Vernadsky Tauride National University. Series: Philosophy. Cultural studies. Political science. Sociology]. 2012; 1-2(64): 303–309. (In Russ.).

10. Radovel' M. R. Kommunikativno-dialogovoe prostranstvo kak instrument analiza dialogovyh otnoshenij [Communicative-dialog space as a tool for analyzing dialog relations] [Elektronnyj resurs]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya* [Modern scientific research]. 2011; 1(1). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18751688_19023568.pdf (data obrashcheniya: 15.05.2023). (In Russ.).

11. Soldatova G. U., Rasskazova E. I. «Cifrovaja» situacija razvitija mezhpokolencheskih otnoshenij: razryv i vzaimodejstvie mezhdu podrostkami i roditeljami v Internetе [«Digital» situation of the development of intergenerational relations: the gap and interaction between adolescents and parents on the Internet]. *Mir psihologii* [World of Psychology]. 2017; 1(89): 134–143. (In Russ.).

12. Soldatova G. U., Rasskazova E. I. «Cifrovoy razryv» i mezhpokolencheskie otnoshenija detej i roditel'ej [«Digital gap» and intergenerational relations of children and parents]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal]. 2016; 37(5): 44–54. (In Russ.).

13. Chernomazova Ju. A. Ja i Drugoj: kommunikacija pokolenij v jekzistencial'no-fenomenologicheskoj perspektive [I and the Other: communication of generations in an existential-phenomenological perspective]. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. 2022; 12(104): 163–166. DOI: 10.24158/fik.2022.12.25. (In Russ.).

14. Jarychev N. U. Teoreticheskie osnovy kul'turno-civilizacionnyh i nacional'no-istoricheskikh osnovanij dialoga pokolenij [Theoretical foundations of cultural-civilizational and national-historical foundations of the dialogue of generations]. *Izvestija Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Chechen State University]. 2017; 2(6): 179–184. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 04.06.2023.

The article was submitted on 28.04.2023; approved after reviewing on 18.05.2023; accepted for publication on 04.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Денищенко Мария Евгеньевна — ведущий специалист отдела расчетов и экономического анализа, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

Maria E. Denishchenko — Leading Specialist of the Department of Calculations and Economic Analysis, Southern Federal University.

105/42 B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 304.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-196-202

ТРУДОВАЯ ЭТИКА В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Эдуард Федорович Касьян

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
kafedra.konfliktologiya@mail.ru, ORCID: 0009-0003-4681-2709

Аннотация. *Цель статьи* заключается в определении предметных границ социально-философского анализа трансформации трудовой этики в современной реальности с позиций наиболее сильно влияющих на данный процесс факторов социокультурной динамики.

Методология исследования выстраивается на принципах экзистенциальной философии, определяющей самоценность труда как необходимое условие человеческого бытия и эволюции человечества, а также методах критического анализа и обобщения.

Результаты исследования сводятся к выводу о том, что критическое для современной человеческой цивилизации изменение этических оснований труда связано с изменением отношения к потреблению. Последнее заняло доминантные позиции в сознании человека и общества, стало массовой идеологией и лишило труд его экзистенциальной значимости для человека. Такая ротация позволяет ряду исследователей прогнозировать смену цивилизационного типа с трудового на досуговый. Но есть и иная точка зрения, согласно которой в современном обществе идет формирование новой трудовой этики под влиянием цифровой эпохи. Обе позиции имеют право на существование, так как сложились в различных предметно-методологических плоскостях — «цифровой» и «консьюмеристской». В результате апологеты новой трудовой этики выглядят излишне оптимистично, а сторонники критичного подхода излишне драматизируют ситуацию с трудовой этикой.

Перспективы исследования просматриваются в разработке концепции трансформации трудовой этики в условиях доминирующих в современном обществе тенденций (цифровизации, онлайнизации, консьюмеризации и т.д.) в границах холистского подхода, что позволит создать методологическую основу для всестороннего социально-философского анализа указанной проблемы.

Ключевые слова: труд, трудовая этика, общество потребления, потребительство, трансформация

Для цитирования: Касьян Э. Ф. Трудовая этика в обществе потребления: социально-философский анализ // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 196–202. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-196-202>.

Original article

WORK ETHICS IN THE CONSUMER SOCIETY: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Eduard F. Kasyan

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
kafedra.konfliktologiya@mail.ru, ORCID: 0009-0003-4681-2709

Abstract. *The purpose of the article is to determine the subject boundaries of the socio-philosophical analysis of the transformation of work ethics in modern reality from the standpoint of the factors of socio-cultural dynamics that most strongly influence this process.*

The research methodology is based on the principles of existential philosophy, which defines the self-worth of work as a necessary condition for human existence and the evolution of mankind, as well as methods of critical analysis and generalization.

The results of the study come to the conclusion that a critical change in the ethical foundations of labor for modern human civilization is associated with a change in the attitude to consumption. The latter took dominant positions in the consciousness of man and society, became a mass ideology and deprived labor of its existential significance for man. Such rotation allows a number of researchers to predict the change of the civilizational type from labor to leisure. But there is another point of view, according to which a new work ethic is being formed in modern society under the influence of the digital age. Both positions have the right to exist, as they have developed in various subject-methodological planes — «digital» and «consumerist». As a result, the apologists of the new work ethic look overly optimistic, and the supporters of the critical approach overly dramatize the situation with work ethics.

The prospects of the research are seen in the development of the concept of transformation of work ethics in the conditions of dominant trends in modern society (digitalization, onlineization, consumerization, etc.) within the boundaries of a holistic approach, which will create a methodological basis for a comprehensive socio-philosophical analysis of this problem.

Keywords: *labor, work ethics, consumer society, consumerism, transformation*

For citation: *Kasyan E. F. Work Ethics in the consumer society: a socio-philosophical analysis // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 196–202. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-196-202>.*

Постановка проблемы. Труд в любом обществе в любое время играл важнейшую роль в формировании личности, в социокультурной динамике, определяя ценностно-смысловой фундамент эпохи. Он сам по себе выступает неким модусом общественной морали, которая менялась по мере смены общественных формаций, цивилизационных типов, и сегодня «в разнополярном, разнотемповом, противоречивом развитии социума формируются новые модусы морали (моральных отношений, моральных ценностей,

моральной регуляции), отличные от традиционных типов, характеризующиеся высокой степенью эластичности, вариативности, метаморфозами своих проявлений» [10, с. 74]. Соответственно, трансформируется и этическая составляющая труда, отражающая нравственно-ценностное отношение к нему со стороны отдельной личности, социума в целом и измеряемая различными параметрами, среди которых и мотивация труда, и его цели, отношение к процессу и результатам труда [4].

Труд — явление многогранное, поскольку только в труде человек социализируется, созидая, прежде всего, себя. Это самосозидание зависит от ценностного отношения к труду, которое и составляет суть трудовой этики и определяет социально-экономический генотип общества, характер развития его трудовой сферы [3]. Само общество стало возможным только благодаря труду, а трудовая этика каждого общества, по сути, есть его социокультурный код, в котором отражается отношение личности к окружающей действительности, к людям, к себе как профессионалу, субъекту профессионально-трудовых отношений и личности.

Любой тип общества, переход к нему в результате смены эпох, общественной эволюции можно описать сквозь призму трансформации трудовой этики, так как труд выступает «основной формой жизнедеятельности человеческого общества, исходным условием его бытия, которое определяет способ отношения человека к миру и человека к другому человеку» [7, с. 79]. Потребительское общество, с которым ассоциируется современный этап развития человеческой цивилизации, — не исключение.

Да, современное общество описывается и в других терминах, таких как «цифровое общество» [11], «сетевое общество» [8], «информационное общество» [9], «общество риска» [1], но в контексте проблемы трансформации трудовой этики в условиях современной реальности именно концепт потребительского общества или общества потребления является наиболее инструментальным, позволяющим показать истоки глубинных трансформаций в отношении человека и общества к труду как этической норме.

Трудовая этика в условиях общества потребления: факторы и векторы трансформации. Потребление как человеческая практика и явление столь же древнего происхождения, как и само общество, но почему же тогда именно современное общество называют потребительским? На этот вопрос уже дан ответ многими исследователями, и суть ответа сводится к тому, что практики потребления не просто приобрели массовый характер, стали нормой повседневной жизни, а стали составлять саму сущность челове-

ческого бытия в материальном и нематериальном мире, выйдя за пределы мира вещей. Идеология потребительства стала основанием мировоззрения современного человеческого общества, а само потребление трансформировалось в «тип отношений, формирующий определенную культуру, систему сугубо материалистических норм и ценностей, основой которой является приобретение благ и использование их как символов своего статуса и успеха» [5, с. 23].

Иными словами, потребление рассматривается в качестве индикатора социальной успешности, что порождает такое явление, как демонстративное потребление [12]. Оно, по сути, изменило сам смысл потребления, придав ему символический характер, когда демонстрация потребления становится важнее удовлетворения самой потребности. В данном контексте стоит привести определение общества потребления, согласно которому оно рассматривается как «совокупность отношений, где господствует выступающий смыслом жизни символизм материальных объектов, влекущий потребителей приобретать вещи и тем самым наделять себя определенным статусом» [5, с. 23–24].

О потребительском обществе исследователи говорят также в контексте избыточного потребления. Так, В. В. Хренков отмечает, что «Современная культура — в интересах прибыли бизнеса, банков и в целом всей социально-экономической системы — стимулирует множество ложных, избыточных потребностей, реализация которых в полной мере для многих людей оказывается проблематичной или недостижимой» [13, с. 127]. Трудно для многих также соответствовать стандартам, которые культивируются потребительским обществом, и в стремлении реализовать желаемое, соответствовать маркерам успешности, человек расставляет систему приоритетов и ценностей, из которых «ускользает» сущностное, духовное. Расставленные в таком, потребительском, порядке акценты не могут не изменить отношение к жизненно важным ценностям, к труду.

Итак, изменение отношения к потреблению стало источником изменения и отношения к труду, с которым традиционно связывали не только и не столько производство материальных и духовных ценностей, сколько

духовное становление самого человека, его совершенствование через труд. Сегодня труд превращается в средство удовлетворения потребностей, необязательно материальных, хотя они зачастую превалируют. Здесь важен контекст перехода от ценности труда как самоценности к инструментальной ее ипостаси — как средству, способу.

Статус труда в процессе этого перехода тоже меняется. Теперь его место в системе детерминирующих жизненные смыслы и практики заняло потребительство, которое, по мнению А. Н. Ильина, есть «социокультурная система, где социальная идентификация построена не в сфере труда и производства, а вне работы — прежде всего в развлечениях» [6, с. 115]. И, казалось бы, рост материальных и досуговых благ, комфорта, расширение спектра потребностей и возможностей их удовлетворения в век технического и информационного прогресса должны принести человеку счастье, но с потребительским обществом ученые не связывают категорию счастья и пишут о мнимом счастье, за которым вполне очевидно просматриваются проявления крайне негативного характера — стрессы, психические расстройства, дискомфортные, невротические состояния, имеющие массовое распространение в обществе потребления [13]. Это закономерное следствие смены формата человеческого бытия и типа человека, который, будучи создателем, производителем, трансформировался в потребителя. Труд для такого типа человека не является ценностно значимым. Более того, как подчеркивает А. Н. Ильин, труд в координатах консюмеризма идентифицируется с непопулярным и неблагородным (порой, даже унижительным) видом деятельности, что, соответственно, определяет людей, вынужденных тяжело трудиться, да еще и на малооплачиваемой работе, в категорию неудачников [6].

Таким образом, потребление как социокультурная система и система идентификации выступает стратифицирующим фактором. В обществе потребления формируется иные идентификационные стратегии, меняются ценностные акценты в этике труда, а сам труд утрачивает вазовые функции, среди которых важнейшей всегда была функция социализации. В процессе последней человек, включенный в трудовую деятельность, обретал

идентичность. Сегодня труд и формирование идентичности личности утратили тесную, неразрывную связь, а труд превратился в средство получения потребительских благ.

Такая трансформация этики труда, символизирующая парадигмальный переход от общества труда, общества производства к обществу потребления, не может не рассматриваться как социетальная катастрофа, ведущая к упадку человеческой цивилизации. И при том, что мы не сторонники апокалиптических прогнозов и позиций, такое искажение экзистенциальной сущности труда и трудовой этики порождает крайне тревожные размышления о судьбе человечества, описанные мыслителями задолго до наступления эпохи тотального потребления. В частности, можно вспомнить глубоко философский роман Антуана де Сент-Экзюпери «Цитадель», в котором провидчески показана судьба тех, для кого труд перестал быть сущностным основанием бытия.

Тем не менее в современном научном дискурсе, в том числе и философском, появляются труды, в которых выстраиваются попытки описать изменения в современном труде посредством обоснования новой трудовой этики. При этом поднимаются вопросы соотношения труда и свободы, свободы и справедливости в труде, отчуждения и принуждения в труде современного работника. В условиях появления и распространения новых форм труда, связанных с цифровизацией и онлайнизацией трудовой сферы, меняется и ценностная составляющая трудовой этики, но ее глубокий анализ, по мнению исследователей, требует использования соответствующих теоретических оснований, которые позволили бы раскрыть особенности современной этической концепции труда. Поиск этих теоретических оснований позволил Я. В. Григоровой выделить два, с ее точки зрения, наиболее подходящих для решения указанной задачи: постопераистская концепция и теория «проектного града», и на их основании новая трудовая этика предстает как результат переосмысления принципа справедливости и расширения индивидуальной свободы наемного работника, которая заключается в возможности самореализации при частичной отмене внешнего контроля, расширении пространства выбора и креативного решения тех или иных задач [2].

Таким образом, как предполагается, решается проблема отчужденности работника от продукта труда при том, что он работает на цели капиталистической организации, на капиталистическое накопление.

Резюме. Как видим, апология современного труда и его этических аспектов со стороны одних исследователей в социально-философском научном пространстве пересекается с ярко выраженной критикой происходящих изменений в труде, отношении к нему, что задает противоречивый и дискуссионный характер данной проблематике, значимость которой для существования и развития общества сложно переоценить, ибо благодаря труду человек стал человеком и только так он и может продолжить свою эволюцию.

Вместе с тем дезэволюционные тенденции, с нашей точки зрения, достаточно выражено присутствуют в трансформации трудовой этики современного общества, и эта трансформация носит явно циклический характер с точки зрения исторической динамики. Так, А.В. Шипилов в своей работе приходит к выводу о том, что фиксируемое на современном этапе негативное отношение к труду (как к антиценности) при повышении самооценности и самоцельности досуга уже имело место быть в истории человечества в эпоху Античности и Средневековья и может свидетельствовать о наступлении цивилизации досуга, которая сменит цивилизацию труда [14].

Мы полагаем, что смена типов цивилизации еще не произошла, но выявленные тенденции трансформации этической составляющей труда в современную эпоху не могут не ориентировать научное сообщество на более пристальное внимание и глубокий исследовательский подход к этой проблеме с тем, чтобы на уровне социального управления были приняты своевременные меры превентивного характера и в масштабах национальных систем безопасности.

Список источников

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000. 381 с.
2. Григорова Я.В. Обоснование формирования новой трудовой этики через при-

зму философии постопераизма и концепции «проектного града» // Технологос. 2021. №3. С. 45–53. DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.3.04.

3. Живой А.С. Трудовая этика российской молодежи: особенности формирования в условиях кризиса труда и трудовых ценностей // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 19. №3. С. 199–208.

4. Зимбули А.Е. Труд: нравственно-ценностные аспекты // Идеи и идеалы. 2014. Т. 1. №3(21). С. 29–38.

5. Ильин А.Н. Общество потребления и его сущностные особенности // Ценности и смыслы. 2013. №6(28). С. 22–36.

6. Ильин А.Н. Статус труда в обществе потребления // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. 2015. №3. С. 114–140.

7. Казанцева С.Г. Истоки российской трудовой этики // Основы экономики, управления и права. 2012. №5(5). С. 79–82.

8. Курочкин А.В., Антонов Г.К. Концепция сетевого общества в системе социального знания // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. №12. С. 14–17.

9. Марков А.А., Быстрынецов С.Б., Краснова Г.В. Информационное общество. Информационная безопасность. Информационные войны. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. 124 с.

10. Мяготин А.В. Профессиональная этика: современные ценности и смыслы // Ценности и смыслы. 2011. №2(11). С. 74–80.

11. Пацула А.В., Косинская Н.Б., Зырянова О.В. Цифровое общество или общество цифры // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Экономика и управление. 2022. №19. С. 16–19.

12. Печкуров И.В. Демонстративное потребление в современном российском обществе: к методологии исследования в широком историко-культурном контексте // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. №2. С. 58–67. DOI: 10.18522/2227–8656.2022.2.4.

13. Хренков В.В. Общество потребления как общество отсутствия счастья: социально-философский анализ // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2017. №1(197). С. 126–129.

14. Шипилов А.В. Труд и отношение к нему: до и после модерна // Общественные

науки и современность. 2021. №6. С. 61–72.
DOI: 10.31857/S086904990017880-0.

References

1. Bek U. Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk society. On the way to another modern]. Moscow: Progress-tradiciya, 2000. 381 p. (In Russ.).
2. Grigorova Ja. V. Obosnovanie formirovaniya novoy trudovoy jetiki cherez prizmu filosofii postoperaizma i koncepcii «proektnogo grada» [Substantiation of the formation of a new work ethic through the prism of the philosophy of post-operatism and the concept of «project city»]. *Tehnologos*. 2021; (3): 45–53. DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.3.04. (In Russ.).
3. Zhivoj A. S. Trudovaya jetika rossijskoj molodezhi: osobennosti formirovaniya v usloviyah krizisa truda i trudovyh cennostej [Labor ethics of Russian youth: features of formation in the conditions of labor crisis and labor values]. *Gumanitarnij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]*. 2016; 19(3): 199–208. (In Russ.).
4. Zimbuli A. E. Trud: нравственно-ценностные аспекты [Labor: moral and value aspects]. *Idei i idealy [Ideas and ideals]*. 2014; 3(21): 29–38. (In Russ.).
5. Il'in A. N. Obshhestvo potrebleniya i ego sushhnostnye osobennosti [Consumer society and its essential features]. *Cennosti i smysly [Values and meanings]*. 2013; 6(28): 22–36. (In Russ.).
6. Il'in A. N. Status truda v obshhestve potrebleniya [The status of labor in the consumer society]. *Informacionnyj gumanitarnyj portal Znanie. Ponimanie. Umenie [Information humanitarian portal Knowledge. Understanding. Ability]*. 2015; (3): 114–140. (In Russ.).
7. Kazanceva S. G. Istoki rossijskoj trudovoj jetiki [The origins of Russian work ethics]. *Osnovy jekonomiki, upravleniya i prava [Fundamentals of Economics, Management and Law]*. 2012; 5(5): 79–82. (In Russ.).
8. Kurochkin A. V., Antonov G. K. Koncepcija setevogo obshhestva v sisteme social'nogo znaniya [The concept of a network society in the system of social knowledge]. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika [Society: sociology, psychology, pedagogy]*. 2016; (12): 14–17. (In Russ.).
9. Markov A. A., Bystrjancev S. B., Krasnova G. V. Informacionnoe obshhestvo. Informacionnaja bezopasnost'. Informacionnye vojny [Information Society. Information security. Information wars]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj jekonomicheskij universitet, 2019. 124 p. (In Russ.).
10. Mjagotin A. V. Professional'naja jetika: sovremennye cennosti i smysly [Professional ethics: modern values and meanings]. *Cennosti i smysly [Values and meanings]*. 2011; 2(11): 74–80. (In Russ.).
11. Pacula A. V., Kosinskaja N. B., Zyrjanova O. V. Cifrovoe obshhestvo ili obshhestvo cifry [Digital society or digital society]. *Vestnik obrazovatel'nogo konsorciuma Srednerusskij universitet. Serija: Jekonomika i upravlenie [Bulletin of the Educational Consortium of the Central Russian University. Series: Economics and Management]*. 2022; (19): 16–19. (In Russ.).
12. Pechkurov I. V. Demonstrativnoe potreblenie v sovremennom rossijskom obshhestve: k metodologii issledovaniya v shirokom istoriko-kul'turnom kontekste [Demonstrative consumption in modern Russian society: towards a research methodology in a broad historical and cultural context]. *Gumanitarnij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]*. 2022; 11(2): 58–67. DOI: 10.18522/2227–8656.2022.2.4. (In Russ.).
13. Hrenkov V. V. Obshhestvo potrebleniya kak obshhestvo otsutstvija schast'ja: social'no-filosofskij analiz [Consumer society as a society of lack of happiness: socio-philosophical analysis]. *Trudy BGTU. Serija 6: Istorija, filosofija [Proceedings of BSTU. Series 6: History, philosophy]*. 2017; 1(197): 126–129. (In Russ.).
14. Shipilov A. V. Trud i otnoshenie k nemu: do i posle moderna [Labor and attitude to it: before and after modernity]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]*. 2021; (6): 61–72. DOI: 10.31857/S086904990017880-0. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.05.2023; одобрена после рецензирования 20.05.2023; принята к публикации 10.06.2023.

The article was submitted on 04.05.2023; approved after reviewing on 20.05.2023; accepted for publication on 10.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Касьян Эдуард Федорович — соискатель кафедры «Конфликтология и национальная безопасность», Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

Eduard F. Kasyan — Candidate of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

105/42 B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 304.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-203-211

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОЖАНИНА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИУМА

Максим Евгеньевич Козловский

**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия**
maksim.kozlovskiy.87@bk.ru, ORCID: 0000-0002-8606-646X, AuthorID РИНЦ: 176.59.64.12

Аннотация. *Цель статьи* заключается в анализе проблемы формирования городской идентичности в культурно-антропологических аспектах в контексте модернизации современного общества.

Методология исследования. *Статья базируется на социокультурном подходе, который позволяет выявить и рассмотреть культурную динамику формирования городов, а также на философско-антропологическом подходе, позволяющем раскрыть сущностные аспекты становления городского жителя.*

Результаты исследования заключаются в исследовании городской идентичности в современных цивилизационных условиях, которые изменились с прежнего традиционного на универсальный. Это явление связано, прежде всего, с урбанизацией и становлением городской культуры. В статье делается вывод о том, что города продолжают накапливать культурные достижения, обеспечивая наличие и рост человеческого капитала.

Перспективы исследования заключаются в культурном и антропологическом анализе современного горожанина в условиях глобализации.

Ключевые слова: городская культура, город, горожанин, урбанизация, мега-агломерация, экологический риск, субкультура, мегаполис

Для цитирования: Козловский М. Е. Культурно-антропологические аспекты формирования горожанина в условиях модернизации социума // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 203–211. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-203-211>.

Original article

CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF A CITIZEN IN THE CONDITIONS OF MODERNIZATION OF SOCIETY

Maxim E. Kozlovsky

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
maksim.kozlovskiy.87@bk.ru, ORCID: 0000-0002-8606-646X, AuthorID RSCI: 176.59.64.12*

Abstract. *The purpose of the article is to analyze the problem of urban identity formation in cultural and anthropological aspects in the context of modernization of modern society.*

Research methodology. *The article is based on a socio-cultural approach that allows us to identify and consider the cultural dynamics of the formation of cities, as well as a philosophical and anthropological approach that allows us to reveal the essential aspects of the formation of a city dweller.*

The results of the study *consist in the study of urban identity in modern civilizational conditions that have changed from the former traditional to universal. This phenomenon is primarily associated with urbanization and the formation of urban culture. The article concludes that cities continue to accumulate cultural achievements, ensuring the availability and growth of human capital.*

The prospects of the research *lie in the cultural and anthropological analysis of the modern citizen in the context of globalization.*

Keywords: *urban culture, city, citizen, urbanization, mega-agglomeration, environmental risk, subculture, megapolis*

For citation: *Kozlovsky M.E. Cultural and anthropological aspects of the formation of a citizen in the conditions of modernization of society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 203–211. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-203-211>.*

Введение. В определенном смысле можно говорить о том, что формирование глобальной экономической системы во многом связано с революцией, случившейся в самих городах. Технические новшества и самые передовые технологии если не всегда появлялись, то в первую очередь осваивались и применялись горожанами.

Оказалось, что феодальный порядок, основанный на сельском хозяйстве, был в той или иной степени вытеснен индустриальным порядком, основные бенефициары которого сосредоточивали свою власть именно в городах. Таким образом, в городах формируется новая элита, способная к планомерной глобализации не только экономики, но и культуры и политического пространства.

В результате произошедших событий горожанин (или буржуа), причем не обязательно понимаемый в марксистском смысле как владелец средств производства, становится самым распространённым антропологическим типом, к тому же в Новое время именно города превращаются в наиболее значимые научные центры. Культура горожан во многом представляет собой прототип универсальной культуры, причем как эгалитарной (массовой), так и вполне элитарной. Данное обстоятельство также напрямую связано с интенсификацией процесса урбанизации, который продолжается и по сегодняшний день, поэтому становится все сложнее рассматривать горожан в качестве отдельного сословия, включающего в себя средние слои населения.

Культурная специфика горожан: исторический экскурс. Развитие городской культуры во многом приводило к становлению человека нового типа, напрямую не связанного с земледелием, но зато концентрирующего имеющиеся в его распоряжении производительные силы на ремесле. В период Античности и Средневековья средний горожанин главным образом был ремесленником, в меньшей степени — купцом. Однако торговля была существенной отраслью жизнедеятельности всех горожан, причем в отличие от жителей сельской местности их можно считать первыми производителями/потребителями глобальных товаров, привезенных из самых отдаленных стран.

Конечно, в античных полюсах можно было обнаружить значительное число рабов, но уже в период Средневековья правами горожан пользовались главным образом люди свободного труда и других занятий, к тому же город на протяжении длительного времени был тем местом, где могло фактически осуществляться республиканское правление с привлечением к нему всех уважаемых граждан.

С началом Нового времени городское право становится основным в модернизируемых государствах, выдавливая феодальные законы на периферию общественной жизни. Не секрет, что сами горожане, например, в событиях конца XIX века во Франции, выступили наиболее революционным историческим классом, которому в значительной степени удалось установить свою власть и распространить образ жизни.

В данной связи З.М. Оруджев отмечал: «Третье сословие, которое начало революцию, в лице своих идеологов постоянно провозглашало лозунги “равенство всех перед законом”, “свобода, равенство и братство”. Учредительное собрание сразу же, как только началась революция в августе, отменило феодальные порядки, а главное — провозгласило равенство всех перед законом. В принятой Декларации прав человека и гражданина были провозглашены такие права, как право на сопротивление угнетению, принадлежность верховной власти в государстве народу, право совершать то, что не запрещено законом, право в участии каждого в формировании закона, свобода слова, подотчетность

должностных лиц, неприкосновенность и святость права собственности и т.д. Даже король должен управлять страной по закону» [9, с. 187].

Внимание исследователей к накопительству в городской среде было связано с тем, что горожане могли концентрировать торговый, а затем промышленный капитал, в значительной степени более ликвидный, чем накопления даже зажиточных селян или сокровища аристократов, и церкви, предшествующей феодальной эпохи. Так, например, данная черта, по мнению В. Зомбарта, способствовала первоначальному накоплению капитала в среде многих городских ремесленников и подмастерьев, рассчитывающих на собственное дело в благоприятный для этого период, то есть речь в первую очередь идет о снятии так называемых цеховых ограничений на производство со стороны различного рода гильдий. В большей степени именно горожане, в отличие от сельских жителей, могли накапливать деньги, а не вещи или продуктовые запасы, к тому же горожане обладали большим доступом к коммерческому образованию, а, следовательно, им было намного легче регистрировать собственное дело.

Другое дело, что горожане подвергаются определенного рода давлению как со стороны утратившей прежние позиции аристократии, так и сил, которые вещают от имени пролетариата. Интересно, что согласно марксистской доктрине рабочие, несколько поколений прожившие в крупных городах, автоматически из буржуазии исключаются. Вместе с тем деклассированные элементы и люмпен-пролетариат традиционно рассматривались как неотъемлемая часть городского населения, образующего его узнаваемый «пейзаж».

Динамичность городской среды, мобильность горожан, особенно в эпоху модерна, существенно отразилась на способах их самоидентификации. В данной связи британский исследователь Э. Гидденс отмечал, что в быстро меняющихся условиях, когда «влияние традиций и обычаев в мировом масштабе ослабевает, меняется и сама основа самоидентификации — ощущение себя как личности. В более традиционных условиях ощущение себя как личности поддерживалось за счет стабильности социального положения индивида в рамках сообщества. Когда традиции

теряют силу и преобладает свободный выбор образа жизни, это не может не затронуть и ощущение человеком себя как личности. Он должен гораздо активнее, чем раньше, создавать и воссоздавать собственную идентичность» [4, с. 63].

Если раньше в социуме доминировали предписанные, то есть сословные статусы, то теперь индивид в значительной степени стремится к самостоятельному достижению значимых позиций в рамках избираемой системы коммуникации.

Городская идентичность в контексте глобализации и современности. Экономический прогресс в значительной степени усилил рост городской культуры, что в первую очередь было связано с расцветом индустриализма. В данной связи Е. Н. Панов справедливо замечает, что, став экономической опорой общественного прогресса, «города превратились одновременно и в центры политической жизни, средоточие власти правителей и законодателей, своего рода диспетчерские пункты, держащие под неусыпным контролем все, что происходит в сельской периферии» [10, с. 541]. Города стали опорой государства и общества, а сами горожане во многом трансформировались в «открытый» класс, то есть стали в культурном плане ассимилировать представителей других сообществ, поэтому можно сказать, что в целом горожане отличались повышенной социальной мобильностью, обладая ярко выраженной тягой к путешествиям, туризму и переселению в другие, часто более крупные, города.

Тем не менее наступление городов и резкое увеличение числа самих горожан имело и свои отрицательные последствия для культуры и общества. Прежде всего можно констатировать, что городская культура нанесла существенный удар по ряду деревенских традиций и обычаев, да и само слово «деревенский» зачастую стало принимать уничижительный смысл. Так, например, слово «деревенщина» во многих языках является оскорблением, тогда как подобного слова, образованного от понятия «город», довольно сложно обнаружить. Согласно мнению отечественного этолога Е. Н. Панова, «... в городах быстрее всего разрушаются прежние устойчивые традиции, уступая место непос-

тоянной массовой культуре, пребывающей в непрерывном бурном коловращении. Столь мощное и неоспоримое влияние городов-мегаполисов на все стороны жизни современного общества позволяет обозначить последние как урбанизированные (от латинского слова *urbanus* — городской)» [4, с. 541]. Речь в данной связи идет в первую очередь о современных, в основном «мультикультурных», мегаполисах, чье население порой превышает десять миллионов человек, причем массовая миграция в эти города из других стран зачастую сопровождается как очень быстрой утратой прежних традиций и этических норм, так и неполным усвоением нового кодекса городского поведения. В результате происходит маргинализация значительной части населения мегаполисов, что в свою очередь сопровождается ростом насилия и конфликтов, в том числе и на этнической почве.

В последнее время исследователи все чаще обращают внимание на проблемы в сфере идентичности, с которыми сталкиваются горожане, на их конфликты с другими, тесноту городской среды обитания и особые психотические расстройства, преследующие жителей мегаполисов. В современном массовом искусстве, особенно в кино, горожане зачастую изображаются как личности, страдающие острыми психическими расстройствами или пребывающими в глубокой и перманентной депрессии. Тем не менее очевидно, что горожане сыграли ключевую роль в становлении ведущих установок капиталистического общества, особенно когда на раннем этапе его развития одной из главных человеческих добродетелей стала «мещанская» бережливость [6]. Несмотря на то, что подобная черта городского населения была подвергнута острой (особенно психоаналитической) критике, она сыграла в целом свою позитивную роль в укреплении капиталистических отношений.

Сознание горожан во многом антиноминально, в том смысле, что оно, с одной стороны, абстрагируется от соседей или случайно встреченных на улице людей, не обращая на них внимание, а, с другой стороны, горожанин полагает, что необходимо активно сотрудничать с людьми для удовлетворения потребностей в комфорте.

Жители сельской местности часто основывают новые хутора, чтобы дистанциро-

ваться от прежних соседей. Чтобы минимизировать контакты с другими индивидами, люди могут даже становиться отшельниками, то есть город оказывается тем местом, которое желают покинуть, тем не менее массовый исход горожан в сельскую местность в большей степени остается утопической мечтой отдельных «романтиков», чем действительной тенденцией сторонников экологических ценностей.

В целом достичь состояния почти полного уединения в большом городе оказывается достаточно сложной задачей, особенно когда возрастает зависимость от различного рода бытовых услуг, предоставляемых другими людьми. Вместе с тем в городах ощущается дефицит «человеческих отношений», основанных на ценностном измерении личности другого.

С другой стороны, среди горожан существует серьезная проблема — отсутствие эмпатии даже к своим наиболее близким соседям, что во многом связано с тем, что с ними просто не знакомятся, к тому же на субъективном уровне люди чувствуют себя одиноко даже в окружении множества себе подобных. Многие города сделались довольно шумными вследствие постоянной работы в них строительной и уборочной техники.

Внутри городов существуют, особенно на дорогах, транспортные проблемы, которых нет в тех же объемах в сельской местности. В результате получается, что перемещения внутри одного города оказываются по времени более затратными, чем переезд (за то же время) в другую соседнюю область, поэтому наиболее перспективным в решении транспортных проблем внутри городов остается направление развития воздушного транспорта, включая систему различного рода доставки товаров и оказания услуг.

Российский философ и культуролог Л. Б. Коган усматривал отличительную черту сознания горожанина в «усвоение личностью того, что ее деятельность невозможна без отношений с другими людьми, составляющими городское сообщество» [7, с. 160]. Таким образом, на основе взаимодействия входящих в гражданское общество лиц возникают современные политические институты, многие из которых берут свое начало в городском самоуправлении. Правда, представители сов-

ременной урбанистики уже обратили внимание на процесс районирования современных городов. Многие горожане теряют цельный образ собственного города, а их повседневные практики устроены так, что они могут, в отличие от туристов и гостей города, никогда не бывать в его культурном центре. Если для туристов город — прежде всего многочисленные достопримечательности и культурные объекты, то для «коренного» жителя город — это рутинные места, часто с малопривлекательной (постиндустриальной) архитектурой. Но, с другой стороны, не все так однозначно, потому что в крупных городах по всему миру активно развиваются парковые зоны.

В последнее время все больше претензий высказывается в отношении городов, рассматриваемых в качестве источников загрязнения окружающей среды, причем известно еще со времен Средневековья, что люди массово вымикали в результате эпидемий в городах, где меры карантина оказывались часто малоэффективными по причине скопления значительного числа людей. Таким образом, в целом можно говорить о том, что основная проблема с расширением городов вращается вокруг экологических угроз здоровью самого человека. Очевидно, что многие горожане далеки от здорового образа жизни и не пользуются при этом, например, природными дарами чистого воздуха и «зеленой» среды. В данной связи стоит, правда, с определенными оговорками, признать, что «становление индустриально-городской цивилизации явилось мощным фактором, приведшим человека через научно-технический прогресс к кризисному состоянию» [2, с. 84]. Несомненно, что многие города и их жители продолжают расплачиваться за титанические успехи еще индустриальной эпохи.

Продолжающийся по всему миру рост числа горожан, связанный также с оттоком жителей из небольших и средних городов в более крупные (процесс так называемой вторичной урбанизации), сопровождается появлением значительного числа агломераций, причем в эти агломерации попадают сельские поселения, население которых довольно быстро приобретает городскую идентичность. Современные исследователи обращают внимание, что «агломерация

является более совершенной стадией развития крупного города, который в результате своего формирования ощущает все большую потребность в новых ресурсах (территория, инфраструктура и т.д.). Однако в пределах городской черты они оказываются исчерпанными или близкими к исчерпанию. Дальнейшее сплошное (периметральное) расширение городской территории сопряжено с негативными последствиями» [3, с. 42]. В первую очередь речь идет об экологических рисках, которые несет в себе неконтролируемое расширение подобных агломераций.

Мега-агломерации можно обнаружить в самых крупных (глобальных) державах современного мира. При этом с учетом постоянного роста количества потенциальных горожан можно говорить о слабом развитии человеческого капитала в самих «пригородах» или городах-спутниках. Так, например, уже сейчас сложились крупнейшие городские агломерации, например, в КНР и США, насчитывающие соответственно 70 и 43 миллиона жителей [12]. Вместе с тем сложившаяся ситуация дает основания говорить о появлении массы так называемого «субгородского» населения, которое можно в определенном смысле рассматривать как переходную группу от горожан к сельским жителям. Зачастую в среде «субгорожан» складываются субкультуры, связанные с маргинальным образом жизни. Однако, если мы имеем дело с успешными жителями пригородов, то они, скорее, идентифицируют себя с горожанами, но в случае знакомства с жителями «гетто» можно, напротив, обнаружить тенденции к образованию самостоятельной идентификации, основанной на своего рода верности ценностям (порой криминальным) анклава. Можно сказать, что образ жизни горожан в значительной степени примитивизируется, в том смысле что они больше предпочитают осваивать виртуальное пространство, а реальный город постепенно редуцируется в их сознании к максимально-удобному маршруту на работу и обратно.

Фактически на изучение собственного города как единого целого у местных жителей совсем не остается времени, поскольку и сама урбанистическая среда уже не воспринимается как исключительная ценность. В данной связи исследователи отмечают, что

«части города, средние по величине и представимые как двухмерная протяжённость, в которую наблюдатель мысленно входит “изнутри”. Большинство людей упорядочивает свой город по районам с большей или меньшей чёткостью» [8, с. 51]. Но районы в свою очередь могут существенно различаться по характеру классовой стратификации его жителей и доступу к разнообразным благам. Это в свою очередь влияет и на идентичность горожан, которые в значительной степени ассоциируют себя именно с тем или иным городским районом. Подобные установки особенно распространены в молодежной и субкультурной среде социума, а криминальные группы в США и Европе и вовсе идентифицируют себя не с городом, а своим «гетто».

Историчность человека и его культуры можно легко проследить на примере перманентной трансформации городского пространства. Человек не только модифицировал свои собственные города, но и его образ жизни, поведенческие паттерны в значительной степени были трансформированы в результате воздействия городской среды. Так, например, человек в контексте урбанистической метрики, по мнению исследователя С.С. Аванесова, представляет собой «историческое существо; он сбывается (становится собой) во времени. Городская среда соответствует человеку и в этом отношении: она хронически подвижна, она тоже несёт в себе и визуально демонстрирует свою историчность. В культурном пространстве города различными способами репрезентировано историческое время. Более того, город, как он сформировался в течение истории, есть наглядный образ примирения времени с пространством» [1, с. 20].

В целом город содержит в себе набор как статических, так и динамических объектов, но очевидно, что в пространстве современного города возрастает роль последних. Тем не менее город обладает собственным хронотопом, а главное — может фиксировать и запечатлевать те или иные исторические события и целые эпохи в различного рода артефактах искусства и архитектуры.

Лучшее проникновение в культуру других городов может обеспечить «посторонний», то есть «человек со стороны», путешес-

твенник, нацеленный на постижение того или иного городского этоса. Речь, правда, не идет о «проходимце», это слово, которое неслучайно продолжает сохранять в себе явно негативные коннотации. В данной связи можно говорить о феноменологии исследования городов и современных городских практик, которые могут осуществляться философами, социологами и культурными антропологами.

Таким образом, готовность к познанию предполагает установку выхода за границы повседневности и рутинных практик восприятия действительности. При этом важно учитывать городское пространство, застраиваемое по определенному плану, а также историю города, которая может носить государствообразующий характер, поэтому наблюдение и исследование не только городов, но и в первую очередь самих горожан требует наличия специальных культурно-антропологических исследований. При этом стоит учитывать социокультурную динамику городов, которая может за довольно короткий исторический срок привести к культурной трансформации значительной части его жителей.

Крупные центры и городские агломерации продолжают такой быстрый рост, что жители даже одного и того же района не могут уследить за своими вновь прибывающими соседями, к тому же новые городские районы уже на первых этапах возникновения могут фактически превращаться в «гетто» со сложной криминальной обстановкой. «Историческую рефлексию, — как полагают исследователи, — прodelывает не обязательно сам житель города. Здешний житель живёт внутри формы города, он врос в его структуры, является составной частью городской среды. А путешественник, специально приехавший сюда, приезжает с умозрением, со специальной оптикой мышления, которая позволяет ухватить, зафиксировать идею города, которая окаменела в памятниках, в камне и железе» [11, с. 36]. Тем не менее изучение городов, находящихся на определенной дистанции от научных центров, проникновение в их культурный мир осуществляется главным образом другими горожанами, которые могут быть задействованы в поле урбанистических и антропологических исследований.

Стоит заметить, что сам горожанин, тем более житель современного мегаполиса, час-

то довольно плохо разбирается в природе, еще не захваченной хозяйственной деятельностью человека. Средний горожанин не обладает опытом охоты, аграрного труда, лесозаготовок или даже опытом похода с ночевкой в лес. Пространства, находящиеся за пределами крупных городов и на удалении от токсичных предприятий приобретают для горожанина все большую рекреационную ценность. Из подобного стремления «назад к земле» возникает феномен «дачников», предпочитающих вести полусельский образ жизни в период преимущественно летних отпусков, праздничных дней или с выходом на пенсию, но при этом сохраняя материальные связи с крупным городским центром или находясь в черте соответствующей агломерации.

Житель небольшого города при попадании в крупный мегаполис способен испытать не только культурный шок, но и получить дополнительную мотивацию для его социального обживания и карьерного «покорения». Город, таким образом, по мнению ряда исследователей, может рассматриваться «как “вторая природа”», представляющая «собой антропогенный ландшафт, измененную специфически человеческой активностью природную среду. Город принципиально искусствен. Образно можно говорить о том, что преобразены даже первоэлементы “городской” материи: земля, вода, огонь и воздух претерпевают определенные метаморфозы и приобретают дополнительные смыслы и значения» [5, с. 23]. Неудивительно также, что современный горожанин в определенном смысле аккумулирует в себе черты аристократического этоса, когда стремится рассматривать деревню как зону, в определенном смысле подчиненную его потребностям, то есть область и пространство собственной рекреации и отдыха.

В результате проведенного анализа специфики этоса современного горожанина сквозь призму культурфилософского, антропологического и урбанистического подхода можно сделать вывод, что в основе городского габитуса обнаруживается доминирующий тип современного человека, приобретающего глобальное значение. В данной связи можно говорить о том, что роль горожанина в качестве драйвера модернизации еще полностью не исчерпана, поэтому горожане, несмотря

на продолжающуюся дифференциацию внутри своих сообществ, по-прежнему остаются проводниками цивилизации и наиболее передовых научных изобретений, что, правда, происходит на фоне размывания классовой структуры городских жителей.

Заключение. Таким образом, в настоящее время поиск интегративной идентичности, особенно для жителей крупных городов, превратился в достаточно сложную проблему, что во многом связано с утратой прежнего традиционного уклада, в том числе характерного и для многих аграрных обществ недавнего прошлого.

Пожалуй, современные горожане, превратившись в универсальных граждан, в значительной степени утратили прежние традиции и обычаи, в принципе отличавшие жителей одного города от других. В особенности это касается провинциальных городов, многие из которых утратили не только свою самобытность, но и значимость в глазах самих горожан. Вместе с тем стоит признать за современным горожанином, если не революционное, как раньше, то по крайней мере массовое значение, то есть его преобладание в качестве особого культурно-антропологического типа.

Однако продолжает сохраняться разрыв между горожанами и жителями сельских поселений, старающихся вести традиционный образ жизни. Но поскольку в сельской местности отсутствуют высшие учебные заведения, а высшее образование является важной культурной и социальной ценностью, то дети успешных фермеров, как правило, покидают деревню, усваивая преимущественно городские профессии.

Список источников

1. Аванесов С. С. Городское пространство как антропологический феномен // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. №2(16). С. 10–31.
2. Агаджанян Н. А., Северин А. Е., Торшин В. И., Аймаутова Н. Е., Радыш И. В., Желтиков А. А. Экология человека в системе современного научного знания и глобальные проблемы человечества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2002. №1. С. 74–94.

3. Волчкова И. В. Теоретические и практические подходы к исследованию процессов формирования городских агломераций // Региональная экономика: теория и практика. 2013. №29. С. 42–49.

4. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 116 с.

5. Горнова Г. В. Понятие «город» в аспекте философии культуры // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2013. №1(1). С. 21–24.

6. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М.: Айрис-пресс, 2004. 624 с.

7. Коган Л. Б. Быть горожанами. М.: Мысль, 1990. 205 с.

8. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.

9. Оруджев З. М. Способ мышления эпохи. Философия прошлого. М.: Едиториал УРСС, 2022. 399 с.

10. Панов Е. Н. Человек — созидатель и разрушитель: Эволюция поведения и социальной организации. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 631 с.

11. Смирнов С. А. Образ города: от карты к картоиду // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2017. №4(14). С. 28–48.

12. Demographia world urban areas 18th annual edition July 2022 (Built Up Urban Areas or World Agglomerations) [Electronic resource]. URL: <http://www.demographia.com/db-world-ua.pdf> (date accessed: 04.08.2023).

References

1. Avanesov S. S. Gorodskoe prostranstvo kak antropologicheskij fenomen [Urban space as an anthropological phenomenon]. *Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki* [Praxeма. Problems of visual semiotics]. 2018; 2(16): 10–31. (In Russ.).
2. Agadzhanjan N. A., Severin A. E., Torshin V. I., Ajmautova N. E., Radysh I. V., Zheltikov A. A. Jekologija cheloveka v sisteme sovremennogo nauchnogo znanija i global'nye problemy chelovechestva [Human ecology in the system of modern scientific knowledge and global problems of mankind]. *Vestnik RUDN. Serija: Sociologija* [Bulletin of the RUDN. Series: Sociology]. 2002; (1): 74–94. (In Russ.).

3. Volchkova I.V. Teoreticheskie i prakticheskie podhody k issledovaniju processov formirovaniya gorodskih aglomeracij [Theoretical and practical approaches to the study of the processes of formation of urban agglomerations]. *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika* [Regional economy: theory and practice]. 2013; (29): 42–49. (In Russ.).
4. Giddens Je. Uskol'zajushhij mir: kak globalizacija menjaet nashu zhizn' [The Elusive World: how globalization is changing our lives]. Moscow: Ves' mir, 2004. 116 p. (In Russ.).
5. Gornova G.V. Ponjatie «gorod» v aspekte filosofii kul'tury [The concept of «city» in the aspect of philosophy of culture]. Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies]. 2013; 1(1): 21–24. (In Russ.).
6. Zombart V. Burzhua. Evrei i hozjajstvennaja zhizn' [Bourgeois. Jews and economic life]. Moscow: Ajris-press, 2004. 624 p. (In Russ.).
7. Kogan L.B. Byt' gorozhanami [To be citizens]. Moscow: Mysl', 1990. 205 p. (In Russ.).
8. Linch K. Obraz goroda [The image of the city]. Moscow: Strojizdat, 1982. 328 p. (In Russ.).
9. Orudzhev Z.M. Sposob myshlenija jepohi. Filosofija proshlogo [The way of thinking of the epoch. Philosophy of the past]. Moscow: Editorial URSS, 2022. 399 p. (In Russ.).
10. Panov E.N. Chelovek — sozidatel' i razrushitel': Jevoljucija povedenija i social'noj organizacii [Man — creator and destroyer: The evolution of behavior and social organization]. Moscow: Izdatel'skij Dom JaSK, 2017. 631 p. (In Russ.).
11. Smirnov S.A. Obraz goroda: ot karty k kartoidu [The image of the city: from the map to the carotid]. *Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki* [Praxema. Problems of visual semiotics]. 2017; 4(14): 28–48. (In Russ.).
12. Demographia world urban areas 18th annual edition July 2022 (Built Up Urban Areas or World Agglomerations) [Electronic resource]. URL: <http://www.demographia.com/db-world-ua.pdf> (date accessed: 04.08.2023).

Статья поступила в редакцию 24.06.2023; одобрена после рецензирования 20.07.2023; принята к публикации 14.08.2023.

The article was submitted on 24.06.2023; approved after reviewing on 20.07.2023; accepted for publication on 14.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Козловский Максим Евгеньевич — аспирант кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Maxim E. Kozlovsky — Postgraduate Student of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК. 304.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-212-220

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЙ НОНКОНФОРМИЗМА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Татьяна Валентиновна Лугуценко^{1✉}, Светлана Григорьевна Пиченикова²

^{1,2}Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия

¹telfira@yandex.ru✉, AuthorID РИНЦ: 1177677

²pichenikova_svet@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 21259742

Аннотация. Цель исследования заключается в анализе проявлений нонконформизма в условиях информационного общества.

Методологической основой исследования выступают структурно-функциональный подход, положения теории информационного общества, теории «виртуального общества», концепции гиперсимволической реальности.

Результаты исследования. Появление и развитие социальных сетей предоставило человеку больше свободы для общения, саморазвития, творчества, но в то же время создало условия для экспериментов со своей онлайн-идентичностью, нередко выходящей за пределы социальной нормы. Плюрализм ценностей, присутствующий в Интернет-пространстве, с одной стороны, значительно расширяет возможности самореализации, а с другой — погружает человека в аксиологический хаос виртуальной реальности, в которой, по сути, отсутствуют какие-либо нормы и запреты. В такой ситуации начинают активизироваться стратегии нонконформистского поведения в сети Интернет, нарушающие сложившиеся социальные нормы. В этом плане нонконформизм может проявляться как в креативной деятельности, так и в различных социальных девиациях, несущих риски для традиционных духовно-нравственных ориентиров личности.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования проявлений нонконформизма в условиях виртуализации общества.

Ключевые слова: нонконформизм, информационное общество, виртуальная реальность, саморепрезентация, плюрализм ценностей, социальные девиации, эпатаж

Для цитирования: Лугуценко Т.В., Пиченикова С.Г. Специфика проявлений нонконформизма в информационном обществе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 212–220. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-212-220>.

Original article

THE SPECIFICITY OF MANIFESTATIONS OF NONCONFORMISM IN THE INFORMATION SOCIETY

Tatyana V. Lugutsenko^{1✉}, Svetlana G. Pichenikova²

^{1,2}Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia

¹telfira@yandex.ru✉, AuthorID RSCI: 1177677

²pichenikova_svet@mail.ru, AuthorID RSCI: 21259742

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the manifestations of nonconformity in the information society.*

The methodological basis of the study is the structural-functional approach, the provisions of the theory of the information society, the theory of «virtual society», the concept of hypersymbolic reality.

Research results. *The emergence and development of social networks gave a person more freedom for communication, self-development, creativity, but at the same time created conditions for experimenting with their online identity, which often goes beyond the social norm. The pluralism of values presents in the Internet space, on the one hand, significantly expands the possibilities of self-realization, and on the other hand, plunges a person into the axiological chaos of virtual reality, in which, in fact, there are no norms and prohibitions. In such a situation, strategies of nonconformist behavior on the Internet begin to activate, violating established social norms. In this regard, nonconformism can manifest itself both in creative activity and in various social deviations that carry risks for the traditional spiritual and moral guidelines of the individual.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research into the manifestations of nonconformism in the context of the virtualization of society.*

Keywords: *nonconformism, information society, virtual reality, self-representation, pluralism of values, social deviations, shocking*

For citation: *Lugutsenko T. V., Pichenikova S. G. The Specificity of Manifestations of Nonconformism in the Information Society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 212–220. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-212-220>.*

Введение. Становление информационного общества влечет за собой существенные трансформации в образе жизни человека, его ценностных ориентациях и способах коммуникации. Появление новой информационной модели социума открывает огромные возможности для самореализации личности, связанные с доступностью различных каналов получения информации, позволяющих выбрать нужный контент для удовлетворения познавательных, образовательных, досуговых, коммуникативных и иных потребностей человека.

В то же время появление виртуальной реальности привело к тому, что социальное

взаимодействие стало осуществляться преимущественно в сети Интернет. Став неотъемлемой сферой жизни современного человека, виртуальное пространство социальной коммуникации формирует свой порядок, свою систему символов и форм социального поведения.

В настоящее время процесс социализации личности осуществляется не только в реальном социуме, но и в виртуальной среде, особенностью которой является: а) отсутствие временных и пространственных границ; б) присутствие широкого спектра аксиологических систем, наличие которых проблема-

тизирует процесс идентификации человека, ставит его перед выбором ценностных ориентиров, определяющих модели его поведения.

Ценностно-нормативные системы, представленные в виртуальном пространстве, могут опираться на религиозные и/или светские идеи, либеральные и/или традиционные культурные установки, глобалистские и/или антиглобалистские проекты и т.п. Такой плюрализм ценностей, с одной стороны, значительно расширяет возможности самореализации, а с другой — погружает человека в аксиологический хаос виртуальной реальности, в которой, по сути, отсутствуют какие-либо нормы и запреты. Очевидно, что в такой ситуации начинают активизироваться формы неконформистского поведения в Интернет-сети, нарушающие сложившиеся социальные нормы. В этом плане неконформизм может проявляться как в креативной деятельности, так и в различных социальных девиациях, несущих риски для традиционных духовно-нравственных ориентиров личности. Понимание неоднозначного характера проявлений неконформизма в сети Интернет заставляет обращаться к исследованию данной проблемы.

Методология и методы исследования. Начало исследований неконформизма связано с работами Ч. Кули, Р. Мертон, П. Штомпки и др. [8; 10; 16]. Авторы рассматривают дихотомию конформизма и неконформизма как способы индивидуальной и групповой адаптации человека к социальной среде. В рамках данного подхода неконформизм интерпретируется не только как отступление от нормативного порядка, но и как способ изменения этого порядка.

Концептуальным для исследования специфики неконформизма выступает структурно-функциональный подход Т. Парсонса, который раскрывает основы социального порядка и факторов его разрушения [12].

Методологической основой исследования неконформизма в условиях информационного социума выступают положения теории информационного общества Э. Тоффлера, Э. Гидденса, М. Кастельса, Д. Белла [14; 4; 7; 2]. Ученые анализируют социальные изменения, обусловленные новыми информационными технологиями, принципиально

меняющими повседневную жизнь современного человека.

Для исследования специфики виртуальной реальности применяются положения теории «виртуального общества» А. Бюля, М. Паэту, а также концепции гиперсимволической реальности Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза и др. [17; 19; 3; 5].

Совокупность данных подходов создает методологические основания для исследования специфики проявлений неконформизма в информационном обществе.

Результаты. В настоящее время виртуальная реальность стала новым явлением культуры, обладающим своими особыми символическими и коммуникационными формами, принципиально меняющими организацию жизни человека и способ его социализации. На это обращают внимание ученые, подчеркивая, что «ресурсы Интернета представляют собой новые культурные средства, опосредствующие жизнедеятельность современного человека и способные оказать влияние на формирование не только личности, но и на его высшие психические функции» [11, с. 67].

Преимущества киберсоциализации связаны с такими особенностями Интернет-сети, как доступность, оперативность получения информации, мобильность, свобода самовыражения и пр. Это создает условия для различных проявлений неконформизма, которые могут приобретать характер социальных девиаций и могут выражать творческие интенции человека, ориентированные на поиск новых форм самореализации и самопрезентации себя в Интернет-сети.

В научной литературе неконформизм понимается как форма поведения, противоположная конформизму, что заставляет ученых рассматривать их специфику сквозь призму дихотомии данных явлений. В рамках структурно-функционального подхода конформизм интерпретируется как коллективно одобряемая форма поведения человека, обеспечивающая социальный порядок, а неконформизм — как нарушение данного порядка в результате выбора альтернативной данному порядку ценностно-нормативной установки, определяющей формы поведения, отклоняющиеся от норм, принятых в обществе, причем у Р. Мертона неконформизм

и социальные девиации (например, преступления) не являются тождественными явлениями [10]. Различия между ними заключаются в том, что нонконформист в отличие от преступника не стремится скрывать свои действия, отступающие от социальных норм, обосновывая это необходимостью пересмотра последних в силу их несовершенства.

С точки зрения Р. Мертона, девиации связаны не с личными свойствами человека, а исключительно со спецификой общественных отношений. В этом аспекте причины нонконформизма лежат в обществе, они социально обусловлены. Различные формы девиации начинают проявляться тогда, когда субъект (человек либо социальная общность), во-первых, имеет цель, но не может её достичь, используя дозволенные средства, во-вторых, не желает следовать имеющимся социальным нормам. Исследователь отмечает, что девиантное поведение приобретает масштабный характер при следующем условии: система действующих культурных ценностей провозглашает некие универсальные цели, позиционируемые как общие цели успеха, а социальная система не дает возможности их достижения подавляющему большинству населения посредством одобряемых способов [10]. На этом фоне нонконформизм рассматривается как результат конфликта различных ценностных систем.

В теории Ч. Кули нонконформизм как форма социального поведения интерпретируется двояко: во-первых, она представляет собой вид протеста против социальных норм, сложившихся в обществе; во-вторых, выражает «отказ от бытующих и рутинных норм во имя каких-то новых и необычных» [8, с. 213].

В этом плане конформизм и нонконформизм в обществе выполняют различные функции: конформизм позволяет обеспечивать стабильность функционирования социальной системы, а нонконформизм — ее трансформировать.

В настоящее время ученые отмечают тенденцию к разрушению жёстких социальных норм и расширению возможностей человека делать индивидуальный выбор, ориентируясь на свои цели и интересы. Данный процесс американский ученый Р. Инглхарт назвал «тихой революцией» [6]. Специфика

этой революции в том, что она произвела переворот в системе ценностных приоритетов современного человека, то есть для человека первоочередными приоритетами становятся возможности самовыражения и самореализации, которые определяют качество жизни. Анализируя современные социальные трансформации, Р. Инглхарт приходит к выводу, что в современном обществе наблюдается процесс разрушения «жёстких социальных норм и расширение сферы индивидуального выбора и массового участия» [6, с. 7].

Исследователи отмечают, что социальные девиации присутствуют в обществе всегда, но бывают периоды, когда их количество и масштабы столь внушительны, что это дает основание задумываться о неблагополучии общества и состоянии его нормативной системы. Несмотря на то, что социальные девиации не всегда представляют собой исключительно деструктивное явление, напротив, они могут быть драйвером общественного и культурного развития, но высокий удельный вес их в обществе свидетельствует о его кризисном состоянии.

В настоящее время социальные девиации перешли из физической реальности в виртуальное пространство. Последнее обладает как конструктивным, так и деструктивным потенциалом. Первый связан с новыми широкими возможностями, которые открываются для человека в сфере общения, образования, досуга и профессиональной деятельности. Деструктивный потенциал Интернет-сети проявляется в распространении информации экстремистской направленности, росте компьютерной преступности, появлении суицидальных групп, развитии таких негативных социальных практик, как буллинг, троллинг и прочее.

В силу анонимности, являющейся одним из основных атрибутов интернет-коммуникации, отсутствии опасений, связанных с возможностью привлечения к ответственности, пользователи Сети активно используют весь набор девиантных и делинквентных форм социального поведения, включая враждебность, нередко переходящую в откровенную агрессию, аддикции коммуникативного и сексуального характера [13].

Исследователи правомерно отмечают, что в настоящее время возникла принципи-

ально новая социальная система «человек — компьютер». Проблема состоит в том, что она развивается по своим законам, не подконтрольным человеку. Оказывая существенное влияние на человеческую психику, виртуальная реальность подталкивает людей к поведенческим девиациям. Революционные технико-технологические изменения, носящие глобальный характер, приводят не только к расширению человеческих возможностей, но и к негативным социальным последствиям. В частности, культура приходит в «диффузное» состояние, её ценностно-нормативное основание утрачивает определенность, следствием чего становятся неконформистские формы поведения как в реальном, так и в виртуальном мирах.

В научном дискурсе в отношении виртуальной реальности не сложилось однозначного понимания. С точки зрения А. Бюля, виртуализация социума есть исключительно технологический процесс, определивший появление нового параллельного мира, отличного от мира реального [17]. В этом аспекте виртуальная реальность является продуктом компьютерных технологий, посредством которых производится новый мир «зазеркалья», функционирующий по своим собственным правилам. По мнению ученого, виртуальное общество является альтернативной моделью традиционного общества, в котором индивид подчинен определенным коллективным традициям, нормам, правилам, детерминирующим его поведение. Виртуальная реальность, напротив, предоставляет человеку неограниченную свободу в самореализации и творческом поиске. Это обусловлено тем, что в виртуальном мире социальная коммуникация характеризуется анонимностью, отсутствием пространственно-временных границ, жестких социальных рамок и т.п. Именно это открывает перед человеком возможность экспериментировать со своей идентичностью, внешним обликом, социальным статусом и пр. Таким образом, появление виртуальной среды позволяет человеку освобождаться от своего физического мира и уходить в мир символический.

В концепции М. Кастельса виртуальная реальность — это форма социальной коммуникации, опосредованная компьютерными технологиями, причем социальная и вирту-

альная реальность не существуют параллельно, напротив, они проникают друг в друга, создавая сетевую структуру социальных взаимодействий. Ученый рассматривает виртуальное как фрагмент социального взаимодействия, опосредованного компьютерными сетями [7]. Виртуальная реальность создает условия для развития субъектности личности, поскольку люди не только пассивно воспринимают информацию в социальных сетях, но и создают ее, формируя определенные ценностные установки и модели социального поведения.

В философии Ж. Бодрийера виртуальная реальность описывается посредством понятия «гиперреальность», которое отражает не подлинный мир, а его копию, подделку, «симулякр» [3], причем эта виртуальная иллюзия социального мира выглядит реальнее и привлекательнее, чем сама действительность. Это, по мнению философа, обусловлено возможностями виртуальной среды удовлетворять различные потребности человека, создавать субъективное ощущение удобства, комфортности его пребывания в ней, а также сохранять анонимность, придумывать себе новый образ и т.п.

Поскольку значительную часть своей жизни современный человек проводит в сети Интернет, которая создает условия для оперативной и интерактивной коммуникации с различными акторами, то это актуализирует проблему самопрезентации личности в виртуальном пространстве. Самопрезентация рассматривается как «акт самовыражения и поведения, направленный на то, чтобы создать у окружающих и у самого себя благоприятное впечатление» [9, с. 129].

В то же время самопрезентация как способ коммуникации ориентирована на привлечение внимания к собственной персоне. В стремлении вызвать интерес к своей личности человек нередко выбирает неконформистскую стратегию саморепрезентации, например, в форме эпатажа. Последний представляет собой поведение, которое нарушает определенные правила и социальные нормы с целью поразить и удивить окружающих.

Возможности Интернет-пространства создают условия для конструирования практически любого образа своей виртуальной личности. В молодежной среде неконформист-

ская стратегия саморепрезентации нередко проявляется в стремлении демонстрировать свою уникальность, отличие от других, принадлежность к неформальным сообществам. Создавая в социальных сетях свой нестандартный образ, человек демонстрирует свой разрыв с общепринятыми стандартами, позиционируя себя в качестве автономной и исключительной личности.

Анализируя социально-психологические особенности неформалов, ученые указывают на то, что такой тип личности «не живет ради всеобщих ценностей и не отрицает этого. Он ведет порицаемый обществом образ жизни и наслаждается им. Его цель — саботировать систему, предпринявшую попытку стандартизировать всех и вся. Ему не нужно обременять себя заурядными проблемами, бесцельно пытаться разрешить их, исчерпывая личный потенциал возможностей. Он никому не навязывает свою жизненную позицию, боясь превратить ее в “модную иллюзию”, которую презирает. Его призвание — бороться со стремлением быть “как все”» [15, с. 137].

Очевидно, что появление и развитие социальных сетей предоставило человеку больше свободы для общения, саморазвития, творчества, но в то же время создало условия для экспериментов со своей онлайн-идентичностью, нередко выходящей за пределы социальной нормы.

По мнению Э. Гидденса, информационное общество, несмотря на огромные возможности, ведет человека к новому духовному кризису, в том числе и кризису идентичности. Последний обусловлен прежде всего, появлением виртуальной реальности, которая нарушает естественный процесс социализации индивида, перенося его в Интернет-пространство. В результате духовное отчуждение человека от своей культуры, истории, норм, традиций, только усугубляется, поскольку перед человеком возникает такой плюрализм ценностей, которого не знало ни одно общество в доинформационную эпоху. Кроме того, в виртуальной реальности идет процесс обезличивания коммуникации, анонимный характер которой нередко способствует нарушению моральных норм.

В условиях плюрализма ценностей люди постоянно рискуют, выбирая ту или иную модель поведения. По этому поводу Э. Гидденс

говорит о том, что жить в современную эпоху — значит жить в мире неопределенности и риска, поскольку «у людей отсутствует уверенность в завтрашнем дне, они живут в неких виртуальных состояниях, стремясь к более лучшей жизни, рисуя себе в воображении иллюзорные картины мира» [18, р. 63].

Исследователи правомерно указывают на то, что новые технологии, расширяя человеческие возможности, актуализируют в людях качества, весьма сомнительные с нравственной точки зрения. Человеческие изобретательность и упорство трансформируются в изворотливость и упрямство в достижении неблагоприятных целей. И если раньше человек опасался негативных социальных оценок, поскольку совершаемое действие было слишком наглядным, то в настоящее время обезличенность коммуникации позволяет намеренно совершать недолжное, игнорируя как общественное одобрение, так и общественное порицание [1].

Заключение. Очевидно, что современное информационное общество открывает новые возможности для саморазвития человека, реализации его творческих интенций, но в то же время порождает новые проблемы для самоидентификации личности, связанные с появлением виртуальной реальности, которая представляет собой сетевое пространство, характеризующееся плюрализмом ценностей. В условиях последнего ценностно-нормативная самоидентификация личности приобретает проблематичный характер.

В условиях виртуализации социума на человека обрушивается не только огромный поток информации, который с трудом поддается переработке и усвоению, но и предлагаются различные, нередко альтернативные системы ценностей и модели поведения. Такая ситуация приводит человека к дезориентации, поскольку перед ним возникает сложная проблема выбора и поиска оснований для обретения своей идентичности и духовной цельности.

Список источников

1. Багаутдинов А. М., Багаутдинов Р. А. Иррациональное поведение как проявление амбивалентности духовности человека // Социально-гуманитарные знания. 2021. №1. С. 99–103.

2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004. 788 с.

3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.

4. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 116 с.

5. Делез Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск: Водолей, 1998. С. 225–240.

6. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. №4. С. 3–9.

7. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

8. Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 309 с.

9. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 1997. 688 с.

10. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.

11. Мудрик А. В. Введение в социальную педагогику. М.: Институт практической психологии, 1997. 365 с.

12. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002. 880 с.

13. Стригуненко И. К. Особенности девиантного поведения в глобальной сети Интернет // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. №10. С. 74–76.

14. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.

15. Чернышенко В. В. Экзистенциальные проблемы современных молодежных субкультур // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. №114. С. 136–139.

16. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 664 с.

17. Buhl A. Die virtuelle Gesellschaft // Ukonomic, Politic and Kultur im Zeicheudes Cyberspace. Opladen, 1997. P. 284–315.

18. Giddens A. Runaway world. How Globalisation is Reshapind our Lives. London: Profile Books, 2002. 138 p.

19. Paetau M. Virtualisierung des Sozialen. Die Informationsgesellschaft Zwischen Frag-

mentierung und Globalisierung. Frankfurt am Main, 1997. 258 p.

References

1. Bagautdinov A. M., Bagautdinov R. A. Irracional'noe povedenie kak projavlenie ambivalentnosti duhovnosti cheloveka [Irrational behavior as a manifestation of ambivalence of human spirituality]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge]. 2021; (1): 99–103. (In Russ.).

2. Bell D. Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo [The coming post-industrial society]. Moscow: Academia, 2004. 788 p. (In Russ.).

3. Bodrijar Zh. Simuljakry i simuljacji [Simulacra and simulations]. Per. s fr. A. Kachalova. Moscow: POSTUM, 2015. 240 p. (In Russ.).

4. Giddens Je. Uskol'zajushhij mir. Kak globalizacija menjaet nashu zhizn' [The Elusive World. How globalization is changing our lives]. Moscow: Ves' mir, 2004. 116 p. (In Russ.).

5. Delez Zh. Platon i simuljakr [Plato and the Simulacrum]. Intencional'nost' i tekstual'nost'. *Filosofskaja mysl' Francii XX veka* [Intentionality and textuality. Philosophical thought of France of the XX century]. Tomsk: Vodolej, 1998. P. 225–240. (In Russ.).

6. Ingihart R. Postmodern: menjajushhiesja cennosti i izmenjajushhiesja obshhestva [Postmodern: changing values and changing societies]. *Politicheskie issledovanija* [Political studies]. 1997; (4): 3–9. (In Russ.).

7. Kastel's M. Informacionnaja jepoha. Je-konomika, obshhestvo i kul'tura [The information age. Economics, Society and Culture]. Moscow: GU VShJe, 2000. 608 p. (In Russ.).

8. Kuli Ch. Chelovecheskaja priroda i social'nyj porjadok [Human nature and social order]. Moscow: Ideja-Press, Dom intellektual'noj knigi, 2000. 309 p. (In Russ.).

9. Majers D. Social'naja psihologija [Social psychology]. Siant Petersburg: Piter, 1997. 688 p. (In Russ.).

10. Merton R. Social'naja teorija i social'naja struktura [Social theory and social structure]. Moscow: AST, 2006. 873 p. (In Russ.).

11. Mudrik A. V. Vvedenie v social'nuju pedagogiku [Introduction to social pedagogy]. Moscow: Institut prakticheskoy psihologii, 1997. 365 p. (In Russ.).

12. Parsons T. O strukture social'nogo deystvija [On the structure of social action]. Moscow: Akademicheskij projekt, 2002. 880 p. (In Russ.).
13. Strigunenکو I.K. Osobennosti deviantnogo povedenija v global'noj seti Internet [Features of deviant behavior in the global Internet]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2018; (10): 74–76. (In Russ.).
14. Toffler Je. Tret'ja volna [The third wave]. Moscow: AST, 2010. 784 p. (In Russ.).
15. Chernyshenko V.V. Jekzistencial'nye problemy sovremennyh molodezhnyh subkul'tur [Existential problems of modern youth subcultures]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [News of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University]. 2009; (114): 136–139. (In Russ.).
16. Shtompka P. Sociologija. Analiz sovremennogo obshhestva [Sociology. Analysis of modern society]. Moscow: Logos, 2005. 664 p. (In Russ.).
17. Buhl A. Die virtuelle Gesellschaft. Ukonomic, Politic and Kultur im Zeicheudes Cyberspace. Opladen, 1997. P. 284–315.
18. Giddens A. Runaway world. How Globalisation is Reshapind our Lives. London: Profile Books, 2002. 138 p.
19. Paetau M. Virtualisierung des Sozialen. Die Informationsgesellschaft Zwischen Fragmentierung und Globalisierung. Frankfurt am Main, 1997. 258 p.

Статья поступила в редакцию 22.04.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 10.06.2023.
The article was submitted on 22.04.2023; approved after reviewing on 10.05.2023; accepted for publication on 10.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лугуценко Татьяна Валентиновна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, Луганский государственный педагогический университет.
Россия, г. Луганск, ул. Оборонная, 2

Tatyana V. Lugutsenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Lugansk State Pedagogical University.
2 Oboronnaja str., Lugansk, Russia

Пиченикова Светлана Григорьевна — старший преподаватель кафедры «Культурология и музыковедение», Луганский государственный педагогический университет.
Россия, г. Луганск, ул. Оборонная, 2

Svetlana G. Pichenikova — Senior Lecturer of the Department of Cultural Studies and Musicology, Lugansk State Pedagogical University.
2 Oboronnaja str., Lugansk, Russia

Вклад авторов:

Лугуценко Т. В. — концепция исследования; разработка методологии; научное редактирование текста; итоговые выводы.

Пиченикова С. Г. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Lugutsenko T. V. — research concept; methodology development; scientific text editing; final conclusions.

Pichenikova S. G. — writing the source text; final conclusions.

Научная статья

УДК 613.9:339.543:356.13

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-221-228

ЦЕННОСТЬ ЗДОРОВЬЯ В ПОСТПАНДЕМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Алена Геннадиевна Лукьяшко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

aglukiashko@sfsedu.ru, ORCID: 0000-0002-2387-6158, AuthorID РИНЦ: 4231-6869

Аннотация. Цель исследования заключается в социально-философском осмыслении последствий пандемии в ценностной трансформации такого базового для функционирования общества феномена, как здоровье.

Методологические основания исследования. В статье с позиций реалий цифровизации и масштабных последствий пандемии коронавируса осмысливаются перспективы построения социально-философской концепции здоровья и изменения ее ценностных оснований. При этом используются идеи и позиции, сложившиеся в феноменологической философской традиции, в философской аксиологии, философской онтологии, философии жизни.

Результаты исследования. В ходе исследования обоснована необходимость в разработке социально-философской концепции здоровья для изучения ценности здоровья в обществе, находящемся в стадии парадигмального перехода в результате пандемии коронавируса и ценностно-смысловой перезагрузки на уровне массового и индивидуального сознания. Сложившиеся в философии концепции и парадигмы здоровья позволяют создать концептуальную платформу для дальнейшего развития этого научного направления и определения перспективных способов решения актуальных для современного общества задач.

Перспективы исследования связаны с разработкой концептуальной модели социально-философского исследования ценности здоровья в российском обществе в условиях постпандемической реальности и рекомендаций в области повышения этой жизненно важной ценности с учетом социокультурных и исторических реалий.

Ключевые слова: ценность здоровья, пандемия коронавируса, здоровье, постпандемическая реальность, цифровизация, российское общество

Для цитирования: Лукьяшко А. Г. Ценность здоровья в постпандемической реальности российского общества: социально-философский анализ // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 221–228. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-221-228>.

Original article

THE VALUE OF HEALTH IN THE POST-PANDEMIC REALITY OF RUSSIAN SOCIETY: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Alena G. Lukyashko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

aglukyashko@srfedu.ru, ORCID: 0000-0002-2387-6158, AuthorID RSCI: 4231-6869

Abstract. *The purpose of the study is to provide a socio-philosophical understanding of the consequences of the pandemic in the value transformation of such a basic phenomenon for the functioning of society as health.*

Methodological foundations of the study. *In the article, from the perspective of the realities of digitalization and the large-scale consequences of the coronavirus pandemic, the prospects for building a socio-philosophical concept of health and changing its value bases are comprehended. At the same time, ideas and positions developed in the phenomenological philosophical tradition, in philosophical axiology, philosophical ontology, philosophy of life are used.*

The results of the study. *The research substantiates the need to develop a socio-philosophical concept of health to study the value of health in a society that is in the stage of a post-paradigm transition as a result of the coronavirus pandemic and a value-semantic reset at the level of mass and individual consciousness. The concepts and paradigms of health that have developed in philosophy make it possible to create a conceptual platform for the further development of this scientific direction and the identification of promising ways to solve problems relevant to modern society.*

The prospects of the research *are connected with the development of a conceptual model of socio-philosophical research of the value of health in Russian society in the conditions of post-pandemic reality and recommendations in the field of increasing this vital value, taking into account socio-cultural and historical realities.*

Keywords: *health value, coronavirus pandemic, health, post-pandemic reality, digitalization, Russian society*

For citation: *Lukyashko A. G. The value of health in the post-pandemic reality of russian society: a socio-philosophical analysis // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 221–228. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-221-228>.*

Введение. В истории человечества не раз были ситуации и события глобального масштаба, после которых общество меняло траекторию своего развития. К числу этих событий относились войны, а также пандемии, уносившие огромное количество жизней, опустошавшие населенные пункты, государства. Парадигмальный поворот в цивилизационной истории человечества случается по причине сдвигов, которые по итогам подобных событий происходят в массовом сознании, в системе управления и организации общественной жизни.

Когда современный мир настигла пандемия коронавируса, помимо остро вставших вопросов по здоровью населения, экономической и образовательной ситуации, для многих стало очевидно — мир уже не будет прежним. В единый миг общество оказалось перед фактом — прежний мир, который и так не казался уже определенным, был наполнен рисками, стремительными переменами, уже не вернется, потому что прежний человек как носитель определенных ценностей и мировоззрения, вдруг оказавшийся в ситуации

изоляции, разрыва социальных связей и страха за жизнь, не вернется.

Последствия пандемии COVID-19 и России, и другим странам еще предстоит преодолеть, решая вопросы экономического, политического, демографического характера [14], но уже не вызывает сомнений, что постпандемический мир будет иным, однако, каким он будет? Как выстроится конфигурация взаимодействия на международном уровне? Какие сценарии глобальной трансформации ждут мировое сообщество и отдельные страны и общества? Этими вопросами задаются эксперты еще с периода пандемии, а в настоящий период уже имеются позиции, мнения, вариации развития мира, как полагают некоторые из них, исчерпавшего свой исторический потенциал и переживающего переход исторического масштаба к новому миропорядку [18]. Каким он будет, сказать определенно сложно, если не невозможно, и в рамках данной работы мы и не будем пытаться ответить на этот вопрос. Другой аспект постпандемической реальности нас волнует — что стало и станет в ближайшей исторической перспективе с ценностью здоровья в обществе, как изменится отношение к нему с аксиологических, мировоззренческих позиций и как это повлияет на облик общества в проекции социокультурной динамики? Понятно, что и на эти вопросы дать исчерпывающие ответы в рамках одной статьи мы не сможем, но очертить круг проблем в их постановке и актуализации сквозь призму философских суждений попытаемся.

Пандемия коронавируса и ее влияние на ценность здоровья постпандемического общества. Итак, коронавирус COVID-19 сильно ударил по здоровью населения, принес большие демографические потери [13], посеял в сердцах миллионов людей страх за жизнь родных, близких и собственную жизнь. И, хотя он еще не перестал уносить жизни людей, можно говорить о постпандемическом периоде, поскольку сама эпидемия прошла пик своего развития, но самое главное — это рубеж осознания изменившейся реальности на уровне массового сознания, понимание того, что мир вступил в новую стадию развития, в иной мир, в котором имело место такое шоковое событие, как пандемия.

Станет ли постпандемическая реальность той реальностью, в которой люди будут принципиально иначе относиться к своему здоровью и здоровью окружающих? Станет ли здоровый образ жизни более ценной ориентацией в системе жизненных приоритетов у различных возрастных групп? Станут ли они более трепетно относиться к жизни и ценить ее выше, нежели прежде, до пандемии коронавируса? Возможен, вероятно, и иной вариант развития событий, с обратным эффектом, когда в страхе перед очередной пандемией, с которой ассоциируется нестабильность, непрогнозируемость и хрупкость человеческого бытия, может обесцениться то, что связывается с долговременными планами и перспективами, с будущим как таковым. В этом случае стиль жизни в формате «здесь и сейчас», довольно активно распространявшийся и в допандемический период, особенно среди молодежи, станет определяющим социальные практики постпандемического общества.

В диапазоне высказанных вариаций развития событий однозначно ответить пока сложно, но поразмышлять с учетом стремительно меняющейся реальности под влиянием глобальной цифровизации, поглощающей социальность, формирующей новый вид зависимости — цифровой [16], имеет смысл. Мы наблюдаем стремительную трансформацию социальности, изменение которой в логике цифровизации неминуемо сказывается и скажется еще в перспективе на изменении и ценности здоровья, и культуры здоровья, и на самом здоровье людей. Современное общество уже не может обойтись без цифровых технологий, без опосредованных информационными и цифровыми технологиями коммуникаций, а пандемия показала, что, по сути, в ситуации тотальной изоляции только дистантные технологии цифрового формата позволили обществу сохранить коммуникативные связи отношения, продолжить профессиональную, образовательную и досуговую деятельность, и даже те практики, которые ранее никак не ассоциировались с цифровым обеспечением, были перенесены в виртуальное (цифровое) пространство, в частности спортивные [10]. Став изначально мерой вынужденной, онлайнизация трудовых, образовательных, спортивных практик постепенно пробивает себе дорогу. Многие из них устой-

чиво закрепились в общественной практике как более рациональные, эффективные, менее затратные и более привлекательные. Так, возврат в привычный (как принято сейчас называть, оффлайн) режим и формат работы системы образования, в частности высшего, не стал полным, многие образовательные онлайн-практики сохранились в образовательной системе, так как продемонстрировали свои преимущества в период их вынужденного применения [9].

Спортивно-оздоровительные практики, хоть и вернулись в режим реального (не виртуального) функционирования, тем не менее также не исчезли из глобальной сети Интернет, но функционируют эти онлайн-практики не в качестве замещающих реальные, а как расширяющие спектр спортивно-оздоровительных практик и возможности доступа к ним, что свидетельствует о колоссальном ресурсном потенциале цифровых (сетевых) технологий, которые могут и в постпандемический период составить конкуренцию реальным спортивным практикам. Вопрос в другом: как повлияет это на оздоровительные практики населения? Полагаем, при разумном использовании потенциал этих онлайн-ресурсов спортивной деятельности — как дополнительный ресурс приобщения к ценностям спорта и физической культуры, к ценности здоровья — эффект может быть положительным.

И, конечно же, основной социальной группой, которая попадает в фокус внимания в контексте осмысления влияния пандемии на ценность здоровья, является молодежь. Именно ее отношение к ценности здоровья является ключевым в оценке и прогнозировании последующих изменений в самых различных сферах общественной жизни, в демографической динамике общества, в трансформации брачно-репродуктивных ориентаций и моделей поведения и в целом в изменении облика семьи в постпандемической реальности [1].

Российская молодежь давно уже характеризуется специалистами как группа наибольшего риска в сравнении с другими возрастными группами с точки зрения ее духовного и физического благополучия [4], возможностей жизненной самореализации в условиях экономического кризиса и проблем трудоу-

ройства и профессионализации [12], но постпандемическая социальная среда, как мы полагаем, во многом будет средой, в которой экзистенциальные страхи, т.е. страхи за жизнь, потери здоровья займут определяющие позиции, что может положительно сказаться на отношении молодежи к здоровью, которое, по данным исследователей, стало более бережным за время пандемии коронавируса [2]. Данное обстоятельство очень важно, если учесть, что границы небезопасности жизни в постпандемической России и во всем мире только расширяются: от экзистенциальных страхов пандемического периода произошел резкий переход к страхам иного порядка, связанным с военными действиями, с ростом международной напряженности в результате российско-украинского конфликта и СВО.

Итак, на передний фон социально-философского осмысления ценности здоровья и ее трансформации в условиях постпандемической реальности, осложненной в российском государстве ситуацией СВО, выходит сама социальная среда, которая формирует и изменяет молодежь, задает паттерны, маркеры, коды и риски [11], определяет ценностное отношение к здоровью, которое выражается в работоспособности, выносливости, стрессоустойчивости, отношении к окружающим, демографическом поведении, жизненном проектировании и в качестве жизни в целом. Следовательно, от ценности здоровья на индивидуальном, личностном уровне зависит жизнь всего общества, его духовное самочувствие, демографическое, экономическое и социальное благополучие, национальная безопасность, что позволяет исследователям рассматривать ценность здоровья как стратегически значимую для общества [15]. Соответственно, и масштаб решения проблем, связанных с влиянием на здоровье общества «постковидного синдрома», также должен носить макросоциальный уровень, затрагивать все ключевые социальные институты, включенные в процесс формирования ценности здоровья, культуры здоровья. Но для этого недостаточно финансовой поддержки государства и разработки концепций, программ стратегического значения с актуальными для общества задачами. Необходимо понимать глубину социальных трансформаций

и ценностных сдвигов на уровне массового и индивидуального сознания в траектории эволюции ценностного отношения к здоровью на различных этапах исторической динамики общества, и здесь ресурсный потенциал социально-философского знания и методологического аппарата следует рассматривать как незаменимый. В современном обществе «здоровье — неотъемлемая часть физической, социальной и духовной жизни человека, рассматривается как общественная и личная ценность» [17, с. 159], но так было не всегда, и философские труды показывают, как менялось отношение к этой ценности по мере изменения отношения к самому человеку в соотношении его природной и социальной сущности. Для философии актуально стоит вопрос о соотношении понятий «здоровье» и «норма». Этот дискурс связан с поиском возможности измерения уровня здоровья [3], но норма есть понятие динамическое, меняющееся со временем, в зависимости социокультурной реальности, исторических событий, особенно тех, которые служат своеобразной перезагрузкой для массового сознания. Пандемия коронавируса относится к таковым, а потому вопрос о норме в отношении здоровья, так и не решенный на современный день, может вновь актуализироваться в философском дискурсе. Интересны философские изыскания ученых относительно самооценки здоровья в русской культурной традиции, которая, как известно, никогда не была высокой, формируясь на пересечении западной, восточной и собственной, русской, культурных парадигм в контексте определенных исторических событий, негативно сказывавшихся на отношении к здоровью как ценности [8]. С позиций современных реалий цифровизации и глобализации, взаимопроникновения и противостояния культур этот парадигмальный дискурс также актуален. Значительное пространство в философском дискурсе занимают вопросы соотношения таких категорий, как здоровье и болезнь, здоровье и смерть, здоровье и жизнь. Именно через структуру ценности жизни, как полагает Т. С. Киенко, можно выйти на концептуальный фундамент построения мышления и образа жизни, где здоровье человека будет выступать терминальной ценностью [6]. Эта

идея чрезвычайно актуальна для современного российского общества с тенденциями инструментализации ценности здоровья.

Заключение. Здоровье как категория философской рефлексии имеет свою давнюю традицию исследования. У этого процесса нет временных границ, поскольку каждая эпоха привносит свое видение, свои культурные ценности и мировоззренческие паттерны, в которые вписан концепт здоровья как явление дуалистического характера. Вписанная в дискурс культуры человека и человеческой цивилизации, философская традиция изучения здоровья, имеющая различные направления и парадигмальные основания, тем не менее стремится выйти на некие универсальные и единые принципы объяснения, изучения, измерения здоровья, осмысления его ценностной трансформации с учетом влияния факторов не только объективного и субъективного характера, но и интерсубъективного, анализируемых представителями феноменологического направления в философии [5]. В логике такого развития философской мысли сформировалась интегральная философско-антропологическая парадигма здоровья, базирующаяся на идее «синтеза космического, биологического, духовного, социального и культурного компонентов бытия человека» [7, с. 140].

В какой конфигурации выстроятся элементы дуалистичной структуры здоровья человека в процессе адаптации к постпандемической реальности — это и определит ценность здоровья в условиях современного мира, а ее изучение потребует от исследователей не останавливать поиски методологических альтернатив социально-философского осмысления как механизма ценностной трансформации данного феномена, так и социальных последствий его ценностной «перезагрузки».

Список источников

1. Верещагина А. В. Российская семья в условиях постпандемической реальности: смысловая перезагрузка? // Российское общество в условиях постпандемической реальности: ценностная трансформация и стратегии адаптации. Материалы Всероссийской научной конференции (Дивноморское, 18–19 мая 2021 г.) /

Отв. ред. А.В. Верещагина. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2021. С. 28–33.

2. Власов С.Н. Здоровье современной российской молодежи в период распространения COVID-19 // Научная молодежь — современной России. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Петрозаводск, 18 апреля 2022 г.). Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. С. 63–67.

3. Галюкова М.И. Здоровье человека как социально-философская ценность // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2007. Т. 13. №2. С. 654–660.

4. Груздева М.А., Короленко А.В. Поведенческие факторы сохранения здоровья молодежи // Анализ риска здоровью. 2018. №2. С. 41–51. DOI: 10.21668/health.risk/2018.2.05.

5. Инютин В.В., Болдырева И.И. Концепт «здоровье» в феноменологической интерпретации // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. 2017. №68. С. 80–85.

6. Киенко Т.С. Жизнь и здоровье как категории философской аксиологии и философии жизни // Гуманитарные и социальные науки. 2014. №2. С. 300–303.

7. Климонова Е.С. Концепт здоровье в философском дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. №2 (ч. 2). С. 136–142.

8. Ковалевская А.Ф. Формирование самоценности здоровья человека в русской культурной традиции // Гуманитарный вектор. 2008. №4. С. 34–38.

9. Лазанюк И.В., Ревина С.Ю., Балашова С.А. Тенденции онлайн-обучения в высшей школе России: последствия пандемии COVID-19 // Бизнес. Образование. Экономика: сборник статей Международной научно-практической конференции (Минск, 07–08 апреля 2022 г.). Минск: Институт бизнеса Белорусского государственного университета, 2022. С. 178–182.

10. Лукина А.С., Глухарева М.Р. Организация и проведение дистанционных тренировочных занятий в условиях пандемии // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. №11(189). С. 313–316. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.11.p313-316.

11. Лукьяшко А.Г. Ценность здоровья у российской молодежи: особенности фор-

мирования в проекции постпандемической реальности // Российское общество в условиях постпандемической реальности: ценностная трансформация и стратегии адаптации. Материалы научной конференции (Дивно-морское, 18–19 мая 2021 г.) / Отв. ред. Верещагина А.В. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2021. С. 96–99.

12. Мищенко Д.Н. Молодежь на рынке труда и проблемы ее профессионализации в фокусе научного дискурса // Социально-гуманитарные знания. 2019. №11. С. 128–134.

13. Назарова И.Б. Показатели, характеризующие здоровье жителей России к 2021 году // Народонаселение. 2022. Т. 25. №2. С. 28–38. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.3.

14. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году. Коллективная монография / Осипов Г.В. и др.; под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской; отв. ред. В.К. Левашов. М.: Перспектива, 2020. 532 с. DOI: 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532.

15. Селиванов О.И., Селиванова М.С. Здоровье как стратегическая ценность в условиях пандемии и постпандемии // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2022. №1(46). С. 160–166.

16. Смирнов В.В. Феномен цифровой зависимости в условиях информационного общества (социально-психологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2019. №4. С. 72–76. DOI: 10.25586/RNU.NET.19.04.P.72.

17. Харьков В.В., Федоров Н.Е. Здоровье как ценность в философии и физиологии // Научный медицинский вестник Югры. 2019. №2(20). С. 158–159. DOI: 10.25017/2306-1367-2019-19-2-158-159.

18. Щербина В. Постпандемический мир: неопределенные ответы на определенные ответы [Электронный ресурс]. URL: <https://sg-sofia.com.ua/postpandemicheskij-mir-sherbina?ysclid=lj1s3714lb867865671> (дата обращения: 15.05.2023).

References

1. Vereshhagina A.V. Rossijskaja sem'ja v uslovijah postpandemicheskij real'nosti: smys-

lovaja perezagruzka? [The Russian family in the post-pandemic reality: a semantic reboot?]. Rossijskoe obshhestvo v uslovijah postpandemicheskoy real'nosti: cennostnaja transformacija i strategii adaptacii. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Divnomorskoe, 18–19 maja 2021 g.) [Russian society in the post-pandemic reality: Value transformation and adaptation strategies. Materials of the All-Russian Scientific Conference (Divnomorskoe, May 18–19, 2021)]. Otv. red. A.V. Vereshhagina [In A.V. Vereshchagina (eds.)]. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovanija, 2021. P. 28–33. (In Russ.).

2. Vlasov S.N. Zdorov'e sovremennoj rossijskoj molodezhi v period rasprostraneniya COVID-19 [Health of modern Russian youth during the spread of COVID-19]. Nauchnaja molodezh' — sovremennoj Rossii. Sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Petrozavodsk, 18 aprelja 2022 g.) [Scientific youth — modern Russia. Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Petrozavodsk, April 18, 2022)]. Petrozavodsk: Mezhdunarodnyj centr nauchnogo partnerstva «Novaja Nauka» (IP Ivanovskaja I.I.), 2022. P. 63–67. (In Russ.).

3. Galjukova M.I. Zdorov'e cheloveka kak social'no-filosofskaja cennost' [Human health as a socio-philosophical value]. Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta [Bulletin of the Tambov State Technical University]. 2007; 13(2): 654–660. (In Russ.).

4. Gruzdeva M.A., Korolenko A.V. Povedencheskie faktory sohraneniya zdorov'ja molodezhi [Behavioral factors of youth health preservation]. Analiz riska zdorov'ju [Health risk analysis]. 2018; (2): 41–51. DOI: 10.21668/health.risk/2018.2.05. (In Russ.).

5. Injutin V.V., Boldyreva I.I. Koncept «zdorov'e» v fenomenologicheskoy interpretacii [The concept of «health» in phenomenological interpretation]. Nauchno-medicinskij vestnik Central'nogo Chernozem'ja [Scientific and Medical Bulletin of the Central Chernozem region]. 2017; (68): 80–85. (In Russ.).

6. Kienko T.S. Zhizn' i zdorov'e kak kategorii filosofskoj aksiologii i filosofii zhizni [Life and health as categories of philosophical axiology and philosophy of life]. Gumanitarnye i social'nye nauki [Humanities and Social sciences]. 2014; (2): 300–303. (In Russ.).

7. Klimonova E.S. Koncept zdorov'e v filosofskom diskurse [Concept of health in philosophical discourse]. Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija [Bulletin VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2007; (2): 136–142. (In Russ.).

8. Kovalevskaja A.F. Formirovanie samocennosti zdorov'ja cheloveka v russkoj kul'turnoj tradicii [Formation of the self-worth of human health in the Russian cultural tradition]. Gumanitarnyj vektor [Humanitarian Vector]. 2008; (4): 34–38. (In Russ.).

9. Lazanjuk I.V., Revinova S. Ju., Balashova S.A. Tendencii onlajn-obuchenija v vysshej shkole Rossii: posledstviya pandemii COVID-19 [Trends of online education in higher education in Russia: consequences of the COVID-19 pandemic]. Biznes. Obrazovanie. Jekonomika: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Minsk, 07–08 aprelja 2022 g.) [Business. Education. Economics: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (Minsk, April 07–08, 2022)]. Minsk: Institut biznesa Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, 2022. P. 178–182. (In Russ.).

10. Lukina A.S., Gluhareva M.R. Organizacija i provedenie distancionnyh trenirovochnykh zanjatij v uslovijah pandemii [Organization and conduct of remote training sessions in a pandemic]. Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta [Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University]. 2020; 11(189): 313–316. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.11.p313-316. (In Russ.).

11. Luk'jashko A.G. Cennost' zdorov'ja u rossijskoj molodezhi: osobennosti formirovanija v proekcii postpandemicheskoy real'nosti [The value of health among Russian youth: features of formation in the projection of post-pandemic reality]. Rossijskoe obshhestvo v uslovijah postpandemicheskoy real'nosti: cennostnaja transformacija i strategii adaptacii. Materialy nauchnoj konferencii (Divnomorskoe, 18–19 maja 2021 g.) [Russian society in a post-pandemic reality: value transformation and adaptation strategies. Materials of the scientific conference (Divnomorskoe, May 18–19, 2021)]. Otv. red. Vereshhagina A.V. [In Vereshchagina A.V. (eds.)]. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovanija, 2021. P. 96–99. (In Russ.).

12. Mishhenko D.N. Molodezh' na rynke truda i problemy ee professionalizacii v fokuse

nauchnogo diskursa [Youth on the labor market and the problems of its professionalization in the focus of scientific discourse]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge]. 2019; (11): 128–134. (In Russ.).

13. Nazarova I.B. Pokazateli, harakterizujushhie zdorov'e zhitelej Rossii k 2021 godu [Indicators characterizing the health of Russian residents by 2021]. *Narodonaselenie* [Population]. 2022; 25(2): 28–38. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.3. (In Russ.).

14. Rossijskoe obshhestvo i gosudarstvo v uslovijah pandemii: social'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskoe razvitie Rossijskoj Federacii v 2020 godu. Kollektivnaja monografija [Russian society and the State in a pandemic: socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020. Collective monograph]. Osipov G. V. et al. In G. V. Osipov, S. V. Rjazancev, V.K. Levashov, T.K. Rostovskaya, V.K. Levashov (eds.). Moscow: Perspektiva, 2020. 532 p. DOI: 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532. (In Russ.).

15. Selivanov O.I., Selivanova M. S. Zdorov'e kak strategicheskaja cennost' v uslovijah pandemii i postpandemii [Health as a strategic value in the conditions of pandemic and post-

pandemic]. *Akademicheskij vestnik Rostovskogo filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii* [Academic Bulletin of the Rostov branch of the Russian Customs Academy]. 2022; 1(46): 160–166. (In Russ.).

16. Smirnov V.V. Fenomen cifrovoj zavisimosti v uslovijah informacionnogo obshhestva (social'no-psihologicheskij aspekt) [The phenomenon of digital dependence in the information society (socio-psychological aspect)]. *Vysshee obrazovanie segodnja* [Higher education today]. 2019; (4): 72–76. DOI: 10.25586/RNU.HET.19.04.P.72. (In Russ.).

17. Har'kova V. V., Fedorov N. E. Zdorov'e kak cennost' v filosofii i fiziologii [Health as a value in philosophy and physiology]. *Nauchnyj medicinskij vestnik Jugry* [Scientific Medical Bulletin of Ugra]. 2019; 2(20): 158–159. DOI: 10.25017/2306-1367-2019-19-2-158-159. (In Russ.).

18. Shherbina V. Postpandemicheskij mir: neopredelennye otvety na opredelennye otvety [The Post-pandemic world: Uncertain answers to certain answers] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://sg-sofia.com.ua/postpandemicheskij-mir-sherbina?ysclid=lj1s3714lb867865671> (data obrashhenija: 15.05.2023). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 14.06.2023.

The article was submitted on 28.04.2023; approved after reviewing on 18.05.2023; accepted for publication on 14.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лукьяшко Алена Геннадиевна — преподаватель, кафедра «Теоретические основы физического воспитания», Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

Alena G. Lukyashko — Lecturer, Department of Theoretical Foundations of Physical Education, Southern Federal University.

105/42 B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 316.37

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-229-236

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Юлия Владимировна Маслова¹, Сергей Иванович Самыгин²✉

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

¹yuliamaslova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2756-868, AuthorID РИНЦ: 379483

²serq1952@mail.ru✉, AuthorID РИНЦ: 429210, SPIN-код: 6390-7806

Аннотация. Цель исследования — анализ актуальных проблем в сфере обеспечения безопасности личности в информационной сфере в условиях цифровизации в современном российском обществе и определение оптимальных способов их решения в контексте государственной политики.

Методологическую базу исследования составляет совокупность приемов и методов, позволивших изучить проблематику, связанную с обеспечением безопасности личности в информационной сфере, и включивших основные теоретические положения социологии безопасности, концепцию постиндустриального и информационного общества, теорию виртуализации.

Результаты исследования. Проблема обеспечения безопасности личности в информационной сфере представляет собой проблему фундаментального характера, эффективное решение которой является залогом успешного развития общества в условиях новой, цифровой эпохи. Информационная безопасность личности выступает в качестве особого состояния, предполагающего высокий уровень защищенности психики человека от различных информационных угроз, которые препятствуют формированию адекватных ориентиров поведения личности в социуме. К числу наиболее значимых направлений политики государства, связанных с обеспечением безопасности личности в информационной сфере, следует отнести обеспечение защищенности граждан от различных угроз информационного характера, в том числе посредством формирования культуры личной информационной безопасности, а также повышение уровня цифровой грамотности граждан.

Перспективы исследования заключаются в возможности определения и практической реализации политики государства, направленной на обеспечение безопасности личности в информационной сфере в условиях цифровизации в современном российском обществе.

Ключевые слова: личность, общество, массовое сознание, девиантное поведение, информационная безопасность, цифровизация, глобализация

Для цитирования: Маслова Ю.В., Самыгин С.И. Обеспечение информационной безопасности личности в условиях цифровизации в современном российском обществе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 229–236. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-229-236>.

Original article

ENSURING PERSONAL INFORMATION SECURITY IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Yulia V. Maslova¹, Sergey I. Samygin²✉

¹*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia*

²*Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia*

¹*yuliamaslova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2756-868, AuthorID RSCI: 379483*

²*serq1952@mail.ru✉, AuthorID RSCI: 429210, SPIN-code: 6390-7806*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze current problems in the field of personal security in the information sphere in the conditions of digitalization in modern Russian society and to determine the optimal ways to solve them in the context of state policy.*

The methodological basis of the research *is a set of techniques and methods that allowed us to study the problems associated with ensuring personal security in the information sphere, and included the main theoretical provisions of the sociology of security, the concept of post-industrial and information society, the theory of virtualization.*

The results of the study. *The problem of ensuring personal security in the information sphere is a fundamental problem, the effective solution of which is the key to the successful development of society in a new, digital era. The information security of the individual acts as a special state, assuming a high level of protection of the human psyche from various information threats that prevent the formation of adequate guidelines for the behavior of the individual in society. One of the most significant areas of state policy related to ensuring personal security in the information sphere should include ensuring the protection of citizens from various threats of an informational nature, including through the formation of a culture of personal information security, as well as increasing the level of digital literacy of citizens.*

The prospects of the research *lie in the possibility of defining and practical implementation of the state policy aimed at ensuring the security of the individual in the information sphere in the conditions of digitalization in modern Russian society.*

Keywords: *personality, society, mass consciousness, deviant behavior, information security, digitalization, globalization*

For citation: *Maslova. Yu. V., Samygin S. I. Ensuring personal information security in the conditions of digitalization in modern Russian society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 229–236. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-229-236>.*

Введение. В условиях современного общества, характеризующегося развитием информационно-коммуникационных технологий, процессами цифровизации различных сфер жизнедеятельности, активным применением виртуальных технологий удаленного доступа, глобализацией информационных потоков, отличающихся активной включенностью в повседневные практики, особую актуальность приобретает проблема обес-

печения информационной безопасности как социума в целом, так и отдельной личности в частности [3]. Несмотря на то что цифровая глобализация объективно создает новые возможности для общества, в том числе для его экономической сферы, она в то же время подвергает довольно значительным вызовам и рискам безопасность общества, государства и человека. Так, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. №400 «Стратегия

национальной безопасности Российской Федерации» выделяет в качестве одного из наиболее значимых интересов нашей страны «развитие безопасного информационного пространства и защиту российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия»¹.

В соответствии с «Доктриной информационной безопасности Российской Федерации» информационная безопасность в целом представляет собой «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства»². Развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается обострением проблем обеспечения информационной безопасности в первую очередь в рамках так называемой цифровой среды [4]. Здесь достаточно указать такие актуальные в настоящее время проблемы, как преступная деятельность в области компьютерной информации, широкая пропаганда экстремизма и терроризма, разжигание ненависти, распространение детской порнографии и т.д. В настоящее время становится общепризнанным положение, в соответствии с которым информационно-коммуникационные технологии могут использоваться на практике в различных целях, в том числе и противоправных, а воздействие данных технологий, ресурсов сети Интернет на общественные отношения не всегда может иметь исключительно прогрессивный характер. Информационное воздействие на личность может быть особенно деструктивным, иметь следствием существенные деформации индивидуального сознания, вплоть до значительных изменений человеческой психики, причинения серьезного ущерба психическому здоровью. Различная информация негативного характера может выступать в качестве побудительного мотив

ва антисоциального, девиантного поведения, обуславливать совершение суицидальных действий, а также противоправных деяний, связанных с нарушением общественного порядка, экстремистскими и другими выступлениями. Данные обстоятельства обуславливают актуальность научного изучения проблем информационной безопасности личности в условиях современной цифровой эпохи, поскольку безопасность отдельных индивидов является неотъемлемым условием безопасности общества в целом, залогом его эффективного поступательного развития.

Методика. В рамках подготовки данной статьи автором использовался в первую очередь аналитический метод, основывающийся на анализе материалов социологических опросов, данных официальной статистики, нормативно-правовых актов, а также публикаций отечественных ученых по темам, смежным с исследованием.

Результаты. Информационная безопасность в широком смысле слова представляет собой определенное состояние социума, характеризующееся обеспечением всесторонней защиты интересов отдельной личности, а также общества и государства от негативного воздействия на них как организованных, так и стихийно возникающих информационных потоков, которые оказывают отрицательное воздействие на массовое и индивидуальное сознание, способствуя деформации последних, закономерным следствием которой является девиантное поведение личности, усиление в обществе противоречий социально-политического, экономического и духовного характера, закрепление состояния общественной напряженности и т.д. Как справедливо отмечает С. А. Матяш, проблема информационной безопасности личности по сути является основой для всех так называемых цивилизационных потерь, а также различных политических провалов, культурных утрат и личностных деформаций. Именно отдельная личность с одной стороны является первой мишенью информационной войны,

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. №400 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. Федеральный выпуск. 04.07.2021.

² Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. №646 «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. Федеральный выпуск. 06.12.2016.

а с другой она же становится и «последним оплотом самосохранения цивилизации» [5, с. 39]. По этой причине проблема обеспечения безопасности личности в информационной сфере является проблемой фундаментального характера, эффективное решение которой является залогом успешного развития общества в новую, цифровую эру его развития [1].

Современные процессы информатизации и цифровизации характеризуются резким увеличением производимых человечеством информационных ресурсов, цифровизацией различных сфер общественной жизни. Так, только количество пользователей Интернета в мире за последние десять лет увеличилось в два раза. В России, в соответствии со статистическими данными на 2022 г., насчитывается 129,8 млн интернет-пользователей: Интернетом, таким образом, пользуются 89% от общей численности населения. Интересно, что основной целью использования Интернета у российских пользователей (84,3%) является поиск информации³. При этом, учитывая постоянно возрастающие объемы информации, современному человеку необходимо не только находить в этом гигантском информационном потоке нужные ему данные, но и определенным образом защищать здесь собственные интересы, противостоять манипулятивному воздействию, различным угрозам, имеющимся в информационном пространстве [7].

Информационная безопасность в узком понимании представляет собой состояние защищенности человеческой психики от отрицательного воздействия, осуществляемого посредством внедрения информации деструктивной направленности в человеческое сознание или подсознание, что имеет следствием неадекватное восприятие окружающей действительности. В более широком понимании информационно-психологическая безопасность личности включает определенный уровень ее теоретико-практической подготовки, предусматривающий достаточный уровень цифровой грамотности, позволяющей реагировать на информационные угрозы и реализовывать свои интересы в рамках информационного пространства, а также защищенность личности от соответствующих уг-

роз, что предусматривает определенные усилия государства в направлении обеспечения информационной безопасности и реализации прав граждан в этой сфере [8].

Информационную безопасность личности можно определить как особое состояние, предполагающее высокий уровень защищенности психики человека от различных информационных угроз, которые препятствуют формированию адекватных ориентиров поведения личности в социуме. Речь идет об обеспечении целостности личности, выступающей как активный социальный субъект, взаимодействующий с окружающим миром посредством информационно-коммуникационных технологий, но сохраняющейся при этом в качестве самостоятельной единицы, свободной от различных манипулятивных воздействий. Иными словами, информационная безопасность представляет собой особое состояние, характеризующееся защищенностью личности, в рамках которой обеспечивается целостность последней в качестве активного социального субъекта, развивающегося в процессе активного информационного взаимодействия с окружающим миром [10]. В том случае, если информация характеризуется неадекватным отражением окружающего мира, введением аудитории в заблуждение, может иметь место невозможность эффективного участия в общественной жизни, реализации своих прав и добросовестного исполнения обязанностей (здесь возможно формирование нигилистических правовых установок, приводящих к совершению правонарушений).

В специальных исследованиях нередко отмечается, что рассматриваемые угрозы в настоящее время формируются вследствие особого характера развития информационно-коммуникационных технологий, отличающихся использованием манипулятивных средств и методов воздействия на аудиторию [6]. Многие ученые подчеркивают значительное усиление психического воздействия на отдельных индивидов и общество в целом со стороны современных средств массовой коммуникации. Некоторые авторы даже фиксируют тенденцию трансформации «человека разумного» в «человека информационно-

³ Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. №646 «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации».

го» (*Homo informaticus*), характеризующегося высокой степенью зависимости от информационного воздействия, перманентным увеличением количества воспринимаемых информационных сообщений, о чем мы уже писали выше [9]. Формируется определенная психосоциальная зависимость человека от потребляемой им массовой информации. В результате процессов глобальной информатизации и цифровизации неотъемлемым условием нормального функционирования общества становится эффективная система технологий и средств безопасности информационной инфраструктуры (речь здесь идет в первую очередь об обеспечении достоверного характера распространяемой информации). Отсюда неизбежно возникает противоречие между теми значительными возможностями, которые объективно формируются вследствие постоянного развития информационных технологий и параллельным ростом угроз, возникающих вследствие их использования (результатом становится необходимость защиты информации и одновременной защиты от информации).

Современный человек проводит значительную часть своей жизни в виртуальном пространстве, где взаимодействует с такими же, как и он, «электронно-виртуальными существами», причем данное взаимодействие регулируется не традиционными морально-этическими нормами, а особыми правилами, диктуемыми модераторами и администраторами сетевых сообществ и групп. По этой причине С.А. Дементьев в тексте своей докторской диссертации, посвященной информационной безопасности человека в контексте риск и угроз современной эпохи, подчеркивает необходимость создания «информационной среды обитания человека», обеспечение информационного суверенитета личности, предусматривающего свободу последней от различных информационных агрессий и манипуляций, самостоятельный выбор предпочтительных для каждого конкретного человека моделей поведения. По мнению С.А. Дементьева, современное информационное пространство характеризуется «враждебностью» по отношению к че-

ловеку, выступающему в качестве актора информационного взаимодействия. К наиболее значимым информационным угрозам данный автор относит несанкционированное проникновение в информационные ресурсы, информационные агрессии, войны и терроризм, киберпреступность и т.д. [2].

Так, к примеру, количество утечек персональных данных граждан в России в течение последних лет росло очень высокими темпами. В результате подавляющее большинство населения нашей страны существует в режиме полной информационной беззащитности, поскольку разного рода информация, включающая информацию о работе, месте проживания, собственности, платежных данных граждан и т.д. уже «утекла» в Интернет (самая серьезная опасность связана с так называемым «сливом» банковских данных, которые могут быть использованы преступниками с мошенническими целями). В качестве основной причины резкого роста утечек информации специалисты выделяют повышение активности киберпреступников.

В целом, как показывает статистика МВД России, в 2022 г. каждое четвертое преступление совершалось с использованием информационно-коммуникационных технологий (так, только за один год на 45,6% увеличилось количество преступных деяний, связанных с незаконным доступом к электронной информации)⁴. В то же время нельзя утверждать, что в современной России имеет место общедоступность персональных данных: в настоящее время многочисленные отечественные компании принимают ряд мер, направленных на совершенствование уровней доступа к конфиденциальной информации своих пользователей, вводят штрафы для недобросовестных сотрудников, по вине которых происходят утечки данных и т.д. Упомянутый рост утечек персональных данных объективно препятствует внедрению новых технологий платежей, однако имеющийся в нашей стране опыт цифровизации сервисов и услуг во время пандемии и в постпандемийный период показывает, что при наличии эффективного регулирования со стороны государства и корпораций можно достичь

⁴ Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2022 года. [Электронный ресурс] // Министерство Внутренних Дел РФ. URL: mvd.ru/reports/item/35396677 (дата обращения: 05.06.2023).

высокого уровня безопасности рассматриваемых технологических процессов.

Заключение. К числу наиболее значимых направлений государственной политики, связанных с обеспечением высокого уровня безопасности личности в информационной сфере, следует относить обеспечение защищенности россиян от различных информационных угроз, формирование развитой культуры информационной безопасности человека, а также соблюдение баланса между личностными потребностями в свободном обмене информацией и различными ограничениями, которые связаны с необходимостью обеспечения безопасности в информационной сфере.

В качестве другой значимой задачи к данной сфере можно отнести увеличение доли граждан, характеризующихся высоким уровнем цифровой грамотности или грамотности в сфере информационной безопасности, медиапотребления и использования различных ресурсов сети Интернет. Цифровая грамотность подразумевает наличие определенного набора знаний, умений и навыков, позволяющих человеку применять на практике различные цифровые технологии и ресурсы сети Интернет с достаточно высокой долей безопасности и эффективности. В настоящее время в России сохраняется недостаточно высокий уровень цифровой грамотности населения в комплексе со значительным разрывом в цифровых навыках между представителями отдельных групп и слоев (так, пожилые люди в среднем характеризуются менее высоким уровнем информационной компетентности по сравнению с молодежью, вследствие чего первые чаще становятся жертвами разнообразных киберпреступников). Отсюда проистекает необходимость в том, чтобы повысить уровень информационной компетентности граждан с соответствующими знаниями, умениями и навыками, что создаст необходимые условия для безопасного практического применения цифровых технологий. Данная цель может быть реализована посредством создания в нашей стране условий для системного повышения качества и расширения возможностей непрерывного образования и повышения грамотности населения в области современных информационно-коммуникационных технологий.

Список источников

1. Булатов А. А., Гнатюк М. А. Проблемы обеспечения информационной безопасности молодежи в пространстве социальных сетей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. №5. С. 16–19.
2. Дементьев С. А. Информационная безопасность человека в контексте рисков и угроз информационной эпохи: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Краснодар, 2018. 343 с.
3. Кузнецова А. В., Радионов М. В. Искусственный интеллект и информационная безопасность общества: монография. М.: Ру-сайнс, 2016. 118 с.
4. Ларионов А. О. К вопросу информационной безопасности личности в информационном пространстве // Современное право. 2017. №5. С. 28–32.
5. Матяш С. А. Информационная безопасность личности как социальная проблема современности // Вестник университета. 2013. №8. С. 38–45.
6. Мочалина А. С. Информационно-психологическая безопасность личности // Современные научные исследования и разработки. 2018. №3. С. 405–408.
7. Самохина Н. Н. Безопасность личности в интернет-пространстве: установление и защита новых границ конфиденциальности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. №1. С. 148–154.
8. Самыгин С. И., Верещагина А. В., Кузнецова А. В. Информационная безопасность молодежи в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №11-1. С. 140–144.
9. Самыгин С. И., Руденко А. М., Котлярова В. В. Историко-философское осмысление проблемы информационной безопасности // Социум и власть. 2018. №2. С. 47–51.
10. Тлий А. А. Источники угроз в контексте информационной безопасности: социологический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. 2013. №4. С. 147–151.

References

1. Bulatov A. A., Gnatjuk M. A. Problemy obespechenija informacionnoj bezopasnosti molodezhi v prostranstve social'nyh setej [Prob-

lems of ensuring information security of youth in the space of social networks]. *Gumanitarnye, social'no-jeconomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2018; (5): 16–19. (In Russ.).

2. Dement'ev S.A. Informacionnaja bezopasnost' cheloveka v kontekste riskov i ugroz informacionnoj jepohi: dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.11 [Human information security in the context of risks and threats of the information age. Dr. Sci. (Philosophy) diss.: 09.00.11]. Krasnodar, 2018. 343 p. (In Russ.).

3. Kuznecova A. V., Radionov M. V. Iskusstvennyj intellekt i informacionnaja bezopasnost' obshhestva: monografija [Artificial intelligence and information security of society: monograph]. Moscow: Rusajns, 2016. 118 p. (In Russ.).

4. Larikov A.O. K voprosu informacionnoj bezopasnosti lichnosti v informacionnom prostranstve [On the issue of personal information security in the information space]. *Sovremennoe pravo* [Modern law]. 2017; (5): 28–32. (In Russ.).

5. Matjash S.A. Informacionnaja bezopasnost' lichnosti kak social'naja problema sovremennosti [Personal information security as a social problem of modernity]. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University]. 2013; (8): 38–45. (In Russ.).

6. Mochalina A. S. Informacionno-psihologicheskaja bezopasnost' lichnosti [Information and psychological security of personality]. *Sovremennye nauchnye issledovanija i razrabot-*

ki [Modern scientific research and development]. 2018; (3): 405–408. (In Russ.).

7. Samohina N.N. Bezopasnost' lichnosti v internet-prostranstve: ustanovlenie i zashhita novyh granic konfidencial'nosti [Personal security in the Internet space: establishment and protection of new privacy boundaries]. *Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija* [Economic and socio-humanitarian studies]. 2023; (1): 148–154. (In Russ.).

8. Samygin S.I., Vereshhagina A. V., Kuznecova A.V. Informacionnaja bezopasnost' molodezhi v sovremennoj Rossii [Information security of youth in modern Russia]. *Gumanitarnye, social'no-jeconomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2014; (11-1): 140–144. (In Russ.).

9. Samygin S.I., Rudenko A.M., Kotljárova V.V. Istoriko-filosofskoe osmyslenie problemy informacionnoj bezopasnosti [Historical and philosophical understanding of the problem of information security]. *Socium i vlast'* [Society and power]. 2018; (2): 47–51. (In Russ.).

10. Tlij A.A. Istochniki ugroz v kontekste informacionnoj bezopasnosti: sociologicheskij aspekt [Sources of threats in the context of information security: a sociological aspect]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Adygea State University]. 2013; (4): 147–151. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 14.06.2023.

The article was submitted on 28.04.2023; approved after reviewing on 18.05.2023; accepted for publication on 14.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маслова Юлия Владимировна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Yulia V. Maslova — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Foreign languages, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Самыгин Сергей Иванович — доктор социологических наук, профессор кафедры «Финансовый и HR-менеджмент», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

Sergey I. Samygin — Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of «Financial and HR Management», Rostov State University of Economics (RSUE).

69 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК. 304.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-237-244

ОСОБЕННОСТИ И РИСКИ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Татьяна Валерьевна Плотникова¹✉, Виктория Александровна Ражина²

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

²Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростов-на-Дону, Россия

¹tatyana0918@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-8855-2066,
AuthorID РИНЦ: 409962, SPIN-код: 9736-6938

²razhina_viktoriya@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1701-5896, AuthorID РИНЦ: 1073987

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении специфики и рисков социальной коммуникации в условиях виртуализации общества.

Методологической основой исследования выступают положения теорий социальной коммуникации, положения теории информационного общества, концепции виртуального общества, теории гиперсимволической реальности.

Результаты исследования. Появление новой виртуальной реальности вытесняет прежнюю модель социальности, опирающуюся на реальные (овеществленные) социальные структуры и непосредственную коммуникацию, и формирует новое виртуальное общество, основными характеристиками которого являются эфемерность, образность, управляемость, анонимность, свобода. Трансформации в сфере коммуникации способствуют формированию новой модели социальных связей, осуществляемой посредством сети Интернет, которая представляет собой сугубо индивидуализированную социальную среду.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования особенностей социальной коммуникации в условиях виртуализации общества.

Ключевые слова: социальная коммуникация, виртуальная реальность, виртуальное общество, интерактивность, гипертекстуальность, асинхронность, сетевые онлайн-сообщества

Для цитирования: Плотникова Т.В., Ражина В.. Особенности и риски социальной коммуникации в условиях виртуализации современного общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 237–244. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-237-244>.

Original article

FEATURES AND RISKS OF SOCIAL COMMUNICATION UNDER THE CONDITIONS OF VIRTUALIZATION OF MODERN SOCIETY

Tatiana V. Plotnikova^{1✉}, Viktoria A. Razhina²

¹*Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia*

²*Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia*

¹*tatyana0918@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-8855-2066,*

AuthorID RSCI: 409962, SPIN-code: 9736-6938

²*razhina_viktoriya@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1701-5896, AuthorID RSCI: 1073987*

Abstract. *The purpose of the study is to identify the specifics of the transformation of social communication in the context of the virtualization of society.*

The methodological basis of the study *is the provisions of the theories of social communication, the provisions of the theory of the information society, the concept of a virtual society, the theory of hypersymbolic reality.*

Research results. *The emergence of a new virtual reality displaces the old model of sociality, based on real (reified) social structures and direct communication, and forms a new virtual society, the main characteristics of which are ephemerality, imagery, manageability, anonymity, freedom. Transformations in the field of communication contribute to the formation of a new model of social relations, carried out through the Internet, which is a purely individualized social environment.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research into the specifics and risks of social communication in the context of society virtualization.*

Keywords: *social communication, virtual reality, virtual society, interactivity, hypertextuality, asynchrony, online communities*

For citation: *Plotnikova T. V., Razhina V. A. Features and risks of social communication under the conditions of virtualization of modern society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 237–244. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-237-244>.*

Введение. Появление и развитие глобальной сети Интернет оказало значительное влияние на виртуализацию социальной коммуникации, которая из реального мира перешла в виртуальный формат. Сегодня практически все социальные взаимодействия происходят посредством компьютерных технологий, благодаря которым активно идет процесс замещения традиционных способов социальных взаимодействий на виртуальные практики общения. Если первые предполагали непосредственный контакт между субъектами коммуникации, то вторые осуществляются опосредованно, с помощью компьютера и специальных программных продуктов.

Активное вхождение компьютерных технологий в жизнь современного человека спо-

собствует созданию новой коммуникативной среды, открывающей беспрецедентные возможности для общения, которое не ограничено пространственной локализацией, временными рамками, социальными, политическими и культурными различиями. Это дает основание говорить о том, что в сети Интернет формируется сугубо индивидуализированная социальная среда, где человек сам определяет интересующие его информационные контенты и виртуальные сообщества.

Очевидно, что появление виртуального формата социальной коммуникации открывает перед человеком новые возможности в плане передачи, хранения и воспроизведения информации, организации его повседневной жизни и профессиональной деятельнос-

ти, но в то же время виртуализация социальной коммуникации несет риски, связанные с деформацией традиционных способов взаимодействия людей, разрушением непосредственной межличностной коммуникации, что способствует нарастанию духовного отчуждения. Осознание этого заставляет обращаться к исследованию проблемы виртуализации социальной коммуникации.

Методология и методы исследования.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют положения теории социальной коммуникации П. Бергера, Т. Лукмана, М. Маклюэна, Ю. Хабермаса и др. [3; 9; 14].

Концептуальными для исследования специфики процесса виртуализации общества выступают положения теории информационного общества Д. Белла, М. Кастельса [2; 6], виртуального общества А. Бюля, А. Крокера, М. Вэйнштейна [16; 17], концепция гиперсимволической реальности Ж. Бодрийяра [4].

Совокупность данных подходов создает методологические основания для исследования специфики трансформаций социальной коммуникации в условиях виртуализации социума.

Результаты. Появление виртуальной реальности привело к тому, что ученые заговорили о формировании новой модели социальности, а именно виртуального общества. В настоящее время концепция виртуального общества находится в процессе становления, однако отдельные аспекты его специфики рассматриваются в научном дискурсе.

Начало исследования виртуальной сферы, обусловленной развитием новых информационных технологий, связано с работами А. Бюля, А. Крокера, М. Вэйнштейна [16; 17]. Авторы рассматривают виртуальную реальность как результат развития компьютерных технологий, которые позволяют создать наряду с «реально существующими структурами виртуальные конструкторы» [16, р. 78]. Специфика последних заключается в том, что они представляют собой «параллельные миры», воспроизводящие компьютерную симуляцию пространственных свойств объекта.

С точки зрения А. Бюля, виртуальный мир — это техническое явление, позволяющее создавать новый вид социального пространства, где осуществляется не только пов-

седневная коммуникация, но и экономическая, политическая и культурная жизнь.

В теории А. Крокера и М. Вэйнштейна ключевыми характеристиками виртуальной реальности выступают ее цифровой формат, иллюзорность и символическое отражение действительности (гиперреальность). Ученые рассматривают виртуальное пространство как технологический процесс, появление которого обусловлено исключительно компьютерной техникой и наличием определенного софта [17].

Данные подходы к пониманию специфики виртуальности носят преимущественно техноцентристский характер, поскольку в них ключевая роль отводится сугубо компьютерным технологиям.

В свою очередь российский исследователь Д. В. Иванов полагает, что технологизм в понимании виртуальной реальности упрощает ее природу, сводя исключительно к технологическим процессам. Ученый указывает на то, что виртуализация — это социальный процесс, сопровождающийся кардинальными трансформациями, затрагивающими все сферы общества. Опираясь на теорию симулякров Ж. Бодрийяра, исследователь отмечает, что «старая» реальность замещается «новой» реальностью, в которой вещи заменяются их образами. В этом плане «виртуальная реальность предполагает взаимодействие человека не с вещами, а с их симуляциями» [5, с. 75].

Очевидно, что появление новой виртуальной реальности вытесняет прежнюю модель социальности, опирающуюся на реальные (овеществленные) социальные структуры и непосредственную коммуникацию, и формирует новое виртуальное общество, основными характеристиками которого являются эфемерность, образность, управляемость, анонимность, свобода. В этой связи ученые подчеркивают, что «современное общество из некогда статичной системы институтов становится сплошным потоком образов, поскольку практически любой из этих институтов может быть воспроизведен виртуально» [13, с. 176].

В целом виртуализация общества может быть описана следующим образом.

Во-первых, появление виртуальной реальности представляет собой процесс замены предметного мира на мир символический, представленный образами вещей, отношений,

смыслов. В данном аспекте виртуальная реальность не является сугубо технологическим продуктом, она исторически существовала в мифах, религиях, искусстве, поскольку в них реальность отражается в образных символических формах. Поэтому, как отмечают специалисты, «социальная реальность в некоторой степени виртуальна по своей природе: ведь социальное пространство — символическое, в нем каждая вещь приобретает значение в соответствии с тем культурным контекстом, в который она помещена» [12, с. 63].

Во-вторых, виртуализацию общества можно рассматривать как процесс создания альтернативного социального пространства, куда переносятся экономическая, финансовая, политическая, повседневная, досуговая и иные виды деятельности. Это отражает тенденцию удвоение социального мира, его одновременное существование в двух реальностях: физической и виртуальной. В настоящее время популярность приобретают виртуальная торговля, виртуальные банковские услуги, виртуальные досуговые практики и пр. Кроме того, такого рода тенденции отражают возникновение новых форм социального взаимодействия, основой которых выступают цифровые технологии и принцип сетевой организации.

В-третьих, виртуализация общества представляет собой процесс слияния виртуальной и физической реальности, в котором не наблюдаются их границы, напротив, идет наложение виртуального мира на мир реальный. Тотальная виртуализация социальной жизни проявляется в активном использовании возможностей Интернет сети для организации социальной жизни в реальном мире. Кроме того, для большинства людей Интернет уже стал неотъемлемой частью их жизненного мира. Это дает основание прогнозировать, что в недалеком будущем виртуальная реальность полностью поглотит физический мир, поскольку она создает атмосферу социально-психологического комфорта, что делает ее более удобной и привлекательной для человека [1].

Очевидно, в настоящее время социальные взаимодействия, осуществляемые в сети Интернет, являются доминирующими, что позволяет говорить о трансформации социальной коммуникации в условиях виртуализации современного общества. По сути, вир-

туальное пространство есть пространство социальной коммуникации.

Таким образом, в условиях тотальной виртуализации общества значительным трансформациям подвергается социальная коммуникация.

В научной литературе социальная коммуникация анализируется в работах П. Бергера, Т. Лукмана, М. Маклюэна, Ю. Хабермаса и др. [3; 9; 14].

Изучая эволюцию коммуникативных систем, М. Маклюэн выделяет в ней следующие этапы: а) устная речь; б) письменные способы коммуникации; в) электронные средства создания, передачи и хранения информации [9]. Последние определяют появление виртуального мира, который представляет собой исключительно коммуникационное пространство.

Ученый полагает, что «коммуникация ... есть такая форма социального взаимодействия, при которой возникает режим “взрывного” сжатия пространства, времени, информации. Происходит интеграция знаний, имеющихся в отдельных науках, сливаются мысли с чувствами, сознание с реальностью. Мозг, как бы выносится вовне...» [18, р. 79]. В этом смысле, по мнению исследователя, любое сообщения есть акт расширения сознания человека.

В концепции П. Бергера и Т. Лукмана коммуникация рассматривается не просто как способ передачи информации, а как сама социальная реальность, поскольку последняя может существовать только в форме коммуникации. Речь идет о том, что социальная реальность конструируется посредством коммуникации, причем коммуникация является ключевым процессом создания не только реального, но и виртуального мира. Виртуальная реальность — это коммуникативное пространство, спецификой которого является «симуляция непосредственного взаимодействия субъектов, общения “лицом к лицу”, при отсутствии такового в действительности» [8, с. 18]. Такая ситуация порождает новое онтологическое измерение человеческой жизни, в котором существенно трансформируются представление о наличии жестких пространственных и временных границ, а также скорости передачи и получения информации [10].

Социальная коммуникация, традиционно представляющая процесс непосред-

твенного интерактивного взаимодействия, в условиях виртуализации социума начинает осуществляться при помощи технологий, которые становятся новым актором — посредником между участниками коммуникативного акта [15]. Такого рода изменения в структуре виртуальной коммуникации свидетельствуют о появлении новых форматов межличностного общения, отличающихся от прежних традиционных интеракций. Ученые отмечают, что «новые формы социальных взаимодействий в виртуальных сообществах отличаются от традиционных признаками интерактивности, условности, гибкости, обезличенности и анонимности, наличием символов» [7, с. 91].

Развитие информационно-коммуникационных технологий способствовало появлению виртуальных сообществ, в которых сегодня осуществляется значительная доля социальных коммуникаций. Эти сообщества представляют собой особую форму социальных взаимодействий, опирающихся на определенный тематический дискурс и эмоциональную вовлеченность участников в коммуникативный процесс.

Вне сомнения, что одной стороны Интернет-сообщества являются продолжением традиционного общения, которое осуществляется посредством технических устройств, но с другой они создают особое социокультурное пространство, которое задает свои правила для коммуникации, опосредованной компьютерными технологиями.

Особенностями Интернет-коммуникации являются:

а) виртуальность, то есть осуществление в пространстве символической реальности, представленной в виде образов, аналогов и пр.;

б) текстуальность и гипертекстуальность, посредством которых общение преобразуется в форму текста и/или ссылки для распространения и передачи в Интернет-сети, а также для организации социального взаимодействия;

в) интерактивность, предполагающая быстрое реагирование на сообщения, обеспечивающее активную вовлеченность в процесс общения;

г) асинхронность социального взаимодействия, которая не предполагает немедленного реагирования на информацию и не ограничивает пользователя временными рамками;

д) креативность в онлайн-коммуникации проявляется в различных формах саморепрезентации человека, в создании своих неординарных образов в социальных сетях, а также в производстве инновационных продуктов (программных, информационных и пр.);

ж) сетевой характер коммуникации, обусловленный возможностью участия в неограниченном количестве онлайн-сообществ, лишенных пространственно-временных барьеров.

Исследователи рассматривают сетевые онлайн-сообщества как «особый вид социального объединения пользователей, интеграция которых базируется не основе общего дискурса в виртуальном пространстве при длительной и эмоциональной вовлеченности в процесс коммуникации» [11, с. 135].

Очевидно, что появление виртуального способа осуществления социального взаимодействия, не предполагающего наличие физического контакта, привело к существенным трансформациям в сфере коммуникативных практик, которые принципиально изменили повседневную жизнь человека.

Заключение. Таким образом, можно констатировать, что трансформации в сфере коммуникации способствуют формированию новой модели социальных связей, осуществляемой посредством сети Интернет, которая представляет собой сугубо индивидуализированную социальную среду. Основной характеристикой этой среды является освобождение человека от традиционных связей, норм, смыслов, которые длительное время определяли его жизнь. Однако эта свобода сопровождается нарастанием неопределенности, отказом от долгосрочных планов в угоду сиюминутным целям и желаниям, обостряющимся чувством незащищенности от динамически меняющейся социальной реальности.

Список источников

1. Барашян В.К. Выражение гендера в условиях социокультурной трансформации современного общества // Транспорт: Наука, образование, производство. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Т. 3. Ростов н/Д: Изд-во РГУПС, 2011. С. 107–108.

2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004. 788 с.

3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.

5. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 224 с.

6. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

7. Луканин А. В. Особенности социальных взаимодействий в виртуальных сообществах // Регионоведение. 2013. №1(82). С. 88–92.

8. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 232 с.

9. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007. 464 с.

10. Покотыло М. В. Внутренние научные коммуникации в России: Проблемы и перспективы развития // Мир науки, культуры, образования. 2019. №1(74). С. 397–399.

11. Сергодеев В. А. Коммуникативные практики в сетевых интернет-сообществах // Вестник АГУ. 2014. Вып. 1(135). С. 133–138.

12. Соколова Д. М. Основные тенденции виртуализации социального в информационную эпоху // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 60–64.

13. Сысоев Г. Д. Современное общество как общество виртуальное // Актуальные проблемы развития вертикальной интеграции системы образования, науки и бизнеса: экономические, правовые и социальные аспекты. Воронеж: Воронежский ЦНТИ, 2014. С. 173–177.

14. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2000. 379 с.

15. Цымбал Е. А. Социальная информация как средство манипулирования массовым сознанием в современном мире // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2017. №2. С. 79–84.

16. Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft: Ökonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. 398 p.

17. Kroker A. Weinstein M. Data Trash: The Theory of Virtual Class. Montreal, New World Perspectives, 2001. 158 p.

18. McLuhan M. City as classroom (with K. Hitchon and E. McLuhan). N.Y., 1977. 184 p.

References

1. Barashjan V.K. Vyrazhenie gendera v uslovijah sociokul'turnoj transformacii sovremenogo obshhestva [Expression of gender in the conditions of socio-cultural transformation of modern society]. Transport: Nauka, obrazovanie, proizvodstvo. Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Transport: Science, education, production. Collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference]. Vol. 3. Rostov-on-Don: Izd-vo RGUPS, 2011. P. 107–108. (In Russ.).

2. Bell D. Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo [The coming post-industrial society]. Moscow: Academia, 2004. 788 p. (In Russ.).

3. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium, 1995. 323 p. (In Russ.).

4. Bodrijjar Zh. Simuljakry i simuljaccii [Simulacra and simulations]. Per. s fr. A. Kachalova. Moscow: POSTUM, 2015. 240 p. (In Russ.).

5. Ivanov D. V. Virtualizacija obshhestva. Versija 2.0 [Virtualization of society. Version 2.0]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2002. 224 p. (In Russ.).

6. Kastel's M. Informacionnaja jepoha. Jekonomika, obshhestvo i kul'tura [The information age. Economics, Society and Culture]. Moscow: GU VShJe, 2000. 608 p. (In Russ.).

7. Lukanin A. V. Osobennosti social'nyh vzaimodejstvij v virtual'nyh soobshhestvah [Features of social interactions in virtual communities]. Regionologija [Regionology]. 2013; 1(82): 88–92. (In Russ.).

8. Luman N. Obshhestvo kak social'naja sistema [Society as a social system]. Moscow: Logos, 2004. 232 p. (In Russ.).

9. Makljujen M. Ponimanie media: vneshnie rasshirenija cheloveka [Understanding media: external extensions of a person]. Moscow: Kuchkovo pole, 2007. 464 p. (In Russ.).

10. Pokotylo M.V. Vnutrennie nauchnye kommunikacii v Rossii: Problemy i perspektivy razvitiya [Internal scientific communications in Russia: Problems and prospects of development]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education]. 2019; 1(74): 397–399. (In Russ.).
11. Sergodeev V.A. Kommunikativnye praktiki v setevykh internet-soobshhestvakh [Communicative practices in networked Internet communities]. *Vestnik AGU* [Bulletin of ASU]. 2014; 1(135): 133–138. (In Russ.).
12. Sokolova D.M. Osnovnye tendencii virtualizacii social'nogo v informacionnuju jepohu [The main trends of social virtualization in the information age]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Ser. Filosofija. Psihologija. Pedagogika* [News of Saratov University. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2013; 13(2): 60–64. (In Russ.).
13. Sysoev G.D. Sovremennoe obshhestvo kak obshhestvo virtual'noe [Modern society as a virtual society]. Aktual'nye problemy razvitiya vertikal'noj integracii sistemy obrazovaniya, nauki i biznesa: jekonomicheskie, pravovye i social'nye aspekty [Actual problems of the development of vertical integration of the system of education, science and business: economic, legal and social aspects]. Voronezh: Voronezhskij CNTI, 2014. P. 173–177. (In Russ.).
14. Habermas Ju. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie [Moral consciousness and communicative action]. Saint Petersburg: Nauka, 2000. 379 p. (In Russ.).
15. Cymbal E.A. Social'naja informacija kak sredstvo manipulirovaniya massovym soznaniem v sovremennom mire [Social information as a means of manipulating mass consciousness in the modern world]. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshhenija* [Proceedings of the Rostov State University of Railways]. 2017; (2): 79–84. (In Russ.).
16. Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft: Ökonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. 398 p.
17. Kroker A. Weinstein M. Data Trash: The Theory of Virtual Class. Montreal, New World 10 Perspectives, 2001. 158 p.
18. McLuhan M. City as classroom (with K. Hitchon and E. McLuhan). N.Y., 1977. 184 p.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 04.06.2023.

The article was submitted on 28.04.2023; approved after reviewing on 18.05.2023; accepted for publication on 04.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Плотникова Татьяна Валериевна — доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и культурология», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). Специалист в области социальной и политической философии, проблем трансформации социального поведения, поведенческих парадигм и моделей политической практики.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

Tatiana V. Plotnikova — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Rostov State University of Economics (RSUE). Specialist in social and political philosophy, problems of transformation of social behavior, behavioral paradigms and models of political practice.

69 B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Ражина Виктория Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки», Ростовский государственный университет путей сообщения.

Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного ополчения, 2

Viktoria A. Razhina — Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Rostov State Transport University.

2 Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo opolchenija sq., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Плотникова Т. В. — концепция исследования; разработка методологии; итоговые выводы.

Ражина В. А. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Authors' contribution:

Plotnikova T. V. — research concept; methodology development; final conclusions.

Razhina V. A. — writing the original text; final conclusions.

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-245-253

КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА «АРЕСТАНТСКОЕ УГОЛОВНОЕ ЕДИНСТВО»: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Алексей Викторович Римский

Белгородский юридический институт МВД РФ им. И. Д. Путилина, Белгород, Россия
alex.rimskiy@yandex.ru, AuthorID РИНЦ: 1041649, SPIN-код: 3030-0325

Аннотация. *Целью исследования* является раскрытие основных характеристик криминальной субкультуры «арестантское уголовное единство» (АУЕ) и философско-культурологический анализ ее роли в формировании менталитета некоторых молодёжных сообществ.

Методология исследования опирается на субкультурный подход, разработанный белгородской философской школой.

Результаты исследования состоят в следующем: установлено, что криминальная субкультура АУЕ — одна из самых известных и опасных в России антисистемных экстремистских сообществ. Эта субкультура имеет свои особенности, которые выражаются не только в языке, но и в поведении ее адептов. Многие общественные деятели, правоохранительные органы и научные работники занимались изучением этой проблемы, пытаясь разобраться в ее корнях и понять причины ее возникновения. Проявления АУЕ можно увидеть в различных социальных группах и сообществах: от тюремных колоний до городских районов. Показано, что в последнее время эта субкультура стала популярной среди молодежи, а это вызывает особую озабоченность у родителей и общественности в целом. Исследование опирается на факты, которые показывают угрозу для молодого поколения. Изложены принципы, на которых основывается борьба с данным негативным явлением.

Перспективы исследования заключаются в том, что необходимо изучить проблему идеологии криминальной субкультуры АУЕ, факторы, влияющие на вступление в криминальную организацию АУЕ.

Ключевые слова: «арестантское уголовное единство» (АУЕ), экстремистское сообщество, антисистема, преступления, молодежь, криминальная субкультура

Для цитирования: Римский А. В. Криминальная субкультура «арестантское уголовное единство»: философско-культурологический анализ // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 245–253. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-245-253>.

Original article

CRIMINAL SUBCULTURE «CONVICT CRIMINAL UNITY»: A PHILOSOPHICAL AND CULTURAL ANALYSIS

Alexey V. Rimsky

*Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
named after I. D. Putilin, Belgorod, Russia
alex.rimskiy@yandex.ru, AuthorID RSCI: 1041649, SPIN-code: 3030-0325*

Abstract. *The aim of the research is to reveal the main characteristics of the «convict criminal unity» criminal subculture and the philosophical and cultural analysis of its role in the formation of the mentality of some youth communities.*

The methodology of the research is based on the subcultural approach developed by the Belgorod school of philosophy.

The results of the research are the following: it was established that the criminal subculture of «convict criminal unity» is one of the most famous and dangerous anti-systemic extremist communities in Russia. This subculture has its own features, which are expressed not only in the language but also in the behavior of its adherents. Many public figures, law enforcement agencies and scholars have studied this problem, trying to understand its roots and the reasons for its emergence. Manifestations of «convict criminal unity» can be seen in a variety of social groups and communities, from prison colonies to urban areas. It is shown that this subculture has recently become popular among young people and is of particular concern to parents and the public at large. The study relies on facts that show the threat to the younger generation. The principles on which the fight against this negative phenomenon as «convict criminal unity» is based are stated.

The prospects of the research are that it is necessary to study the problem of the ideology of the criminal subculture of «convict criminal unity», factors which influence to join to the criminal organization of «convict criminal unity».

Keywords: *«convict criminal unity», extremist community, anti-system, crime, youth, criminal subculture*

For citation: *Rimsky A. V. Criminal subculture «convict criminal unity»: a philosophical and cultural analysis // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 245–253. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-245-253>.*

Актуальность темы исследования. В современном мире большое внимание уделяется изучению и профилактике деятельности криминальных антисистемных сообществ, к которым, без сомнения, относится и субкультура «арестантское уголовное единство» (АУЕ). Практики и идеология этого субкультурного сообщества в последнее время приобрели популярность среди городской молодёжи, оказывая негативное на неё влияние.

Верховный суд России признал движение АУЕ экстремистской организацией, поэтому

любая деятельность, связанная с АУЕ, запрещена на территории нашей страны. Несмотря на запрет, по данным Совета при Президенте Российской Федерации, это криминальное молодежное движение проявило свою деятельность в 18 регионах страны. В экстремистскую организацию привлекаются дети от 12 лет, сильное воздействие экстремистская организация оказывает на подростков, не достигших совершеннолетнего возраста. И.И. Горбунов верно отметил, что причина заключается в особенностях психики данной

группы лиц, в отсутствии нравов, желание противостоять запретам и взрослым [5].

Методология исследования. Криминальное сообщество АУЕ в последнее время изучают многие юристы, политологи, социологи, но они чаще всего касаются лишь отдельных характеристик данной социальной антисистемы. Например, А.Е. Полякова и Н.С. Рябков указывают на интерес подростков ко всему запрещенному как психологический фактор популяризации идей АУЕ в молодёжной среде [6]. Девиантные и делинквентные характеристики поведения участников движения АУЕ изучает В.Г. Сорока [13]. Субкультурную природу криминального сообщества АУЕ исследуют такие авторы, как Д.В. Гирьятович [2; 3], А.Э. Хасуев [14] и В.А. Шуняева [15]. Однако, этого явно недостаточно и требуется более комплексный философско-культурологический и философско-системный подход к исследованию этого субкультурного феномена.

Прежде всего, в его описании и интерпретации необходимо использовать герменевтическую и феноменологическую методику, которая позволяет выявить мифологию и символику данной субкультуры, влияющие на бессознательные механизмы восприятия идей и практик деятельности этого антисистемного сообщества. Антисистемность субкультуры АУЕ требует привлечения системных методов.

Также необходимо опираться на субкультурный подход, разработанный белгородскими философами (В.П. Римским и его учениками). В ряде их работ отмечается, что субкультура (субкультуры) всегда формируется в деятельности и практиках отдельных социальных групп и сообществ, которые часто представляют собой сложные конфигурации внутри конкретно-исторических социокультурных систем или подсистем. При этом они могут приниматься обществом и институализироваться в рамках базовой культуры («большой», «взрослой», «материнской», «доминирующей» и т.п.). Но очень часто субкультуры не институализируются и вытесняются на культурную периферию общества, существуют в качестве *антисис-*

темных, маргинальных или девиантных форм целостной культуры. В любом случае и маргинальные, и легитимные субкультурные формообразования образуют *аксиологические локальные миры*, противостоящие базовой культуре. *Субкультурные субъекты* (индивиды, группы и сообщества) вырабатывают в собственных культурных практиках индивидуальные и коллективные *стереотипы поведения и способы деятельности*, которые воплощаются в специфических *знаково-символических формах, социокодах, мифологизированных формах сознания* и структурах *личностной идентичности* [9; 10; 11 и др.].

Объектом данной статьи является антисистемное сообщество АУЕ. В качестве предмета выступает описание криминальной субкультуры АУЕ в его ментально-идеологических практиках. Статья содержит также описание способов и последствий вовлечения подростков в криминальное сообщество АУЕ и практические меры решения возникающих в воспитании молодёжи проблем.

Материалы исследования. Применение указанных методов позволяет установить, что субкультурное сообщество АУЕ применяет многообразие ментальных и идеологических практик вовлечения несовершеннолетних в криминальную жизнь (вначале поверхностно), рассказывая об устоях, сформировавшихся в тюрьмах и криминальной среде. В большинстве случаев попадают в эту экстремистскую организацию подростки, обделённые родительским вниманием и столкнувшиеся с безразличием в школе, а также подвергающиеся унижению со стороны ближайших коллективов (часто сверстников), что и толкает молодых людей к нетривиальным способам самоутверждения.

Прежде всего, следует определиться с понятием «экстремизм», что даст нам возможность разрабатывать индикаторы для идентификации той или иной субкультуры и соответствующего сообщества в качестве экстремистских.

Понятие «экстремизм» встречается в нормативных правовых актах Российской Федерации: Конституции Российской Федерации¹,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

Федеральном законе от 25 июля 2002 года №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»², Федеральном законе от 05 июля 2002 года №112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»³, Федеральном законе от 6 октября 2003 года №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁴, Указе Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 года №310 (в редакции от 03.11.2004) «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации»⁵, Постановлении Правительства Российской Федерации от 06.08.2015 года №804 «Об утверждении правил определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведений организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, и индивидуальных предпринимателей»⁶.

В ряде работ мы выработали также собственное определение и понимание экстремизма. Мы давали определение политико-правового экстремизма и писали: «Если давать понятийное определение политико-правового экстремизма, то он, по нашему мнению, представляет собой специфическую деятельность индивидов и сообществ, которая предполагает достижение политических целей нелегитимным способом с использова-

нием радикальных целей и методов, антисистемных идеологий и культурных смыслов. В этом плане экстремистские деяния носят чаще всего преступный характер. Можно выделять религиозные и культурные формы экстремизма, но и они будут чаще всего связаны с политико-правовым экстремизмом как наиболее фундаментальным по отношению к любым видам и формам экстремизма» [8, с. 124]. Герменевтические смыслы и рациональные определения практик экстремизма позволяют интерпретировать экстремизм в качестве антисистемной деятельности современного человека, которая характеризуется чрезмерностью и сверхмерностью (нарушение меры), избыточностью (часто экстремальные практики в спорте или культуре оборачиваются разрушительным экстремизмом), маргинальностью и эффектом антисистемности, возникая чаще всего в условиях *чрезвычайных ситуаций* (бунты, революции, социально-политические кризисы, состояние социокультурной транзитивности и т.п.) [подробнее см.: 7; 8; 9].

Важную роль при вовлечении молодёжи в экстремистские субкультурные сообщества играют ментально-культурные факторы воздействия на неустойчивую психику молодого человека, часто мало образованного. Следует отметить, что в повседневной жизни молодёжи важными являются каналы, по которым молодёжь не только узнаёт действительно новое для саморазвития, но и черпает в полной мере всё негативное, возникающее в современной кризисной культуре.

Например, на просторах Интернета встречается творчество современных исполнителей, которые простенько и безвкусно

2 Федеральный закон от 25.07.2002 №114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002, №30, ст. 3031.

3 Федеральный закон от 25.07.2002 №112-ФЗ (ред. от 29.12.2012) «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002, №30, ст. 3029.

4 Федеральный закон от 06.10.2003 №131-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003, №40, ст. 3822.

5 Указ Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 года №310 (в редакции от 03.11.2004) «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 27.03.1995, №13, ст. 1127.

6 Постановление Правительства РФ от 06.08.2015 №804 (ред. от 01.11.2022) «Об утверждении Правил определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, других юридических лиц, а также физических лиц» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 17.08.2015, №33, ст. 4835.

пропагандируют идеологию и мифологию АУЕ. В настоящее время в информационно-телекоммуникационной сети Интернет насчитывается около 50 тысяч ресурсов, поддерживающих криминальную субкультуру АУЕ, с общей аудиторией более миллиона человек, из которых около 80 % — подписчики из числа детей и молодежи до 30 лет.

В качестве примера можно рассмотреть «творчество» личностей, воспевающих АУЕ, таких как «Ника Цербер». В её текстах повествуется о том, что представители АУЕ «жаждут свободы, зарабатывают деньги незаконным путем» («Гражданский кодекс, прощай, удачи»); «спасение у них одно — это бегство»; «полиция является врагом» и т.п. В тексте «Артёма Татищевского» (Каспийский Груз feat) также воспевается блатная романтика в духе АУЕ: «Я вырос там, где мусора не в почёте, И на вопрос: Как дела? Отвечаю: А чё те?»; «Среди своих почти все мы стоим на учёте, И я нуждаюсь в деньгах, но не нуждаюсь в работе». И т.д., и т.п.

Композиции находятся в общем доступе для каждого, и современное поколение, как губка, впитывает в себя всю эту незатейливую криминальную мифологию. Здесь пропагандируется стиль жизни, связанный с круговоротом наркотических веществ. Поклонники и адепты АУЕ также рисуют свой символ (воровская звезда) на заборах, домах и т.п., у многих представителей меж пальцев находится татуировка в виде звезды. Их девиз — «Жизнь ворами!». По этим символам можно определить, находится человек в криминальной организации или нет. Обычно такие подростки агрессивны, их поведение отличается тревожностью, в лексике используется тюремный жаргон (например, «бодяга» — бессмысленный разговор или разбавленный наркотик и алкоголь, «плющить» — наркотическое состояние, «убиться» — употребить наркотик, «уехать под крышу» — угодить в СИЗО и т.п.). Всё это призвано романтизировать воровскую жизнь, а их «производители» по всем индикаторам и признакам являются экстремистами.

Но как противостоять этим искушениям и негативным явлениям? По статистике, за 2022 год в России насчитывается 1078 преступлений, которые имеют экстремистскую направленность: в Центральном ФО наибольшее количество противоправных деяний в г. Москве (97), в Северо-Кавказском ФО — в Республике Дагестан (55), в Приволжском ФО — в Республике Башкортостан (21), в Уральском ФО — в Свердловской области (31), в Северо-Западном ФО — в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области (40)⁷.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 25.07.2002 года №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» «противодействие (т.е. пресечение и профилактика) экстремистской деятельности основывается на следующих принципах: 1) законность; 2) гласность; 3) приоритет обеспечения безопасности Российской Федерации; 4) приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности; 5) сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности; 6) неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности»⁸.

Таким образом представителям власти, прежде всего, необходимо обратить внимание на данное количество преступлений и задуматься о комплексной профилактике среди населения с целью выявить и показать опасность экстремистской деятельности. Наши дети — это наше будущее, нужно как можно скорее прекратить существование организаций, которые идут против закона.

Резюме. Таким образом, следует вести речь о более системной работе по формированию в России современной правовой культуры путём соответствующего воспитания не только молодёжи, но и других демографических групп.

В современном российском обществе существует проблема формирования устойчивого правового сознания с устранением диспропорций в правовом культурном простран-

⁷ Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф>.

⁸ Федеральный закон от 25.07.2002 №114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002, №30, ст. 3031.

тве предшествующего периода. Реальные проблемы правового сознания, если говорить о точках соприкосновения с общественной жизнью, спустились на групповой и межличностный уровень. Нельзя отрицать, что существуют серая и черная зоны, смешение правовых и неправовых норм как следствие ситуативного права и правового негативизма, что создает зону притягательности для правовой ностальгии или запроса на актуальные правовые новации.

Развивая эту мысль, актуально делать упор на *правовом воспитании* в российском обществе, которое может интерпретироваться через два подхода. *Первый* связан с условно либеральными принципами, с ускорением правовой цивилизованности обществ через следование правовым нормам как регулярным и обыденным. В контексте 90-х годов прошедшего столетия правовое воспитание было включено как «паллиатив» ушедшей системы: в советском «перестроечном» обществе молчаливо предполагалось, что правовое воспитание станет базисным замещением идеологического воспитания при изъятии формулы государственной идеологии. Таким образом, общество находилось под влиянием убеждения о новом нормативном порядке, но актуальное правовое сознание отмечалось и отмечается диспропорциональностью, неоднородностью, и очевидными стали изъяны системы правового воспитания, на которое влияли факторы социальной стратификации, местничества, социальной маргинализации.

Второй подход, организаторский, по сущности означает становление системы права, связанной с национальными интересами, согласованием государственных и общественных институтов, основанных на объективности и общественной природе правовых отношений, отражении позиции социальных групп, определяемых совокупностью культурных капиталов (ресурсов). Здесь речь идет о том, что адекватным исходным теоретическим постулатом традиционного права является постоянно воспроизводимая система социально-психологических воздействий, направленных на формирование поведенческих и ментальных практик, соответствующих принципам формально-правового равенства, и одновременно закрепляющих чувство социальной

уверенности, понимания права как способа развития общества и личности. Однако, данное положение кажется абстрактным и оторванным от жизни, и надо объяснить процессы формирования правового сознания с точки зрения солидарных сообществ, которые получают возможность преобразовывать социальные отношения через систему права. Таким образом, ставится вопрос о том, чтобы формировалась система воспитания, представляющая собой сферу взаимодействия контур-дискурса и контур-организации, с одной стороны, и повышение правовой комплексности, правовых знаний, с другой, и границ действия правовых норм, обусловленных интернациональными действиями и практиками.

Главной задачей при этом является возможность через систему правового сознания определять легитимацию новых социальных практик и воспроизводимость уже установленных и институализированных. Российское общество, его политические и правовые институты оказались перед проблемой незавершенного культурогенеза, и здесь важный момент состоит в том, чтобы сделать выбор альтернатив смыслообразований и ценностей в воспитании личности, определяемых традиционными аксиологическими практиками (патриотическими, семейными). Вместе с тем система правового воспитания масштабируется в рамках гражданского патриотического общества, что не исключает и даже усиливает влияние профессиональных ассоциаций. Этот момент важен с точки зрения предотвращения чрезмерного лоббизма в российском обществе и в рамках правового воспитания предусматривает формирование устойчивых связей между воздействием моральных и правовых норм как единого воспитательного комплекса. Можно с уверенностью говорить, что правовые традиции русского народа, сформированные на протяжении десятилетнего периода истории, и правовой опыт уникальны, как и отрицание юридического формализма в соответствии с большим уважением к «указу», чем к закону. Это соответствует позиции сильного лидера и сильного государства, доминированию общественных идеалов на индивидуальными и авторитету государственной службы (военной, административной).

Но здесь следует оговориться, что в обществе на основании определенной монополизации бюрократией правовых ресурсов и деформаций «телефонного» права, существовавших уже в Советском Союзе, сформировалось критическое массовое мнение по отношению к отечественному чиновничеству (бюрократии). В современных условиях, когда общество нуждается в патриотической мобилизации, обостренно воспринимаются попытки попрания права, ущемление социальных и трудовых прав, существует потребность в здоровом, государственном патернализме, развитии специальных институтов по защите прав личности, преодолении практики социальных квазистатусов, определявших влияние либеральных правовых реформ на развитие права в 90-е годы прошлого века.

В заключение отметим, что действенность правового воспитания выражается в силе права, в принятии и соблюдении формулы права, что важно в восприятии элит как реформируемых групп. Другими словами, если элиты становятся образцом выполнения и реализации правовых норм, то есть предпосылки диалога общества и власти в целях применения правовых практик.

Список источников

1. Бочкарева Е. В. Распространение криминальной антикультуры в молодежной среде // Актуальные проблемы российского права. 2019. №8. С. 144–150.
2. Гирьятович Д. В. Молодежная субкультура «А.У.Е.» // Социология сегодня. Сборник научных статей: материалы межвузовского круглого стола / Отв. ред. О. П. Грибунов. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 44–46.
3. Гирьятович Д. В. Субкультура «АУЕ» как проявление девиации молодежи // Девиация в современном российском обществе. Ее профилактика и минимизация. Сборник научных статей: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 161–164.
4. Глухова А. А. Особенности организации и функционирования сайтов, посвященных тематике АУЕ, и их роль в формировании социопатических и противоправных установок у подростков и молодежи / А. А. Глухова, Д. А. Шпилев // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13. №4. С. 1646–1660.
5. Горбунов А. А. Политический экстремизм и терроризм — специфические формы проявления политического процесса // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. №4. С. 44–50.
6. Полякова А. Е. Особенности развития и истоки криминальной субкультуры «АУЕ» / А. Е. Полякова, Н. С. Рябков // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2018. №10. С. 397–401.
7. Римский А. В. Культурно-исторические практики экстремизма / А. В. Римский, А. Г. Малахов // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2023. №48(1). С. 137–146.
8. Римский А. В. Специфика экстремизма: политико-правовые и философские определения / А. В. Римский, В. А. Лысенко // Наука. Искусство. Культура. 2023. Вып. 1(37). С. 115–126.
9. Римский А. В. «Разрушение вместе» или О специфике экстремистских сообществ / А. В. Римский, В. П. Римский // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2021. №46(3). С. 489–498.
10. Римский В. П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры). Статья 1. Культура и субкультура / М. М. Белоусова, Ю. М. Мельник, О. Н. Римская, В. П. Римский // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2009. Вып. 8. №8(63). С. 30–41.
11. Римский В. П. Субкультурные революции в культурно-исторической типологии / Р. Г. Аббасов, В. П. Римский // Наука. Искусство. Культура. 2018. №3(19). С. 5–23.
12. Серебренникова А. В. Движение «АУЕ»: сущность и проблемы противодействия в молодежной среде // Национальная ассоциация ученых (НАУ). 2020. №59. С. 54–57.
13. Сорока В. Г. Влияние АУЕ на формирование личности несовершеннолетнего // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в Российской Федерации: материалы Межвузов-

кой научной студенческой конференции, посвященной 100-летию Иркутского государственного университета. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2018. С. 32–33.

14. Хасуев А. Э. Молодежная субкультура «АУЕ» в России // Вестник современных исследований. 2018. №10.6(25). С. 83–85.

15. Шуняева В. А. Молодежная криминальная субкультура как фактор становления личности несовершеннолетнего преступника // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. №3. С. 177–180.

References

1. Bochkareva E. V. Rasprostranenie kriminal'noj antikul'tury v molodezhnoj srede [The spread of criminal anti-culture in the youth environment]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of Russian law]. 2019; (8): 144–150. (In Russ.).

2. Gir'jatovich D. V. Molodezhnaja subkul'tura «A.U.E.» [Youth subculture «C.C.U.»]. *Sociologija segodnja. Sbornik nauchnyh statej: materialy mezhvuzovskogo kruglogo stola* [Sociology today. Collection of scientific articles: materials of the interuniversity round table]. Otv. red. O. P. Gribunov [In O. P. Gribunov (eds.)]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2018. P. 44–46. (In Russ.).

3. Gir'jatovich D. V. Subkul'tura «AUE» kak projavlenie deviacii molodezhi [Subculture «CCU» as a manifestation of deviation of youth]. *Deviacija v sovremennom rossijskom obshhestve. Ee profilaktika i minimizacija. Sbornik nauchnyh statej: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Deviation in modern Russian society. Its prevention and minimization. Collection of scientific articles: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2018. P. 161–164. (In Russ.).

4. Gluhova A. A. Osobennosti organizacii i funkcionirovanija sajtov, posvjashhennyh tematike AUE, i ih rol' v formirovanii sociopaticeskikh i protivopravnyh ustanovok u podrostkov i molodezhi [Features of the organization and functioning of sites dedicated to the subject of CCU, and their role in the formation of sociopathic and illegal attitudes among adoles-

cents and youth]. A. A. Gluhova, D. A. Shpilev. *Aktual'nye problemy jekonomiki i prava* [Actual problems of economics and law]. 2019; 13(4): 1646–1660. (In Russ.).

5. Gorbunov A. A. Politicheskij jekstremizm i terrorizm — specificheskie formy projavlenija politicheskogo processa [Political extremism and terrorism — specific forms of manifestation of the political process]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture]. 2015; (4): 44–50. (In Russ.).

6. Poljakova A. E. Osobennosti razvitija i istoki kriminal'noj subkul'tury «AUE» [Features of development and origins of the criminal subculture «CCU»]. A. E. Poljakova, N. S. Rjabkov. *Nauchno-obrazovatel'nyj potencial molodezhi v reshenii aktual'nyh problem XXI veka* [Scientific and educational potential of youth in solving urgent problems of the XXI century]. 2018; (10): 397–401. (In Russ.).

7. Rimskij A. V. Kul'turno-istoricheskie praktiki jekstremizma [Cultural and historical practices of extremism]. A. V. Rimskij, A. G. Malahov. *NOMOTHETIKA: Filosofija. Sociologija. Pravo* [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law]. 2023; 48(1): 137–146. (In Russ.).

8. Rimskij A. V. Specifika jekstremizma: politiko-pravovye i filosofskie opredelenija [The specifics of extremism: political, legal and philosophical definitions]. A. V. Rimskij, V. A. Lysenko. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* [Science. Art. Culture]. 2023; 1(37): 115–126. (In Russ.).

9. Rimskij A. V. «Razrushenie vmeste» ili O specifike jekstremistskich soobshhestv [«Destruction together» or About the specifics of extremist communities]. A. V. Rimskij, V. P. Rimskij. *NOMOTHETIKA: Filosofija. Sociologija. Pravo* [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law]. 2021; 46(3): 489–498. (In Russ.).

10. Rimskij V. P. Metodologija issledovanija subkul'tur v social'no-gumanitarnyh naukah (na primere molodezhnoj kul'tury). Stat'ja 1. Kul'tura i subkul'tura [Methodology of subculture research in the social sciences and humanities (on the example of youth culture). Article 1. Culture and subculture]. M. M. Belousova, Ju. M. Mel'nik, O. N. Rimskaja, V. P. Rimskij. *Nauchnye vedomosti BelGU. Serija «Filosofija. Sociologija. Pravo»* [Scientific Bulletin of Bel-

SU. The series «Philosophy. Sociology. Law»]. 2009; 8(63): 30–41. (In Russ.).

11. Rimskij V.P. Subkul'turnye revoljucii v kul'turno-istoricheskoy tipologii [Subcultural revolutions in cultural and historical typology]. R. G. Abbasov, V.P. Rimskij. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* [Science. Art. Culture]. 2018; 3(19): 5–23. (In Russ.).

12. Serebrennikova A. V. Dvizhenie «AUE»: sushnost' i problemy protivodejstviya v molodezhnoj srede [The CCU movement: the essence and problems of counteraction in the youth environment]. *Nacional'naja asociacija uchenyh (NAU) [National Association of Scientists (NAS)]*. 2020; (59): 54–57. (In Russ.).

13. Soroka V. G. Vlijanie AUE na formirovanie lichnosti nesovershennoletnego [The influence of AUE on the formation of a minor's personality]. Aktual'nye problemy pravotvorchestva i pravoprimeritel'noj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii: materialy Mezhvuzovskoj

nauchnoj studencheskoj konferencii, posvjashchennoj 100-letiju Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta [Actual problems of law-making and law enforcement in the Russian Federation: materials of the Interuniversity scientific student conference dedicated to the 100th anniversary of Irkutsk State University]. Irkutsk: Irkutskij gosudarstvennyj universitet, 2018. P. 32–33. (In Russ.).

14. Hasuev A. Je. Molodezhnaja subkul'tura «AUE» v Rossii [Youth subculture «CCU» in Russia]. *Vestnik sovremennyh issledovanij [Bulletin of Modern Research]*. 2018; 10.6(25): 83–85. (In Russ.).

15. Shunjaeva V. A. Molodezhnaja kriminal'naja subkul'tura kak faktor stanovlenija lichnosti nesovershennoletnego prestupnika [Youth criminal subculture as a factor in the formation of the personality of a minor criminal]. *Social'no-politicheskie nauki [Socio-political sciences]*. 2020; 10(3): 177–180. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 07.05.2023; одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 15.06.2023.

The article was submitted on 07.05.2023; approved after reviewing on 26.05.2023; accepted for publication on 15.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Римский Алексей Викторович — кандидат философских наук, старший лейтенант полиции, старший преподаватель кафедры «Государственно-правовые дисциплины», Белгородский юридический институт МВД РФ им. И. Д. Путилина.

Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71

Alexey V. Rimskiy — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lieutenant of Police, Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putilin.

71 Gorkogo str., Belgorod, Russia

Научная статья

УДК 330.3

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-254-261

ПУБЛИКАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА УЧЕНОГО: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Инна Ивановна Сальникова

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

s-inna79@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8945-592X,

AuthorID РИНЦ: 1068839, SPIN-код: 6089-4864

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальных проблем публикационной культуры современного ученого в его публикационной деятельности.

Цель статьи — дать обзор ключевых проблем, связанных с культурой научных публикаций, оценить их масштабы, изучить потенциальные решения и определить эффективность этих мер. Кроме того, была предпринята попытка спрогнозировать будущее развитие этой области в более широком контексте научной культуры.

Методологией исследования являются идеи и принципы, содержащиеся в работах ученых, посвященные анализу этических принципов авторов и организации их деятельности в рамках научных институтов, показывающему, что нарушения принципов публикационной культуры научных публикаций вытекают из несоответствия высоких моральных принципов и условий, в которых зачастую приходится работать членам научного сообщества.

Результатами работы стало выявление роста нарушений публикационной культуры научных публикаций вследствие организации наукометрики и современных форм отчетности ученого.

Перспективой исследования является установление корреляции между реальными и идеальными принципами публикационной культуры учёного, ведь для того, чтобы добиться успехов в своей деятельности, научным сотрудникам необходимо ориентироваться на эти принципы.

Ключевые слова: научная статья, публикационная культура ученого, плагиат, фабрикация данных, научные журналы, самоплагиат, этика научных исследований

Для цитирования: Сальникова И.И. Публикационная культура ученого: проблемы и пути их решения // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 254–261. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-254-261>.

Original article

PUBLICATION CULTURE OF A SCIENTIST: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Inna I. Salnikova

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
s-inna79@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8945-592X,
AuthorID RSCI: 1068839, SPIN-code: 6089-4864*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of modern problems of the publication culture of a modern scientist in his publication activity.*

The purpose of the article *is to give an overview of the key problems associated with the culture of scientific publications, to assess their scale, to explore potential solutions and to evaluate the effectiveness of these measures. In addition, an attempt has been made to predict the future development of this field in the broader context of scientific culture.*

The methodology of the research *is the ideas and principles contained in the works of scientists devoted to the analysis of the ethical principles of authors and the organization of their activities within scientific institutions, which shows that violations of the principles of the publication culture of scientific publications result from the inconsistency of high moral principles and conditions in which members of the scientific community often have to work.*

The results of the work *were the identification of the growth of violations of the publication culture of scientific publications, due to the organization of scientometrics and modern forms of reporting of a scientist.*

The perspective of the research *is to establish a correlation between the real and ideal principles of the scientist's publication culture. After all, in order to achieve success in their activities, researchers need to focus on these principles.*

Keywords: *scientific article, publication culture of a scientist, plagiarism, data fabrication, scientific journals, self-plagiarism, ethics of scientific research*

For citation: *Salnikova I. I. Publication culture of a scientist: problems and ways to solve them // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 254–261. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-254-261>.*

Введение. В последние годы произошли заметные изменения в этических нормах, регулирующих публикационную практику ученых. Важной вехой стало создание в 1997 году Комитета по этике научных публикаций¹. Целью этого комитета было обеспечить руководство и разработать рекомендации для издателей и редакторов научных журналов, поддерживая высокие этические стандарты в научной публикации. Совсем недавно Комитет расширил свои усилия, сформулировав

рекомендации для научно-исследовательских институтов и установив принципы, регулирующие взаимодействие между институтами, университетами, издателями и редакторами журналов [10]. Борьба с нарушениями этических норм в научных публикациях претерпела значительные изменения. Одним из распространенных нарушений является плагиат, с которым в настоящее время борются с использованием передовых компьютерных технологий, например, платформы «Антипла-

¹ About COPE [Electronic resource] // COPE: Committee on Publication Ethics. URL: <https://publicationethics.org/about/our-organisation>.

гиат». Эта программа не только вычисляет процент заимствованного текста, но и идентифицирует конкретные источники, используемые плагиатором. Кроме того, она предлагает дополнительный анализ текста, включая выявление орфографических ошибок, оценку процентного содержания сложных предложений и многое другое. В настоящее время эта система показывает использование искусственного интеллекта.

Постоянное совершенствование методов регулирования в области публикационной культуры в сочетании с появлением новых средств выявления нарушений подчеркивает сохраняющуюся актуальность этических вопросов в современном научном сообществе. Очевидно, что нарушения этических норм в научной публикации не являются редкостью и решение этих проблем остается важнейшей задачей.

Объектом профессионального интереса современных ученых являются не только глобальные нравственные проблемы проведения и результатов научных исследований, но и технические проблемы организации профессиональной деятельности ученого — публикации результатов его исследований. Соблюдение неписаных этических требований является неотъемлемой чертой профессионализма в научной деятельности.

Культура научных публикаций является важным аспектом профессиональной научной деятельности. Она охватывает как глобальные моральные проблемы, связанные с проведением и результатами научных исследований, так и технические проблемы, сопряженные с организацией процесса публикации. Соблюдение неписаных этических требований является важнейшей характеристикой профессионализма в научной деятельности. Публикационная активность и публикационный этос, являющиеся составляющими такого понятия, как публикационная культура [4], показывают репутацию современного ученого, свидетельствуют о принадлежности автора к определенному научному сообществу и подтверждают его профессиональный вклад. Одновременно научные публикации вносят вклад в культурное развитие

человечества, распространяя новые научные идеи и результаты исследований [1].

Однако необходимость постоянно публиковать результаты ставит ученых в сложное положение. Хорошо известная поговорка «публикуй или умри» иногда может подтолкнуть ученых к компромиссу с публикационной культурой. Количество публикаций и цитирований существенно влияет на карьеру ученого. Сосуществование моральных принципов и реалий научной издательской среды создает сложную динамику в научной практике.

Чтобы полностью понять нынешнее состояние основных проблем публикационной культуры, крайне важно изучить их в более широких рамках научной этики. Это включает в себя рассмотрение достижений и преобразований. Применяя такой комплексный подход, мы можем получить всестороннее представление о текущей ситуации и проблемах, связанных с культурой научных публикаций.

Исследование основных проблем публикационной культуры. Нарушения этики научных публикаций можно сгруппировать по нескольким категориям. К ним относятся конфликты интересов и оплачиваемые исследования, фальсификация результатов, плагиат, самоплагиат, повторение исследований, «нарезка колбасы», вопросы авторства и почетного авторства, а также ценовая политика и критерии, установленные журналами для авторов.

Быстрый рост числа научных журналов усложняет ситуацию. Комитет по публикационной этике (COPE)², первоначально созданный как ассоциация издателей медицинских журналов, теперь предоставляет руководящие принципы для всех научных публикаций и исследователей, стремящихся опубликовать свои работы. Несмотря на усилия научного сообщества привести практику публикаций в соответствие с нормами научной этики, нарушения в этой области остаются повторяющейся проблемой.

Несмотря на то, что на существование этических нарушений в культуре научных публикаций влияет карьерный характер ака-

² About COPE [Electronic resource] // COPE: Committee on Publication Ethics. URL: <https://publicationethics.org/about/our-organisation>.

демических кругов, важно продолжать стремиться к этичному поведению и добросовестности при распространении научных знаний. Коллективные усилия исследователей, издателей и профессиональных организаций имеют решающее значение для поддержания самых высоких этических стандартов в научных публикациях.

Конфликты интересов являются серьезной проблемой в области публикационной культуры, особенно в контексте научных исследований, финансируемых организациями или коммерческими компаниями. Такие конфликты могут возникать, когда интересы исследователей вступают в противоречие с интересами других организаций, групп или общества в целом [11]. Эти конфликты могут повлиять на результаты исследования или представление результатов исследования, приводя к публикации ложной или неточной информации, поэтому многие журналы теперь требуют от авторов раскрывать в своих статьях информацию о любых конфликтах интересов. Однако важно отметить, что журналы часто не могут самостоятельно проверить точность предоставленной авторами информации о конфликтах интересов.

Усилия по устранению конфликта интересов в научных исследованиях и публикациях продолжаются. Профессиональные организации, финансирующие агентства и регулирующие органы продолжают разрабатывать руководящие принципы и политику для эффективного управления конфликтами интересов и их смягчения. Это включает в себя содействие прозрачности, независимости и строгим процессам экспертной оценки для поддержания целостности научных исследований и защиты интересов как исследователей, так и более широкого сообщества.

Фальсификация результатов считается одной из наиболее вопиющих форм неправомерного поведения, поскольку включает в себя преднамеренную фабрикацию или фальсификацию данных для подтверждения определенного вывода. Научное сообщество решительно осуждает такое поведение, и, если ученого поймают на фальсификации результатов, его авторитет и репутация должны пострадать, что потенциально может привес-

ти к серьезным последствиям для его карьеры в науке.

В то время как чистая фальсификация результатов встречается редко, другие формы неправомерного поведения, такие как приукрашивание, частичная публикация результатов и манипулирование графиками или фотографиями, встречаются чаще³. В некоторых случаях редакционная коллегия журнала может не располагать ресурсами или средствами для тщательной проверки достоверности результатов, представленных в рукописи. Однако в определенных областях требуются протоколы, и журналы могут запросить их, если есть сомнения в достоверности результатов.

Важно отличать намеренную фальсификацию данных от непреднамеренных ошибок, допущенных исследователями. Если ученый обнаруживает ошибку в своей работе после принятия статьи к публикации, он обязан сообщить об этом редакционной коллегии журнала, даже если это может привести к отклонению статьи.

Научные сообщества, исследовательские институты и журналы внедряют более строгие руководящие принципы, совершенствуют процессы рецензирования и развивают системы выявления и пресечения неправомерных действий. Цель состоит в том, чтобы гарантировать, что научные публикации соответствуют высоким стандартам этики, надежности и благонадежности.

Плагиат является одним из наиболее распространенных нарушений в области этики научных публикаций. Плагиат может включать в себя как копирование текста, так и присвоение идей без надлежащего указания авторства. Несмотря на то, что существуют программные инструменты, такие как *antiplagiat*.ru, которые помогают обнаружить текстовый плагиат, это остается распространенной проблемой. Современная ситуация усложняется использованием искусственного интеллекта, который в системе «Антиплагиат» определяется как «сгенерированный текст».

Усилиями по борьбе с плагиатом руководят международные и национальные этические комитеты и организации, такие как COPE и Управление добросовестных исследований

3 Фейковые исследования [Электронный ресурс] // Телеканал «Наука». URL: <https://naukatv.ru/articles/614>.

США (ORI). Научные журналы отзывают статьи, содержащие плагиат, пометая их как изъятые в электронных базах данных, что сказывается на репутации авторов [8]. Развивая культуру честности и подотчетности, научное сообщество стремится снизить распространенность плагиата и поддерживать принципы публикационной культуры.

Самоплагиат, повторение публикаций и «нарезка колбасы» являются этическими проблемами в области научных трудов. Самоплагиат относится к повторному использованию собственной ранее опубликованной работы без надлежащего цитирования или подтверждения. Повторение публикации предполагает внесение изменений в уже опубликованное исследование и представление его как новой работы. «Нарезка колбасы» — это практика разделения большого исследования на мелкие части и издания их отдельно для увеличения количества публикаций [7].

Такая практика не одобряется и осуждается Комитетом по публикационной этике (COPE) и другими этическими руководящими принципами. Иногда научное сообщество относится к этим нарушениям менее сурово по сравнению с другими этическими нарушениями. Тем не менее занятие самоплагиатом подрывает целостность научной работы и снижает ценность вклада автора.

Самоплагиат, повторение публикаций и «нарезка колбасы» часто продиктованы желанием увеличить количество публикаций и цитирований, которые являются важными факторами оценки карьеры и успеха исследователей [2]. Эта этическая проблема подчеркивает противоречие между научной этикой и давлением и стимулами внутри научного сообщества.

Борьба с самоплагиатом, повторением публикаций и «нарезкой колбасы» требует коллективных усилий исследователей, издателей и научного сообщества в целом. Продвижение и обеспечение соблюдения норм публикационной культуры, повышение осведомленности об этих проблемах и воспитание добросовестности в научных исследованиях являются важными шагами на пути к смягчению этих этических проблем.

Проблемы авторства, соавторства, почётно-авторства. Вопросы, связанные с авто-

рством, соавторством и почетным авторством, являются важными этическими проблемами в научных публикациях. Учитывая совместный характер многих научных исследований, определить индивидуальный вклад каждого участника может быть непросто. Хотя не существует универсально определенных правил или алгоритмов присвоения авторства, ожидается, что ученые будут придерживаться некоторых моральных принципов.

Личная скромность и способность объективно оценивать собственный вклад являются ключевыми моральными ценностями при определении авторства. Общепринятый и морально приемлемый подход к рассмотрению вопроса о соавторстве заключается в перечислении имен всех участников в алфавитном порядке с отдельной благодарностью тем, кто выполнял редакторские функции. Такой подход направлен на то, чтобы воздать должное всем участникам проекта.

Серьезным нарушением публикационной культуры является включение автора, который не вносит реального вклада в исследование [6]. Эта практика, известная как почетное авторство, часто используется для повышения цитируемости или публикации в авторитетных журналах.

В конкурентной среде научных исследований, где публикации и цитаты имеют большое значение для карьерного роста, этические нормы, связанные с авторством и соавторством, могут быть нарушены. Это может привести к неэтичным действиям, направленным на повышение рейтинга чьих-либо публикаций.

В конечном счете решение проблем авторства, соавторства и почетного авторства требует сочетания четких руководящих принципов, этического воспитания, воспитания культуры справедливости и привлечения отдельных лиц к ответственности за свои действия.

Ценовая политика журналов, критерии, предъявляемые к авторам, оказывают существенное влияние на доступность исследований и равноправное участие исследователей по всему миру.

Традиционная модель получения дохода журналами, основанная на подписке, стала менее эффективной [9]. Вместо этого многие журналы теперь полагаются на платежи от авторов и их учреждений за публикацию,

включая такие варианты, как открытый доступ. Журналы обычно подразделяются на печатные, с открытым доступом или смешанные. Журналы открытого доступа, где статьи находятся в свободном доступе для читателей, обычно требуют от авторов уплаты гонорара за публикацию. Такие расходы ложатся значительным финансовым бременем на некоторых авторов и учреждения, затрудняя им публикацию. Эта ситуация особенно затрагивает ученых из малообеспеченных провинциальных университетов и институтов, ограничивая их возможности по распространению своих исследований. Не все авторы или учреждения могут нести расходы, связанные с публикацией в открытом доступе, что препятствует их участию в процессе научной коммуникации.

Кроме того, существует острая конкуренция между научными журналами. За прошедшие годы количество зарегистрированных журналов значительно увеличилось. Однако важно отметить, что не все эти журналы считаются значимыми или авторитетными. Лишь небольшая часть журналов признаны влиятельными в научном сообществе. Рейтинг журнала часто зависит от количества цитирований, которые получают его статьи. В результате некоторые журналы поощряют авторов включать ссылки на работы, ранее опубликованные в том же журнале, при отправке своих статей. Хотя такая практика может принести пользу как авторам, так и журналам за счет увеличения количества цитирований, она способна привести к завышению наукометрических показателей. Это постоянное стремление к увеличению числа цитирований и статей имеет негативные последствия для общего качества и целостности научных публикаций, что может подорвать доверие и восприятие научного сообщества в глазах общества, обесценив значимость научных публикаций.

Решение этих проблем требует многогранного подхода. Это предполагает изучение альтернативных моделей финансирования научных исследований и публикаций, обеспечение целостности и достоверности научных публикаций. Такие инициативы, как программы финансирования исследователей из малообеспеченных слоев общества, поддержка журналов по открытому доступу

и пропаганда ответственной практики публикаций, могут способствовать созданию более инклюзивной и устойчивой экосистемы научных коммуникаций.

Заключение. В заключение следует отметить, что нарушение публикационной культуры в научных трудах современных ученых широко распространено и обусловлено перспективами карьерного роста и финансовой выгодой для авторов, учреждений и издателей. Столкновение между нормами публикационной культуры и неписаными правилами научного сообщества создает проблему для исследователей [3]. Нарушения, связанные с конфликтом интересов, являются особенно значительными и морально неприемлемыми. Однако доказать эти нарушения может быть непросто, и для нарушителей не существует предписанных санкций. Авторитет и признание ученых-нарушителей часто влияют на последствия, с которыми они сталкиваются. Юридическое регулирование культуры научных публикаций является сложным и рискованным делом, а рекомендации и положения комитетов по научной этике не имеют достаточного веса и иногда игнорируются. Культура «публикуй или умри» и давление с целью улучшения наукометрических показателей способствуют многим нарушениям. Ученые часто ставят краткосрочные цели выше долгосрочных, нанося вред как себе, так и научному сообществу в целом. Образование и привитие научной культуры имеют решающее значение для пресечения или сокращения масштабов этих нарушений. Усилия должны включать скоординированную работу комитетов, учреждений и исследователей, а также популяризацию норм научной культуры с ранних этапов образования. Преподавание курсов по изучению публикационной культуры в университетах и повышение осведомленности студентов о скандалах и нарушениях этических норм может повлиять на их будущее поведение.

Однако, чтобы внести существенные изменения, наукометрические системы и менталитет «публикуй или умри» должны претерпеть трансформацию [5]. До тех пор, пока карьера и заработная плата ученых зависят от этих показателей, добиться существенных изменений может быть непросто. Более

того, важно избегать поспешных и непродуманных действий, ведь они могут привести к непреднамеренным последствиям, таким как перенос научной конкуренции в области, которые могут представлять больший риск для научного сообщества, человечества или окружающей среды. Сбалансировать необходимость этического поведения со стремлением к научному прогрессу — сложная задача, требующая тщательного рассмотрения и коллективных усилий.

Список источников

1. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / Под ред. Ю.В. Крянева, Л.Е. Моториной. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Альфа-М, ИНФРА-М, 2011. 416 с.

2. Котляров И.Д. Самоплагиат в научных публикациях [Электронный ресурс] // CyberLeninka. Научные статьи. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoplgiat-v-nauchnyh-publikatsiyah>.

3. Саввина О.В. Исследования в области этики научного сообщества и тенденции её развития // Философия и культура. 2011. №5. С. 148–154.

4. Сальникова И.И. Публикационная культура современного ученого: постановка проблемы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. №1. С. 267–273. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-267-273>.

5. Цвык В.А., Саввина О.В. Этика науки и этика научных публикаций // Человек и культура. 2017. №3. С. 8–22. DOI: 10.25136/2409-8744.2017.3.19609.

6. Albert T., Wager E. How to handle authorship disputes: a guide for new researchers [Electronic resource]. The COPE Report. 2003. P. 32–34. URL: <http://publicationethics.org/files/2003pdf12.pdf>.

7. Mohapatra S., Samal L. The ethics of self-plagiarism // Asian Journal of Psychiatry. 2014. №12. P. 147.

8. Plagiarism pinioned // Nature. 08 July 2010. №466. P. 159–160. DOI: 10.1038/466159b/.

9. Smith R. The Trouble with Medical Journals // Journal of the Royal Society of Medicine. 2006. №99.3. P. 115–119.

10. Wager E., Kleinert S. Cooperation between research institutions and journals on research integrity cases: Guidance from the Committee on Publication Ethics (COPE) // Maturitas. 2012. №72. P. 165–169.

11. Wallace M.B. et al. Ethics in publication // Gastrointestinal Endoscopy. 2015. Vol. 82. Issue 3. P. 439–442.

References

1. Istorija i filosofija nauki (Filosofija nauki): uchebnoe posobie [History and philosophy sciences (philosophy Sciences): textbook]. Pod red. Ju. V. Krjaneva, L.E. Motorinoj [In Yu. V. Kranev, L.E. Motorina (eds.)]. 2-e izd. pererab. i dop. Moscow: Al'fa-M, INFRA-M, 2011. 416 p. (In Russ.).

2. Kotljarov I.D. Samoplgiat v nauchnyh publikacijah [Self-plagiarized in scientific apostille publication] [Elektronnyj resurs]. CyberLeninka. Nauchnye stat'i. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoplgiat-v-nauchnyh-publikatsiyah>. (In Russ.).

3. Savvina O.V. Issledovanija v oblasti jetiki nauchnogo soobshhestva i tendencii ejo razvitija [Research in the fields of empirics scientific societies and trends EE developments]. *Filosofija i kul'tura* [Philosophy and Culture]. 2011; (5): 148–154. (In Russ.).

4. Sal'nikova I.I. Publikacionnaja kul'tura sovremennogo uchenogo: postanovka problemy [Publishing house of the University of southern Russia: staging a problem]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences]. 2023; 16(1): 267–273. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-267-273>. (In Russ.).

5. Cvyk V.A., Savvina O.V. Jetika nauki i jetika nauchnyh publikacij [Apostille science and Apostille science publishing]. *Chelovek i kul'tura* [Human and Culture]. 2017; (3): 8–22. DOI: 10.25136/2409-8744.2017.3.19609. (In Russ.).

6. Albert T., Wager E. How to handle authorship disputes: a guide for new researchers [Electronic resource]. The COPE Report. 2003. P. 32–34. URL: <http://publicationethics.org/files/2003pdf12.pdf>.

7. Mohapatra S., Samal L. The ethics of self-plagiarism. *Asian Journal of Psychiatry*. 2014; (12): 147.
8. Plagiarism pinioned. *Nature*. 08 July 2010; (466): 159–160. DOI: 10.1038/466159b/.
9. Smith R. The Trouble with Medical Journals. *Journal of the Royal Society of Medicine*. 2006; (99.3): 115–119.
10. Wager E., Kleinert S. Cooperation between research institutions and journals on research integrity cases: Guidance from the Committee on Publication Ethics (COPE). *Maturitas*. 2012; (72): 165–169.
11. Wallace M.B. et al. Ethics in publication. *Gastrointestinal Endoscopy*. 2015; 82(3): 439–442.

Статья поступила в редакцию 28.06.2023; одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 04.08.2023.

The article was submitted on 28.06.2023; approved after reviewing on 18.07.2023; accepted for publication on 14.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сальникова Инна Ивановна — старший преподаватель кафедры «Производственный и инновационный менеджмент», аспирант кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Inna I. Salnikova — Senior Lecturer of the Department of Production and Innovation Management, Postgraduate Student of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК. 304.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-262-269

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Виталий Вадимович Сыч

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

sychvv@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5837-4767, AuthorID РИНЦ: 1095704,

AuthorID Scopus: 57331091800, SPIN-код: 3937-9514

Аннотация. *Цель исследования* заключается в анализе тенденции интеллектуализации труда в условиях цифровизации общества.

Методологической основой исследования являются положения концепции информационного общества и теории цифровой трансформации, позволяющие выявить факторы и вектор развития современного социума.

Результаты исследования. Цифровизация общества повышает значимость и качество интеллектуального труда, который связан с обработкой огромного массива информации, оказанием разнообразных информационных услуг, созданием инновационной продукции. Это оказывает существенное влияние на специфику трудовой деятельности, ее трансформацию в соответствии со сложившейся новой социальной реальностью.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования трансформации труда в условиях развития цифровых технологий.

Ключевые слова: *труд, цифровизация, цифровая трансформация, цифровая экономика, интеллектуализация труда, искусственный интеллект, робототехника*

Для цитирования: Сыч В.В. Интеллектуализация труда в условиях цифровизации общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 262–269. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-262-269>.

Original article

INTELLECTUALIZATION OF LABOR IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

Vitaly V. Sych

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
sychvv@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5837-4767, AuthorID RSCI: 1095704,
AuthorID Scopus: 57331091800, SPIN-code: 3937-9514*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the trend of intellectualization of labor in the context of the digitalization of society.*

The methodological basis of the study is the provisions of the concept of the information society and the theory of digital transformation, which make it possible to identify the factors and vector of development of modern society.

Research results. *The digitalization of society increases the importance and quality of intellectual work, which is associated with the processing of a huge amount of information, the provision of a variety of information services, and the creation of innovative products. This has a significant impact on the specifics of labor activity, its transformation in accordance with the current new social reality.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research into the transformation of labor in the context of the development of digital technologies.*

Keywords: *labor, digitalization, digital transformation, digital economy, labor intellectualization, artificial intelligence, robotics*

For citation: *Sych V. V. Intellectualization of Labor in the Conditions of Digitalization of Society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 262–269. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-262-269>.*

Введение. Стремительное развитие информационных технологий и их активное внедрение во все сферы общественной жизни влечет за собой значительные изменения в содержании и организации трудовой деятельности. Если в условиях индустриального общества основным фактором развития было промышленное производство, то сейчас значительную роль играют услуги и коммуникационные технологии. Новое поколение, родившееся в эпоху цифровых технологий, уже с самого рождения взаимодействует с миром через компьютеры и Интернет. Люди привыкли к скорости и доступности информации, а гаджеты стали неотъемлемой частью сегодняшней жизни. Все это значительно меняет восприятие мира и трансформирует образ жизни современного человека.

Одним из векторов этой трансформации является цифровизация экономической сфе-

ры общества, которая принципиально модифицирует организацию производственных процессов, а также способы предоставления услуг и реализации товаров. Использование цифровых технологий в различных отраслях экономики влечет за собой изменения в содержании и организации труда, формируя социальный запрос на профессиональные кадры, способные решать задачи в новых социальных условиях. В этой связи обращение к исследованию вектора трансформации труда в условиях цифровизации общества является актуальным.

Методология и методы исследования. Методологической основой для исследования причин интеллектуализации труда выступает концепция информационного общества [2; 6; 8; 15]. Методологической основой исследования являются положения теории

цифровой трансформации общества, позволяющие обосновать влияние современных технологий на организацию экономической, политической и повседневной жизни человека [18; 19].

Результаты. В настоящее время в научном дискурсе широко обсуждается проблема цифровой трансформации общества. Первоначально содержание понятия «цифровая трансформация» включало сугубо перевод и хранение информации в цифровом формате, но кардинальные изменения, которые были вызваны цифровизацией социальных процессов, заставили ученых задуматься о расширенном определении данного понятия.

Некоторые авторы цифровую трансформацию связывают с технологической революцией, принципиально меняющей функционирование экономических процессов, многие из которых сегодня осуществляются на базе цифровых платформ, что безусловно обеспечивает увеличение объемов рынков сбыта. По мнению ученых, именно появление цифровых платформ влечет за собой изменения в рыночной инфраструктуре, характеризующиеся оптимизацией взаимодействия участников рыночных отношений.

Ряд исследователей под цифровой трансформацией рассматривают внедрение современных технологий во все производственные циклы, что предполагает «не только установку современного оборудования или программного обеспечения, но и фундаментальные изменения в подходах к управлению, корпоративной культуре, внешних коммуникациях» [4, с. 46]. Данный подход подчеркивает приоритеты не только в оптимизации бизнес-процессов, но и в создании новых технологических условий деятельности предприятий, а также формировании новой модели управления.

Надо отметить, что понятие «цифровая трансформация» изначально сопряжено с преобразованиями в экономической сфере общества, которая одной из первых начала подвергаться цифровизации. Данный процесс был обусловлен появлением Интернета, который принципиально изменил форматы и способы коммуникации между различными акторами [17].

Термин «цифровая экономика» впервые появился в работе канадского ученого

Д. Тапскотта «Цифровая экономика: обещание и опасность в эпоху сетевой разведки», где была показана роль информационных технологий в развитии современных экономических систем [19].

В современном научном дискурсе под цифровой экономикой понимается способ организации экономической деятельности, опирающийся на цифровые технологии, которые позволяют реализовывать электронную коммерцию, пользоваться облачными инструментами и осуществлять сетевизацию бизнеса [3]. В этом плане цифровая экономика включает в себя широкий диапазон направлений деятельности, а именно: онлайн-услуги, интернет-продажи, рекламные сайты и пр. Тем самым цифровые технологии позволили совершать различные электронные операции в виртуальном пространстве.

Важно отметить, что развитие цифровых технологий открывает широкие возможности для применения искусственного интеллекта в различных отраслях экономики, что приводит к частичному или полному отказу от участия человека во многих автоматизированных процессах, управляемых компьютерными программами [9].

В научной литературе под искусственным интеллектом понимают «технологии создания интеллектуальных машин, которые способны принимать некоторые организационные решения, исходя из внедренных в них вычислительных алгоритмов» [5, с. 54]. Появление технологий искусственного интеллекта и внедрение их в различные сферы общества принципиально меняет рынок труда, поскольку наблюдается отказ не просто от низкоквалифицированной рабочей силы, но и от участия человека в принципе.

На сегодняшний день сложился симбиоз технологий искусственного интеллекта и робототехники, что позволило создавать сложные интеллектуальные системы, которые не просто выполняют механические функции, а способны совершенствоваться и расширять зону своих задач, практически полностью вытесняя человека [16].

Действительно, сегодня робототехника заменила человека на многих производственных процессах, которые стали автоматизированными. Это, в первую очередь, касается работы на конвейерах, производственных

лентах, то есть тех видов деятельности, которые относятся к низкоквалифицированным, причем процессы автоматизации могут быть как автономными, так и управляться человеком, что в свою очередь предъявляет новые требования к уровню квалификации этих специалистов.

Надо отметить, что на сегодняшний технологии искусственного интеллекта и робототехники активно применяются в области медицины. Это открыло новые перспективы для современной хирургии, в которой особое место стала занимать малоинвазивная хирургия, значительно минимизирующая, по мнению специалистов, постоперационные осложнения [14].

Традиционные представления о робототехнике связаны с образом больших громоздких машин, выполняющих несложные механические функции. Однако сегодня ключевым направлением развития в этой области выступают нанотехнологии, которые открывают новые возможности для развития медицины: нанороботы могут передвигаться по сосудам, проникать в самые труднодоступные места организма человека, что позволяет осуществлять диагностику и лечение даже на клеточном уровне.

Практика показывает, что сегодня использование искусственного интеллекта в медицине значительно оптимизирует многие процессы, улучшает качество медицинских услуг [10].

В то же время очевидно, что внедрение искусственного интеллекта и робототехники в различные сектора экономики предъявляет новые требования к сотрудникам, которые помимо основных профессиональных компетенций должны владеть новыми технологиями. Сегодня многим специалистам требуется переподготовка или повышение квалификации в смежных со своей основной профессией областях знания, поэтому в результате вхождения новых технологий в жизнь современного человека возникает также потребность в новых видах трудовой деятельности, которые «связаны преимущественно с высокоинтеллектуальным трудом и требуют наличия высшего образования по специальности, смежной с новой профессией» [1, с. 32].

Цифровизация значительно оптимизирует многие экономические процессы, снижает временные и финансовые издержки, способс-

твует созданию инновационной продукции, повышает производительность труда и т.п. В то же время технологическое развитие общества сопровождается такой тенденцией, как интеллектуализация труда.

Проблематика интеллектуализации труда освещается в работах теоретиков информационного общества: Д. Белла, Э. Тоффлера, П. Дракера, М. Кастельса, которые считают, что в новой социальной модели, опирающейся на информационные технологии, ключевым ресурсом развития являются информация и знания. По мнению П. Дракера, интеллектуализация труда есть процесс превращения знания в непосредственную производительную силу, а в условиях информационного общества знание «используется для производства знания» [6, с. 95]. Таким образом, именно знания начинают определять инфраструктуру информационного общества, вытесняя рутинный механический труд трудом интеллектуальным, что влечет за собой появление новых профессий. В условиях информатизации и цифровизации общества востребованными становятся следующие специалисты:

- программисты, владеющие компетенциями по созданию компьютерных программ и программно-аппаратных средств, применяемых для анализа и обработки информации;
- системные аналитики, обладающие навыками компьютерного моделирования;
- системные администраторы, способные обеспечивать функционирование компьютерной техники и программного обеспечения;
- веб-дизайнеры, создающие сайты различного информационного содержания;
- информационные менеджеры, оказывающие услуги в различных сферах (экономической, юридической, досуговой и пр.);
- провайдеры, обеспечивающие доступ к различным информационно-телекоммуникационным системам.

Вышеназванные виды деятельности свидетельствуют о тенденции интеллектуализации труда. Очевидно, что в условиях цифровизации общества этот перечень профессий будет существенно расширяться.

В настоящее время в научной литературе сложилось понимание различия между умственным и интеллектуальным трудом. Ученые отмечают, что эти виды труда обладают

спецификой. Последняя проявляется в том, что умственный труд как деятельность, опирающаяся на интеллект и умственные усилия, может вполне носить рутинный, шаблонный характер, в то время как труд сугубо интеллектуальный отличается творческой направленностью. В этом аспекте интеллектуальный труд можно рассматривать как высший уровень умственного труда, как сознательную творческую деятельность человека.

В научном дискурсе интеллектуальный труд рассматривается учеными как «...специфический вид и форма жизненной активности, направленные на реализацию интеллекта человека с целью получения новых знаний и на их основе интеллектуальных ресурсов и товаров (технологий). Результатами интеллектуальной деятельности являются: интеллектуальный потенциал; интеллектуальный ресурс; интеллектуальные товары, технологии, услуги» [11, с. 11].

Давая прогнозы дальнейшего развития, П. Друкер указывает на то, что общество будущего будет исключительно интеллектуальным, поскольку его ключевым ресурсом «станут знания и информация, а основную рабочую силу будут представлять работники интеллектуального труда» [7, с. 243].

Исследователи отмечают, что в последние десятилетия наблюдается процесс интеллектуализации производства. Основой последнего выступает именно интеллектуальный труд, для которого характерно творчество, креативность, создание инновационного продукта. Если традиционно интеллектуальный труд связывали с такими сферами, как наука, образование, управление, то в условиях современной цифровизации этот вид труда распространяется и на другие области профессиональной деятельности.

Такого рода трансформации влекут за собой появление нового типа работника, который обладает креативностью, что позволяет продуцировать инновационные идеи и создавать инновационный продукт. Под креативностью исследователи понимают «способность человека к конструктивному, нестандартному мышлению и поведению, а также осознанию и развитию своего опыта» [13, с. 122].

Таким образом, развитие цифровых технологий приводит к изменениям в трудовой деятельности, появлению их новых форма-

тов, например фриланса или дистанционных способов взаимодействия субъектов экономических отношений. Новые способы коммуникации позволяют обеспечить гибкость профессиональной деятельности, ее оперативность, снизить ресурсозатраты на организацию производственного процесса или оказание услуги, что позволит повысить конкурентоспособность компании.

Надо отметить, что тенденция интеллектуализации труда сопровождается реализацией в обществе модели непрерывного образования, поскольку последнее становится жизненной потребностью современного эффективного сотрудника. Как отмечают специалисты, «постоянное повышение уровня знаний и квалификации сотрудников откроет компаниям и учреждениям новые горизонты в управлении персоналом, а значит, и возможности роста производства. Для каждого работника это будет означать более успешную и динамичную карьеру, большую мотивацию к труду» [12, с. 464].

Очевидно, в силу того, что экономическая сфера перестраивается в результате цифровизации, возрастает потребность в работниках интеллектуального труда. Цифровизация общества повышает значимость и качество интеллектуального труда, который связан с обработкой огромного массива информации, оказанием разнообразных информационных услуг, созданием инновационной продукции и т.д. Это оказывает существенное влияние на специфику трудовой деятельности, ее трансформацию в соответствии со сложившейся новой социальной реальностью.

Заключение. Цифровые технологии активно вошли во все сферы деятельности, охватывая промышленность, предпринимательство, образование, науку, здравоохранение и пр. Такого рода изменения способствовали появлению новых видов и форм организации труда, а также требований к его уровню и содержанию, поэтому субъект современной трудовой деятельности должен обладать интеллектуальным капиталом, который включает знания, информацию, креативность, мотивацию на повышение своей профессиональной квалификации, наличие знаний смежных профессий, что будет обеспечивать его конкурентоспособность на рынке труда.

Список источников

1. Акьюлов Р.И., Сковпень А.А. Роль искусственного интеллекта в трансформации современного рынка труда // *Дискуссия*. 2019. Вып. 94. С. 30–40.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 783 с.
3. Воронцовский А.В. Цифровизация экономики и ее влияние на экономическое развитие и общественное благосостояние // *Вестник СПбГУ. Экономика*. 2020. Т. 36. Вып. 2. С. 189–216.
4. Грибанов Ю.И., Шатров А.А. Сущность, содержание и роль цифровой трансформации в развитии экономических систем // *Вестник Алтайской Академии экономики и права*. 2019. №3. С. 44–48.
5. Дадашев З.Ф., Устинова Н.Г. Влияние искусственного интеллекта на экономику // *Эпоха науки*. 2019. №18. С. 52–57.
6. Дракер П. От капитализма к обществу знания // *Новая постиндустриальная война на Западе*. М.: Academia, 1999. С. 90–98.
7. Друкер П.Ф. Управление в обществе будущего. М.: Вильямс, 2007. 306 с.
8. Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
9. Кокурхаева Р.М., Газдиева Е.Х. Развитие механизма обеспечения экономической безопасности предприятия в условиях цифровизации экономики // *Индустриальная экономика*. 2021. Т. 6. №5. С. 550–554.
10. Милкова Э.Г. Искусственный интеллект в здравоохранении: к чему приведет цифровизация? // *Инновации и инвестиции*. 2021. №4. С. 353–356.
11. Мухин В.И. Управление интеллектуальной собственностью. М.: Национальный институт бизнеса, 2007. 21 с.
12. Новожилова Н.В. Основные проблемы интеллектуализации трудовой деятельности в современной России // *Вестник Чувашского университета*. 2007. №3. С. 463–467.
13. Стожко К.П. Экономическое сознание. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. 426 с.
14. Терентьева К.И., Шестова Н.Ф. Использование робототехники в современной хирургии // *Вестник совета молодых учёных*

и специалистов Челябинской области. 2018. Т. 4. №3(22). С. 82–84.

15. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.

16. Филипова И.А. Влияние цифровых технологий на труд: ориентиры для трудового права. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2021. 106 с.

17. Шевченко О.М., Штофер Л.Л. Перспективы и риски цифровизации как тренда социального развития: культура и образование // *Вестник Южно-российского государственного технического университета*. 2022. Т. 15. №2. С. 281–290.

18. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 368 с.

19. Tapscott D. Qe Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. McGraw-Hill, 1995. 368 p.

References

1. Ak'julov R. I., Skovpen' A.A. Rol' iskusstvennogo intellekta v transformacii sovremennogo rynka truda [The role of artificial intelligence in the transformation of the modern labor market]. *Diskussija [Discussion]*. 2019; (94): 30–40. (In Russ.).
2. Bell D. Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo: opyt social'nogo prognozirovaniya [The coming post-industrial society: the experience of social forecasting]. Moscow: Academia, 2004. 783 p. (In Russ.).
3. Voroncovskij A.V. Cifrovizacija jekonomiki i ee vlijanie na jekonomicheskoe razvitie i obshhestvennoe blagosostojanie [Digitalization of the economy and its impact on economic development and social welfare]. *Vestnik SPbGU. Jekonomika [Bulletin of St. Petersburg State University. Economy]*. 2020; 36(2): 189–216. (In Russ.).
4. Griбанov Ju. I., Shatrov A.A. Sushhnost', soderzhanie i rol' cifrovoj transformacii v razvitii jekonomicheskikh sistem [The essence, content and role of digital transformation in the development of economic systems]. *Vestnik Altajskogo Akademii jekonomiki i prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]*. 2019; (3): 44–48. (In Russ.).

5. Dadashev Z.F., Ustinova N.G. Vliyanie iskusstvennogo intellekta na jekonomiku [The impact of artificial intelligence on the economy]. *Jepoha nauki [The era of science]*. 2019; (18): 52–57. (In Russ.).
6. Draker P. Ot kapitalizma k obshhestvu znaniya [From capitalism to the society of knowledge]. Novaya postindustrial'naya vojna na Zapade [The new post-industrial war in the West]. Moscow: Academia, 1999. P. 90–98. (In Russ.).
7. Druker P.F. Upravlenie v obshhestve budushhego [Management in the society of the future]. Moscow: Vil'jams, 2007. 306 p. (In Russ.).
8. Kastel's M. Galaktika Internet [Galaxy Internet]. Ekaterinburg: U-Faktorija, 2004. 328 p. (In Russ.).
9. Kokurhaeva R.M., Gazdieva E.H. Razvitiye mehanizma obespecheniya jekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatija v usloviyah cifrovizacii jekonomiki [Development of the mechanism for ensuring economic security of an enterprise in the conditions of digitalization of the economy]. *Industrial'naya jekonomika [Industrial economy]*. 2021; 6(5): 550–554. (In Russ.).
10. Milkova Je. G. Iskustvennyj intellekt v zdravooohranenii: k chemu privedet cifrovizacija? [Artificial intelligence in healthcare: what will digitalization lead to?]. *Innovacii i investicii [Innovation and investment]*. 2021; (4): 353–356. (In Russ.).
11. Muhin V.I. Upravlenie intellektual'noj sobstvennost'ju [Intellectual Property Management]. Moscow: Nacional'nyj institut biznesa, 2007. 21 p. (In Russ.).
12. Novozhilova N.V. Osnovnye problemy intellektualizacii trudovoj dejatel'nosti v sovremennoj Rossii [The main problems of intellectualization of labor activity in modern Russia]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta [Bulletin of the Chuvash University]*. 2007; (3): 463–467. (In Russ.).
13. Stozhko K.P. Jekonomicheskoe soznanie [Economic consciousness]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2002. 426 p. (In Russ.).
14. Terent'eva K. I., Shestova N.F. Ispolzovanie robototekhniki v sovremennoj hirurgii [The use of robotics in modern surgery]. *Vestnik soveta molodyh uchjonyh i specialistov Cheljabinskoy oblasti [Bulletin of the Council of Young scientists and specialists of the Chelyabinsk region]*. 2018; 3(22): 82–84. (In Russ.).
15. Toffler Je. Tret'ja volna [The third wave]. Moscow: AST, 2010. 784 p. (In Russ.).
16. Filipova I.A. Vliyanie cifrovych tehnologij na trud: orientiry dlja trudovogo prava [The impact of digital technologies on labor: guidelines for labor law]. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosuniversitet im. N.I. Lobachevskogo, 2021. 106 p. (In Russ.).
17. Shevchenko O.M., Shtofer L.L. Perspektivy i riski cifrovizacii kak trenda social'nogo razvitiya: kul'tura i obrazovanie [Prospects and risks of digitalization as a trend of social development: culture and education]. *Vestnik Juzhno-rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta [Bulletin of the South Russian State Technical University]*. 2022; 15(2): 281–290. (In Russ.).
18. Shmidt Je., Kojen Dzh. Novyj cifrovoy mir. Kak tehnologii menjajut zhizn' ljudej, modeli biznesa i ponjatie gosudarstva [A new digital world. How technologies change people's lives, business models and the concept of the state]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2013. 368 p. (In Russ.).
19. Tapscott. D. Qe Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. McGraw-Hill, 1995. 368 p.

Статья поступила в редакцию 16.06.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted on 16.06.2023; approved after reviewing on 08.07.2023; accepted for publication on 12.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сыч Виталий Вадимович — ассистент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Vitaly V. Sych — Assistant, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 31.314

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-270-277

САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Марина Николаевна Химич

*Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия
marina_chimich@mail.com, ORCID: 0000-0003-2025-1053, AuthorID РИНЦ: 7998-2398*

Аннотация. *Цель исследования* заключается в социально-философской постановке проблемы самосохранительного поведения, получившей свое глубокое исследовательское оформление в социологической науке, но имеющей глубокие основания для социально-философской рефлексии в свете кардинальной трансформации социальности под влиянием цифровых технологий.

Методологическая база исследования выстраивается на основании накопленного в междисциплинарном (преимущественно социо-демографическом и социально-психологическом) научном пространстве опыта в изучении самосохранительного поведения в контексте обоснования потребности в постановке и исследовательском решении актуальных для цифровой эпохи проблем самосохранения личности и общества.

Результаты исследования. В современную цифровую эпоху изменились условия, факторы и последствия самосохранительного поведения, а также оценка его эффективности с точки зрения объективных и субъективных позиций. Комплексный и всесторонний анализ современных особенностей формирования и развития самосохранительного поведения личности предполагает учет разносторонних факторов и аспектов, сложно подчиняющихся логике изучения в границах какой-либо одной дисциплинарной практики. Социально-философское решение этой сложной задачи, предполагающей учет ценностных, этических, поведенческих социо-демографических, социокультурных и иных составляющих самосохранительного поведения личности, возможно в методологических границах междисциплинарного и трансдисциплинарного подходов.

Перспективы исследования видятся в разработке социально-философской модели и стратегии исследования самосохранительного поведения в условиях цифровизации общества с учетом наиболее перспективных теоретических разработок смежных отраслей научного знания.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, цифровизация, цифровое общество, отношение к здоровью

Для цитирования: Химич М. Н. Самосохранительное поведение в цифровом обществе: постановка проблемы и перспективы исследования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 270–277. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-270-277>.

Original article

SELF-PRESERVING BEHAVIOR IN A DIGITAL SOCIETY: PROBLEM STATEMENT AND RESEARCH PROSPECTS

Marina N. Himich

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia
marina_chimich@mail.com, ORCID: 0000-0003-2025-1053, AuthorID RSCI: 7998-2398

Abstract. *The purpose of the study is to present a socio-philosophical formulation of the problem of self-preservation behavior, which has received its deep research formalization in sociological science, but has deep grounds for socio-philosophical reflection in the light of the cardiac transformation of sociality under the influence of digital technologies.*

The methodological basis of the research is built on the basis of the experience accumulated in the interdisciplinary (mainly socio-demographic and socio-psychological) scientific space in the study of self-preservation behavior in the context of substantiating the need for formulation and research solution of the problems of self-preservation of the individual and society relevant for the digital era.

The results of the study. In the modern digital age, the conditions, factors and consequences of self-preservation behavior have changed, as well as the assessment of its effectiveness from the point of view of objective and subjective positions. A comprehensive and comprehensive analysis of the modern features of the formation and development of self-preserving behavior of a person involves taking into account diverse factors and aspects that are difficult to obey the logic of studying within the boundaries of any one disciplinary practice. The socio-philosophical solution of this complex task, which involves taking into account the value, ethical, behavioral socio-demographic, socio-cultural and other components of the self-preserving behavior of the individual, is possible within the methodological boundaries of interdisciplinary and transdisciplinary approaches.

The prospects of the research are seen in the development of a socio-philosophical model and strategy for the study of self-preservation behavior in the conditions of digitalization of society, taking into account the most promising theoretical developments of related branches of scientific knowledge.

Keywords: *self-preservation behavior, digitalization, digital society, attitude to health*

For citation: *Himich M. N. Self-preserving behavior in a digital society: problem statement and research prospects // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 270–277. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-270-277>.*

Введение. С тех пор, как человечество вступило в цифровую эпоху, самые различные сферы жизни и социальные явления подвергаются научному осмыслению и изучению с позиций изменившейся реальности, в которой значительную роль стали играть цифровые технологии и формирующаяся под их влиянием цифровая среда. Цифровое общество (а именно этот термин уже довольно часто используется

в описании современной реальности [12; 13]) стало возможным благодаря технологическому прогрессу и в частности — появлению и распространению информационных и цифровых технологий, но важно то, что это общество, выступая результатом эволюции человеческого опыта, колоссально меняет жизнь и качество жизни. М.О. Орлов отмечает: «Осваивая компьютерные технологии и коммуникативные

возможности, человек становится полноценным членом цифрового общества, выстраивает баланс между работой и отдыхом, профессиональной деятельностью и личной жизнью. Цифровая среда характеризуется многомерностью связей и амбивалентностью отношений: с одной стороны, перед человеком раскрываются коммуникативные свободы, с другой стороны, возникают новые формы зависимости и риски отчуждения» [8, с. 155].

Итак, цифровое общество — это реальность современного мира, причем уровень и темпы его развития не везде одинаковые, что является следствием цифрового неравенства как на уровне отдельных личностей, регионов, так и в международном масштабе. Совершенно очевидно, что в созданной на основе информационных и цифровых технологий виртуальной реальности меняются механизмы становления субъектности человека, который, обретая новые идентичности, меняет и личностные характеристики, основания и параметры личностного бытия.

Иными словами, речь идет об изменении самой природы человека под влиянием цифровизации, и эти изменения касаются ценностных и мировоззренческих оснований бытия человека. В эпоху «цифры» многое воспринимается по-другому, многое переосмысливается с позиций задающихся цифровой эпохой параметров успешной личности, а эти параметры связываются с таким понятием, как мобильность. Быть мобильным для современной парадигмы развития общества — это и значит быть успешным, соответствующим мобильному миру. Недаром появился термин «человек мобильный» (*Homo mobilis*) [9], являющийся продуктом цифрового общества и характеризующийся соответственными чертами и ценностями, среди которых уже нет места ранее приоритетным ценностям стабильности, преемственности, линейности, укорененности в чем-либо, связанности с чем-либо на длительный период. Перемены, движение, изменения, новизна, смена эмоций, локаций, видов деятельности, стиля жизни — все это стало типичным способом организации жизнедеятельности современного человека в мобильном мире, так как успех в таком мире предполагает

соответствие духу времени, духу мобильной, стремительно меняющейся реальности.

Но при всех благах, которые принесли современной цивилизации цифровые и информационные технологии, нельзя не учитывать многочисленные риски и угрозы, которые они несут отдельной личности, особенно молодой [5], и социуму в целом [2]. Один из вопросов, который актуально стоит перед современной наукой и прежде всего социально-философской, — это вопрос о безопасности личности и общества.

В условиях доцифрового общества ощущение небезопасности бытия возникало вместе с переменами, нарушавшими устоявшийся порядок жизни, в котором определенность и прогнозируемость социальных отношений гарантировалась соблюдением традиций, принятых норм и образцов поведения, транслируемых от поколения к поколению. Стремление к безопасности, к самосохранению — одно из ключевых, определяющих бытие человека и общества, но как обеспечить безопасность в обществе, синонимами которого выступают риск, изменения, неопределенность? Очевидно, к такому обществу необходимо адаптироваться, приобрести характеристики, адекватные нормам и требованиям, диктуемым цифровой эпохой, в которой, несмотря на провозглашенные и реально функционирующие принципы открытости, прозрачности как индикативы свободы и безопасности, все устойчивее закрепляется зависимость от цифрового формата организации социальной жизни и система тотального цифрового контроля [11]. Выражаясь словами Н.М. Мамедовой, «свобода оказывается иллюзорной, проявлением несвободы и новых видов зависимости и подчинения» [7, с. 76].

Пространство свободы личности сужается по мере расширения охватывающего все сферы жизнедеятельности пространства цифрового. Искусственный интеллект поступательно вытесняет «живой» труд из практики профессиональной деятельности, что угрожает ростом безработицы, социального напряжения, кризисом рынка профессионального труда, на котором сформировался значительный запрос на IT-специалистов¹, а профессии,

¹ Россияне назвали самые престижные профессии [Электронный ресурс] // News.ru. URL: <https://news.ru/society/rossiyane-nazvali-samye-prestizhnye-professii/> (дата обращения: 10.05.2023)

связанные с информационными технологиями, согласно данным опроса ВЦИОМ 2022 г., входят в топ-3 престижных профессий².

Несмотря на то, что цифровые технологии прочно вошли в жизнь человека, а исследователи довольно активно занимаются вопросами их влияния на жизнь общества и различных социальных групп, особенно молодежи, которую вполне оправданно называют цифровым поколением [3], требуются глубокие научные изыскания в области реальных и социальных последствий цифровой среды как детерминирующей поведение личности в различных сферах жизнедеятельности, а также в процессе личностного становления и самосохранения в современных условиях. В данной статье мы решили обратиться к проблеме самосохранительного поведения в условиях цифровой эпохи. Данная проблематика не является новой для российской науки, но основной пласт исследований по различным аспектам самосохранительного поведения носит социологический характер, в том числе и в контексте цифровизации [17].

Понятие самосохранительного поведения и ориентиры социально-философской исследовательской стратегии. Такое понятие, как самосохранительное поведение, свое концептуальное и теоретическое становление получило в социо-демографическом исследовательском направлении. Многие ученые продолжили заложенную И. И. Антоновым традицию изучения данного явления [1], а сложившиеся определения по сути отличаются незначительно, сохраняя магистральную линию, связанную с ориентацией на сохранение здоровья и увеличение продолжительности жизни посредством системы определенных действий и отношений. Так, С. А. Вангородская под данным феноменом понимает «сознательную деятельность индивида, направленную на поддержание оптимальных параметров биологического, психологического и социального здоровья и минимизацию объективно существующих угроз и субъективно осознаваемых рисков» [4, с. 15]. В данной интерпретации конкретизируется понимание здоровья, а так-

же необходимость учета субъективного фактора в восприятии рисков, что немаловажно, поскольку, если мы поднимаем вопрос о влиянии цифровой среды на самосохранительное поведение, то тезис о ее негативном влиянии с точки зрения безопасности личности не такой уж очевидный. Так, исследования в этой области позволили ученым прийти к выводу о том, что цифровая (виртуальная) среда как раз-таки не воспринимается молодым поколением как опасная [6]. В ней они чувствуют себя уверенно и безопасно. Другое дело, что взрослое поколение, семья, родители оказались не готовы к столь сильному социализационному влиянию Сети, не могут ее контролировать, использовать ее потенциал, не теряя собственных социализационных позиций.

В другом определении самосохранительного поведения, помимо системы действий и отношений, учитываются также знания, мотивы, убеждения, в совокупности направляющие волевые усилия личности на сохранение здоровья и на продление творческого долголетия [15]. В. Я. Шклярчук подчеркивает, что в современном мире человек является регулятором своего здоровья, сам определяет индикаторы своего самочувствия и решает, какие действия ему предпринять для улучшения здоровья [16]. Как видим, на передний план в оценке здоровья выходит субъективная составляющая, а не только и не столько мнение специалистов, медиков, причем оно, безусловно, важно, но центральным механизмом, фактором, определяющим характер действий по отношению к здоровью, выступает все же личностное восприятие собственного здоровья, отношение к нему, то место, которое здоровье занимает в системе ценностей личности.

Определений изучаемого нами феномена достаточно много, но, поскольку они в целом ориентируют на его понимание как системы действий в области сохранения здоровья, продления жизни — и в физиологическом, и социальном (творческом) контексте, мы не будем дальше приводить мнение ученых. Важно подчеркнуть, что, следуя логике социо-демографического подхода, в рамках которого данный феномен получил импульс для своего

² Престижные профессии: вчера, сегодня... завтра? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 11 января 2022 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prestizhnye-professii-vchera-segodnja-zavtra> (дата обращения: 10.05.2023).

развития, в научно-исследовательской литературе сложилась традиция интерпретировать в самом общем виде самосохранительное поведение как поведение в сфере здоровья, т.е. акцент в самосохранении личности делается на здоровье. Против такой позиции сложно что-то возразить, поскольку без поддержания здоровья ни о каком самосохранении не может быть речи, ибо человек есть единство телесного и духовного, а потому с точки зрения социально-философского подхода, как нам представляется, следует усилить духовно-нравственную составляющую самосохранительного поведения, причем под здоровьем исследователи, акцентируя на нем в своих определениях внимание, понимают единство физического, психического и духовного, что соотносится в понятием социального здоровья. Тем не менее именно ценностные и мировоззренческие установки в отношении здоровья и жизни в целом, а также субъективное восприятие себя как личности, среды обитания (опасной/безопасной) и многое другое, что составляет духовный мир и жизненное пространство личности, определяют культуру здоровья личности и поведение в отношении здоровья. В обществе, где доминирует культура нездоровья, следуя оценкам специалистов, сложно ожидать сознательного и позитивного отношения к здоровью (своему и окружающих), и, как следствие, происходит распространение противоположного явления — саморазрушительного поведения, о чем также с тревогой в отношении российского социума пишут ученые [10].

Выводы. При всем том, что самосохранительное поведение традиционно изучается социологами и в этом научно-исследовательском пространстве накоплен огромный опыт, вобравший в себя разнообразное количество аспектов, связанных с демографическими процессами (брачность, рождаемость, смертность и т.д.), гендерной динамикой, поколенческими особенностями, остается глубокая ниша для социально-философского анализа данного феномена. Эта ниша определяется глубинными социетальными сдвигами в общественном развитии, изменившими саму природу человека, уже настолько включенного в цифровую среду, что со всем основанием можно назвать его элементом этой сре-

ды. Цифровое общество диктует свои законы развития и адаптации человека в цифровой (виртуальной) среде, в мире, который уже немыслим без информационных и цифровых технологий. В этом мире меняется сама парадигма восприятия телесного и духовного, здоровья. Что значит самосохраниться в мобильном мире, который не прощает пассивности, неадекватности, нечувствительности к переменам, неспособности использовать риск как ресурс для саморазвития и самореализации? Что значит здоровье для современного человека, готового сменить пол, изменить облик, части тела в угоду моде или ради достижения успеха? Здоровье как ценность, здоровье как ресурс жизненного успеха, здоровье как способ самопрезентации...? И что, в принципе, значит «самосохраниться»? Что в приоритете — сохранить себя как личность или как физически здоровое существо для продолжительной жизни? Для нас очевидно, что в понимании самосохранительного поведения, если не отталкиваться от классического социо-демографического подхода, а развивать социально-философское направление в изучении данного феномена, заложена этическая составляющая, которая еще не получила должного осмысления в научной литературе. Однако такие исследования имеются. В частности, интересны философские размышления Н.Н. Хомутовой, которая пишет о том, что «в условиях техногенной цивилизации, когда технический прогресс опережает социокультурный, особенно остро являет себя необходимость сохранения общечеловеческих и духовных ценностей, сохранение в человеке человеческого» [14, с. 98]. Человек сам делает свой выбор, поскольку он, по сути, «самопроект» по созданию и изменению себя (в лучшую или худшую сторону), но в современном обществе тотального потребления и воздействия СМИ, манипуляции массовым сознанием и здоровьем в коммерческих, рыночных целях, технократических тенденций в развитии медицины и сферы здравоохранения, велики риски ошибочного выбора, непоправимых ошибок для духовного и физического здоровья личности.

С учетом тенденций дегуманизации и технократизации социальной сферы, распространения новых биотехнологических технологий и значительных изменений

на уровне ценностно-мировоззренческих структур требуется всесторонний взгляд и комплексный подход к изучению такого феномена, как самосохранительное поведение, что возможно с применением теоретического и прикладного опыта различных научных дисциплин в рамках междисциплинарного и трансдисциплинарного подходов. Социально-философский анализ данного феномена нуждается в знаниях биоэтического, социально-психологического, культурологического и социологического характера.

Список источников

1. Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М.: Nota Bene, 1998. 313 с.
2. Артамонов Д.С., Фролова С.М. Риски цифровизации в пространстве жизненного мира // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. №6. С. 95–100. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-95.
3. Бастракова Н.С. Цифровое поколение в проекции жизненного самоопределения // Новые информационные технологии в образовании и науке. 2018. №1. С. 103–109.
4. Вангородская С.А. Факторы самосохранительного поведения населения региона (по результатам эмпирических исследований) // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. №2. С. 13–26. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-2.
5. Верещагина А.В., Лукьяшко А.Г. Здоровье и отношение к нему российской молодежи в цифровую эпоху // ПОИСК. Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2021. №3(86). С. 67–78.
6. Максимова О.А. «Цифровое» поколение: стиль жизни и конструирование идентичности в виртуальном пространстве // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №22(313). С. 6–10.
7. Мамедова Н.М. Человек в эпоху цифровизации: на грани реального и виртуального // Век глобализации. 2021. №3(39). С. 74–85.
8. Орлов М.О. Многомерность цифровой среды в обществе риска // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. №2. С. 155–161. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-2-155-161.
9. Петренко-Лысак А.А. Homo mobilis в транзит(ив)ном потоке мобильных коммуникаций // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. №3. С. 44–53.
10. Резапкина Г.В. Саморазрушительное поведение: причины и профилактика // Академический вестник Академии социального управления. 2017. №2(24). С. 18–24.
11. Садовая Е.С. Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. №3. С. 6–20.
12. Смирнов А.В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. №1. С. 129–153.
13. Чернавин Ю.А. Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы // Цифровая социология. 2021. Т. 4. №2. С. 4–12.
14. Хомутова Н.Н. Этические основы самосохранительного поведения // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. 2023. Т. 19. №1(58). С. 97–103.
15. Шклярчук В.Я. Здоровье в системе самосохранительного поведения рабочих // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2008. Т. 8. Вып. 2. С. 44–47.
16. Шклярчук В.Я. Здоровье личности в условиях современных социально-экономических трансформаций // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. №1. С. 179–185. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-179-185.
17. Шушунова Т.Н. Самосохранительное поведение в эпоху цифровых возможностей // Цифровое общество — новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития. Материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 12–14 ноября 2020 г.) / Отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 442–443.

References

1. Antonov A.I. Mikrosociologija sem'i (metodologija issledovanija struktur i processov) [Microsociology semi (methodology and inves-

tingated structure and process)]. Moscow: Nota Bene, 1998. 313 p. (In Russ.).

2. Artamonov D.S., Frolova S.M. Riski cifrovizacii v prostranstve zhiznennogo mira [The risk of digitalization in the space of the life world]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intelligence. Innovation. Investment]. 2020; (6): 95–100. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-95. (In Russ.).

3. Bastrakova N.S. Cifrovoe pokolenie v proekcii zhiznennogo samoopredelenija [Digital generation in projections of vital self-determination]. *Novye informacionnye tehnologii v obrazovanii i nauke* [New aposematic technologies in education and science]. 2018; (1): 103–109. (In Russ.).

4. Vangorodskaja S.A. Faktory samosohranitel'nogo povedenija naselenija regiona (po rezul'tatam jempiricheskikh issledovanij) [Factors of self-preservation behavior of the population of the region (according to the results of research)]. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologija i upravlenie* [Scientific result. Sociology and management]. 2018; 4(2): 13–26. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-2. (In Russ.).

5. Vereshhagina A.V., Luk'jashko A.G. Zdorov'e i otnoshenie k nemu rossijskoj molodezhi v cifrovuju jepohu [Health and attitude of Russian youth in the digital age]. *POISK. Politika. Obshhestvovedenie. Iskustvo. Sociologija. Kul'tura* [SEARCH. Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture]. 2021; 3(86): 67–78. (In Russ.).

6. Maksimova O.A. «Cifrovoe» pokolenie: stil' zhizni i konstruirovanie identichnosti v virtual'nom prostranstve [«Digital» generation: style of living and construction of identities in virtual space]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin]. 2013; 22(313): 6–10. (In Russ.).

7. Mamedova N.M. Chelovek v jepohu cifrovizacii: na grani real'nogo i virtual'nogo [Human in the extravehicular digitisation: on the borders of real and virtual]. *Vek globalizacii* [The age of globalization]. 2021; 3(39): 74–85. (In Russ.).

8. Orlov M.O. Mnogomernost' cifrovoj sredy v obshhestve riska [Multidimensionality digitisation among the Evergreens in the risk society]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filosofija. Psihologija. Pedagogika* [News of Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy].

2019; 19(2): 155–161. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-2-155-161. (In Russ.).

9. Petrenko-Lysak A.A. Homo mobilis v tranzit (iv) nom potoke mobil'nyh kommunikacij [In transit (IW) nom stream mobile crimp communication]. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij* [Maze. Journal of Social and Humanitarian Studies]. 2015; (3): 44–53. (In Russ.).

10. Rezapkina G.V. Samorazrushitel'noe povedenie: prichiny i profilaktika [Self-destructive behavior: Cause and Prevention]. *Akademicheskij vestnik Akademii social'nogo upravlenija* [Academic Bulletin of the Academy of Social Management]. 2017; 2(24): 18–24. (In Russ.).

11. Sadovaja E.S. Chelovek v cifrovom obshhestve: dinamika social'no-trudovyh otnoshenij [The human in digital society: dynamics of social-Labor involvements]. *Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences]. 2018; 19(3): 6–20. (In Russ.).

12. Smirnov A.V. Cifrovoe obshhestvo: teoreticheskaja model' i rossijskaja dejstvitel'nost' [Digital society: a theoretical model and Russian reality]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. 2021; (1): 129–153. (In Russ.).

13. Chernavin Ju. A. Cifrovoe obshhestvo: teoreticheskie kontury skladyvajushhejsja paradigmy [Digital society: theoretical contours of the emerging paradigm]. *Cifrovaja sociologija* [Digital Sociology]. 2021; 4(2): 4–12. (In Russ.).

14. Homutova N.N. Jeticheskie osnovy samosohranitel'nogo povedenija [Ethical foundations of self-preserving behavior]. *Ustojchivoje innovacionnoe razvitie: proektirovanie i upravlenie* [Sustainable innovative development: design and management]. 2023; 1(58): 97–103. (In Russ.).

15. Shkljaruk V. Ja. Zdorov'e v sisteme samosohranitel'nogo povedenija rabochih [Health in the system of self-preserving behavior of workers]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija: Sociologija. Politologija* [News of Saratov University. Series: Sociology. Political science]. 2008; 8(2): 44–47. (In Russ.).

16. Shkljaruk V. Ja. Zdorov'e lichnosti v uslovijah sovremennyh social'no-jekonomicheskikh

transformacij [Personal health in the conditions of modern socio-economic transformations]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'* [Historical and socio-educational thought]. 2018; 10(1): 179–185. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-179-185. (In Russ.).

17. Shushunova T.N. Samosohranitel'noe povedenie v jepohu cifrovyh vozmozhnostej [Self-preserving behavior in the era of digital opportunities]. *Cifrovoe obshhestvo — novyj format social'noj real'nosti: struktury, processy*

i tendencii razvitija. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Sankt-Peterburg, 12–14 nojabrja 2020 g.) [Digital society — a new format of social reality: structures, processes and development trends. Materials of the All-Russian Scientific Conference (St. Petersburg, November 12–14, 2020)]. *Otv. red. N.G. Skvorcov, Ju. V. Asochakov* [In N.G. Skvortsov, Yu. V. Asochakov (eds.)]. Saint Petersburg: Skifja-print, 2020. P. 442–443. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 14.06.2023.

The article was submitted on 28.04.2023; approved after reviewing on 18.05.2023; accepted for publication on 14.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Химич Марина Николаевна — старший преподаватель, Ростовский государственный университет путей сообщения.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2

Marina N. Himich — Senior Lecturer, Rostov State Transport University.

2 Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolchenija str., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 304.9

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-278-285

ДУХОВНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДУХОВНОГО РОСТА ЧЕЛОВЕКА

Ирина Александровна Черных¹✉, Татьяна Валентиновна Лугуценко²

*¹Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки
Министерства здравоохранения Российской Федерации, Луганск, Россия*

²Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия

¹irinatchernykh@yandex.ru✉, AuthorID РИНЦ: 1208630, SPIN-код: 8265-2687

²telfira@yandex.ru, AuthorID РИНЦ: 1177677

Аннотация. *Цель исследования:* раскрыть диалектическую взаимосвязь между духовной социализацией и формированием духовной целостной личности.

Методологической основой исследования стали работы, касающиеся проблем духовности личности, работы, изучающие проблемы духовности личности как фактора ее социализации, достижения русской религиозной философии, персоналистическая позиция Н. Бердяева.

Результаты исследования. Практические исследования проблемы духовной целостности личности являются истоком потребности формирования стратегии жизни в условиях стремительных общественных изменений. Разработка понятия «духовная целостность личности» способствует теоретическому обеспечению оптимизации процесса становления духовной целостности личности в современном обществе. Постигновение сущности духовного роста человека является довольно сложной задачей, требующей тщательного анализа каждого из проявлений, их роли в разворачивании, то есть в приобретении новых данностей человеком. Это порождает интеграцию теорий различных наук в единую концептуально оформленную общенаучную картину мира.

Перспективы исследования. Исследование раскрывает основные характеристики духовной целостной личности, что позволяет рассмотреть, определить и выделить специфические аспекты духовной социализации личности, влияющие на духовный рост человека.

Ключевые слова: целостность личности, духовная целостность личности, духовная социализация личности

Для цитирования: Черных И. А., Лугуценко Т. В. Духовная целостность личности как результат духовного роста человека // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 278–285. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-278-285>.

Original article

SPIRITUAL INTEGRITY OF A PERSON AS A RESULT OF SPIRITUAL GROWTH OF A HUMAN

Irina A. Chernykh^{1✉}, Tatyana V. Lugutsenko²

¹*Saint Luka Lugansk State Medical University of the Ministry of Health
of the Russian Federation, Lugansk, Russia*

²*Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia*

¹*irinachernykh@yandex.ru ✉, AuthorID RSCI: 1208630, SPIN-code: 8265-2687*

²*telfira@yandex.ru, AuthorID RSCI: 1177677*

Abstract. *The purpose of the study:* reveal the dialectical relationship between spiritual socialization and the formation of a spiritual holistic personality.

The methodological basis of the study was the work on the problems of the spirituality of the individual, works that study the problems of spirituality of the individual as a factor of its socialization, achievements of Russian religious philosophy, personalistic position of N. Berdyaev.

Research results. *Practical studies of the problem of the spiritual integrity of the individual are the source of the need to form a life strategy in the face of rapid social change. The development of the concept of «spiritual integrity of the individual» contributes to the theoretical support for optimizing the process of becoming the spiritual integrity of the individual in modern society. Comprehension of the essence of a person's spiritual growth is a rather difficult task that requires a thorough analysis of each of the manifestations, their role in deployment, that is, in the acquisition of new givens by a person. This gives rise to the integration of theories of various sciences into a single conceptually formalized general scientific picture of the world.*

Research prospects. *The study reveals the main characteristics of a spiritual holistic personality, which allows us to consider, define and highlight specific aspects of the spiritual socialization of the personality that affect the spiritual growth of a person.*

Keywords: *integrity of the individual, spiritual integrity of the individual, spiritual socialization of the individual*

For citation: *Chernykh I. A., Lugutsenko T. V. Spiritual integrity of a person as a result of spiritual growth of a human // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 278–285. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-278-285>.*

Введение. Объективная необходимость сосредоточенности на проблеме личности при попытках научной рефлексии глобальных проблем современности обусловлена признанием роли человеческого фактора в динамике мировых процессов. Господство научно-технической революции на протяжении XX века стало причиной нарушения мирового баланса: объективированные знания о мире определили технологический прорыв в области информатизации, коммуникации и глобаль-

ных сетей, и вместе с этим общепланетарный масштаб приобрел глубокий кризис, создающий реальную угрозу выживанию человечества. Фрагментарное мышление на основе ньютоновско-картезианской парадигмы привело к технократическому пониманию связей природы и человека, обострению антагонизма между расщепленностью сути единого мира. Процессы глобализации и унификации в мире сопровождаются «цивилизационными разломами» [3], вместе с интеграционными

тенденциями распространяется «всеобщая дезинтеграция» в виде социального и политического хаоса, повышения уровня жестокости, агрессии, разрушений, вооруженных конфликтов, террористических актов, ставших привычными явлениями [4].

Среди центральных проблем культурно-исторического развития цивилизаций исследователи называют проблему взаимодействия человека и общества. В частности, в концепции А. Тойнби приведен анализ динамики цивилизационных систем: вертикальные расколы общества — на более мелкие государства, горизонтальные расколы — на отдельные классы и слои. Но наиболее глубокий раскол, по мнению автора, происходит в человеческой душе, поскольку он определяет поведение и жизнь людей и проявляется во всех сферах общественного бытия [10].

Все перечисленные проблемы современного общества являются реальностью социальной практики, теми условиями, в которых и происходит социализация современного человека. Обсуждение вопросов духовной социализации тем более требует подробного изучения потенциала человека быть именно общественным созданием. Только в социальной практике человеку дается возможность совершить свой выбор не только реалистического и гуманистического мировоззрения, но и определить себя как целостную уникальную личность с нескончаемыми творческими возможностями и способностями.

Методология и методы исследования.

Философская рефлексия человека начала XXI века формируется на основе целостного теоретико-мировоззренческого обобщения. Духовная целостность личности, став предметом изучения социальной философии, не просто продемонстрировала изменения современного мира, но и натолкнула на поиски путей решения проблем, возникающих в этом мире.

Понятие «духовная целостность личности» в своем смысловом значении встречается уже в античной философии: природа духа выясняется с помощью понятий «нус» (разум), «логос» (слово-смысл, слово-разум у стоиков), «пневма» (воздух и огонь, дыхание). В религиозном мировосприятии «духовная целостность личности» понимается

космологически, родственно с духовным Божественным Абсолютом. В Новое время проблема осознания целостности духовного олицетворена в интеллектуалистической концепции духа, которая синонимизирует и разум, и душу (Б. Спиноза и К. Гельвеций), и в субъективистской концепции духа, которая основывается на априорном (И. Кант).

Философский дискурс XX века касательно духовных основ был связан с признаками кризиса западноевропейской культуры и акцентировал внимание на объективности (М. Гартман, Э. Дюркгейм, Э. Касирер, М. Шелер) и субъективности (экзистенциализм, персонализм) духа. Вторая половина XX века характеризуется активизацией и метизацией философского дискурса относительно духовных и социальных феноменов на фоне методологического плюрализма.

Результаты. Свидетельством осознания необходимости целостного подхода к изучению человека является введенное В. Слободчиковым и Е. Исаевым в научный обиход понятие «психологической антропологии» на основании понимания того, что «... в реальности межличностных отношений человек предстает как целое, как уникальный живой субъект, во всем многообразии своих индивидуально неповторимых проявлений и свойств. Целостность человеческой практики предполагает целостность познания человека» [5, с. 16].

Целостный подход к изучению человека, на наш взгляд, требует уточнения самого понятия «целостность», активно употребляющегося в философии. Философские словари трактуют целостность как обобщенную категорию, имеющую сложную внутреннюю конструкцию. «Понятие целостность выражает интегрированность, самодостаточность, автономность этих объектов; оно характеризует их качественное своеобразие, обусловленное присущими им специфическими закономерностями функционирования и развития» [11, с. 763]. На основе анализа философских трактовок целостность мы рассматриваем как обобщенную категорию, имеющую сложную внутреннюю конструкцию, характеризующуюся самостоятельностью, самодостаточностью, а также интегрированностью.

На всех уровнях структуры философского знания тема целостности личности раз-

рабатывалась славянофилами. На начальных этапах развития своей философии они в качестве характеристик личности определяли разум, творческое начало, веру, любовь. Важно подчеркнуть, что именно они одними из первых привязывают целостность к сущности личности. Согласно их подходу, основными показателями целостной личности как раз и являются воля к познанию, в основе которой лежит разум, актуализация или существование на основе постижения реальности и основанная на идеях Церкви потребность общественного начала в самом процессе становления личности.

В философии В. Соловьева категория «целостности» была центральной. Главной идеей всех его философских трудов стало универсальное единство как ориентир, к которому нужно стремиться, и «целостная жизнь», достичь которую возможно с помощью «цельного знания» и «целостного творчества». Залогом достижения этого, по мнению философа, является универсальный синтез философии, науки и религии — опыт, знание и вера. Идея В. Соловьева о сущности «целостной жизни» на основе синтеза «цельного знания» с «целостным творчеством» в условиях «целостного общества» является истоком современной теории жизнетворчества. При этом «целостность жизни» заключается не только во внутреннем единстве интеллекта, эмоций и творчества, а и в живом, настоящем общении с Абсолютом. «Только когда воля и разум людей, — пишет В. Соловьев, — вступают в общение с вечно и истинно сущим, только тогда получают свое положительное значение и цену все отдельные формы и элементы жизни и знания, они становятся необходимыми органами одной целостности жизни» [8, с. 564]. Философ определяет «целостность жизни» как «конечную фазу исторического развития» человека, а не просто благополучный уклад его жизни. Важно обратить внимание на то, что в своих работах В. Соловьев подтверждает, что если бы человек не был связан с божественным, то свободная и осознанная связь с ним «...была бы невозможна, если бы божественное начало было чисто внешним для человека, если бы оно не коренилось в самой человеческой личности» [9, с. 48]. Философ определяет личность обобщенно. «Целое предшествует своим частям

и предполагается ими ... первичная реальность — это человечество, а не отдельное лицо; человечество есть существо, которое становится абсолютным через общий прогресс» [6, с. 580]. Только тогда, согласно идее В. Соловьева, целостность личности достигается на основе приобщения человека к общим постулатам, законам социума, укладу всего человечества, а через них — к Абсолюту. Истинной сущностью человека философ считает реализацию стремления к чему-то высшему на основе открытости, целостности, собственной содержательности [7].

Кроме того, вопросы личности, смысла жизни и смерти, свободы и творчества стали актуальными и в философском наследии Н. Бердяева. Согласно его концепции, «...личность вообще предшествует бытию» [1, с. 52]. Бытие он рассматривает как результат причинности, необходимости, пассивности, а дух — как свободное, активное, творческое начало. Н. Бердяев считает понятие «личность» наиболее сложным для философского понимания и трактовки, поэтому в его работах оно предстает как символ, воплощающий глубину человеческого бытия, которая не подчиняется любой рационализации. С другой стороны, это понятие принципиально не может допустить в науке и философии схематичного определения образа человека, поэтому наиболее реальным и глубоким образом в экзистенциальной философии Н. Бердяева стала неуловимая и бесконечно противоречивая личность. Именно ее он интерпретирует как «живое противоречие» и соглашается с нереальностью выбора между «гармоничной» и диссонансной характеристикой человеческой природы. Философ обосновал позицию о том, что понятие «личность» нельзя рассматривать в виде рационалистической схемы. Как раз такая рационалистическая схема значительно ее извращает. Также личность он рассматривает как основной и наиболее существенный результат деятельности человека при сопоставлении с иными результатами деятельности, поэтому она и не может быть соотнесена с ними. Только личность в индивидуальной форме может демонстрировать универсальный смысл, имеет потенциальные возможности стать вселенной, потому что она — «макрокосмос», целый «универсум». Н. Бердяев подчеркивает, что универсальный

смысл является составляющей. Соотнесение его с личностью подтверждает, что личность не может быть составляющей относительно заданного целого, даже такого «огромного целого», как весь мир. Как раз личность и будет универсумом в эксклюзивной индивидуальной форме. «Она есть сочетание универсально-бесконечного и индивидуально-особенного. В этом кажущаяся противоречивость существования личности. Личное в человеке является как раз тем, что в нем не сходное с другими, но в этом не общем заложена потенция универсального» [1, с. 52].

Философ считает, что личность не может быть тем, что дано один раз и навсегда, что имеет заверченный вид. Это потенциал, требующий постоянной работы и развития. «Личность ни при каких условиях не является готовой данностью, она является задачей, идеалом человека. Совершенное единство, целостность личности есть идеал человека. Личность самосоздается. Никто не может о себе сказать, что он в полной мере является личностью» [1, с. 23]. Согласно точке зрения Н. Бердяева, формирование личностных качеств является процессом творческим, не предполагающим запрограммированных, трафаретных подходов к развивающимся качествам личности. «...Человек есть существо, которое само себя преодолевает, трансцендируя. Реализация личности в человеке является таким «постоянным трансцендентированием» [1, с. 23]. Н. Бердяев считает, что человек всегда пытается выйти за рамки этой субъективности, делая это двумя, отличными друг от друга, а иногда и противоположными, путями. Первый путь — объективация. Это путь приспособления к общеобязательным правилам и законам общества. По мнению философа, в том случае, когда происходит отчуждение от человеческой природы и личность оказывается в объективном мире, она не способна находить, определять себя. В том случае, когда совершается экзистенциальное общение, а не объективные уведомления, происходит переход к транссубъективному (а не объективному). Этот путь раскрывается в глубине существования человека и заключается в трансцендентировании, поэтому как второй путь автор выделяет трансцендентирование. Как подчеркивает автор, только на этом пути совершаются экзистенциальные

встречи с Богом, другим человеком, внутренним существованием мира. Только в таком случае личность способна раскрыть все свои потенциальные возможности.

Важным является акцент Н. Бердяева на положении о том, что обязательным условием существования личности является наличие надличностных ценностей. Без бытия, которое демонстрирует высшие качества и находится на более высокой ступени, личность человека существовать не может. Должен существовать возвышенный мир, к которому будет стремиться личность. По мнению философа, личность не формируется, не развивается, не существует, если нет надличностных ценностей, но личность не существует и в том случае, если она становится инструментом достижения этих надличностных ценностей.

На основе вышеизложенного, духовную целостность личности мы можем рассматривать в качестве подсистемы духовного целого, составляющими которой является духовность человека, социума, Универсума в субъективированной, объективированной, субъективной, объективной формах, и которая определена как субъективированная форма самодвижения духовного целого.

Содержание самодвижения духовного целого человека может быть представлено процессами сопереживания, сочувствия, общения, воображения, памяти, творчества, рефлексии, генетизации социально-значимой информации, которые отражают рост активности деятельности человека за счет роста мощностей мышления. Сущностью такого самодвижения человека является порождение материальной, психической, социальной, духовной его составляющих, в лоне которых происходит структурирование психофизической, психологической, интеллектуальной, социетальной подструктур личности путем формирования и устойчивого функционирования внутриличностных механизмов.

Содержание становления духовной целостности личности состоит в следующем: в действительности предметно-практической, общественно-полезной деятельности человека мы наблюдаем явление развития объективированных и субъективированных форм духовности путем опредмечивания — рас-

предмечивания, смыслообразования, результатом чего является становление устойчивой структуры внутриличностных механизмов — духовной целостности личности. Атрибутом становления духовной целостности личности является производство социального смысла как результат адекватной упорядоченности и когерентной работы внутриличностных механизмов. Процесс становления духовной целостности личности, как органично вплетенный в эволюционные процессы Универсума, происходит путем коэволюционного самоструктурирования на основе содержания упорядоченности духовных подструктур (бессознательных, сознательных, самосознательных, надсознательных), в которых формируются и устойчиво функционируют внутриличностные механизмы.

Уровнями духовной целостности человека являются индивид, личность, индивидуальность. Индивид — это носитель морфологической целостности человека, который является самым низким уровнем духовной целостности человека как объект внешнего культурного усилия. Личность — функциональная целостность человека, она является следующим уровнем духовной целостности человека и характеризует его как активного субъекта культурогенеза. Индивидуальность — это организационная целостность человека, являющаяся высшим уровнем духовной целостности человека, на котором человек управляет своим развитием.

Перспективы дальнейшего исследования целостности личности открываются в контексте синергетического подхода. Обобщая подходы к исследованию проблемы целостности в синергетике, И. Добронравова отмечает единство понимания исследователями связи этого понятия с органическим целым, с системами, которые способны к саморазвитию [2]. В частности, Л. Шаманский считает, что «под целым понимается результат вместе со своим становлением, под целостностью — абсолютное движение становления» [12, с. 6].

Синергетика демонстрирует высокую познавательную способность в разработке проблем личности, поскольку признается современной теорией самоорганизации. Синергетика, признавая разнообразие, в то же время не противоречит целостности науки только потому, что выполняет роль интегратора.

Заключение. Анализ научных подходов дает возможность раскрыть понимание духовной целостности личности в контексте современных концепций духовности. Современное понимание проблемы духовного представлено как сложное образование, в котором сохранены все типы сознания, приобретенные человечеством в течение истории: идеалистический, религиозный, материалистический, метафизический, рациональный, иррациональный. В результате процесс становления духовной целостности личности позиционирован как интуитивная и психологическая самосогласованность, самоидентификация, самостроительство, самореализация, самосовершенствование, происходящие в процессе самопознания и сопровождающиеся нарастающим ощущением единства с Универсумом. Духовная целостность личности рассматривается как подсистема духовного целого, составляющими которого являются духовность человека, социума, Универсума в субъективированной, объективированной, субъективной, объективной формах, и которая определена как субъективированная форма самодвижения духовного целого.

Мощным механизмом становления духовной целостности личности является коэволюционная деятельность человека как предметно-практическая реализация личностного смысла в пользу природы и социума, в ходе которой происходит формирование динамической целостности человека и Универсума.

Список источников

1. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека: опыт персоналистической философии. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 2005. С. 3–162.
2. Добронравова И.С. Синергетика: становление нелинейного мышления. К.: Лыбидь, 2010. 148 с.
3. Коганец И. Всеобщая дезинтеграция. М.: Республика, 1998. С. 75–85.
4. Скотная Н. Личность в расколотов цивилизации. М.: Республика, 2015. 384 с.
5. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М.: Школа-Пресс, 2011. 383 с.
6. Соловьёв В.С. Идея человечества у Августа Конта: сочинения в 2 т. М.: Мысль, 2012. Т. 2. 822 с.

7. Соловьев В.С. Оправдание добра: нравственная философия. М.: Республика, 1996. 479 с.

8. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания. Минск: Харвест, 2005. 912 с.

9. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. СПб.: Художественная литература, 2014. 528 с.

10. Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 2008. С. 77–80.

11. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Энциклопедия, 2003. 840 с.

12. Шаманский Л. Г. Целое и целостность как категория материалистической диалектики: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Л., 1975. 22 с.

References

1. Berdjaev N.A. O rabstve i svobode cheloveka: opyt personalisticheskoy filosofii. Carstvo Duha i carstvo Kesarja [About slavery and human freedom: the experience of personalistic philosophy. The Kingdom of the Spirit and the kingdom of Caesar]. Moscow: Respublika, 2005. P. 3–162. (In Russ.).

2. Dobronravova I.S. Sinergetika: stanovlenie nelinejnogo myshlenija xSynergetics: the formation of nonlinear thinking. Kiev: Lybid', 2010. 148 z. (In Russ.).

3. Koganec I. Vseobshhaja dezintegracija [General disintegration]. Moscow: Respublika, 1998. P. 75–85. (In Russ.).

4. Skotnaja N. Lichnost' v raskolotoj civilizacii [Personality in a split civilization]. Moscow: Respublika, 2015. 384 p. (In Russ.).

5. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. Psihologija cheloveka [Human psychology]. Moscow: Shkola-Press, 2011. 383 p. (In Russ.).

6. Solov'jov B.C. Ideja chelovechestva u Avgusta Konta: sochinenija v 2 t. [The idea of humanity in August Comte: essays in 2 vols.]. Moscow: Mysl', 2012. Vol. 2. 822 p. (In Russ.).

7. Solov'ev V.S. Opravdanie dobra: нравственная философия [Justification of good: moral philosophy]. Moscow: Respublika, 1996. 479 p. (In Russ.).

8. Solov'ev B.C. Filosofskie nachala cel'nogo znaniya [Philosophical principles of integral knowledge]. Minsk: Harvest, 2005. 912 p. (In Russ.).

9. Solov'ev B.C. Chtenija o bogochelovechestve [Readings on God-manhood]. Saint Petersburg: Hudozhestvennaja literatura, 2014. 528 p. (In Russ.).

10. Tojnbi A. Postizhenie istorii [Comprehension of history]. Moscow: Progress, 2008. P. 77–80. (In Russ.).

11. Filosofskij jenciklopedicheskij slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. In L.F. Il'ichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov (eds.). Moscow: Jenciklopedija, 2003. 840 p. (In Russ.).

12. Shamanskij L.G. Celoe i celostnost' kak kategorija materialisticheskoy dialektiki: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.01 [The whole and integrity as a category of materialistic dialectics. Ph. D. (Philosophy) Thesis: 09.00.01]. Leningrad, 1975. 22 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.06.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted on 16.06.2023; approved after reviewing on 08.07.2023; accepted for publication on 12.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Черных Ирина Александровна — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, правоведения, социальных и гуманитарных наук, Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Россия, г. Луганск, кв. 50-летия Обороны Луганска, д. 1г

Irina A. Chernykh — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Law, Social Sciences and Humanities, Saint Luka Lugansk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation.

1g kv. 50-letija Oborony Luganska, Lugansk, Russia

Лугуценко Татьяна Валентиновна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, Луганский государственный педагогический университет.

Россия, г. Луганск, ул. Оборонная, 2

Tatyana V. Lugutsenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Lugansk State Pedagogical University.

2 Oboronnaja str., Lugansk, Russia

Вклад авторов:

Черных И. А. — концепция исследования; разработка методологии; написание исходного текста; научное редактирование текста; итоговые выводы.

Лугуценко Т. В. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Chernykh I. A. — research concept; methodology development; source text writing; scientific text editing; final conclusions.

Lugutsenko T. V. — writing the source text; final conclusions.

Уважаемые авторы!
**Правильное оформление статьи значительно ускоряет процесс
ее обработки и передачи в работу для подготовки в печать**

Все статьи проверяются системой «Антиплагиат» (оригинальность текста не менее 85 %).

При оценке заимствований учитываются два параметра (если по одному из них выявляется превышение нормы, статья не принимается к публикации). Норма:

1-й параметр — отдельные фрагменты заимствований (в статье ни один фрагмент заимствований не должен быть выше 10 %);

2-й параметр — общая сумма заимствований (сумма всех фрагментов заимствований не должна превышать 20 %).

Статья представляется в текстовом формате, включает в себя сведения об авторе, аннотацию, текст статьи, список литературы. Все эти разделы подаются одним файлом.

Сведения об авторе

Необходимо в обязательном порядке представить:

1. ФИО автора (авторов) (на русском и англ. языках).
2. Название организации (на русском и англ. языках).
3. ORCID, Author ID РИНЦ авторов. При наличии могут быть представлены и дополнительные идентификаторы (Scopus ID и др.).
4. Указать автора, ответственного за переписку.
5. Информация об авторе: полная расшифровка имени и отчества, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, адрес, e-mail. Необходимо также указать адрес вуза (на русском и англ. языках).
6. Сведения о вкладе в работу над статьей каждого автора (на русском и англ. языках).
7. Фотография автора хорошего качества, на которой видно лицо. Фотографию можно присылать отдельным файлом.

Название и аннотация

1. Обязательно указывается тип статьи:

научная статья,

обзорная статья,

дискуссионная статья,

персоналии,

редакторская заметка,

рецензия на книгу,

рецензия на статью,

информационно-методическое сообщение,

краткое сообщение.

2. Перед названием необходимо указать УДК.

3. Название статьи (на русском и англ. языках). В названии не должно быть аббревиатур.

4. Аннотация (от 150 и не больше 250 слов) должна быть разделена на разделы:

Цель

Методология

Результаты

Перспективы исследования

Ключевые слова: 3–10 ключевых слов или словосочетаний

Благодарности

Финансирование

В аннотации не должно быть фамилий, ссылок и сокращений.

Текст

Требования к структуре статьи:

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
- анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
- выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
- формулировка целей статьи (постановка задания);
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.
- в статье должна быть выделена структура. Для этого текст нужно разбить на части (Введение, Методика, Результаты, Обсуждение, Заключение). В качестве частей могут быть выделены смысловые блоки, но обязательными являются рубрики «Введение» и «Заключение».
- текст должен содержать 21–35 000 знаков (с пробелами). Сведения об авторе, аннотация и список литературы не учитываются. Минимально — 21 000 знаков с пробелами.

Оформление текста:

1. Основной текст располагается в 1 колонку.
2. Шрифт текста — Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.
3. В тексте не должно быть расставленных вручную переносов.
4. В тексте не должно быть автоматических нумерованных и маркированных списков.
5. В тексте не должно быть ссылок и гиперссылок.
6. Буквы, обозначающие переменные в формулах и размещенные в тексте статьи, не должны быть вставлены в текст в виде формул или картинок, только в виде латинских или греческих символов (пункт меню «Вставка → Символ...»).
7. Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation 3,0 или Math Type 5,0–6,0 Equation, располагаются в тексте в одну колонку.
8. Таблицы в текст должны быть вставлены в виде таблиц, а не картинок.
9. Иллюстрации только черно-белые (чтобы можно было оценить читаемость при ч/б печати), использование цвета и фона не допускается. Вместо выделения цветом на диаграммах (в Excel) делаются различные штриховки или используются оттенки черного цвета, графики выполняются пунктирными, штрихпунктирными и т.п. линиями.
10. Иллюстрации должны быть хорошего качества и размера: не стоит пытаться поставить несколько очень маленьких рисунков в ряд — они не будут читаться.
11. Все рисунки и таблицы должны иметь название.
12. Все иллюстрации, собранные из надписей в Word, необходимо сохранять и вставлять в текст в виде рисунков (.jpg, .tif, .png).
13. Рисунки могут пересылаться отдельными файлами, но в тексте нужно указать их место.
14. Абзац («красная строка») выставляется только автоматически, а не с помощью клавиш «пробел» или «табуляция».
15. Сокращения использовать не надо. Но если они и используются, то все сокращения должны быть при первом употреблении полностью расшифрованы.
16. Абзац не должен начинаться с фамилии автора.

Список источников

В тексте обязательны ссылки на источники:

- обычная ссылка — номер источника из списка литературы в квадратных скобках;

— ссылка при цитате — номер источника из списка литературы + номер страницы в квадратных скобках. В тексте в квадратных скобках указывается порядковый номер ссылки в соответствии со списком литературы.

Оформление списка источников:

- выполняется на русском языке
- строго в алфавитном порядке;
- английские источники в Списке пишутся по-английски и идут после русских (так же в алфавитном порядке); в текстовых ссылках номера страниц английских источников указываются как pages ([12, p. 5]);
- должно быть минимум 10 источников цитирования, обязательно 20 % на английском языке;
- в списке литературы под одним номером — один источник, а не список;
- самоцитирование не более 1–2 источников;
- обязательно указывать город и название издательства источника: М.: Наука, 2000;
- обязательно указывать общее количество страниц в источнике или номера страниц, которые занимает источник, если он является частью сборника, журнала и т.д.;
- транслитерация списка литературы и перевод на английский язык не нужна;
- электронные источники оформляются по ГОСТ Р 7.05-2008. Для электронных источников нужно указать те же данные, что и для журналов: автор, название статьи, название сайта (или раздела сайта) и адрес URL. В списке литературы в качестве электронных источников могут использоваться только электронные журналы.

В список литературы не включаются:

- нормативные и архивные документы;
- статистические сборники;
- справочные издания;
- газетные заметки без указания автора;
- ссылки на главные страницы сайтов.

Данные материалы оформляются в подстрочных библиографических ссылках (сносках внизу страницы). Для вставки сносок используется сквозная нумерация.

В принципе не допустимо использование в научных статьях:

- статей из внутривузовских сборников;
- авторефератов диссертаций и диссертаций;
- учебных пособий.

Для аспирантов очной формы обучения, статьи которых в порядке очереди публикуются бесплатно, необходимо представить справку с места учебы. Также для аспирантов необходима рекомендация от кафедры.

Только правильно оформленная статья с приложением всех необходимых сопроводительных документов будет рассматриваться редакцией.

При повторном обращении с неполным комплектом документов статья рассмотрена не будет.

16+

Свободная цена

Издатель и учредитель: Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Телефон: (8635) 25-51-54

Сайт: www.vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU

E-mail: vestnik-npi@yandex.ru

Отпечатано в типографии ИД «Политехник» Южно-Российского государственного
политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная

Усл. печ. л. _____. Уч.-изд. л. _____

Тираж 500 экз. Заказ № _____

© Составительство. Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, 2023